

ВМЕСТЕ

ЕВГЕНИЙ НОСОВ • КТО ТАКИЕ? ВЕРНЕР ТЁЛЬКЕ • ОДИНОЧКА

8'92

ИВАН ЛУКАШ

• БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

(Читайте стр. 58.)

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного
редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного
редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный
художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 19.05.92.
Подписано к печати 17.06.92.
Формат 84×108¹/₂.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 233 000 экз.
Заказ № 1755.
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем
212-23-79 — отдел молодежных
проблем
251-04-10 — отдел литературы
и искусства.
Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

8 (1534) АВГУСТ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1992.

8'92

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

36

ЕВГЕНИЙ НОСОВ. КТО ТАКИЕ?

Рассказ.

84

ВЕРНЕР ТЁЛЬКЕ. ОДИНОЧКА

Детектив

210

ИВАН ЛУКАШ. БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Исторический очерк

262

ДЖЕЙМС А. МИЧЕНЕР. СТРАСТЬ

Рассказ.

ПОЭЗИЯ

4

СЕРГЕЙ ГОНЧАРЕНКО

78

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

8

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА. ОСТРОВА НА ДВОИХ

16

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. РОССИЙСКАЯ БУМАГА

27

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ОБМАН И ВЕРА

52

СВЕТЛАНА СПИРИДОНОВА. ВЗЯТЬ ПОД ОХРАНУ!

58

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. АРХАНГЕЛЬСКИЕ МУЖИКИ

67

«ПОЧУВСТВОВАТЬ ДОБРА ПРИЯТСТВО...»

Фоторепортаж

На нашей
обложке
фотозюд-
ИГОРЯ
ЯКОВЛЕВА

245

ХАНС ЭВАЛЬД. ПЕКАРСТВО — ВАШИ ПАЛЬЦЫ

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

190

ЭЛЬВИРА ПОПОВА. ДЯГИЛЕВ

207

АЛЕКСЕЙ ЗАЙКИН. РОК НА «УРА»

285

АЛЕКСЕЙ КОРЗУХИН. АЛЛЕГОРИИ

238

ВАШИ ПИСЬМА

278

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

9•92

3

■ **ГОРДОН МАКГИЛ.** «АРМАГЕДДОН-2000».

«...Кэрол открыла глаза и увидела влажную от своей слюны землю. Разодранные ногти болели, нога онемела. Кэрол подняла голову, и тут резкая боль пронзила девушку. Она обернулась и наткнулась на взгляд юноши. Тот был совершенно голый и стоял на четвереньках. Кэрол попыталась улыбнуться, заговорить, но не смогла произнести ни звука. В глазах юноши светился желтоватый отблеск, дыхание его было таким же зловонным, как и у собаки.

Юноша наклонился над телом Кэрол, и она жалобно захныкала, не понимая, что он собирается с ней сделать. Девушка еще успела почувствовать, как его острые зубы коснулись ее шеи, как будто щекотали, пытаясь что-то нащупать. Она широко раскрыла глаза и собралась крикнуть... Последнее, что она услышала, было довольное рычание в тот момент, когда его челюсти сомкнулись на ее сонной артерии. Больше для Кэрол ничего не существовало на этой земле...»

Читайте четвертую, заключительную, часть сериала «**The Open**».

■ **СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ.** «СНЫ ЗОЛОТЫЕ». Исповеди наркоманов.

«Когда крыша едет, кажется, что за тобой, пятнадцатилетней девчонкой, КГБ следит, крысы выпрыгивают из-под ног, пауки висят гроздьями — ты все понимаешь, но остановиться не можешь...»

АНОНС:

Прочерченная сквозь декабрь полоска —
ствол тополя, чья теплая кора
в морозном паре вспарывает плоскость
неяркой яви... С яростью ядра
поют и свищут медленные соки,
преобразуя плоскости в объем
грядущей кроны, льющейся в высокий,
но устремленный в бездну окоем.
Стена зимы и раннего смерканья,
но выше сокрушения стены —
ствол тополя, как будто грань смыканья
порыва в высь и жажды глубины.

ДИТЯ ДОЖДЯ

Дитя дождя! В аллеях водолея
босой твой след и мокрая листва.
Как накатило... Я не одолею
печали этой — так, из озорства
родившейся... Да нет, не так. Едва ли
слукавлю нынче сам перед собой.
В том сентябре они уже звучали,
дожди печали, пахшие судьбой.
Судьбой, сырой листвой, землей сырою
и серебром седеющей воды.
Ахейский дождь конем ворвался в Трою.
Чей ход конем, охочим до беды?
Но отсырели шахматные клетки.
Лей, водолей, подкальзывайся, конь!
Твой мокрый лист еще сквозит на ветке.
Мой лист улегся на твою ладонь.
В слезах, в дожде ли? Я не одолею
такой тоски в минуту торжества...
Дитя дождя! В аллеях водолея
твой след босой — и мокрая листва.

Какая тягота и тяжеба
в изгибах движимых теней —
за кромку бы, за влажный кряж бы,
за крошево корявых дней,
где кружево, перетекая
из прозрачности в плоть луча,
в прозрачность тонкого токая,
в текучесть белого плеча,

преображает дым и ветер
в трепещущий во сне хребет,
как будто впрямь — на этом свете
из тени прорастает свет,
и нет как нет непониманья —
лишь грань кристалла накрени...
Фосфоресцируют в тумане
несостоявшиеся дни.
Слетайтесь, скорбные скитальцы,
на жар бенгальского огня...
Опять сквозь стиснутые пальцы
ты уплываешь от меня.

Обниму твой стан. Усну устами
в странной выюге с мыслью о враге.
Так листвой и лучшими листьями
догорает пламя в очаге.

Осени огонь ли краснолиственный
или свет сжигаемых страниц?
Или красным цветом укоризны
плетут печи вымерших станиц?

Ангел мой, мы оба были правы.
Я усну, прикинувши к лучу.
Все равно, где левый и где правый,
в этой битве я не различу.

На поле боя — выморочный дух.
Но и один, конечно, в поле — воин.
А если он к тому ж еще раздвоен,
то этот воин явно стоит двух.

Ну где ж ты, пастырь, ласковый пастух,
столкнувший паству в эту бойню боев?
Смотри же, как у воина разбоев
и взгляд, и слух... Не воин, а — петух.

Скрипеть, ломая кости, колесу,
дробя, раздавливая, половиня...
Кому нужда большая, чтоб в лесу

нас линчевали лично... И во имя
чего?.. Гляжу в оскаленные лица,
а в каждом тлен двоится и троится...

«Там чудеса, там леший бродит,
русалка на ветвях сидит...»

А. ПУШКИН

«Хребтом прекрасная сидит,
огнем воздушных глаз трепещет...»

В. ХЛЕБНИКОВ

Там раскаленные поленья
струятся волнами огня
и разведенные колени
колеблются и ждут меня.
Там в лепестках, томимых тайной,
влажнует розовый рассвет
и в зеркале струной хрустальной
трепещет пальмовый хребет.

==

Опять мне снится сон:
серебряная заводь
и лунный луч... Затон,
где вправду можно плавать...
Течет в стога стезя,
но мудрым оком Кондор
мне говорит: нельзя
и пальцем тронуть контур,
что вырезала тень
возлюбленного тела
на дне судьбы. Надень
на день одежды дела...

==

Потрескивай, свеча,
на этом чайном блюде,
и пусть на луч плеча
твои лучи прольются.
На крылья белых плеч,
на свет всего, что ниже...
На штку смысла речь
сама себя напишет.
Дано ли, не дано —
сомненья бесполезны,
раз проступило дно
такой счастливой бездны!

Г. В.

Тот малый зал, величиною в чудо,
и взлет души, готовый рухнуть ниц,
когда нефрито-животворный Будда
лучом из-под опущенных ресниц

произит насквозь и целиком заполнит,
оценит и постигнет и простит...
Как знать, быть может, тоже нас запомнит
живой всепонимающий нефрит...

КОСМИЧЕСКОЕ

Мелькала миндалем и черепицей,
сочилась мокрой свежестью травы
не Франция ль? И надо же случиться,
чтоб в этом позднем поезде — и Вы!
В смеркающемся и пустом вагоне,
не разделенном на кубы купе,
где нет не то что топота погони,
но даже офицера КГБ...
И все же мы не повели, конечно,
и бровью... Лишь по вспышке Ваших глаз
я прочитал, сколь грустно и кромешно
галактике, оставшейся без нас...

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

На нас объявлена охота,
и даже, может, есть указ,
чтобы, начав с пол-оборота,
потом вовсе нажать на газ...
На нас... Ах, эти ананасы,
что в Калифорнии растут...
Но никакая състь и насыть
не рассечет нас, раз я тут
и раз ты здесь... Минуты смяты
в ком смуты... белый пароход
плывет в очах зеленой мяты —
не Тихий Дон, а Дон Кихот...
Но взведены курки, и челядь
таращится на два ствола:
сейчас ли чавкнет чья-то челюсть
и чин вздохнет: «Ну и дела!»
Стреляйте, черт возьми, картечью
в мерещущиеся черты...
Я прошепчу, прощаясь с речью:
«Я здесь, поскольку рядом — ты...»

ОСТРОВА НА ДВОИХ

СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА

Иногда мне кажется — до замужества меня не было. И не было ничего. Мир возник в тот момент, когда ОН предложил пожениться. Я еще спросила: «А собаку ты мне купишь?», и ОН ответил: «Хоть двух!» И мы поженились...

Ему было тогда 25. Мне — 18. Я получала повышенную стипендию — 46 рублей. Комнату мы снимали за 50, так что я безумно гордилась, оплачивая наше жильё. Муж зарабатывал рублей 120. Все уходило на еду и книги...

Мы дожили и до квартиры, и до собак (двух, как обещано), и до рождения сына... Незаметно для себя я приняла взгляды мужа. И блюда его любимые полюбила, и походы — единственный доступный нам вид отдыха — с тех пор и по сей день. Нам завидовали — почти все друзья жили с родителями. И все потом поразводились. А мы живем себе. И за 15 лет наша любовная лодка не разбилась о быт (тьфу, тьфу, тьфу — чтоб не сглазить).

Все теперь не то. Все не так. Но проблемы у молодых семей те же. Только выросли эти проблемы, как цены, — непонятно во сколько раз. Я всегда считала, что судьба семьи будет такой, какой мы ее сотворим. Но это было в том, прежнем, мире. Я попыталась понять, что может сегодняшняя молодая семья, если она что-нибудь может...

Седьмой ребенок

Алеша Каротам впервые привел невесту в свою семью в Новый год. А в семье у него нравы простые. Маша даже смутиться не успела, как оказалась своей. Мама с папой, сестренки Алексея — Ира, Оля, Маша и Даша — вовсе не собирались смущать новую

родственницу. Маша тут же стала Машей-большой и, кстати, больше всего подружилась именно с тезкой Машей-младшей.

Минуло два года... Алексей поступил в институт. На втором курсе сейчас. А Маша после четырех неудачных попыток махнула рукой на медицину и стала заочницей педагогического. Саньке, сыну, второй год уже.

Спросила Машу, как складываются отношения с новыми родственниками. Она смеется: «Я у мамы Тани и папы Володи шестой ребенок, а Санька — седьмой. И все отношения».

Если честно, Маша и Алексей не ощущают себя самостоятельной семьей. Да и какая тут самостоятельность! Маше дотацию дают на ребенка 150 рублей. У Алеши стипендия. С апреля по октябрь 1991 платили 180 рублей. А с октября — 140 стало. Почему? Неизвестно... С Нового года — 340. Иногда по 2—3 месяца в институте денег нет — ждите! Летом он подрабатывал на Российской товарно-сырьевой бирже. Все, что получил, пошло на ребенка. И сейчас еще использует от случая к случаю брокерские связи: не к лицу ему, Алексею Каротаму, по три месяца ждать стипендии, как подачки. Ему, правнуку (или праправнуку, сразу не соображу) миллионера, купца первой гильдии, Ясно, откуда у него способности к брокерскому делу — в генах...

Машины родители выдают по 100 рублей в месяц. Алешины — кормят. Куда ни глянь — зависимость, и никуда от нее не деться.

Впрочем, Машу материальные проблемы не слишком волнуют. Политика тоже проходит стороной. Есть дела поважнее, ей-богу! Маша пишет стихи и рисует, берет частные уроки живописи. Ее занимает астрология. Она рассказывала мне о расположении светил,

о том, что Россия входит в эпоху Водолея, о полулюдях-полубогах, которые стали простыми людьми (нами то есть) в наказание за гордыню... Слово «машины» Маша произносит с отвращением и брезгливостью, так некоторые женщины говорят о змеях или пауках. Хотя пауком Машу не испугаешь, если только механическим!

Маше и хочется попробовать пожить своим домом, и боязно.

— Алеша считает, что муж должен зарабатывать, а жена все делать по дому... У нас сейчас трудный период: эйфория первого года кончилась... Меня уже не свое будущее волнует — Санькино!

Хорошо бы он полюбил искусство. Знаю, чего ему не надо: мой раздражительности и холодности Алешиной — не перенял бы! А вообще, я думаю, больше двух детей иметь не стоит. Чтобы уж наверняка внимания им хватало, и ласки, и любви...

Дом, врастающий в землю

Сережины родители получили квартиру и оставили сыну комнату в коммуналке — 18 метров. Теперь в ней живут четверо Егоровых — Сергей, Ира, дочка Даша четырех лет от роду и двухлетний Гошка.

У них есть жилье. Но именно жилье — их главная проблема и беда. И даже не потому, что тесно. И не потому, что коммуналка — с соседкой, кстати, отношения сами собой наладились.

Хуже другое. Дом их в самом центре Москвы построен давным-давно каким-то оригиналом. Под линолеумом доски, а под ними сразу земля. В ванной даже погреб вырыт кем-то из прежних жильцов. И весь этот дом потихоньку

врастает в землю, говорят, с шестидесятого года он числится аварийным...

Вот вам и жилье. Если для Сергея комната еще связана с детскими воспоминаниями, то Ире она ненавистна. И погреб в ванной слабое утешение. Тем более что класть в него особо нечего.

Сергей — военный служащий. Получает 2200 рублей. Институт заочно окончил уже при Гошке. На зарплате диплом практически не отразился — теперь, наоборот, техника прибавляют. Ира вольнонаемная в той же войсковой части (я была уверена, что надо говорить «воинская часть», но Ира меня поправила). Ирина сидит с детьми с мая 1987 года. Получает по 150 рублей на каждого ребенка. Очень выручает «круговая очередь» на продукты — на работе.

Дашка ходит в детский сад. Далековато, возить приходится.

— Я бы не возила, — говорит Ира. — Но держать ее здесь?!

За сад платят 200 рублей в месяц. За квартиру немного — военный служащий ведь! Все уходит на еду и вещи для детей. Себе давно уже ничего не покупают...

Сергей мог бы неплохо зарабатывать — он в радиотехнике ас. Что хочешь починит! Но с хороших людей ему деньги брать не хочется. А плохие не попадают.

Ира пошла на курсы — учиться шить головные уборы.

— Вот, посмотрите! Чалму сшила — никому не налезает. Неприспособленные мы какие-то. Рынок... Кто-то ведь и сейчас живет хорошо! За детей жутковато. Как они будут вертеться?

В этой комнате трудно быть оптимистом. Невольно то и дело взглядываешь на низкий, в трещинах потолок. Похоже, он еще приблизился! Ира говорит:

— Когда-нибудь он нас раздавит.

Да, вот такие проблемы их и волнуют. А политика...

— Раньше я ни за что не пошла бы митинговать. А теперь пойду. Не за что-то, не за кого-то! Против! Хотя... Может, и против не пойду. Я вот думаю: не может же всегда быть плохо! Все плохо, плохо, теперь еще хуже... Но должно же когда-нибудь наступить «хорошо»? Или нет?

Даша заглядывает мне в блокнот:

— Чего пишешь?

— Про то, как вы живете.

— Напиши: хорошо живем, — распоряжается она...

Скромные иждивенцы

Сергей Чупуштанов приехал из Кургана учиться в медицинском. В вузе они с Таней и встретились. Женаты пять лет — институт позади, Сергей заканчивает аспирантуру...

Таня, между прочим, рожала дома в ванне. А роды принимал муж.

Живут с Таниной бабушкой — недавно съехались. Бабушка из дома не выходит уже. Из комнаты в коммуналке и «хрущобы» получилась (при обмене) вполне приличная квартирка.

У Сергея — 340 рублей стипендии и 115 — полставки лаборанта. Обещают добавлять 300 рублей на питание и проезд, но что-то Сергей сомневается — мало ли чего обещали ему в этой жизни. Таня только что вышла в ординатуру — 800 рублей получает и на ребенка 150. Андрюху пришлось отдать в альтернативный садик на полдня. Это стоит 200 рублей в месяц «без питания».

— Как это «без питания»? Не кормят?

— Кормят-кормят. Мы просто

по очереди готовим на всех детей из своих продуктов. Раз в несколько дней выходит. Это еще очень дешево, нам повезло! У бабушки пенсия 342. Она 200 рублей выдает Тане на хозяйство. Остальное — на книжку, на похороны. Сережины родители каждое лето дают по тысяче рублей. Но главное, еда — она в Кургане пока еще водится...

До апреля 1991-го у ребят бюджет был очень четкий: 120 — стипендия Сергея, 35 — Тане на ребенка и 12 рублей им доплачивало государство как малообеспеченным. 100 рублей в месяц давали родители. Ребята скрупулезно записывали расходы и подводили итоги в конце каждого месяца. Никогда не думала, что это так увлекательно — читать расходную книгу. Вот, хотите для примера:

СЕНТЯБРЬ 1989

Всего

потрачено — 259 руб. 05 коп.
Питание — 119 руб. 35 коп.
(из них, овощи — 40 руб. 95 коп.
соки — 20 руб.
детское питание — 8 руб.),
Книги — 56 руб. 85 коп.
Товары — 32 руб. 85 коп.
Машинопись — 50 руб.
МАРТ 1990

Всего

потрачено — 188 руб. 95 коп.
Питание — 61 руб. 10 коп.
Книги — 46 руб. 95 коп.
Фотопринадлежности — 9 руб. 75 коп.
Птицы — 2 руб. 65 коп.
(Птицы — это Сережино хобби, как и фотография.)

Как видите, Чупуштановы жили очень скромно и раньше. Теперь, сами понимаете, и говорить нечего! Сергей признается:

— Не готов я к рынку. По характеру, по взглядам на жизнь... Особенно противно, что у нас не принято дорожить словом, договоренность ничего не значит!

А вообще, хорошо бы разогнали наш институт. Сам не уйду — духу не хватит. А разгонят — выходное пособие дадут. Может, чего лучше найду...

Таня не сомневается, что все будет еще хуже. Совсем скоро, вот-вот. Хотя вроде бы хуже некуда. Но она надеется выжить, потому что в семье полное взаимопонимание. Для женщины ничего важнее нет — по себе знаю. Вот только Андрюха часто болеет: простуды. Полон дом врачей, а ребенок кашляет.

Таня уверена, что они иждивенцы:

— А как же! Мы бы не жили без материальной помощи.

— Ну, — возражаю я, — есть куда более зависимые семьи!

— Да?! — удивляется Таня. — Куда же больше-то? Мы же не в состоянии себя обеспечить! Может, другие больше себе позволяют? А мы иждивенцы скромные и на большее не претендуем.

— Ребята, — спрашиваю я, — а почему вы перестали записывать расходы?

— Смысла нет!

Смысла нет. А в чем еще остался смысл? Когда одни и те же вопросы возникают у всех подряд, отвечать на них никому...

Грудной нелегал

Она всегда мечтала о доме. О своем доме. Точнее, о маленькой квартирке. Оля обставляла ее, оклеивала обоями, любовно подбирала светильники и занавески. С этими мечтами она засыпала из года в год на казенной детдомовской кровати...

— Не знаю, кем были мои родители. Скорее всего подлецы. Но не дураки, это уж точно, — говорит она почти с гордостью.

Незаурядные математические способности помогли Оле избежать обычного пути. Вместо традиционного швейного ПТУ она оказалась в математическом интернате для особо одаренных. А потом поступила в престижный московский институт, где девочек почти нет. С первого раза поступила, без блата и репетиторов. И получила в общежитии очередную казенную кровать. И на ней Оля мечтала все о том же. Не о научных званиях, не о симпозиумах за бугром, не о Нобелевской премии — о квартире.

Илюша учился с ней в одной группе. После первого курса летом они поженились. Каникулы эти оказались для Оли настоящим чудом — лучше любого свадебного путешествия. Ведь у Ильи был дом. ДОМ! Не квартира даже, а ДОМ в маленьком российском городке.

Илюшина мама уехала к родственникам, чтобы не мешать молодоженам. Два месяца абсолютного счастья было у Оли.

Илья вспоминает:

— Я чувствовал себя королем! Или волшебником. Я думал: ну вот, она счастлива, и это сделал я! А оказалось, я здесь ни при чем.

К первому сентября они вернулись в общежитие и начали считать дни до следующего лета. А следующим летом в ночь после экзамена родился Стас. Молодой отец искренне считал, что все складывается как нельзя лучше. Они жили с матерью. Оля после родов как-то растерялась, притихла. Помощь свекрови была ей необходима. Илья прописал жену и сына в своем доме и поехал в Москву учиться. Он был уверен — ребенку лучше в маленьком городке, где много еды и зелени, где есть дом и сад. Оля тоже так думала. Поначалу. Правда, прошлогодний восторг вспо-

минала она с изумлением. Дом-то не ее. Но не в общагу же с ребенком! Казалось, все очевидно. И все-таки в конце октября она заявила в Москву без вещей, но со Стастиком на руках.

— Тут-то я и опупел, — сказал Илья. — Но... поехал за шмотками...

Но Ольге нет места в общежитии — она в «академке». А ребенок и вовсе тут не предусмотрен. Как ни просил Илья, сколько ни ходил по кабинетам, все без толку. Если бы Оля оставалась детдомовкой без постоянной прописки, может, что и выгорело бы. А так — есть же дом! И прописка в частном владении. Чего еще? Есть еще вариант — Стаса оставить бабушке, а Оле выйти из «академки». Тогда ей опять дадут кровать. Этот вариант Оля даже не хочет обсуждать.

— Не для того рожала — со своим ребенком ни на день не расстанусь. И грудью буду кормить до трех лет, как раньше!

Так они стали «нелегалами». Илья платит 200 рублей в месяц за то, чтобы его сына не замечали. И жену заодно. Когда возникает опасность, Оля сует Стаса в коляску и гуляет, пока не свистнут из окна. Однажды дозорный заснул — она гуляла пять часов подряд под дождем...

У Стастика лезут зубы. Он плохо спит по ночам. А плакать нельзя — перебудит весь этаж.

— Развестись, что ли? — вяло говорит Оля. — Только на фиг! Куда я теперь с этой идиотской пропиской? Дура! Это я недодумала. Вроде умная, а вот — дура — на Илью понадеялась. Разве можно на кого-то надеяться? А я раскисла — ах, любовь! Ах, муж! Мужикам все кажется просто! Все без проблем!

Илья оптимист. Неисправимый. То он ищет МЖК, то справляется

о ценах на жилье, наивно спрашивая: «В рублях?» (Будто у него весь матрас набит деньгами вместо ваты!) То мечтает срочно выдать маму-вдову замуж за домовладельца... У него идей — миллион! И одна лучше другой. Мне нравится Илья — он хороший парень. И Оля нравится. Она уже заслужила немного нормальной жизни. А про Стаса и говорить нечего — ребенок! Цветок общаги. Нелегал грудничковый.

Оля говорит:

— Ладно уж, пишите. Только институт не называйте и фамилию. А то попрут еще! Если не разведемся, потом весело будет почитать.

— С чего б это нам разводиться, — тут же возражает Илюша. — Мы же любим друг друга! И вообще! Не старые, не больные — можем и потерпеть!

— Это ты можешь, тебе в вилку, — отвечает ему жена, — а я только и делаю, что терплю...

Мне могут сказать: какие-то нетипичные примеры... Увы, типичные. Ущербность у нас стала нормой, благополучие — ненормальностью.

Мой сын как-то раз написал такие стихи:

*Как хорошо быть
простым человеком —
Не бедным, не старым,
в нормальной стране.
Делать работу, читать в тишине,
Смеяться и быть
несудимым навеки.*

А мы, должно быть, живем в ненормальной стране. Нормальна ли страна, где слова «молодой» и «бедный» неизбежные синонимы? Кто же спорит, старикам необходима социальная защита. А молодые способны зарабатывать, это ясно.

Но если все пойдут торговать матрешками на Арбат, кто же будет все остальное делать — учиться тоже кому-то надо. Врачи, учителя, ученые даже безымянной стране еще пригодятся. Их-то всех куда? На те деньги, что они способны заработать, не то что квартиры, еды теперь не купишь.

Я не экономист. Но я знаю точно, что перепродавать скоро будет нечего, потому что некому будет производить. И тогда не прокормиться ни молодым, ни старикам.

Мы должны кормить стариков, а не они нас. Это я тоже точно знаю. Если человек от 20 до 30 лет, не больной и не ленивый, не может обеспечить свою жену и ребенка самым элементарным — жильем, одеждой и едой, — он так и останется иждивенцем. Потому что здоровее и работоспособнее он уже не будет никогда.

А главное, он уже не поверит в себя...

Кому это выгодно?

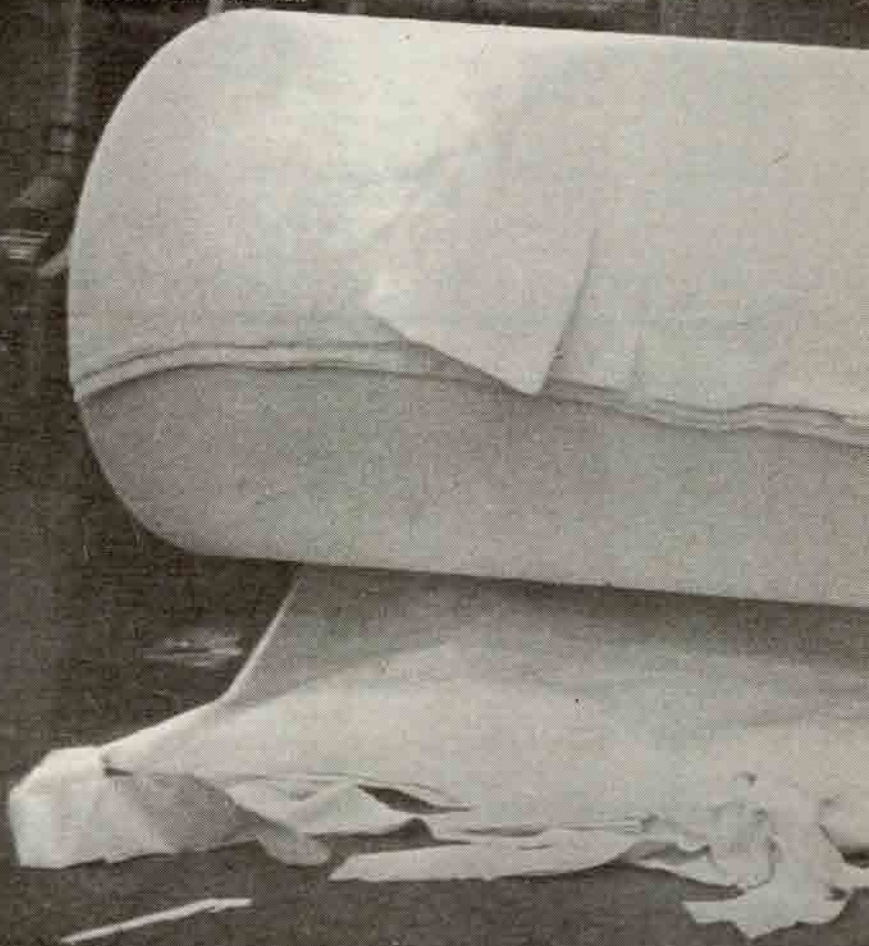
Кажется, так ищут преступников в детективных историях. Смотрят, кому это выгодно. Тот и преступник.

А если не выгодно никому?

РОССИЙСК

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

ая Бумала

...Едем на Светогорский целлюлозно-бумажный комбинат. С тамошним директором Геннадием Ивановичем Калугой знаком я лет десять, еще с той поры, когда был он начальником одного из производств Котласского ЦБК. Старые связи, да и взаимное понимание, думалось, помогут мне наконец-то разобраться: где же она (в достатке!) российская бумага, о которой нынче грезят и корреспондент «районки», и самый крутой бизнесмен, завязанный в издательско-полиграфическом деле?..

Автобус в Светогорск был переполнен... Я достал из сумки блокнот, где были свежие выписки по целлюлозно-бумажной теме: «СССР занимал в 1990 году по потреблению бумаги на душу населения 44-е место в мире».

«Темпы прироста мощностей отечественной целлюлозно-бумажной промышленности: 8 пятилетка (1965—1970) — 9,4%; 10 пятилетка (1976—1980) — 2,3%; 11 пятилетка (1981—1985) — 1,6%».

(Пятилетка! Уже и слово-то это стало забываться!)

«Все республики бывшего Союза производят столько же бумаги, что и Финляндия».

«Целлюлозно-бумажная промышленность — отрасль капиталоемкая: чтобы увеличить потребление бумаги и картона на душу населения на 1 килограмм, в развитие отрасли надо вложить 1 млрд рублей».

«За последние 15 лет в стране не

построено ни одного нового целлюлозно-бумажного комбината».

«Годовое производство газетной бумаги: Канада — 9672 тыс. тонн; США — 5300; Япония — 2668; СССР — 1834».

«Из 157 предприятий отечественной целлюлозно-бумажной промышленности только 25 сданы после 1960 года...»

...Перед отъездом я повстречался с некоторыми крупными московскими чиновниками, ведающими бумажными делами.

Так же, как и раньше, светились окнами два громадных здания в центре Москвы, в которых располагалось прежде министерство лесной промышленности, так же сновали по коридорам люди... Теперь здесь — концерн «Российские лесопромышленники», концерн «Бумага», «лесные» департаменты министерства промышленности России...

И в знакомых кабинетах прежние, хорошо знакомые начальники — где отыщешь иных?

Сперва я встретился с Валентином Ивановичем Татарчуком. Когда-то беседовал с ним в Соликамске, где он был директором целлюлозно-бумажного комбината. Потом, как он рассказал, судьба его круто повернулась: выступил на областном партийно-хозяйственном активе, видать, понравился присутствовавшему там Александру Николаевичу Яковлеву и его в числе «коммунистической сотни» сделали народным депутатом СССР. Работал в комитете Верховного Совета по промышленности и энергетике, затем возглавлял подкомитет по экономической безопасности. Теперь вот вернулся в привычную стихию — стал директором департамента по развитию целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности минпрома России.

Вторым моим собеседником

оказался Вячеслав Николаевич Жиганов. («...Я с 1969 года в этом здании») Был Жиганов некогда генеральным директором всесоюзного промышленного объединения «Союзцеллюлоза» (непосредственным начальником директоров самых крупных целлюлозных комбинатов), теперь — председатель совета директоров, генеральный директор концерна «Бумага».

Я спросил у Жиганова:

— Можно ли сегодняшнее состояние целлюлозно-бумажной промышленности России охарактеризовать словом «развал»?

— Да. Да! Нужно! Развал. Может быть, даже направленный...

— Что вы вкладываете в понятие «направленный»?

— Государство уже три года как отказалось снабжать нас сырьем. Страна, которая заготавливала 350—400 миллионов кубометров древесины ежегодно, чьи промышленные запасы леса считаются самыми крупными в мире, не может обеспечить маленькую бумажную промышленность — маленькую по сравнению с той, что есть у американцев, немцев, англичан, испанцев, итальянцев — я уж не говорю о Скандинавии... И я не могу купить эту древесину. Мне ее не продают. Я или бумагу должен отдать лесозаготовителям, или привезти им колбасу... С Сясьского комбината требуют 70 процентов его продукции в обмен на лес...

Он продолжает говорить и одновременно роется в бумагах, горами лежащих на столе, открывает какие-то папки, лезет в портфель и там тоже перелистывает бумаги...

— Я еще в начале девяностого года писал: если сейчас немедленно не будут приняты меры, в девяносто первом Соликамский комбинат встанет. Вы знаете, что

он сейчас стоит? Радости нет быть таким оракулом... Кондопога работает на 50 процентов. На Балахне нет ни полена древесины!.. И бумажников обвиняют, что они подняли цены. По итогам февраля я жду себестоимость газетной бумаги — 12 тысяч за тонну. Почему же ее продавать? Не меньше, чем по 15 тысяч, чтобы хоть что-то шло на развитие производства...

Жиганов надолго замолчал, а потом вздохнул: «Хотелось бы верить, что какой-то будет выход, что ли...»

Отчего же так упала бумажная промышленность? Вот совокупность причин, о которых говорили и Жиганов, и Татарчук.

1. Нет леса. И не только потому, что его не дают бумажникам. «Объем лесозаготовок в бывшей системе минлеспрома сократился на 30 процентов, вы это знаете?» (Жиганов)

2. Недостает химикатов: серы, соды, сульфата, каустика — не хватает десятков тысяч тонн. (Татарчук: «Выдал минторг России наряд Сясьскому ЦБК на соду — с Волховского алюминиевого завода и Пикалевского комбината — там же они расположены, в Ленинградской области. А директору Сяси на этих заводах сказали: да пошел ты подальше! И — Сяся стоит...»)

3. Оборудование ЦБК на 80 процентов импортное. Надо постоянно приобретать за кордоном запасные части, одежду бумагоделательных машин (сетки, сукно). (Один лишь Сыктывкарский ЛПК расходует на это 14 миллионов инвалютных рублей ежегодно.)

4. «Перебои с сырьем, аварии, низкая зарплата приводят к оттоку квалифицированных, дисциплинированных людей». (Татарчук)

5. Развал Союза. Окраины специализировались на потребительских и технических видах бумаги.

Генеральный директор ПО «Светогорск» ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ КАЛУГА.

20

«Пример: Клайпедский целлюлозно-бумажный завод вырабатывал спичечный картон, которым снабжался весь Союз. Ему из России везли около 150 тысяч кубометров древесины и 40 тысяч тонн целлюлозы ежегодно. Чтобы поставить это сырье в Литву сегодня, надо изыскать 128 миллионов рублей таможенной пошлины. Элементарный подсчет показывает, что цена коробка спичек возрастет в результате до 4 рублей 10 копеек» (Татарчук)

У Жиганова есть три особых мнения о причинах развала отрасли: «Целлюлозно-бумажная промышленность только на кулаке Бусыгина* держалась, только на его крике! Он крепко нас поддерживал. Я при нем ни минуты не стоял. Ни минуты! Все время было трудно, с колес, но ни минуты мы

не стояли при Бусыгине. Он понимал политическое значение этой отрасли. При новом начальстве мы сразу пошли вниз. Немедленно». (Н-да, хорошенькую системку мы создали: понимает министр «политическое значение отрасли», а пуще того — есть у него Кулак, и дела вроде движутся, нет — все и развалилось. Может, и все писания мои — ненужное сотрясение воздуха, достаточно одной фразы: «Не стало Кулака, и держава рухнула».)

«Закон о предприятиях уничтожил все, что можно было. Он разрушил ответственность за использование государственных мощностей. Предприятие может давать 100 тысяч тонн, а рабочий класс и этот... как его... совет трудового коллектива голосует, что он принимает 80 тысяч. И — все. Этот же

* Бусыгин Михаил Иванович — до середины 1989 года министр лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

закон о предприятии позволил лесозаготовителям не давать мне лес. Он, лесозаготовитель, его может продать по 20—30 долларов за кубометр, он его может обменять на мясо... И еще: должен быть запрещен экспорт сырья, пока не удовлетворены потребности страны».

«Борьба за экологию... Это просто авантюрная игра. Начиная с закрытия Приозерского завода — лучшего завода в Ленинградской области — и кончая битвой за Байкал. 1989—1991 годы были всплеском экологических действий. Направленный был всплеск. Направленный! На то, чтобы подорвать нас полностью. Что с нами и сделали. Подорвали».

Автобус с трудом преодолевал ледяную накатанную дорогу, по обочинам был заснеженный лес, освещенный солнцем, но не хотелось остановиться и прогуляться

по нему, уж очень захламлен он был, неприбран, неухожен, словно квартира алкоголика...

А я все листал записи: где же Татарчук отвечает на мой детски-наивный вопрос: «Как же так, Россия столь богата лесом — и вдруг его не хватает?» Ага, вот ответ:

«Мы не заботились о леспромохозах. Вкладывали в эту отрасль ничтожно мало, и по уровню лесозаготовительной техники дико отстали от европейских стран, не говоря уже о США и Канаде. Леспромхозы располагались на транспортных артериях: железнодорожных ветках, реках, автодорогах. Лесные массивы, которые были вблизи, вырубали. Возобновлением их никто не занимался. Там, где росла ель, сосна, пихта, — поднимается естественным образом береза да осина... Надо идти в глубь нетронутых массивов. Значит, нужны дороги, мосты, жильё. Надо инвестировать,

нужны средства... Их нет... Вот и леса не хватает... Нет такой отрасли, которая не страдала бы от нехватки древесины, и целлюлозно-бумажная — лишь одна из них».

Словом, развал везде...

Однако еще один вопрос мучил меня: «Как же так, для ЦБП не хватает леса, а мы гоним и гоним составы с кругляком, в лучшем случае с пиловочником за границу, когда можно было бы сварить из него целлюлозу, отлить бумагу — и продавать их уже в десятки раз дороже?»

Жиганов, отвечая, был в своей манере эмоционален и прям: «Все от безграмотности руководителей, которые этим делом занимались. Придя к власти, товарищ Гусев, незабвенный зампред Совмина СССР, который отвечал за работу отрасли, в первые же две недели поместил статью в газете: ура, мы будем и дальше экспортировать лес, у нас ресурсы безграничны. Глупее не придумаешь. Надо не лес, а бумагу экспортировать. Не лес, а бумагу!»

Татарчук был сдержаннее:

«Сейчас готовится Лесной кодекс. И я убежден, что было бы правильным сделать хозяевами в лесу те предприятия, которые его перерабатывают — и не на год-два, а на столетия — чтобы они занимались и рубкой, и восстановлением, и сами бы решали, как развивать леспромхозы...»

Унылая деревушка осталась справа, автобус еле тащился по обледеленной дороге, и я невольно представил, какие аккуратные городки стоят обочь дороги ста километрами севернее, в Финляндии, какие там уютные магазинчики и кафе...

Я на современное, одно из лучших в отрасли, предприятие еду, а ведь есть такие, как Окуловский ЦБК (неподалеку отсюда, по трас-

се Москва — Петербург расположенный) — как построил его в конце прошлого века Рябушинский; так и пыхтит он, действующий промышленный музей... В памяти всплыли картинки, виденные когда-то на комбинате: стараются из последних сил старинные машины (на накате одной год изготовления выбит — «1899», а самая молоденькая из них в 1925 году пущена); вот с наката снимают бумажный рулон, катят вручную через весь цех на упаковку; баграми сортируют балансы; вручную закидывают их в шахту дефибрера... Работницы, только ножницами вооруженные, клеят блокнотики... В варочном цехе люди всю смену не снимают противогозов...

Рассказал об окуловских впечатлениях пятилетней давности Татарчуку — он в ответ: «Вы говорите об одном предприятии, а я могу назвать еще два десятка, на которых машины прошлого века работают... А что делать? Это общая беда... Как можно без средств? Соликамский комбинат 88 процентов прибыли отдавал в бюджет государству, только 12 — оставалось ему...»

Жиганов: «Надо ломать Сясь. Выборг, всю калининградскую группу предприятий Камский комбинат... Дальше начнутся разговоры: была плохая экология, мы не дадим вам строить. Годы уйдут, чтобы доказать, новые заводы экологически безопасны... И еще, они стоят огромных денег. Во сколько Усть-Илимск обошелся, вы знаете? В два миллиарда в ценах 1978 года. Его строил весь СЗВ восемь лет! Сегодня это будет стоить миллиарда четыре» (...А я думаю, все десять.)

Мы подъезжали, и длинный-длинный хвост дыма потянулся с северо-запада. Вот он достиг автобуса, и даже сквозь закрытые

окна стал ощутим знакомый запах меркаптана — отброса целлюлозного производства...

Конечно же, мы говорили и с Татарчуком, и с Жигановым об экологии.

«Да,— сказал Жиганов,— бумажная промышленность может быть опасной, если нет нормальной технологии. А у нас нет молодых заводов — значит, и технологии нет... Я был в Австрии. Крупнейшее целлюлозно-бумажное предприятие. Я все искал, а где же река: комбинат-то гигантский! Ручеек увидел — курица перейдет. А в нем форель водится, ее едят... В Шварцвальде есть речка Неккер, и на ней 40(!) бумажных предприятий. Речка горная, маленькая, и в ней олять-таки форель прыгает... Так вот это — технология!»

Разумеется, мысленно соглашался я с Жигановым, необходима «чистая» технология, да где ее взять? Я в очередной раз перевернул записи — что-то по этому поводу говорил мне Татарчук... Ага, вот: «Для более экологически чистых технологических процессов нет аппаратного оформления». Оборудования нет.

А вот дальше: «Чтобы его приобрести, нужны инвалютные средства».

Опять средства! Опять валюта! Мы и о многострадальном Байкальском ЦБК поговорили.

Татарчук: «Комбинат сделал в смысле экологии достаточно много, по заключению даже иностранных экспертов. Нет в мире ни одного предприятия, которое имело бы такие чистые сбросы, как Байкальский завод. Но есть постановление правительства — прекратить его деятельность. Есть мнение группы видных людей России, которые жестко считают: его надо закрыть. Однако это при-

носит, по точному расчету, 18,8 миллиарда рублей убытка. Прекратится выпуск тканей, многих товаров народного потребления, по существу, остановится шинная промышленность... Поэтому надо сперва построить компенсирующие мощности...»

Уже пятиэтажки Светогорска потянулись, трубы комбината дымили откуда-то слева.

Я, перед тем как спрятать в сумку блокнот, еще раз просмотрел его. Мелькнуло подчеркнутое красным: «Мы же, вы знаете, 34—37 килограммов бумаги на душу населения вырабатываем, а США — 360—370!», и это усилило без того безрадостное, почти безнадежное чувство, которое породили эти записи: надо лесную промышленность поднимать, новые целлюлозные и бумажные заводы строить, технологию менять — и на все это нужны деньги, деньги. А где их взять в разоренной стране?

Автобус остановился, мы вышли.

Эти дома, казалось, не архитектор проектировал, а недоучка-первокурсник, получивший представление лишь об инженерной графике. Сколько подобных торопливо-госкливых городков состоят при наших предприятиях-гигантах: Коряжма, Правдинск, Сясьстрой, Братск... Строители, похоже, ни минуты не задумывались, что в них поселятся люди, главное — железный молох, комбинат, а тем, кто обслуживал его, кидали крохи, объедки: пусть за крышу над головой спасибо скажут... Магазины светогорские мало чем отличались от отощавших московских: куры, творог, молоко по 9.90 за литр, коллекция плавленых сыров... Колченая форель была... В коммерческих лавках продава-

лось китайское и турецкое барахло...

Наутро мы были на комбинате. Директор Геннадий Иванович Калуга назначил беседу на вечер, а пока предложил посмотреть производство, дав в провозятые ведущего инженера Юрия Николаевича Шумайлова.

Ходили по цехам, и все эти варочные котлы вышиной с шестиэтажный дом, картоноделательные машины, линии для производства тетрадей были мне хорошо знакомы — едва ли не на двадцати бумажных предприятиях побывал.

А вот мы вошли в цех, который, на каком комбинате бы я ни был, всякий раз завораживал меня: здесь стояла бумагоделательная машина — вернее, учитывая ее размеры, лежала громадная, словно авианосец, длиной метров двести и вышиной с трехэтажный дом. Бумажная масса, выплескиваясь из напорного ящика на сетку, летящую со скоростью пятьдесят километров в час, стремительно теряла влагу, а затем проходила, налипшая на сукна, через десятки валов, скрытых в корпусе машины, где досушивалась и прессовалась, наматывалась на рулон белоснежной лентой в 8 метров 40 сантиметров шириной. «420 тонн в сутки дает! — прокричал мне в ухо Шумайлов. — Прекрасная бумага для печати!»

На накате машины стояло гордое фабричное клеймо VALMET, и это было привычно: практически ни одной скоростной бумагоделательной машины отечественного производства нет на бескрайних просторах прежнего Союза, как, кажется, нет и ни одного варочного котла: все австрийские, финские да шведские.

Единственный опыт имеется — так называемая Б-15 в Кондопоге.

Многострадальная ее история началась в далеком 1960-м, когда тогдашние министры лесной промышленности и химического и нефтяного машиностроения жали друг другу руки и заверяли «партию и правительство», что совсем вскорости, после того, как будут выстроены заводы бумагоделательного машиностроения — Петрозаводский, Ижевский да Днепропетровский, — закупка машин за кордоном будет прекращена. Тогда же установили, что первая скоростная даст бумагу уже в 1965-м, а в ближайший срок после того — и семь ее высокопроизводительных сестер. Однако пустили машину только в конце семидесятых (а не в 1965-м!). И когда в 1983-м следил я за соревнованием одиннадцати скоростных машин, делающих газетную бумагу, вечно плелась Б-15 в хвосте, отставая от товаров (понятно, заморского происхождения) и по скорости, и по производительности.

Была и еще одна попытка у отечественных машиностроителей: сделали они бумагоделательный агрегат для завода в Жидачове (Украина), но тот и вовсе отказался выдавать продукцию нужных кондиций.

Ах, какой прекрасный козырь появился у заказчиков-бумажников: не могут в нашем Отечестве изготовить требуемой техники. Надо закупать за рубежом! И не только бумагоделательные машины, Варочные котлы, Пресспаты. Линии по выпуску обоев (ни единой нет отечественной!); туалетных рулончиков (ни единой!); подгузников и, пардон, гигиенических пакетов (опять же — ни одной); тетрадей, блокнотов (тоже почти все, за вычетом самых примитивных, импортные)... Кто бы сосчитал, сколько десятков и сотен миллионов золотом отвалили

за последние двадцать лет на эти закупки! Вот на что шел лес сибирский, нефть тюменская.. А какие командировки!.. Это вам не Ижевск с Петрозаводском — Финляндия, Австрия, гостиницы, рестораны, приемы, подарки. Сколько директоров предприятий, а пуще — министерских деятелей побывало в этих ласкающих тело вояжах!

Лет пять назад довелось мне заниматься этой темой, и я хорошо помню, как специалисты Центрального научно-исследовательского института бумагоделательного машиностроения говорили мне: «Надо было не оставлять стараний, делать вторую машину, третью... — глядишь, к пятой и вышли бы на мировой уровень... Заводы-то у нас прекрасные, фирмачи, когда в Ижевске да Петрозаводске бываю, ахают — нет у них таких мощностей».

Однако даже скромную бумажную фабричку не хотели тогда давать машиностроителям, чтобы те могли поверить свои расчеты алгеброй практики, деятели лесного министерства ничего общего не желали с ними иметь.

Говорили мы о ситуации вокруг нашего бумагоделательного машиностроения с Татарчуком: «Да, Ижевский, Петрозаводский заводы переключились — на 82 процента стали обеспечивать нефтехимию, и всего 18 процентов оставалось на ЦБП. Сегодня мало что изменилось». О том, что будет дальше, Татарчук высказался обтекаемо: «Переориентация заводов, наверно, должна быть... можно ставить вопрос о каком-то опережении событий... о более эффективной работе машиностроителей для ЦБП... пока эти вопросы должного решения не находят...» И я понял так: ничего не меняется, братцы, будем мы технику для бумажников закупать и закупать...

Вечером мы встретились с директором Геннадием Ивановичем Калугой. За десять лет он почти не переменялся, был также крутолоб, плетен, но выглядел очень уставшим. Шел восьмой час вечера, только что кончилось совещание по коллективному договору, а до этого были планерки, встреча с фирмачами, десятки посетителей...

— Что больше всего мучает? Комбинат может гораздо лучше работать. Он загружен только на 75—80 процентов... Нет леса, химвещей, запасных частей, на покупку которых потребно 20 миллионов долларов ежегодно... Люди отвыкли работать. Мы снижали объемы производства, но повышали зарплату. Расхолодили рабочих... Сырьевая база далеко. Везем лес из Екатеринбурга, Кирова, Тюмени, Коми. А ведь вокруг нас леса прекрасные. Хотел было комбинат взять себе леспромхоз поблизости, да они все тут принадлежат лесному хозяйству, а лесники — другое ведомство, нам не отдают... Директор леспромхоза мне говорит: «А зачем мне продавать вам лес? Мне бумага не нужна. Мне нужны продукты, ткани, стройматериалы». Идут четверные, десятикратные бартерные обмены... Город весь «висит» на комбинате. Девяносто процентов жилья — наши, водоснабжение, электричество, канализация, школы, садики... Построили в прошлом году бассейн, жилой дом... У нас большое подсобное хозяйство, молокозавод, совхоз сидит на нашей дотации... Бумагу меняем на продукты: на сахар, водку, сигареты, мясо...

— Тем, кто делает водку, ваша бумага не нужна...

— Э-э, нет, ошибаетесь, на ней очень хорошо этикетки печатать — «Столичная» там или «Русская»...

— А сигаретных королей как вы поймали?

— А мы ацетатную целлюлозу делаем, которая идет на фильтры.

— Но мясников-то, мясников как заарканили?

— Сосиски заворачивают в целлофан, а его из нашей целлюлозы изготавливают... (вздых). Вот чем у нас занимается директор в отличие от западного...

На следующее утро, раненько, директорская машина отвезла меня в Выборг. И вот я уже сижу на жесткой лавке электрички Выборг — Петербург.

Серенькое прибалтийское небо, лес и снег. Краина, захолустье мира... Все в нашей жизни не складно, все невпопад... Но ведь должна же, хотя бы, по законам жанра, быть какая-то надежда... Нет, не в жизни вообще, возьмем уже — в бумажном деле?.. Что-то там говорил Жиганов...

«Единственный выход — развить отечественную бумажную промышленность — концессия. Концессия! На девяносто девять лет сдавать леса в аренду с предписанием: чтобы с годами леса было не меньше и не хуже он был. И — чтобы поставили ЦБК, мощностью этак пятьсот тысяч тонн целлюлозы в год. Кто придет — мне не важно: японец, кореец, тайванец, американец... Пусть он вывезет с комбината 200 тысяч тонн целлюлозы — но 300 тысяч останется в России! И лес лучше будет. У нас после лесозаготовок остается мертвая пустыня. А финн вырубил лес — тут же сажает елочку. Раз в три года удобрения ей делает, осинку-березку вырубит, чтоб елочке не мешали... При концессии будет так же: вырубил — немедленно посади. И ухаживай за этим лесом. Тогда будет богатство нескончаемое... Я удивлялся: в Венском лесу рубят сосну. И тут

же сажают. И финн сажает у себя, и немец. А мы — нет... наша страна может, по расчетам, заготавливать около миллиарда кубометров леса в год, а мы берем 300 миллионов, если не меньше. Кто освоит? Только концессионер...»

Что ж, одна осталась надежда — на заморского дядю, варяга? Но бояться к нам идти иностранные инвесторы... гарантии им нужны, что снова не отберет их собственность могучее наше государство... Не дает никто таких гарантий...

Так что прекраснотушным мечтанием остается пока идея о концессиях — единственное обнадеживающее из всего, что я услышал на этот раз, занимаясь делами бумажными...

ОБМАН И ВЕРА

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

Не очень-то приятно читать о себе, что ты «невежда». Тем более что откликов на статью «Поперечные мысли», опубликованную в январском номере этого года, было немного. И один из них — вот такой, более чем резкий.

Но чем внимательнее вчитывался я в письмо С. Мурадовой из города Гянджи, тем сильнее оно меня захватывало. Бывает так, что эмоциональный отклик одного человека как бы концентрирует в себе мнения и настроения очень многих людей. Раздражение новыми порядками и отсюда чуть ли не идеализация прошлого, полное неприятие наступающей неведомой жизни и в то же время растерянность перед нею, ссылки на ученые труды классиков и нетерпимость, вплоть до нападок личного характера, к мнениям современников, поиски врагов и вера в утопические идеалы — все это, на мой

взгляд, более чем характерно для нынешнего состояния общества, во всяком случае, немалой его части.

Редакция решила опубликовать письмо С. Мурадовой так, как оно написано, без литературной правки, опустив лишь изложение одной из теоретических работ Ленина.

Уважаемый Баймухаметов! Неужели Вам никогда не приходила в голову простая мысль, что, прежде чем наводить критику, а тем более на глобальные исторические явления, надо бы их досконально изучить? Хотя последнее трудоемко, скучно и в наше время необязательно. Но без этого, последнего, Истина не рождается, ничего тут не поделаешь. Не касаясь Ваших оценок личностей Ленина и Петра I, остановлюсь на больном для всех вопросе — будущем на-

шего сельского хозяйства. (Хотя, замечу мимоходом, давать уничтожающие оценки гениям дозволено лишь лицам того же уровня, а не людям среднего ума, к коим относимся мы с Вами.) Но, с другой стороны, почему бы не тешить себя мыслью: а вдруг и сам проскочишь на тот же уровень? Соблазн велик, даже если есть опасность уподобиться Моське, лающей на слона. (Так вот: первое, на что обращаю Ваше внимание — это на доказанное практикой, жизнью и проанализированное учеными преимущество коллективного труда над единоличным. (К. Маркс. Капитал. Т.1, изд. III, 1928 г., стр. 243—251.) И ведь сама экономика капитализма основана на кооперации, а не на единоличном труде. А считается она основанной на частной собственности лишь в связи с принадлежностью средств производства отдельным индивидуумам, и присвоением, в этой связи, ими львиной доли прибыли (прибавочной стоимости). Вы же, исходя из коллективного труда и обобществленной собственности, в колхозах и совхозах, именуете работников этих хозяйств — **рабами**. Но, придерживаясь элементарной логики, следует, в таком случае, назвать **рабами** и рабочих заводов и призвать их вернуться назад, к мануфактуре. Не правда ли, страсть как «прогрессивно»?

Ваш упор на объективность («не нужно, мол, крайностей, все само собой образуется») тем не менее не заслуживает искажение Вами того факта, что далеко не все коллективные хозяйства живут в долг. Кстати, государственная дотация фермерским хозяйствам в США весьма велика (Вы не можете этого не

знать!), не говоря уже о технической обеспеченности. Вы же предлагаете лишить коллективные хозяйства государственной поддержки, что тогда, мол, «все встанет на свои места и рано или поздно хозяйства вынуждены будут преобразовываться в «нужном направлении» (??). Право же, грустно, очень грустно, когда невежды берутся решать судьбы людей! А может, здесь иная причина? Не назовешь же невеждами академиком Тихонова, Емельянова, Шмелева? А они ведь тоже туда же! Не «зарыта ли собака» тут в том, что высказано в «Советах эмигранта» Ю. Павловского («Советская Россия», 15/1 92 г.)? «Когда я слышу и читаю, что западные эксперты рекомендуют советской экономике как можно более быстрый и радикальный переход к рыночной системе, я не могу отделаться от подозрения, что в таком совете слишком много идеологии». Вот именно! Не сознательное ли тут имеет место желание создать класс собственников, чтобы было кому выбирать наших прокапиталистических правителей? Вот ведь академик Емельянов заявил на днях в открытую: «Мы ставим задачу заменить общественно-политический строй в нашей стране, уничтожить класс колхозников (??)». (Хотя сознается при этом, что «пока этого делать нельзя, ибо фермеры нашу страну сегодня еще не накормят».) Да и не один десяток лет не накормят, что даже зарубежные фермеры признают: «На пять не делится» («Сов. Рос.», 22/II 92 г.). Но выбора у господ демократов нет: торопись, создавай «своих людей», чтобы было кому трон поддерживать, ведь зашатался трон-то!

А что голод грозит — им все равно: «помирать так с музыкой». Только других-то зачем в могилу за собой тянуть? По какому такому праву?

Ну, а если задних мыслей у наших академиков и правителей нет, то, коли доказано, что коллективный труд производительнее единоличного, к чему тогда из кожи вон лезть, создавать единоличные хозяйства? Не потому ли, что зациклились на частной собственности и дальше своего носа ничего видеть не желают?

Откроем труд Ленина «Аграрная политика и критики Маркса». Что, академики его не читали? Ой ли? Что же из него следует?.. А вот что: ...

(Далее следует изложение работы Ленина, которое редакция опускает.)

Таким образом, наши господа — за расслоение деревни на с/хоз буржуазию и батраков. И подобное расслоение при нашей бедности, отсутствии машин и проч. станет еще более выраженным. А Закон о частной собственности на землю с ее куплей-продажей тому вполне благоприятствует. (У господ демократов в этом плане все тщательно продумано.)

Расхваливая благополучные и процветающие фермерские хозяйства за рубежом (создаваемые, кстати, не одно столетие), почему-то не сообщаем, сколько же батраков содержит фермер-«единоличник». А ведь это имеет принципиальное значение!

Почему, собственно говоря, наши люди должны работать на хозяйчика, а не оставаться свободными? А вот академик Шмелев откровенно ратует за наемный (батрацкий) труд. «Разрешим, — говорит он, — наемный труд, но не более 100 работни-

ков знаем». Ах, какой он справедливый! Это он, акад. Шмелев, теневилов облагородил, мол, это — «третье сословие, которое Дзержинский ломом уничтожил». (Такими словами он обозначил самоотверженную борьбу Дзержинского со спекуляцией!) Ну как тут не сказать: «О, Шмелев — ничтожество твое имя!»

Ошибочна точка зрения, что производительность труда высока там, где у работника — «все свое». Не в этом суть. Давно доказано, в т. ч. на примере наших передовых хозяйств, что дело не в том, чтобы «иметь свой трактор», а в том, чтобы каждому работнику была предоставлена возможность пользоваться плодами своего труда (в соответствии с коэффициентом трудового участия). (Пример — колхоз Чартаева в Дагестане.) И недостатки в работе колхозов объясняются не обобществленной собственностью и не коллективным трудом, а грабительским налогом, с присвоением прибыли моностроительством, отсутствием дорог, хранилищ, перерабатывающих предприятий, высокой стоимостью с/хоз техники и т. д., что и требует срочного вмешательства государства по оказанию им помощи. А вместо этого хозяйства продолжают душить, лишь бы доказать, что от коллективной собственности ничего хорошего не дождешься. Именно об этом с горечью пишет автор статьи «Куда сядет великий перелом?» («Сов. Рос.», 11/II 92 г.), что, кроме глубокого возмущения, ничего вызвать не может у каждого порядочного человека.

А ведь с начала перестройки стали активно внедряться экономические (т. е. в данном слу-

чае — научные) методы управления с/хоз-ом (колхозами и совхозами). Даже книга вышла под ред. акад. Емельянова (Кажется, изд. 1988 г.) На вот задались целью — задушить. От невежества? Отвядь! Из-за неудовлетворительной работы этих хозяйств? Тоже нет! А лишь от страстного желания стать господами и иметь вокруг себя «быдло». Иначе не объяснить происходящее.

Думаю, что все человечество можно разделить на 2 категории в зависимости от их жизненного принципа:

1. «Сам за себя — один Бог за всех». Это — господа либераль.

2. «Все за одного — один за всех». Это — товарищи коммунисты.

Глубоко убеждена, что будущее человечества — за последними, как бы господа либералы ни куражились.

Поэтому разрешите выразить Вам, господин Баймухаматов (недаром — бай!), и всей редакции «Смены», выпускающей вредный реакционный журнал, свое глубокое неуважение.

С. Мурадова, г. Гянджа

Истины ради, а не для того, чтобы сохранить манеру «поперечных мыслей», скажу, что все гневные филиппики С. Мурадовой, смысл, направленность письма и приводимые ею факты к моей статье не имеют никакого отношения! Совершенно! Почему она, статья, стала объектом такого пристального внимания и, прямо скажем, раздражения, — можно только догадываться. Впрочем, предположения на сей счет оставлю напоследок.

А пока же осмелюсь высказать мнение, что С. Мурадова, судя по письму, человек искренний. Более того — верующий.

С убеждениями, на мой взгляд, можно спорить, они поддаются корректировке, пересматриваются или переосмысливаются с течением времени, под светом новых мыслей, идей, фактов.

Вера не пересматривается и не нуждается в доказательствах своей истинности. И уж тем более не приемлет любые факты, ставящие ее под сомнение.

С. Мурадова верует, что «будущее человечества» и последнее слово в истории останутся за «товарищами коммунистами» — и бесполезно ей говорить о жертвах репрессий, о миллионах замученных, о том непреложном факте, что коммунистические режимы во всем мире не выдержали даже 75 лет испытания временем и рухнули сами по себе, разрушились изнутри. Бесполезно.

Вера нуждается в мифах и сама себе создает мифы. И живет в них.

Чего, скажем, стоит миф о свободе наших колхозников. Уверен, что С. Мурадова читала, слышала, знает, а то и сама застала не столь уж далекие времена, когда колхозникам не выдавали паспорта, дабы они не сбежали от «преимуществ коллективного труда». Но она отменяет эти свои знания, потому что они не соответствуют мифу.

Или же миф о необыкновенной производительности труда в колхозах и совхозах. Ведь знает, видит С. Мурадова, что изобилия продуктов у нас не было никогда, что пшеницу тридцать лет в Америке покупаем, что колхозы и совхозы вконец разорили страну, загубили земли, знает или слышала, что воронежские хозяйства пашут лучший в мире чернозем, но он этот эталонный чернозем в результате их труда которое уже десятилетие не дает ничего кроме пыли и суперфосфата. Не может

не знать, однако же пишет, что их преимущество доказано «практикой, жизнью».

Какой «жизнью»? Той, что мы имеем сегодня? Или той, которая была выстроена в теориях социалистов-утопистов?

С чем нельзя не согласиться в письме С. Мурадовой, так это, безусловно, с тем, что государство грабило и грабит колхозы и совхозы, душит налогами, непомерными ценами на технику и т. д.

Но и это положение требует точной детализировки и подробного рассмотрения. Деревню упорно и планомерно начали грабить с конца двадцатых годов, в момент становления коммунистической системы хозяйствования, когда во имя индустриализации реквизировали и продали за границу все зерно, когда был организован массовый голод, когда миллионы трупов усеяли Украину, Поволжье, Казахстан и другие края нашей горькой земли...

С конца пятидесятых и в шестидесятые годы государство вроде бы повернулось лицом к селу. Всю страну подняли на то, чтобы освоить целину, как из рога изобилия посыпались деньги, машины, удобрения. Сотни миллиардов наших кровных рублей уходило на то, чтобы покрыть убытки колхозов и совхозов, выправить положение с продовольствием. Но никакие затраты, тяжким камнем повисшие на нашей шее, не помогали и не могли помочь. Потому что деревне, как и всем нам, не вернули и не собирались возвращать главного богатства — свободы. Не о политике и не о правах человека речь, а о свободе пахать и косить так, как того требует крестьянский опыт и здравый смысл. Это ведь не набивший оскомину литературный пример, а самая что ни на есть унылая повседневность, когда директора и председатели,

знающие, умудренные мужики, по весне начинали каждый день звонить в райкомы: можно ли начинать сев?.. В последние годы самые отчаявшиеся из них уже криком кричали: дайте же нам самим работать, мы все сделаем, как надо, только не мешайте!

Но власти, от райкомов до политбюро, готовы были бросать в эту прорву еще и сотни миллиардов, разоряя страну, лишь бы не позволить мыслить и хозяйствовать самостоятельно.

Увы, и новые, демократические лидеры и правители не сумели до сих пор найти верного тона в разговоре с деревней. Ибо одно дело — отказаться, и лучше не сразу, а постепенно, от государственных дотаций, дать полную самостоятельность, возможность распоряжаться своей прибылью, то есть вступить с колхозами и совхозами в торговые, партнерские отношения, и совсем другое — десятикратно взвинтить цены на технику, горючее, материалы, да еще и обложить непомерными налогами растерянных, не разобравшихся в наступающей жизни хлебопашцев. Как-то даже неловко напоминать, что не с врагами имеем дело, а с кормильцами...

Вера иерархична. И, как следствие, ее апологеты к людям относятся, мягко говоря, неодинаково. Конечно, официально проповедовалось, что все коммунисты равны перед ликом Ленина и всепобеждающего учения, но нигде не было такого пиетета перед начальством, перед регалиями и в то же время такого пренебрежения, если не хамства, ко всем остальным, как в системе и в жизни, которую создала вокруг себя партия. А уж если некоторый перегиб и перехлест, запрещенный удар допущен, а вернее, применен в идейной борьбе, то тут, как

говорится, сам Ильич велел. Этические рамки очень гибкие, но только в одну сторону. И потому можно даже с некоторым пониманием отнестись к тому, что С. Мурадова, ничего обо мне не зная, не приведя ни одного доказательства, тем не менее сразу же, с первых строк, назвала меня «невеждой», а экономиста Шмелева — «ничтожеством».

То есть вера как бы оправдывает все средства в борьбе с инакомыслящими, ибо он, инакомыслящий, есть враг. Вера жаждет крови. Во всяком случае, вера С. Мурадовой. Иначе чем же объяснить упорное подчеркивание слова «бай» в моей фамилии и даже прямое недоброе восклицание: «недаром — бай!»? Поневоле поежишься, поневоле подумаешь: а что бы было с тобой в начале коммунистической эпохи? Впрочем, тут, наверно, можно и не задаваться вопросами. То же самое, что было с дедом и другими родичами, которых стерли в лагерную пыль, от которых в этом мире не осталось ни могил, ни надгробий, ни горсти праха — ничего, кроме памяти в потомках. Причем я не исключаю, что такая участь в те же времена постигла родных или близких С. Мурадовой, независимо от их происхождения. С той лишь разницей, что моего деда угоняли из Казахстана на Колыму, а «кулаков» и «прочие элементы» из Азербайджана везли в вагонзаках в Казахстан. Первых азербайджанских ссыльных, десять тысяч человек, бросили теплой осенью в степях под поселком Шортанды, в нынешней Целиноградской области. Без крова, без теплой одежды, без всего... Из них жестокою казахстанскую зиму пережила одна тысяча человек...

Но мы и на эти очевидные факты смотрим по-разному. Я вижу в массовом истреблении людей

изначальную человеконенавистническую сущность системы, а С. Мурадова, наверно, отдельные ошибки отдельных личностей: само же вероучение для нее вне сомнений и вне критики. Это и есть свойство веры, воспеваемый пример высшей преданности, ее апофеоз — пройти, узнать или прочувствовать все, но упорно твердить: партия не виновата...

Да, вера требует жертв от верующих. Но в конечном счете жертвой веры становится... сама вера.

Ее последователи не требуют и не нуждаются в доказательствах истинности учения. Но ведь других-то, неверующих, сомневающийся, а то и критикующих, надо убеждать!

А этого они, апологеты и апостолы, не умеют!

Хотя несколько поколений специальных людей этому специально же обучали.

Не буду говорить об изначальном теоретическом фундаменте. Это долгий и отдельный разговор. Я — о средствах, о методах, о практике, о системе доказательства. Не умеют! Видимо, вера отучает критически мыслить, бесстрастно анализировать, рассматривать факты и явления объективно, прочно обосновывать. Я ведь примеры беру не откуда-нибудь со стороны, а из этого же коротенького письма. Скажем, та же ссылка на Маркса, на его утверждение о преимуществах коллективного труда. Я ведь не спорю, артелью и батьку бить легче, давно известно. Но ведь С. Мурадова эту достаточно бесспорную истину переносит на наши колхозы и совхозы! Помилуйте, там ведь коллективность принудительная, и труд не столько коллективный, сколько принудительный. А о производительности принудительного труда у тех же осно-

вателей учения есть достаточно четкие заключения.

И здесь я перейду к тому, с чего начал: гневные филиппики и приводимые в письме факты не имеют к моей статье никакого отношения.

Слова, которые С. Мурадова поставила в кавычки и выдает за цитаты из моей статьи, более чем далеки от текста и смысла опубликованного.

Не давал я «изничтожающие оценки» Ленину, а, наоборот, как бы защищал его, писал, что нельзя во всех бедах винить Ленина и большевиков, ибо не кто-то, а мы (мы!) шли за ними сплошной серой лавой.

Не называл я колхозников «рабами» и не призывал уничтожать колхозы и совхозы, а, наоборот, защищал их, писал, что их надо сохранить как мощный хозяйственный, структурный каркас, что они, колхозы и совхозы, могут стать основой, базой для развития вольного хлебопашества.

Откуда же такая, мягко говоря, неадекватность восприятия и реакции?

Можно только догадываться. Льшу себя надеждой, что высказанные в статье мысли были действительно поперечными. И потому сразу, немедленно же навлекли на себя яростный огонь С. Мурадовой с коммунистических позиций. Теперь остается ждать залпа с другой стороны: ах, ты, такой-сякой, подпевала коммунистов, защищаешь совхозы — оплот советского крепостничества!..

Увы, это тоже свойство слепой веры — не признавать середины. Не признавать сомнений, колебаний, размышлений. А уж тем более — поперечных мыслей.

Так что же, вера — это плохо?

Не могу ответить. Потому что такой вопрос, не мною придуманный, сам по себе некорректен, не

имеет смысла. Видимо, вера хороша там, где уместна, и разрушительна там, где ей не место. По моему разумению, веровать можно в понятия абстрактные: в добро, правду, торжество справедливости, гармонии и красоты. Или в некое всеобщее высшее начало, которое многие люди называют Богом.

Но веровать в социально-политические системы, в экономические теории, то есть веровать в колхозы, совхозы, свинофермы или кооперативы?.. Увольте... Хотя бы потому, что они созданы человеком и подвластны анализу, уму человека.

Что же касается «страстного желания стать господами и иметь вокруг себя «быдло», в котором не то обвиняет, не то уличает меня и других оппонентов С. Мурадова, то здесь, на мой взгляд, точно обозначены слова, но перепутана, а вернее, перевернута мысль.

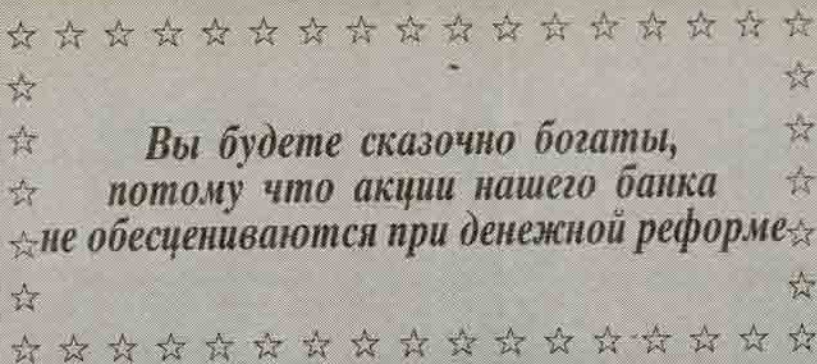
Видит Бог, «добрые тридцать лет своей жизни я провел на положении быдла. Меня заставляли чуть ли не с пеленок поклоняться тому, чего я по детскому разумению даже и не пытался понять, задолго до моего рождения было решено за меня, какие книги мне читать, кого слушать, кого любить, кого ненавидеть и с кем бороться.

А сейчас я действительно стал или становлюсь господином. Я сам выбираю, кого и что мне слушать, сам решаю, что мне читать и что говорить. Без оглядки. И точно так же С. Мурадова говорит и пишет все, что думает. Без оглядки! А ведь она, должно быть, помнит, как даже особенности дикции генсека обсуждались на кухнях опасливым полушепотом. Это ли не положение быдла? Или С. Мурадова считает, что тогда-то мы и были господами? Да нет же, конечно. И подтверждение

тому — полная открытость и независимость суждений в письме самой С. Мурадовой, в письмах других читателей.

Да, по любой почте любой редакции можно видеть, как некий ранее абстрактный «читатель» становится «господином читателем», Господином над своей душой, над своими мыслями, которыми он по своему желанию и хотению обменивается, делится, вступает в полемику на страницах газет и журналов. И, казалось бы, так трудна сейчас жизнь, что не до этого, нет ни времени, ни сил, а самое главное — настроения, чтобы что-то еще писать с кем-то спорить. Но ведь почта редакций не оскудевает. Потому что превыше всего было, есть и будет право человека и стремление человека к вольному слову, к самостоятельности суждений.

И спасибо вам, господа читатели, за ваши независимые, поперечные... одним словом — свободные мысли

*Вы будете сказочно богаты,
потому что акции нашего банка
не обесцениваются при денежной реформе*

**Приглашаем всех юридических
и физических лиц (граждан)
стать акционерами
РОССИЙСКОГО
КОММЕРЧЕСКОГО
БАНКА
ПОДДЕРЖКИ
ТЯЖЕЛОЙ
ПРОМЫШ-
ЛЕННОСТИ.**

★ Дивиденды по акциям —

100% годовых.

★ Первая тысяча акционеров будет признана учредителями Банка, и им

★ будет выплачиваться

★ **120% годовых.** Уставной фонд банка — 500 миллионов рублей. Размещается 500

★ тысяч простых акций. Стоимость одной акции — 1 тысяча рублей.

★ Пакет для юридических лиц не менее 50 акций. Юридических лиц, купивших

★ 100 акций, ждут бесплатное открытие расчетного счета в банке и льготное кредитование.

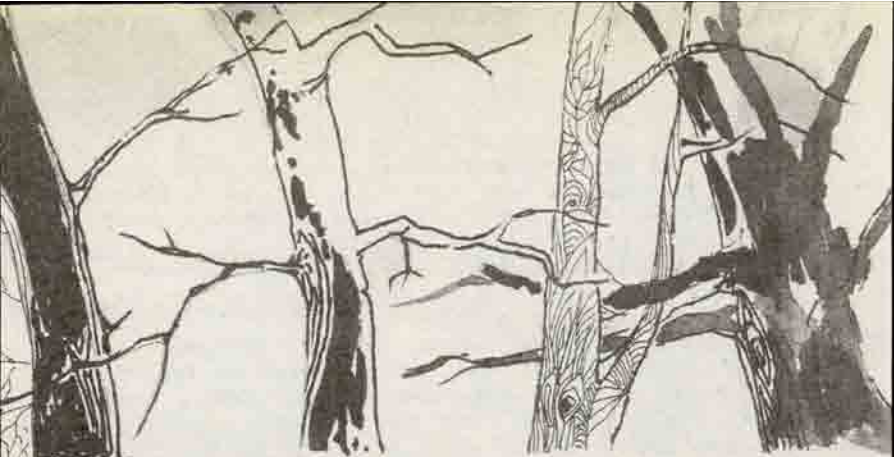
★ Лица, купившие 200 акций, в дальнейшем имеют право открыть филиалы настоящего Банка в своих городах. Первый этап подписки на акции

★ продлится до 31 сентября 1992 года. Акционером будет признано любое лицо, подавшее заявку с указанием количества приобретаемых акций, своих полных реквизитов (данных) и оплатившее 100% стоимости приобретаемых акций до конца первого этапа подписки.

★

О путях оплаты и оформления заявок вы можете узнать, позвонив по телефону в Санкт-Петербург: (812) 152-54-55, ежедневно, кроме среды, с 10 до 18 часов по московскому времени, или зайдя по адресу Оргкомитета Банка: 198255, Санкт-Петербург, ул. Лени Голикова, д. 76, 1-й этаж — помещение правления ЖСК. Оргкомитет Банка. Станция метро «Проспект Ветеранов».

Кто такие?

ЕВГЕНИЙ НОСОВ

Рисунок АЛЕКСАНДРЫ ТУРЕЦКОЙ

Дедушка Алексей ходил куда-то с пешней, вернулся надвечер — оживленный, пахнувший морозом, в белом окладе инея.

— Все, стало болото! — оповестил он мальчишески радостно. — Лед аж на вершок. Хоть пляши!

— В самый раз к самовару, — ровно, не оборачиваясь, сказала от стола бабушка. — Садись, чайком обогрейся.

— Завтра, говорю, по камыш надо бы... — возвысил голос дедушка, не отходя от порога. — Будем этак чаевничать, дак и промешкаемся. Всяк того только ждет, чтоб болото схватилось.

Он пересунул на голове вислую баранью шапку, застывшую глаза, и вышел обратно в сени, опашнув меня стывшим бодрящим предзимьем, повеявшим от его одежды. И оттого, что канавы и дужи сковало льдом и что дедушка пришел весь в инее — и усы, и бахрома его хаджи-муратской шапки, — мне тоже сделалось радостно, как бывает только на праздники.

В оконную продушину было видно, как дедушка выволок из-под навеса салазки, похожие на взаправдашние розвальни. Он смастерил их после того, как свел в колхоз свою лошадь. Сперва переживал, с печи не слезил, даже от еды отказывался. Но потом, отмолчавшись, принес из амбара рундучок с инструментами, наострил топор и принялся тесать копылки, ладить полозья — точь-в-точь как у настоящих саней, только все поменьше, полегче, словно бы для маленькой лошадки. Этой лошадкой и становился сам дедушка Алексей, впрягаясь в санки по разным дворовым надобностям: то по воду, то по хворост в заречную кулигу...

В салазки он положил топор, моток веревки и уже в сумеречном полусвете, усевшись верхом на козелки, взялся отбивать косу. Пройдясь по лезвию еще и оселком, он уложил косу вдоль дровка, обмотал мешком и тоже упрятал в санки.

Потом дедушка, измятый морозом, испариной и дорогой, неспешно отдыхая, ужинал, зачерпывая деревянной ложкой капустные щи с грибами, а я все вертелся поблизости, томимый неизвестностью: возьмет он меня на болото завтра или не возьмет. Спросить напрямую я не решался, боясь получить такой же прямой отказ, а так хоть теплилась надежда, что он все же заметит мою неприкаянность и скажет, смягчаясь: «Ну, ладно, что с тобой делать...» Но дедушка не замечал...

Проснулся я от какого-то беспокойства, докучавшего всю ночь, и, едва открыл глаза, как сразу же испугался, что все проспал. Отбросив одеяло, я подскочил как ванька-встанька. В проеме кухонной двери оранжево метался отсвет, а на дальней озаренной стене время от времени промелькивала угловатая тень: это бабушка уже растопила печь и орудовала рогами, переставляя и поддвигая к огню горшки и чугуники. Но дедушки не было ни слышно, ни видно. «Уехал!» — похолодел я и босый и голопоший испуганно выбежал на кухонный свет.

— Гляди-ка! Воробей из-под застрехи! На огонь залетел! — завоскличал, заудивлялся дедушка. Он сидел на припечке и в неверном свете пылающей печи пришивал к полушубку пуговицу.

— Пошто в этакую-то рань? Еще и петухи, поди, не кукарекали, а он уже — здрасте вам. А-а?

Вместо ответа я залетел прямо на распластанный по коленям овчинный кожух и обхватил дедушку за шею.

— Ты чего-то, чего?! — Дедушка отвел в сторону руку с иголкой. — Все мое шитво перебил. А ежли б укололся? Или чего нехорошее приснилось? Гляди, волосенки все мокрые, не иначе, как напугался.

— Возьми меня с собой! — жарким захлебывающимся шепотом выпалил я свою истому. — Возьми, деда!

— Ох ты! — изумился дедушка, сиюсья разъять мои оббитые руки. — Как это — возьми? Небось не крендель: в карман не положишь.

— Я сам... сам побегу... своими ногами. — шептал я в дедушкину бороду. — Ну, деда-а!

— Дак это, голубь ты мой, не ближний свет. Это — эвон куда, аж на Буканово болото. Никаких твоих ног не хватит.

— Хватит! — уверял я.

— Ой ли! Это ж туда да таким же порядком обратно. А обратное не с пустыми руками. Ну-ка, раскинь умной головой.

— Ну деда-а... — затряс я дедушку обеими руками.

— Куда это? Куда? — прослышала бабушка.

— Да вот сорви-голова на болото просится.

— Еще чего! Какое болото? — послышалось из-за печи. — Вот и кошка на мороз лижется, заднюю лапу задирает. А ты — на болото...

Все мои доводы кончились, и я заревел.

— Ну вот... — смутился дедушка. — Ну будя, буди!

Сквозь слезы я смотрел на кошку, которая, сидя на лавке, старательно вылизывала себе брюхо, прямо и высоко выставив из-за уха заднюю лапу.

— Да-а-а... — озлился я на кошку, подтверждающую какую-то неприятную для меня истину, и это короткое «да» исходило из меня столь нескончаемо и беспросветно, что дедушка еще больше смутился и, огладив мои взъерошенные волосы, заговорил нетвердо:

— Ну ладно, ладно... Что с тобой делать... Ну ша, ша, говорю... Баб, где его теплые чулки?

2

Высокое морозное небо, полное заревого света, глубоко и торжественно сияло уже без единой звезды, и все, что попадало в это озарение — серп ли приподнявшегося месяца, легкая поднебесная гряда облаков или проснувшаяся сорока, торопливо пересекавшая эту пустынную рань, — все было подсвечено и степлено процеженно-чистым отсветом близкого утра.

Здесь же внизу, у земли, еще было сумеречно и сонно: густо синела под ногами первая снежная наметь, таинственно проступали опущенные морозной синевой ивняки, в низинах синели припорошенные кочки и высились заиндевелые изваяния чертополоха, похожие на причудливые подсвечники, кем-то расставленные по всему подсиненному дугу. А если оглянуться назад,

то на синем береговом откосе виднелась наша деревня под синеватыми заснеженными крышами, испускавшими из труб густые синие дымы, долго и прямо устремленные в еще заспанное в той стороне аспидно-мглистое небо.

Мы споро вышагивали, подбадриваемые щипучим морозом, — дедушка в рыжке, с заплатой на спине бараньем кожухе, охваченном красной опояской, я в своей ватной одежке, перекрещенной на груди и под мышками шерстяным платком, и в бабушкиных разлтых валенках, ~~набитых~~ по этому случаю соломой и отвернутых для ловкости ходьбы. Под ногами хрустко рушилась смерзшаяся пороша, и в звонкой луговой тишине на каждую пару дедушкиных протяжно-скрипучих шагов откликались три-четыре моих торопливых побежки. Дедушка скрипел свое: «Шак-шак», я свое выкрипывал: «Шаки-шаки, шаки-шаки». Гляжу на деревню — далеко ушакали!

— Уморился? — скликал дедушка.

— Не-к!

— А то садись в санки.

— Не-к! — бодро не соглашался я.

В санки мне, конечно, хотелось, но вовсе не от усталости, а просто так, ради интереса. Однако я упорствовал и не садился, поставив перед собой задачу доказать всем и дойти до болота своими силами.

— Смотри, нос не прозевай, — наставлял дедушка, сам успешный мохнато заиндеветь, особенно шапка, сделавшаяся похожей на побелевшую головку чертополоха. — Три рукавичкой. А то эвон как прихватывает! В момент отморозишь пипку.

В лугах было сухо и звонко, мороз законопатил все засырелые места, все застойные мочажинки, озерки и лужицы, накопившиеся от осенних дождей, которые прежде пришлось бы докучливо обходить, а ныне, напротив, все они стали даже желанны, поскольку и санки по ним катились играючи, и мы сами — сперва дедушка, а за ним и я — прокатывались с разбега, весело скользили на подошвах. Так что можно было бежать, не глядя под ноги, и дедушка, на самом деле не выбирая дороги, правил напрямки, на все золотей, все огнистей занимавшуюся зарю.

«Кру, кру...» — вдруг послышалось сверху басово, глуховато и опять: — «Кру, кру...» Я даже не сразу понял, откуда это шло, но дедушка, остановившись и сдвинув на затылок шапку, сказал, как о давно знакомом:

— А-а! Дозор пожаловал!

Две большие черные птицы, отвсечивающие багряными бликами, с неторопливым, размеренным посвистом крыльев делали вокруг широкий облет. Мы глядели на них, тоже поворачиваясь, переступая на месте.

— Вороны! — как-то уважительно проговорил дедушка. — Прилетели посмотреть, кто такие объявились в их угодьях.

«Кру, кру...» — доносилось, как дознание: «Кто? Кто?»

— Запоминай: без единой пестринки, клюв и тот черный. А под клювом вишь вон — борода. Не ворона, а во-о-рон! Большая, братка, разница. Ворона — та и на забор сядет, и по отхожим местам охоча пошарить, в свином корыте поклевать,

А ворон — никогда! Гордая птица! И заметь: всегда парой летает. Не шайкой, как вороны, не базаром во все небо, как грачи, а только вдвоем: он и она. И никого больше им не надо. Он выбирает себе подругу на всю жисть. Хорошая попалась, али плохая — никогда не меняет. Ему все равно хорошая. А жисть у них до-о-олгая. Сколько я бываю в этих местах, считай, от самого детства их вижу. Привыкают друг к другу, как два сапога пара: один сапог без другого не ходок, так и они. Випь, ладно летают, будто одной веревочкой связаны.

Вороны сделали над нами полный широкий круг и, в чем-то своем удостоверившись, все так же степенно и слаженно снова повернули к лесу, растворившись в багряном разливе зари.

А солнце было уже совсем близко. Раскаленным углем оно прожгло себе ход в стьлой неразберихе ветвей и сучьев приближающейся луги. Над верхушками старых ракич вдрот выбрызнулись лучи, а следом красно взбугрилось и само солнце. Оно выкатилось огромное, багровое и вовсе не жаркое, не ослепляющее, каким бывало летом, а как бы уже по-зимнему поостывшее, присмирелое, позволяющее смотреть на себя не застась, не щуря глаза. Я никогда не видел светила так близко. Казалось, будто оно и на самом деле почивало где-то поблизости, в кулижных дебрях, в пожухлых зарослях дягиля и куманики, и оттого, наверно, не очень хорошо выспалось. Но и полусонное, и как бы подзябшее солнце все еще было полно царственной власти над силами тьмы: едва оно приподнялось и выглянуло поверх леса, как по лугу, по всей обозримой округе побежал разлив пробуждающего озарения, от которого румяно вспыхнули снега, дотоль синевшие предрассветно, воссияла морозная опушь прозрачных кустов и ожила, обозначила себя и даже хрустально, празднично вырядилась каждая былинка, всякая травяная бубочка, казалось, уже забытая всеми и не нужная никому. Но пуце всего всполыхнули чистые бесснежные льды в лужицах и озерковых блюдцах, еще недавно жутковато черневшие под ногами. И выветилась золоченой дорогой дренажная канава, прямо пролетшая в самую тайную сердцевину Букановых болот.

«Кру-кру», — снова завопрошали вороны: «Кто такие? Кто такие?»

3

Дренажная канава служила нам хорошей дорогой, но вот и она поиссякла, занепроходимела: чернотал, калина, черемушник, вымахавшие по обеим сторонам канавы, чувствовали себя здесь, на бровке, столь привольно, что правобережные заросли местами принялись жить в обнимку с левобережными. А все это кулижное братство еще и опутано повоем и поползухой да пронизано пиками камыша, который вымахал тут, тягаясь в росте с ивняками. Пришлось дедушке извлечь из санок топор, чтобы править дорогу.

В одном месте канаву перегородил почти упавший ствол древней ракич, некогда, должно быть, поверженной грозой, потерявшей вершину, с пустым гулким остовом, из которого гнило веяло погребом. Опершись на уцелевшие нижние упористо

расставленные ветви, дерево как бы пыталось привстать, подняться над гибельной топью, но так и не смогло воспрянуть, и от долгой этой попытки приземленные ветви сами успели пустить корни и прорасти прогонистым молодняком — доверчивыми и незащитными побегами. Даже в эту пору проростки не успели расстаться с листвой, по наивности полагая, должно быть, что лето длится вечно... Разглядывая ракиту, что-то бормоча и прищюкивая языком, дедушка, наверное, думал, как мне теперь кажется, о том, что, мол, когда-нибудь материнский ствол смирится со своей судьбой, обессиленно рухнет, обратится в труху, которую доедят грибы и короеды, и обретшие самостоятельность побеги наперегонки метнутся вверх, тесня друг друга, захватывая место под солнцем. Кто-то из них, возможно, вознесется настоящим деревом, вымахнет шумной раkitой, радуясь своей молодой силе, упругой гнучести ветвей и неуспешному плеску гомонливой листвы на ветру под солнечной синью. И, может быть, это будущее дерево облюбует залетная и тоже еще не родившаяся кукушка и просчитает отпущенные годы тому, кого тоже еще нет на свете.

— Да-а! — сокрушался дедушка, заглядывая в черное дупло раkitы. — Вот как жисть уломала. Земля, она и вознесет, но и пригнет обратно. Все в свой черед.

42

Чем дальше мы пробирались, тем все гуще простреливали чащобу камыши. Их мягко опущенные метелки кивали от малейшего дуновения, роняя долу искрящуюся под солнцем морозную пыльцу. И вот, наконец, ивняки дружно разбежались по сторонам, и перед ними сплошной непроглядной стеной встало рыжее камышовое воинство — таинственное, жутковатое, вгоняющее в оторопь, как все, что кажется необъятным и неисчислимым.

— Ну дак и пришли-я... — с благоговейной торжественностью оповестил дедушка и бросил ненужный теперь топор в санки. — Это и есть Буканово болото.

Переводя дух, он долго озирал камыши, от которых даже в безветрие исходил едва слышный ропот.

— А почему его зовут Букановым? — спросил я.

— Букалице тут живет. Потому и Буканово.

— Какое Букалице? — не понял я, невольно озираясь по сторонам.

— Ну... которое букает. Летом, когда солнце сядет, оно и начинает: «бу» да «бу»...

— А кто это? — допытывался я опасливо.

— Ну как кто?

— Какое оно — букалице? — Ко мне начал подбираться нешутейный страх, однако желание узнать было нестерпимо, как влекущ становится свет обжигającego огня для узревшей его комашки. — А, деда? Какое оно бывает?

— Этого я, голубь, не знаю, — признался дедушка. — Сам я не видел, а только слышал, как оно букает.

От этой неизвестности, недосказанности мне стало еще боязней.

— А чего оно сейчас не букает?

— Ну дак мороз, холодно, потому и не букает. Теперь оно где-нибудь спит.

— А где?

— Ну кто ж это знает?.. Может, в том дупле, что мы давеча видели. А то дак и в камышах, в самой гущине. Сгородит себе хатку, натаскает внутрь чего ни то теплого, свернется и спит себе до весны, чтобы опять букать. Ну да ладно, до лета еще не скоро, а зима — вот она. Давай, братка, начнем с божьей помощью. Где там наша коса? Не обронили б часом по дороге.

Дедушка собрал косу, для пробы цапнул ею несколько близстоящих камышовых тростинок, и те, словно бы не поверив, что их уже подрезали, некоторое время продолжали, как и все другие, стоять, и лишь после того, медленно паруса метелками, нехотя полегли к дедушкиным ногам.

— А камыш весь целехонек! Никто ничего! — обрадованно удивлялся он. — То-то, смотрю, когда еще шли, ни единого следа. Выходит, мы с тобой первые. Ты не озяб ли? Нос цел? Шевелится?

— Шевелится!

— Тогда вот тебе аржаной сухарик, погрызи. А я почну помаленьку.

— А можно, я камыш таскать буду? — попросил я.

— Дак ты и так, поди, пристал? Ай нет?

— Не-е!

— Ежели нет, то ладно. Вот сюда будешь складывать. — Дедушка указал место на чистом ледовом плесе. — Комель с комлем, а метелку с метелкой, понял?

Лед под ногами казался настолько чистым и прозрачным, что поначалу даже боязно было по нему ступать, словно бы его и вовсе не существовало. Стайки мальков безбоязненно проплывали прямо под моими валенками, лишая меня ощущения какой-либо тверди под собой. Иногда проступали заросли каких-то недвигных, будто увиденных во сне, таинственных растений с распластанными листьями, по которым ползали рогатые улитки, волоча на себе витые остроконечные убежища. И только местами пузырьки болотного газа, вмержшие на разных уровнях, выдавали присутствие льда и помогали осознать его надежную толщу.

Дедушка, позванивая о лед косой, успел сделать первый прокос по самому краю камышовой чащобы, всякий раз вымахивая стебли на чистое место. Коса легко скользила по гладкой ледяной столешнице, срезая под самое основание вмержшие дудки, так что после них во льду оставались одни только дырочки, и было удивительно, что через эти отверстия не выплескивалась на лед болотная вода. Тем временем я подхватывал посылные беремки, оттаскивал их в указанное место и там ладил и ровнял, как было велено, в одну общую вязанку.

4

Тут внору сказать, что в наших местах камышом называют вовсе не то, что в некоторых ученых книжках. По-нашему, камыш — это трубчатое растение, перехваченное особыми узелками, какие бывают у хлебной соломы или бамбука. Этим-то

камышом у нас кроют крыши, забирают стенки деревенских надворных построек, смазывая их глиной, топят лежанки и печи, а ребятишки мастерят из него певучие дудочки и свистульки. А еще стрелы для самодельных луков, утяжеляя конец камышинки лодочной смолой. Мальчишки постарше в смоляной наконечник заделывали гвоздь. С такой стрелой шли на какой-нибудь выгон, очерчивали круг и начинали соревноваться в меткости. Стрелу запускали строго вверх, чтобы она потом впилась в землю там, откуда ее выстреливали. Важно было уследить, когда стрела высоко в небе иссякнет в полете, остановится и повернет обратно. И когда она устремится вниз, вооруженная острым гвоздем, только тогда стрелок может покинуть круг. Потерять из виду стрелу было опасно, потому что в таком случае не знаешь, куда лучше бежать.

Со временем я вырос, научился читать книжки, и вот тут-то и обнаружилась путаница. Бывало, загляну в ботанический справочник: тростник! Приеду в свою деревню: камыш, говорят. А что тогда, недоумевают, тростник? Не знаем, говорят, у нас такого нету, не водится. Ну как же не водится: а который на Букановом болоте? Долгий такой, пустой внутри, с кисточкой на конце? Это что? Дак это, смеются, и есть камыш! Что ж тут непонятного?

Что-то путают мои земляки, думал я в растерянности, должно, не в ногу с наукой шагают. От прежней, поди, неграмотности. Тычинок да пестиков ведь не изучали...

44
Спустя много лет оказался я в сырдарьинских плавнях. Вот где заросли! Дудки в палец толщиной, едет всадник, так султаны выше его головы полощутся. Спрашиваю у местных жителей, казахов, что это за растение? — Камыш, слышай, камыш эта. — А может, тростник? — Нэт, камыш эта. — А тростник какой? — Эта я не знаю, какой, эта у нас нэт такой.

Вот, оказывается, в чем дело: одно и то же растение имеет два разноязычных названия, как, например, карп и сазан, рынок и базар. Тростник — это славянское название, а камыш — тюркское. Мы, курыне, бывшие соседи степных кочевников, тоже не говорим «рынок», а всякое торжище называем по-восточному — «базар». Оказывается, не мои земляки, в древности порубежники Дикой степи, ошибались, а напутали книжники: для пушей учености принялись тростник и камыш считать разными растениями. А давайте заглянем в Даля, не раз он выручал в подобных запутанных делах. Читаем: «Камыш, тростник; болотное, дудочное коленчатое растение. Ошибочно путают с рогозой, ситником и пр.». Видите: растение-то одно и то же, но его «ошибочно путают»... Уж само собой, не народ путает, не мои толмачи из деревни Толмачево (кстати, толма — по-тюркски переводчик, посредник в языке), а те, кто занимается наукой в стороне от Буканова болота.

5

Но я отклонился от описания похода за камышом. А тем временем дедушка навалял его столько, что сам остановился и объявил, часто выдыхая клубы морозного пара:

— Ну, пока будя! Давай малость передохнем.

Признаться, мне уже давно наскучило таскать охапки, и я делал это уже без прежнего рвения, часто останавливался, зевал по сторонам и даже успел изгрызть дедушкин сухарик. Но дедушка не замечал моей наступившей лени или делал вид, что не замечал. Он оглядел меня всего и, сняв рукавицу, запястьем потрогал мои щеки.

— Не озяб?

— Нет...

— А ну помаша руками, погрейся! — Дедушка принялся высоко вскидывать разом обе руки и затем крест-накрест шлепать себя по бокам. — Вот так, вот так надо! — приговаривал он. — А ну, делай так-то, погрейся!

Я и на самом деле не смерз нисколечко, но глядеть на дедушку было весело, и потому я тоже запрыгал, замахал руками.

— Ага, ага! — смеялся дедушка, прихлопывая большими шубными рукавицами, обшитыми синим сукном. — Ага! Поддай, братка, жару! Это мы так-то на царской войне. Мороз как прижмет, а ты на посту. Сапог о сапог колотишь. А то уж и мочи нет, стужа под шинельку начинает пробираться. Отставишь ружье, да и давай так-то руками махать да подпрыгивать. Ну как, теплее стало?

— Ага!

— Знай наперед: ежели когда озябнешь — верное дело так вот охладеться.

Дедушка предугадал: пришлось, пришлось потом и нам на войне вот так же охлопываться... Пригодилась его наука.

Он расстелил поверх накошенного ворошка мешковину, достал из торбочки сало с хлебом, и мы сели перекусить.

К полудню солнце так и не поднялось над камышами, однако пригрело настолько, что осыпало с кустов и метелок морозную опушь, и та запорошила, забелела чистый лед. Стали заметны каждая черноточинка, каждое прикосновение, будто на свежем листе бумаги, и уже успела наследить на нем, настроить мелким бисером то ли птаха, то ли болотная мышка. И тут же на выбеленную прогалину вышмыгнула из рыжих осок белая продолговатая зверушка не более рукавички, перебежала открытое место и скрылась в камышах. Я увидел сперва не ее самое, почти невидимую на беспредметной белизне осыпавшегося инея, а промелькнувшую голубую тень, нечаянно задевшую мое зрение, и лишь потом, насторожившись, увидел три черных точки — нос и бусинки глаз. Зверушка шустро прошла туда-сюда заросли, снова метнулась по чьему-то следу и за последними стеблями обмерла столбиком, свесив на груди лапки с черными ноготками.

— Деда! — прошептал я заворуженно. — Кто это?

Зверушку будто слуло этим моим жарким шепотом, и дедушка поглядел окрест уже впустую:

— Ты про что?

— Да вот... там... кто-то был...

— Кто, не пойму?

В этот момент зверушка снова выныгнула из камышей и встала столбушкой ровно на том месте, где только что была.

— А-а! Ну так это ластвица! Мышконка! Ишь ты!

И опять зверушка от дедушкиных слов умчалась в чащу, откуда спустя объявилась снова, любопытно вытягиваясь, обращаясь в недвижный столбик.

— Это она сальце учуяла. Эвон кожаца лежит. Я давеча отбросил. Ну, бери, бери, не бойся! Ах ты лапушка!

Ласка, словно послушавшись, сделала несколько поскоков в сторону кожуры, внезапно остановилась настороженно, после чего в последнем прыжке схватила кожицу и молниеносно исчезла в камышах.

— Ну бедова! — щурился дедушка, тепло глядя в то место, где только что сидел зверек: был и нет его, будто сновидение.

— А лето придет — у нее опять свой наряд. Вот как льнет к земле, к годовому времени, вот как ластится: и зимой ее вроде нет, и летом не видно. Потому небось лаской, ластвицей зовут. Осьмушка весу, а тоже живая душа. Все про тебя знает, что ты за птица, каков гусь. А мы, братка, в суете своей да в гордыне про нее — ничего. Да-а... За это с нас и спросится, придет время... Живем — под собой земли не видим... Ох, дела наши! Давай, голубь мой, вязаться, к дому править.

6

Срубленным шестом дедушка проколол верх камыща, развалил на две части и обе доли отдалил друг от дружки.

— Один возок заберем, — пояснил он при этом. — А за другим днями приедем. А то сразу все не по моцам нашим: ты — маленький, а я — старенький... Такое дело... Старенький, а жаденький: накопил на хорошего коня... Ну да что теперь говорить про коня... Тю-тю! Ну, а сам я не кован... Из пяток вон солома торчит...

Дедушка делал все ловко, сноровисто, но для меня поначалу непонятно: взял, например, веревку, распустил ее по льду, один конец привязал к шесту, и получилось что-то вроде кнута.

— Деда, а для чего это?

— А вот гляди.

Он подsunул шест под камышовый ворох и таким простым способом продел под ним веревку. После чего обоими веревочными концами охватил вязанку, стянул крепко коленом и, поддев шест под узел, еще туже закрепил, как это делают ребятишки, вращением палочки-крячика притягивая к валенкам коньки.

— Ну вот: возок легок на глазок, да только конь брыкается... — весело удовлетворился дедушка и опять неволью помянул коня, уже который раз за день. Да и то сказать: куда ж ему, исконному пахарю, даже без слова о нем? Как его, сердечного, было не помянуть, прожив вместе жизнь душа в душу? Так думал я уже теперь, вспоминая дедушку. А он, еще раз оценивающе оглядывая связанный камыщ, сказал: — Ну вот, дело сделано. А теперь напоследок пойдем калины поищем. Бабка наказала наломать на солодуху. Не едал солодухи?

— Не-к!

— И не надо, — засмеялся дедушка.

— Почему, деда?

— Да боюсь я, парень, язык проглотишь! Такая получается у бабки забава!

Дедушка зачихнул топор за опояску, пересунул его за спину, и мы, выбирая открытые бескамышные места, пошлепали валенками по ледяному паркету: чак-чак, чаки-чаки... И все казалось мне, будто где-то рядом, таясь в зарослях и следя за нами, бесшумно, незримо сновала ластвица — таинственное существо, похожее на снежное завихрение, роняющее голубую тесть. Казалось, я ощущал на себе ее быстрый колючий взгляд, и то и дело косился на камыш, и оборачивался от навязчивого чувства чьего-то близкого присутствия.

Как-то незаметно объявились тальники и старые разбросанные ракиты, напоминавшие древних согбенных старух, с черными рукастыми ветвями, распростертыми над кустарниковой чащобой. От их нависшей черноты болото сразу посуровело. Тут и там в крепях замелькали сорочьи гнезда, похожие на сухих ежей, запутавшихся в ветках. Чувствовалось, что под нами начались большие глубины.

— Во куда забрели! Я и не помню, бывал ли здесь когда, — возбужденно озирался дедушка. — Сюда, поди, и дед Леха не захаживал. Разве летом сюда доберешься? Как все заплетет, как укроет сверху — солнца не увидишь. Комар напрочь заест...

— А кто такой дед Леха? — насторожился я.

— Ну... про него не надо... особенно велух... Старичок такой... Тезка мой.

— А чего не надо?

— Мы с тобой говорим про него, а он, может, рядом стоит. Ты думаешь — это пенек, а это — он... Любит чем-нибудь прикинуться... Да-а... Жалко, весь хлебец съели. А то бы ему кусочек подбросить... Чтоб дорогу не путал... Осерчает, дак и куры может напустить. А уж ежели снег закурит — вертайся сразу, беги без оглядки... И сани, и камыш бросай. Со мной такое уже бывало... Всю ночь туркался. Куда ни сунусь — то кусты стеной, то замать по пояс... Весь кожух продрал, топор невесть где когда обронил... Под утро цапнул карман — сухарик завалился. Положил его на пенек и побрел не оглядываясь. Вот тебе и кура унялась, и в небе посветлело, и места все знакомые стали...

— Деда, а это зачем?

В нескольких шагах от берега, там, где кончались камыши, торчали вмерзшие в лед колышки. В каждом подозрительном сучке мне теперь виделся злой умысел.

— Ну-ка, ну-ка... Тычки, гляжу, руками деланы. — Дедушка присел на корточки. — Ох ты! Да никак вентерь! А ну разметай снег, давай поглядим, что там...

Распластавшись ничком, дедушка протер рукавицей лед до оконной ясности. Глядя на него, я тоже расчистил себе оконце.

— Ты ложись, чтобы солнце не мешало, — наставлял дедушка. — С боков заслоняйся. Ну, видишь чего?

— Ага... Сетка какая-то...

— Так и есть! Вентерь это. Вот гляди: одна тычка держит одно крыло, другая тычка — другое крыло. Видно тебе?

— Видно!

— А между крыльями зев, куда рыба заходит. Зайти-то она зайдет, да больше не выйдет... Уразумел?

— Ага...

— Вентерь еще до морозов ставлен, — продолжал пояснять дедушка. — С лодки. А может, и взаброд. Взаброд, правда, холодновато. Ну да кому какая охота... А я думал, в этой глуши сам дед Леха и тот не бывал.

Я напрягал глаза, пытаюсь за толщей коричневой воды, за нитяной сеткой увидеть плавающих туда-сюда рыбешек, ищущих возможность вырваться на свободу. Вентерь был большой, просторный, распираемый тремя гнутыми обручами. Однако внутри него ничего не было, кроме разве большого толстого топляка, положенного на дно для того, наверно, чтобы ловушка не всплывала.

И вдруг конец топляка слабо шевельнулся, мелькнув чем-то оранжевым. Я потрясенно замер: в недвижном буро-зеленом топляке я внезапно угадал огромную рыбу!

— Деда! Там рыба! — наконец выпалил я. — Вон она!

— Да где? — Дедушка еще плотнее приник ко льду. — Где ты видел?

— Ну вон же она! — Мне сразу сделалось жарко. Теперь, взглядевшись, я даже различал, как размеренно приоткрывались и захлопывались жаберные крышки по обе стороны темно-зеленой вытянутой головы.

— А-а... Совсем худо с глазами... Окомелок какой-то... Палка, говорю, а боле ничего...

— Это не палка! — выпалил я. — Это рыба! Она хвостом шевелит! Я сам видел!

— Ага... так, так... Теперь я вижу... Щука! Экое бревно! И как она только вентерь не изорвала?

— Опять, опять хвостом шевелит! — оповещал я, понижая голос. — Он у нее, как огонь!

— Вижу, братка, вижу... У-у, разбойная твоя душа. Сколь посчитать, рыбы похватала. Да что рыба! Такая и чирка сглотнет. И курочку-камьшницу. Зазевайся только.

— Гляди, деда, из-под жабер пузыри пускает!

— Вдыхает, стало быть! Вспоминает про свое вольное житье. Сыто, видать, жилось. Фунтов на двадцать потянет. А то и поболее! Экие мяса! Чистая купче-е-вна! Ваше благородие, язви т-тя... Чего это она задом пятится?

— Дак и шут ее знает... Так-то ей, поди, не развернуться... Два аршина небось. А чего? Сетью ее не взять в этих крепях, удочку тоже не закинешь... Вот и вымахала дурында. На вентерь и напоролась. Ночью, должно, сослепу. Тыкалась, тыкалась вдоль вентерьного крыла, да и в зев угодила... Во, браток, мы с тобой как в зверинце побывали: на тигру поглядели... Ну, вставай, вставай, будя... А то зазябнешь.

— А как же щука? — спросил я.

— А что щука?

Мне вдруг стало жаль рыбину, и я пытливно покосился на дедушку:

— Деда, давай ее выпустим!

— Вот те на! Это зачем?

— А чего она там...

— Попалась — вот и там... Ну, вставай, подымайся. Тебе, что ли, жалко ее?

— Ага...

— Ну дак она и разбойница. Ты ее выпустишь, а она поплывет и сразу кого-нибудь съест. Первого попавшего. Никого не пожалеет. Ни мальчика, ни слабого... Да и как мы ее ослободим?

— А у тебя топор...

— Ишь, ты! Скумекал! — удивился дедушка. — Топором, конечно, можно... Да тут, братка, такое дело... Мы щуку-то выпустим, да кто же поверит, что мы ее отпустили? Скажут, себе взяли...

— Но мы ж ее взаправду выпустим?

— Нет, негоже это. Завтра придет хозяин: что такое? Лед изрубили, вентерь пустой... И скажут про нас с тобой: воры! Ладно ли это? Лучше пошли, голубь мой, калину брать: хороша с морозу!

Мы повернули к какому-то острову, я несогласно бежал позади дедушки, и мне все еще было жаль щуки.

7

Калина и впрямь оказалась хороша. Пока мы возвращались к санкам, я всю дорогу сощипывал со своего пучка и глотал морозно хрустящие ягоды прямо с плоскими костяными лепешечками внутри.

Возле вязанки уже успел кто-то побывать: кругом наслежено куринными крестиками и строчками пятиналых продолговатых печаток.

— А-а, гости пожаловали! — обрадованно сказал дедушка. — Это вот сорока накрестила: искала, не обронули ли чего. Она все подберет: и съестное, и несъестное. Обронил пуговицу — сгодится и пуговица, отнесет в старое свое гнездо. Забыл ножичек — тоже дай сюда! Такая она. А это вот — лиска... Так, мимоходом. Не лиска, а сам Лис Патрикеевич: вот тут и лапку поднял, нажалтил под наши санки... Ну, веселый народ!

Дедушка снял с себя опояску и, привязав к вязанке, подергал ее, пробуя на крепость.

— Так... Сейчас, стало быть, и отчалим.

— А как же санки? — не понял я.

— А санки мы вот этак... — Дедушка перевернул их вверх полозьями и положил сверху вязанки. — Вот так вот...

Оказалось, он собрался тащить камыш прямо по льду, волоком.

Возок и правда легко и послушно поволокся за дедушкой.

— Ты давай иди вперед, — посоветовал он. — А то на камышвые хвосты наступишь да и упадешь. А лучше полезай на воз, а то небось от ног отстал.

— Не-к!

— Ну, герой, герой!

На широких, открытых местах дедушка бежки разгонял возок, сам же, отбросив опояску, отстранялся с дороги, и тогда камышовый ворох скользил сам собой, без всякой упряжки. В таких случаях я тоже разбежался, догонял копынку сзади, падал на ее пологий пушистый хвост и некоторое время, раскинув руки и ноги, сладко затихнув, катился вместе.

— По льду хорошо! — не противился дедушка. — Так-то по льду мы можем до самого дома добежать. Минуем болото — там начнется дренажная канава, а канава — в реку... Ну а там — по реке, по реке — до затона... Вот мы и дома! Оно, конечно, малость подальше, но зато везде гладко. Не сравнить, ежели напрямки, по лугу. Там волоком не потянуть, а санки не один раз перевернутся.

У выхода из болота остановились передохнуть. Над нами взметнулись черные ольхи, усыпанные обильно уродившимися черными шишками. Оттуда, с ольховых верхов, доносился не то перезвон, не то пересвист, а больше походило на тот тонкий и мягкий звук, какой издает бахрома из стеклянных трубочек.

— Щеголя! — упредил мой вопрос дедушка. — Шишки теребят.

И верно, внизу, под деревьями, и далее вокруг на белой пороше темнели мелкие ольховые крылатки. Иногда легким дуновением их подхватывало и относило прочь, и тогда, взмелькивая на солнце прозрачной пелеринкой, окружавшей темное семечко, крылатки походили на летнюю танцующую в воздухе мошару.

Птицы не выдержали нашей близости, шумно снялись и, не прерывая стеклянного гомонка, в характерном для щеглов качельном — вверх-вниз, вверх-вниз — полете и в черно-желто-красном мелькании скрылись за тальниковым гребнем.

Щеглов уже давно не стало, а дедушка все глядел и глядел в ту сторону, забывшись.

— Одно слово — птицы! — наконец сказал он с грустным восхищением. — Куда захотели, туда и полетели. Ни тебе вода, ни огонь — все ни о чем. То-то что воля! Да-а... А я и сам... Иной раз завеюсь, запропастьюсь куда ни то... Аж душа возликует! Займется радостью и согласием со всей этой тишиной и благодатью. И ты как в младенчестве, как заново народился. Все тебе чувствуется вновь: и как земля пахнет, и кора, и снег. И забываешь про все на свете и про себя самого: и что у тебя болит, и что ломит, и про еду не помнишь, про утробу свою... Одни глаза да уши... Да мир в душе... А где-то там по деревне полномоченные ходят, зеленым табаком плюют, матерятся, недоимки трясут... Где-то люди в неправде барахтаются, в поезде друг друга, в суете непролазной... Да одумайтесь вы! Раз живете! Эх, дела наши... Вот остаться бы тут, да нельзя: опять надо в суету людскую, как предписано... Так вот что... Давай-ка полезай на копыну, да и тронемся помаленьку. Солнце на исход пошло.

Я было заотнекивался, захохотился упрямо, но дедушка изловил меня, поддел под мышки и усадил на верхотуре.

— Отдохни, отдохни маленько. А потом опять побежишь, — увещевал он, впрягаясь в красную опояску. — Еще до дому эвон сколь! А хочешь, я тебе стишок скажу... Сколь живу, столь и помню. Когда-то учитель наговорил, а я, малявка, враз схватил и вот до сих пор не забылся.

Он натянул кушак и, подавшись вперед, сдернул приросший было ворох. И, отмеряя неспешные, упористые шаги, принялся выкрикивать в белый свет:

*Чудотворец и целитель, —
Ухожу к нему порой,
Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов,
И в свои молодые годы.*

Я слушал, опрокинувшись навзничь, блаженно и отрешенно глядя в морозное искрящееся небо. Подо мной монотонно шуршал влекомый камыш, затушевывая дедушкин голос, и вскоре я непробудно уснул и проспал всю неблизкую ледяную дорогу.

И, конечно, не слышал я, как еще раз над нами прошла пара воронов, гортанно вопрошая: «Кто такие? Кто такие?»

Пэпты под ажрану!

СВЕТЛАНА СПИРИДОНОВА

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Он попросил в обмен на откровенность убрать чисто личные детали из нашего разговора: те, из-за которых может «засветиться».

Объяснил: «Шефу вряд ли понравится, если он меня вычислит. Да и мне ни к чему. Наш профессионализм с того и начинается, чтобы быть в тени».

Да, любая осторожность в его профессии не излишество, а основа: мой собеседник — личный телохранитель одного из крупных бизнесменов. Фирма, где он работает (служит?), имеет весьма приличный оборот.

— Вы — его единственный телохранитель?

— Ну что вы! У нас целая служба охраны с самыми разными функциями: есть водители-телохранители, есть «секретари», транспортная охрана. Не говоря уже об охране, отвечающей за сохранность офиса и недвижимости шефа. Есть и оперативный отдел. Сколько нас, не скажу — это производственная тайна...

— А о зарплатах можете хоть что-то...

— Не по нашей фирме, а в среднем «по отрасли». На охране объекта человек получает от трех до пяти тысяч за десять суток работы в месяц. Сопровождение коммерческих грузов идет по другой системе оплаты — 10% стоимости доставленных к месту назначения грузов отчисляется охране. Зарубежных — чаще всего в СКВ.

— Хорошо, ваш личный месячный заработок каков? Ну, в среднем...

— 30—40 тысяч. Час моей работы стоит 200 рублей, без учета неожиданных выплат...

— Неожиданные выплаты зависят от какой-то проведенной операции по обезвреживанию опасного для вашего шефа «элемента»?

— Да, конечно, и это, если потребуется. Но лучше, если ты предугадал и предотвратил опасную ситуацию в зародыше. Как? Ну, это целая наука, о ней в двух словах не поведаешь. Моя цена выше, если я не только могу свалить противника, но прежде всего «разгадать» — и его, и его намерения. И нейтрализовать до начала открытого контакта. Моя цена тем выше, чем больше я могу стать полезным своему шефу и в других делах, чем более я универсален: знаю языки, умею оказать первую помощь при недомогании, могу водить машину, владею навыками обезвреживания взрывных устройств...

— Хорошо. Человек может выдержать такую работу лет десять, а дальше сгорают нервы, замыливается глаз, притупляется реакция. Дальше — жизнь рантье, на проценты с накопленного?

— Но у меня профессия механика, могу ремонтировать радиотехнику, водить машину. И думаю, к тому времени открою свое дело или займусь бизнесом...

— И когда дело пойдет, наймете себе телохранителя?

— Не исключено.

...В сущности, вот и весь разговор. Уходя, он вдруг остановился на пороге, движимый потребностью прояснить что-то недоговоренное:

— В смысле лакейства... Телохранитель может уважать шефа, может даже любить. А может ненавидеть и предать. И шеф может его предать: не выручить в сложной для него ситуации. И так бывает...

Новые времена, новые профессии... И все же, все же — отчего не узнать об этом поподробнее, из первых рук, в том самом месте, откуда «выходят» люди, намеревающиеся работать в охране частного бизнеса. И вот я беседую

с директором школы телохранителей Олегом Олеговичем Титаренко.

— Скажите, можно ли считать, что организация школы телохранителей — это ваш бизнес?

— Да, безусловно, это наш бизнес. Начинали, как водится, с нуля, с аренды помещения у школы. Идет первичное накопление капитала — курсы платные, по пять тысяч с человека за два месяца обучения.

— Вначале было по три тысячи за полгода...

— Инфляция! Кроме того, все время расширяем программу — для этого нужны средства: оплата высококвалифицированных специалистов, приобретение зарубежных методик, видеоматериалов, учебного оружия и так далее...

— Почему вы выбрали именно этот бизнес?

— Вижу его перспективность, потребность в людях, которые будут заниматься охраной — личной, офисов, недвижимости или коммерческих грузов в пути следования, с развитием рынка в стране будет постоянно увеличиваться. Растет рэкет... Но это был бы неполный, а потому неточный ответ. Я по профессии переводчик, но так получилось, что служил в личной охране... не важно, кого... ездил неоднократно со своим «подопечным» за рубеж. Переводчик, владеющий искусством восточного единоборства. У меня много знакомых именно в области несения охраны, которая всегда меня интересовала. Когда бывал за рубежом, старался приобрести необходимую литературу, недоступную здесь. Тогда — для себя, чтобы удовлетворить свой профессиональный интерес, сейчас она очень помогает делу. Ну, где у нас даже за большие деньги можно приобрести, например, журнал для наемников «Солдаты удачи»,

где есть методики подготовки «командос» в Сальвадоре и Коста-Рике... В общем, для начала материалов оказалось достаточно, хотя в основе подготовки специалистов охраны — методики, разработанные научными работниками и практиками КГБ...

— А они входят в штат преподавателей школы?

— Входят. Среди них есть даже те, кто работал в личной охране членов Политбюро. Занятия по специальным предметам ведут в основном они: стрельба, рукопашный бой, приемы защиты, отрыв от слежки.

— А есть и не специальные?

— Есть, и много. Одни уже сейчас преподаются, другие только только вводим. Автовождение и оказание первой медицинской помощи как обязательные предметы идут с первых дней существования школы, а вот изучение иностранного языка, этикета — нововведение.

— ???

— Начнем сначала, иначе вы уйдете с таким же представлением о телохранителях, с каким сюда пришли, то есть массовым: здоровые «качки», готовые в любую секунду обработать подозреваемого. Все умение — в кулаках... Все видели на телеэкранах телохранителей политических деятелей, научились даже их узнавать. Эта работа несложна. Их несколько, у каждого — строго «закрепленное» поле обзора. Если за спиной такого телохранителя, не в его «зоне контроля», начнется свалка и столпотворение, он не имеет права в нее ввязываться, у него свои задачи. Но задачи личной охраны частного предпринимательства усложняются в несколько раз: они прежде всего профилактические, а значит, психологические — постараться проанализировать ситуацию, выявить людей,

поведение которых нестандартно, не выпускать их из-под контроля и не допустить опасной ситуации. Профессионал высокого класса — это и психолог, и актер, и только потом, если вынудят обстоятельства, знаток приемов защиты и нападения — от восточных единоборств до руколашного боя.

— Вы сказали, что самых лучших слушателей вы оставляете у себя для работы в агентстве. По образовательному цензу? По спортивным характеристикам? По уму и способности быстро принимать решения?

— Нашими слушателями все чаще становятся офицеры, увольняемые из рядов Советской Армии. Их военная специальность, связанная и с техникой, и со знанием оружия, радиодела, помогает им быстро адаптироваться именно к условиям работы в охране...

— Вами движут те же стимулы, что и любым частным предпринимателем: желание иметь свое дело, стать богатым? И помогать своей работой становлению частного капитала...

— Частный бизнес сейчас находится в положении жертвы: рэкет набрасывается почти на всех начинающих и устраивает организованное преследование крупных бизнесменов повсеместно. Девяносто шесть процентов частных предпринимателей обложены «данью». На помощь милиции рассчитывать наивно, частный бизнес могут защитить только частные охранно-сыскные агентства, нанятая охрана. Рэкет и предпринимательство «совершенствуются» в профессионализме одновременно. Года два-три назад Иванов приходил к Сидорову и требовал деньги: для острастки били, угрожали убить кого-нибудь из близких. Сейчас все намного сложнее: у Сидорова — охрана, значит, группа Иванова добывает сведения о дохо-

дах, о маршруте его следования, о любовницах и времени их посещения, о слабостях, о возможности подкупа кого-то из охраны. А уж потом пошла игра... И Сидоров страшется: увеличивает охрану, оплату, премии, вводит в состав охраны оперативный отдел.

— Разведку своеобразную, призванную, скажем, вербовать агентов-информаторов по месту проживания шефа?

— Да, но самое лучшее — вербовать офицера милиции или уголовного розыска. У тех уже давно есть надежная сеть агентов по месту жительства. Да и сами они прекрасно ориентируются в местной обстановке. Кстати, к этому не надо относиться с иронией: в таком «совмещении», когда работники государственных охранительных органов помогают предотвратить какие-то «грязные дела», затеваемые рэкетом или мафией, выигрывает не только частное предпринимательство, но и общество...

— Вот об обществе, то есть о самых обычных его гражданах, коих за вычетом бизнесменов — 80%, мы пока еще не говорили совсем. А я именно таковой себя ощущаю, и ужаса от того, как же страшно стало жить, не скрываю. Ваш бизнес имеет перспективу развития, потому что количество грабителей и убийц растет. Нанять телохранителя за 200 рублей в час по карману только частному капиталу...

— Увы, увы... «Комплекс жертвы» входит и в жизнь не очень обеспеченных людей, все более беззащитными становятся дети и старики. Конечно же, что-то делать надо. Один вид помощи можем предложить: планируем на базе школы организовать для всех желающих за низкую плату так называемые «курсы выживания». На Западе они очень распростра-

нены. Берутся типовые городские экстремальные ситуации: на вас напали в подъезде, лифте, вдвое...

— Но мы говорили о стариках и детях...

— Это курсы для всех. Хотя я, пожалуй, не с того начал: методы обороны по ходу курса потом, вначале мы будем учить правилам предосторожности. Что надо помнить, когда поздно возвращаешься домой: на улице, во дворе, в подъезде, в лифте, на площадке перед квартирой, что в поведении незнакомого человека может насторожить; ваша поза рядом с незнакомым спутником и внутренний контроль за ситуацией, которая может возникнуть в замкнутом пространстве. Для профессионалов это элементарные, автоматически выполняемые правила, а для многих — просто открытия. Ну, а затем — оборона, психологическая и физическая...

— Вот это, пожалуй, надо бы начать как можно быстрее. И действительно за низкую плату... Ваше дело будет расширяться только за счет увеличения количества слушателей?

— Нет. Уже сейчас мы из наших выпускников создаем собственное агентство. У фирм бывают разные потребности в увеличении штата телохранителей на определенное время: ждут ответственных гостей, хотят обеспечить максимальную надежность переговоров. Или нанимают транспортную охрану для особо опасных, с их точки зрения, участков дороги. Увеличивается число заявок на охрану коммерческих грузов в пути следования. И самым способным слушателям мы предлагаем постоянную работу у нас. Штат агентства сейчас — сто человек.

Мы планируем командировки наших инструкторов в США, Англию, в частные фирмы. И еще

о перспективах: сейчас ведутся переговоры с итальянской фирмой о том, что наша школа будет представлять ее интересы, использовать, а значит, и рекламировать ее продукцию.

— Какую?

— Бытовое охранное оборудование. Бронежилеты, например, пуленепробиваемые стекла, защитное снаряжение...

Сейчас мы набираем группу слушателей, которые пройдут особо жесткий курс: по методикам американских высших десантных подразделений. Обучение будет идти круглые сутки в подмосковном пансионате. А после трех подготовительных недель напоследок — «адская неделя»...

— Господи, а это еще что такое?

— Преподавание таких дисциплин, как рукопашный бой, атлетика, общефизическая подготовка, будет приближено к тренировкам по западным образцам. Для этого мы изучали методики подготовки полицейских Нью-Йорка, Токио, Лондона...

Нет, конечно, они не открыли нам новую профессию: о существовании телохранителей мы знали и раньше. Но раньше это было что-то секретное, экзотическое, штучное и отнюдь не массовое. Сейчас... сейчас все большее распространение среди дельцов большого бизнеса приобретает деловой совет: «Если у тебя появились лишние деньги, потрать их на охрану». Не исключено, что его придумали сами телохранители...

Арханте МУЖ

ЛЬСКИЕ

ИЖИ

ВАЛЕРИЙ
МАЙОРОВ

ФОТО
ВЛАДИМИРА
ЧЕЙШВИЛИ

В конце прошлого года московская газета донесла до подписчиков провинциальный слух: Виктор Губин — в недалеком прошлом первый секретарь Архангельского обкома комсомола, а совсем недавно — народный депутат СССР стал дворником. Закупил, как сообщалось, 150 новых мел...

Губина знаю не первый год. И, честно говоря, усомнился в том, что пойдет Виктор в дворники. Хотя уверен: за кресло — номенклатурное ли, депутатское — держаться он никогда не будет. При любых обстоятельствах определится в жизни, полагаясь на свои силы, — с выгодой в первую голову для окружающих его людей.

Собственно, так и вышло: Губин поддался в зарождающееся архангелогородское предпринимательство.

...На сей раз — после давних встреч в обкоме комсомола, полевым военном лагере, в Кремле и высотном здании на Арбате, где работали парламентские комитеты и комиссии — я увидел Виктора в архангельском Дворце культуры моряков.

В городе стояли крещенские морозы. Рядом с заснеженной глыбой каменного вояды, мерзло застывшего на центральной площади, слегка парусинил белый транспарант, извещавший о первой областной конференции предпринимателей. Сидя в боковом ряду зрительного зала дворца, я оглядывал собравшихся. Их коллективный портрет в интерьере чем-то напоминал былые комсомольские конференции или партхозактивы. (При вычете, пожалуй, нескольких бородачей — в оные годы в среде активы бороды негласно отвергались.)

Кто они, предприниматели? Что это за люди, с которыми связываются надежды на то, что Рос-

сия — в одиночку ли, в содружестве ли таких же суверенов-бедолаг — выберется из беды и начнет жить, наконец, как подобает великому государству, обладающему природным потенциалом, о котором другим остается только мечтать.

Вот один из них — Валерий Шумихин, руководитель малого предприятия «Сиверко», выпускающего деревянные дачные домики, мягкую мебель. До этого служил в милиции, откуда около трех лет назад был уволен по состоянию здоровья. В 89-м году получил новую квартиру, и надо ж было так распорядиться судьбе, что соседом оказался Василий Иванович Таратин, его бывший педагог в рыбопромышленном техникуме...

Идея малого предприятия родилась как бы сама собой. Неподдалеку, на станции Жаровиха, давно пустовало обветшавшее строение, в котором когда-то была столовая, принадлежность Ломоновского райпо. К его председателю Юрию Александровичу Лебедеву, которого Шумихин знал еще со времен милицмейской службы, и пошли компаньоны. Лебедев согласился сдать в аренду половину помещения. И вообще, если бы не помощь этого человека, вряд ли бы состоялся «Сиверко».

— В октябре 90-го года, — рассказывает Валерий, — мы поставили в торговую сеть райпо первую продукцию: набор мягкой мебели. Купили моментально. Потом дошло до того, что на нашу мебель образовалась очередь. Грешно было бы не заняться и сборными домиками — в округе пять дачных кооперативов. Попробовали. И тут дело пошло — нет отбоя от заказчиков...

— А как с материалами? — спрашиваю у Шумихина. — Сейчас же все дефицит. А у вас, гляжу, запас и досок, и поролона...

— Выкручиваемся. Так сказать, многоэтажный бартер.

На уровне государственных

структур все связи по поставкам рухнули, как поезд под откос. А предприниматель... Да что тут говорить — на то он и предприниматель.

В «Сиверко» работает 20 человек. Зарботки — более чем хорошие, если уж касаться и этой коммерческой тайны.

— С рабочими проблемы есть?

— Разве только та, что многие просят к нам на работу... Как-то вижу по ТВ — демонстрация. Несут плакат «Рыночным ценам — рыночные зарплаты». Правильно, конечно. Но должно быть и продолжение. А именно — «рыночным зарплатам — рыночный труд». Не так ли?

Так. И хотя в лозунге Шумихина можно узреть гипотетический призрак безработицы, я думаю, что разговоры о ней, о десятках миллионов лишних людей — сильное преувеличение, инспирированное поборниками умершей идеологии. Конечно, это отнюдь не значит, что каждый сможет устроиться на работу туда, куда пожелает. Но чтобы в стране, где непечатый край дел, случилась безработица в ее классическом «капиталистическом» виде — это невероятно. Даже в предпринимательском секторе уже не хватает квалифицированных кадров.

В «Архангельских биржевых новостях» вычитал из объявлений примерно двести специалистов и рабочих требуются для двенадцати различных кооперативов, малых предприятий, фирм. Но, подчеркиваю, требуются квалифицированные работники.

Специалистов высшего класса объединяет «Мономах», предприятие, которое основали в том же 90-м году Андрей Коновалов и Дмитрий Поляков. Они друзья со школьной скамьи. На какое-то время их пути разошлись. Андрей окончил лесотехнический институт, после чего, поработав немного инженером, возглавил цех на ле-

сопильно-деревообрабатывающем комбинате. Дмитрий после военного училища служил на Дальнем Востоке. Вышел в запас в чине старшего лейтенанта и вернулся домой...

«Мономах» занимается восстановлением колокольных звонов. Дело тонкое, единичное... Церковными колоколами интересовался Андрей давно. А когда по России стали восстанавливаться и передаваться верующим церкви, интерес этот обернулся делом.

С «Мономахом» сотрудничают по контракту свыше шестидесяти ученых и исследователей. По архивным документам, рассказам старожилов определяется, какой колокол был на той или иной колокольне, его тембр, продолжительность звучания. Затем проектные работы. Отливка. Ее для «Мономаха» производят малое предприятие «Вера» в Воронеже и каменец-уральская акционерная компания «Пятков и К^о». Благодаря архангельской фирме уже зазвучали колокола Софиевского собора в Новгороде...

Что бы там ни говорили, но предпринимательство российское возникает не с чистого листа — в этом корень, на мой взгляд, всех его положительных и отрицательных сторон. Иван Бобков, «индивидуальщик» (столяр-литейщик, печник...) из поселка Широкий Прелук, говорил мне:

— Государство, давая экономическую свободу для частного предпринимательства, на самом деле закабалает частника. Может, сейчас это необходимо? Не знаю. Но в толк не возьму, зачем, устраняя одни преграды, тут же возводить другие. Раньше было нельзя. Сейчас — можно, но при этом накорми семерых. Тех, которые по старой русской пословице с ложкой стоят рядом с тем, кто с сошкой. На мой, трудом заработанный рубль, приходится куча нахлебников. Для чего я должен содержать

Предприниматель ЮРИЙ БУТАКОВ:
*«Надеюсь на себя и...
на здравый смысл общества».*

62

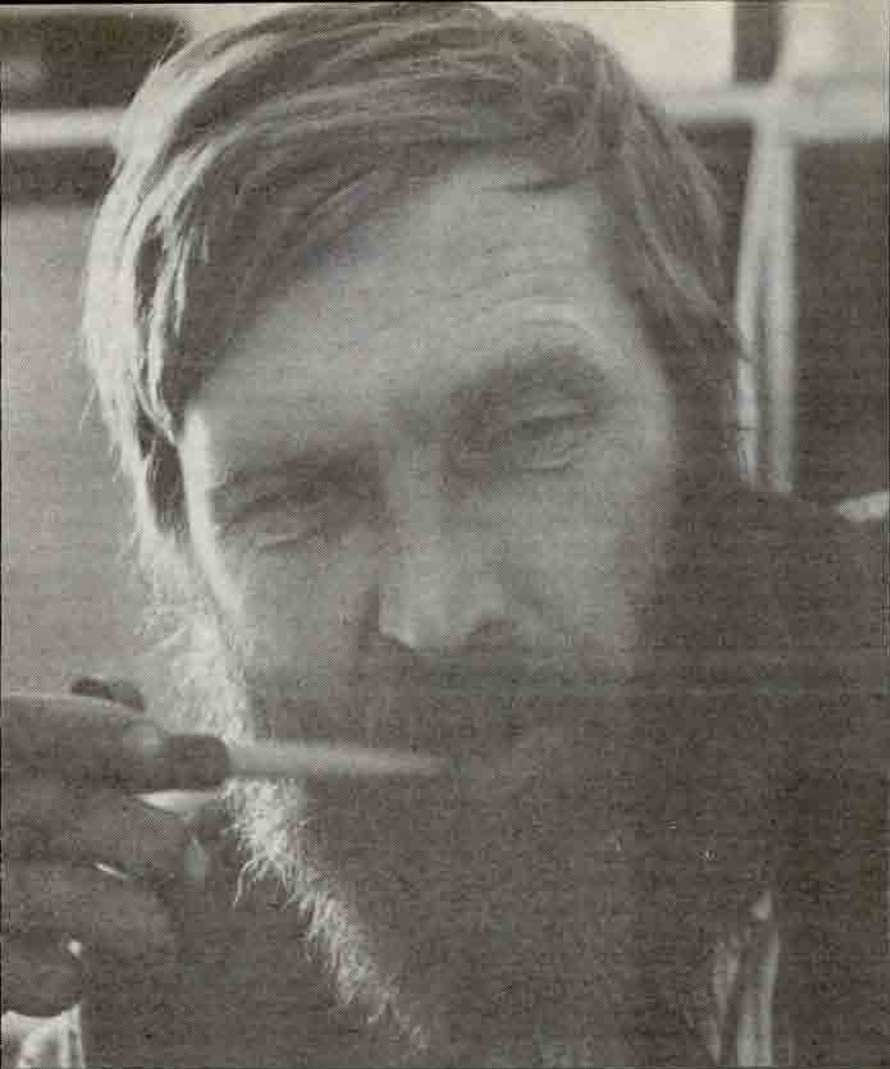
бюро по трудоустройству? В поселке я найду работу и без него. Для чего я должен содержать агропромсовский комитет? Я выращиваю картофель и выкормлю скотину и без него... А возьмите администрацию области во главе с Павлом Александровичем Балакшиным. Я как посмотрел его структуру — за голову схватился. Это же весь обком партии перешел туда. Столько наворочено разных комитетов! А толку? У своей районной власти я просил немного — помочь достать малогабаритный деревообрабатывающий станок. Дешевый, на дорогой средств нет. Делаю-то все вручную, хотя за год и «настругал» мебели больше, чем завез и продал наш ОРС... Так куда там! Кроме налоговых документов и всяких канцелярских цидулек, ничего от власти получить не удалось...

И все же нет, не вырублены напрочь корни частного предпринимательства. Недаром, наверное,

именно на этой земле возник феномен «архангельского мужика». Именно здесь еще до выборной кампании 1989 года провинциальная партноменклатура познала неуступчивость тогда численно небольшой, но поддержанной горожанами демократической оппозиции. Именно тут — небывалый случай! — комсомольский лидер области пошел в открытую против лидера партийного.

Думаю, есть в этом свои истори-

ческие причины. Из всех наших крупных северных городов Архангельск — единственный, где большинство населения составляют коренные жители, потомки легендарных поморов и корабелов, рыбаков и землепашцев. Подобный фактор политики почему-то обходят вниманием, не берут в расчет. Но именно в нем, если вдуматься, заложен наиболее сильный преобразовательский потенциал, питаемый патриотическим

чувством к отчей земле, нравственной, семейной связью с тем историческим прошлым, которое достойно гордости.

В фойе дворца во время проведения конференции предпринимателей областная научная библиотека имени Добролюбова (созданная, между прочим, почти 160 лет назад по инициативе «Вольного экономического общества») выставила небольшую, но крайне интересную экспозицию. В ней были

представлены непривычного вида брошюры дореволюционной поры — описания изобретений и товаров, проспекты и рекламы архангелогородских фирм и компаний. Капитолина Ивановна Цветкова, директор библиотеки, сказала мне, что это лишь малая толика того, что хранится у них в фонде и долгие годы лежало неиспользованным.

Экономическая пропаганда советских пятилеток на людей моего поколения наложила некий «гигантоманский» отпечаток. Отдавая ему дань, мне бы следовало сейчас сказать, какие крупные биржи и предприятия были здесь до революции — лесные, рыбные, мясные и прочие. Но поразило меня другое — какое огромное количество самых разных небольших и даже очень мелких производств работало в крае. На любой спрос. На любой вкус. На любые финансовые возможности. Где это все сейчас? Какой дьявол с нами, доверчивыми, сыграл злую шутку, пустив нажитое в революционный распыл?

Каждый, кто хотел, кто чувствовал силу, мог начать свое дело. Даже не имея каких-то особых денежных накоплений.

«...Наличных денег не имеет. Поведения благонравного, совершенно трезвый, весьма трудолюбивый и стремится к наивозможно широкому развитию торгово-промышленной деятельности, доходя до всего своим умом и стараясь как можно усовершенствовать свои познания, полученные лишь в церковно-приходской школе».

Как вы, читатель, догадываетесь, процитировал я не партийную характеристику. Это из рапорта чиновника Архангельского присутствия по портовым делам, куда обращались поморские жители с просьбами о выдаче им денежных ссуд на постройку шхун, клиперов, яхт и других судов. На основании этого заключения крестьянину Зимне-Золотицкой воло-

сти, деревни Инцы, Федору Латкину в декабре 1912 года была выдана ссуда сроком на восемь лет. «Журналы Архангельского присутствия по портовым делам», сохранившиеся в областном архиве, содержат бесчисленное множество подобных записей.

Вот, оказывается, как просто и мудро было устроено кое-что в той Руси, которую в семнадцатом перевернули вверх дном! По неволе пожалеешь, что не удалось Федору Латкину подтвердить свое доброе имя и вернуть ссуду. Срок истек уже в иную эпоху...

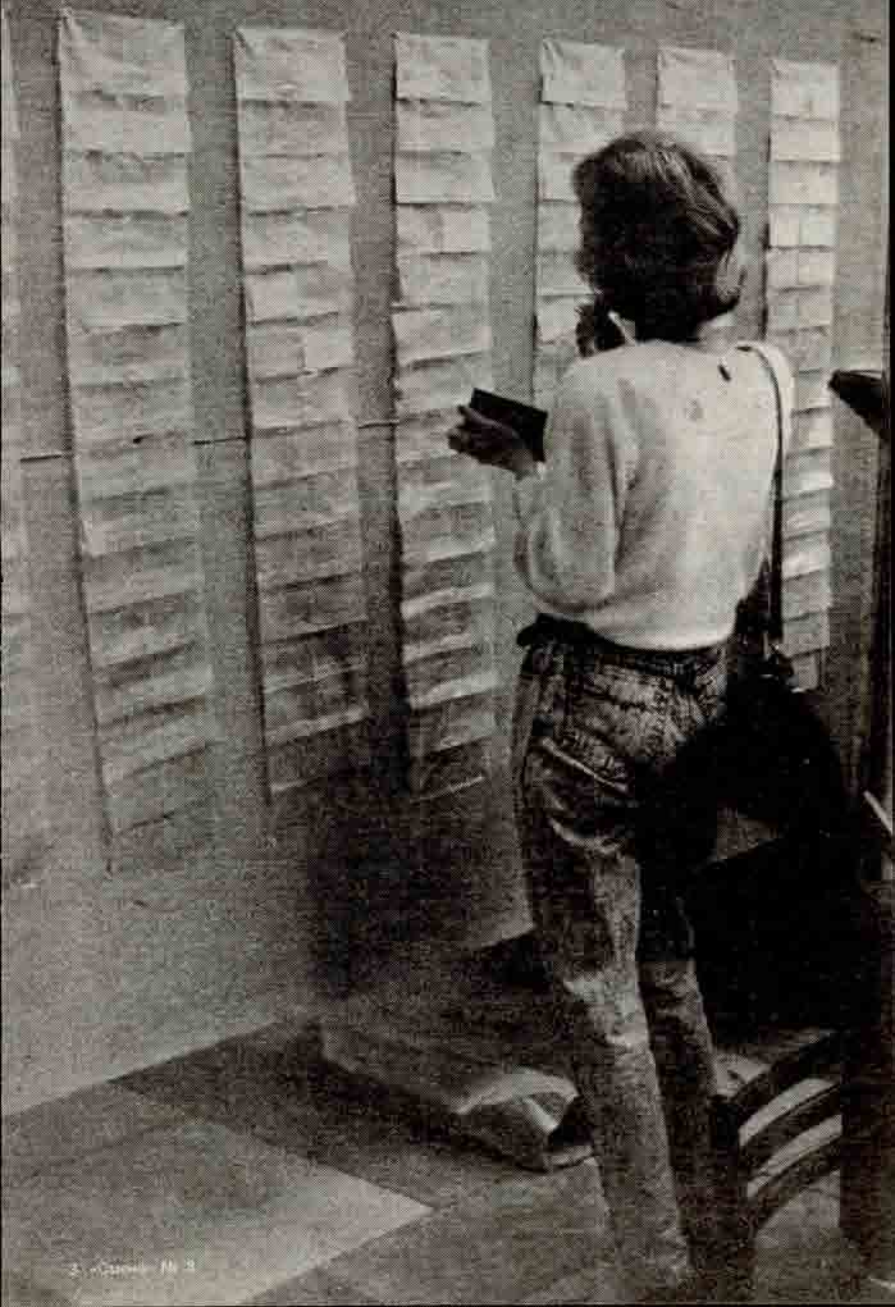
Сколько было сказано с высоких трибун про возвращение к здравому смыслу. Но где те порядки и где тот чиновник, к которому пришел когда-то крестьянин из деревни Инцы?

...После роспуска союзного Верховного Совета Губину предложили высокую должность в областной администрации. Виктор отказался.

— Почему?

— Я пошел бы на эту работу, как-никак и соответствующий опыт есть, и его критическое осмысление, да и депутатство дало немало, но беда в том, что власть на местах еще не способна определять ситуацию. Какие бы люди ни подобрались в органах управления, оно как таковое все еще действует в режиме монополизма, диктуемого промышленными или торговыми структурами. Мне же хочется поработать на то, чтобы наращивались структуры альтернативные, предпринимательские... (Тут уместно вспомнить, что еще в те годы, когда он был секретарем обкома комсомола, под «его патронажем» возникли неформальные молодежные объединения и первые в городе кооперативы. В планах была даже обработка оленьих рогов, бесхозно брошенных в ямало-ненецкой тундре. Позиция Губина-секретаря и стала камнем преткновения

аши ВИЗИТКИ, Господа!

в его отношениях с партийным начальством.)

Губин был одним из инициаторов создания «ИнфоКлуба», на базе которого возникла ежемесячная «Детская газета» (идущая в области нарасхват) и малое предприятие «Экспресс», выпускающее печатную продукцию для детей — игры, альбомы и т. п.

А недавно в числе других учредителей он основал акционерное общество «Архконсалт» — деловая и юридическая помощь начинающим предпринимателям.

Я спросил Виктора:

— От нескольких участников вашей конференции довелось слышать негативные мнения о том, что в бизнес ринулись бывшие партийные и комсомольские работники. Осуждается не сам этот факт (с подобным я столкнулся еще два года назад в Эстонии и Молдове, потом в Узбекистане и многих российских городах), а то, что они, используя административно-номенклатурные связи, пользуются налоговыми, кредитными и прочими льготами. Так ли это? И если да, то не столкнется ли общество с угрозой диктатуры «перевернутого социализма», когда «крутые функционеры» станут контролировать право каждого гражданина начать свое дело?

Честно говоря, думал, что Виктор станет защищаться. Ведь когда-то он в Верховном Совете, если мне не изменяет память, придерживался того мнения, что предприятия, создаваемые комсомолом, должны в течение нескольких лет облагаться льготными налогами. Хотя многие видные экономисты и хозяйственники аргументированно доказывали необходимость одинаковых стартовых возможностей для всех без исключения.

Но Губин «не встал в позу». Сказал, что на некоторые вещи теперь смотрит иначе:

— Не вижу ничего плохого в том, что бывшие партийные

и комсомольские работники пошли в бизнес. Это лучше, чем они пойдут агитировать за «голодные» бунты или «марши нищих». Тут вообще-то можно пофилософствовать о свойствах человеческой природы, ее способности приравниваться к текущим обстоятельствам... То, что используются старые связи, отрицать просто неразумно. Таковы объективные условия становления нашего бизнеса...

Губин считает, что в Архангельске еще «все на подходе», еще среди многих сотен начинающих нет крепкого предпринимателя — в исконном понимании этого слова. Лично он выдвигает четыре критерия. Первое: какое число рабочих мест создано на «фирме». Второе: работает ли она действительно на насыщение рынка. Третье: вкладывает ли предприниматель деньги в оборот или «прибарахляется». И, наконец, четвертое: насколько честен и порядочен он в ведении дела...

Любопытный момент был на конференции. Заместитель российского премьера Александр Шохин выразил надежду, что, дескать, правительство будет в одной упряжке с предпринимателями. И далее — про успех реформ... На это вслед за ним Владимир Ляпин, глава фирмы «Сталкер», избранный президентом новосозданной ассоциации архангельских деловых людей, ответил московскому гостю в том смысле, что не надо, мол, нас к себе пристегивать.

— Иллюзия, что у правительства с нами общее дело. Если общее, то у нас снова ничего не получится. Пусть правительство занимается своим делом. А мы своим...

Поди поспорь с этим!

На 2-й стр. обложки: работа архангельских мастеров-костюров ВЛАДИМИРА БОРОНКОВА и ЮРИЯ ТРУШКИНА.

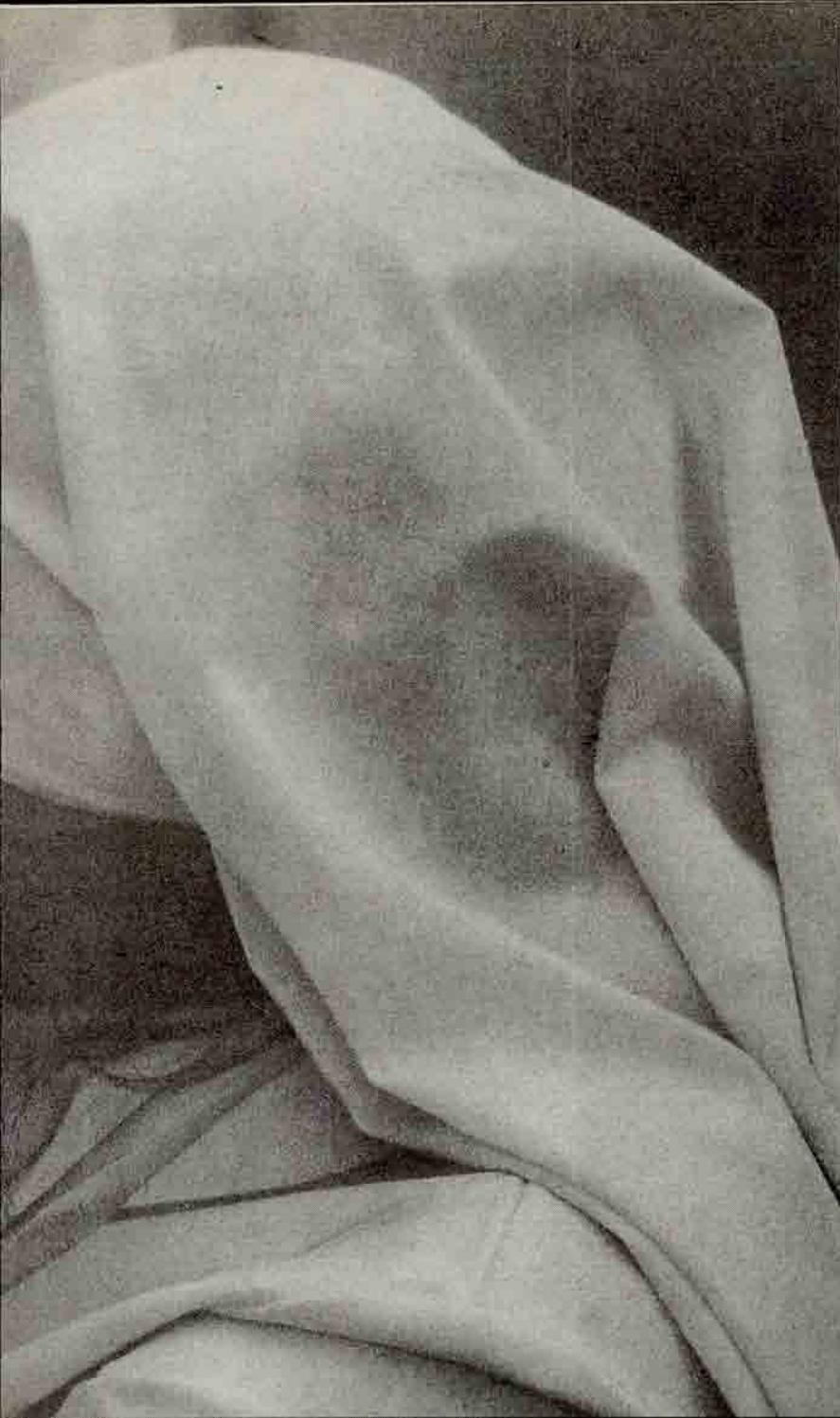
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

«Почувствовать
добра
приятство...»

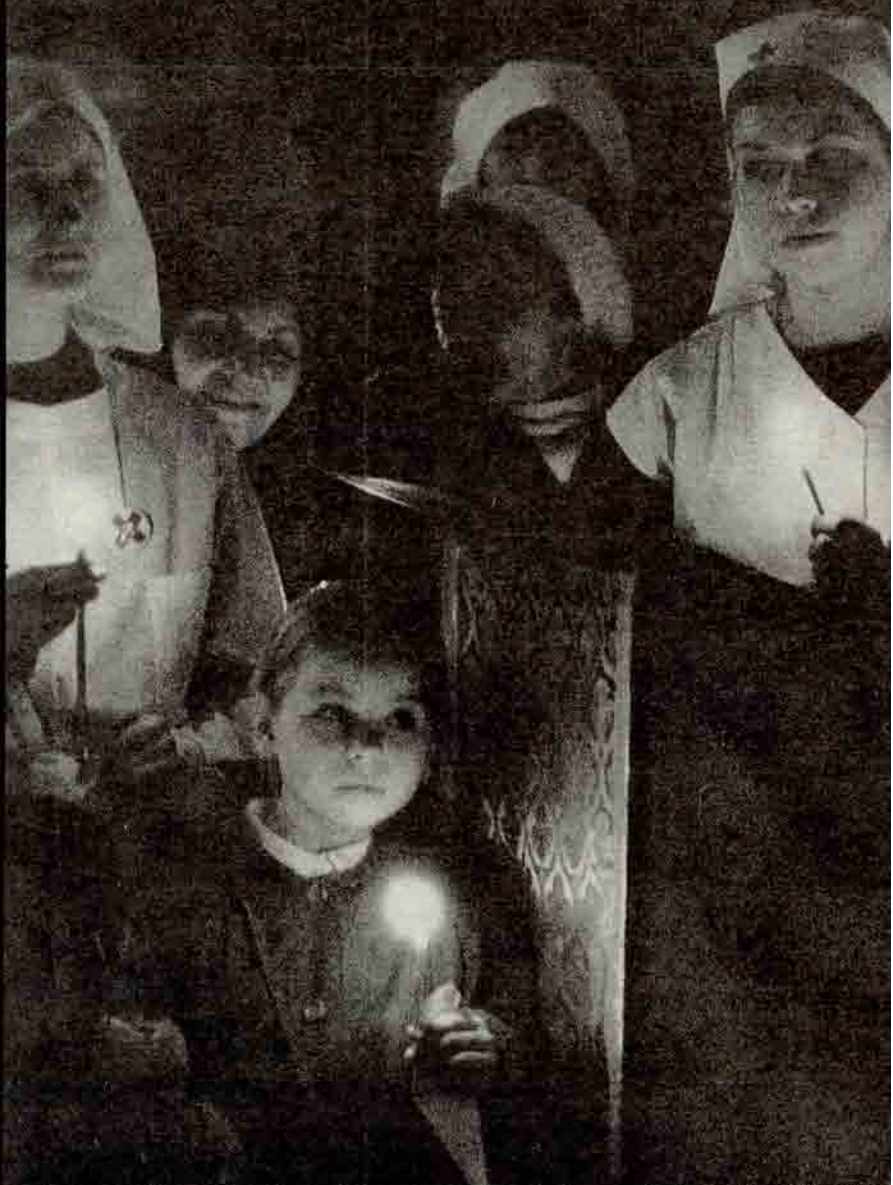
Первая Градская больница (г. Москва), апрель – май 1992 года.

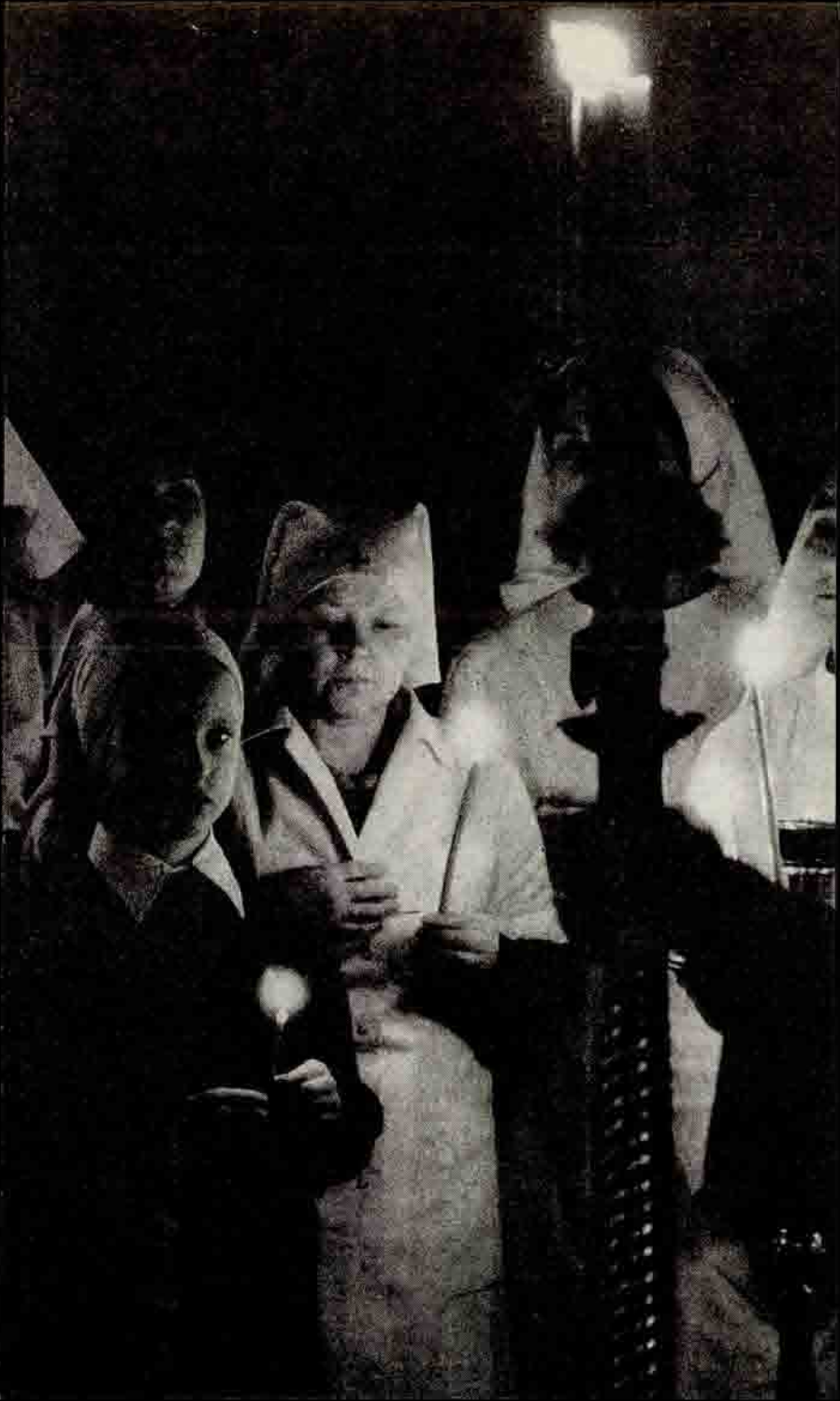

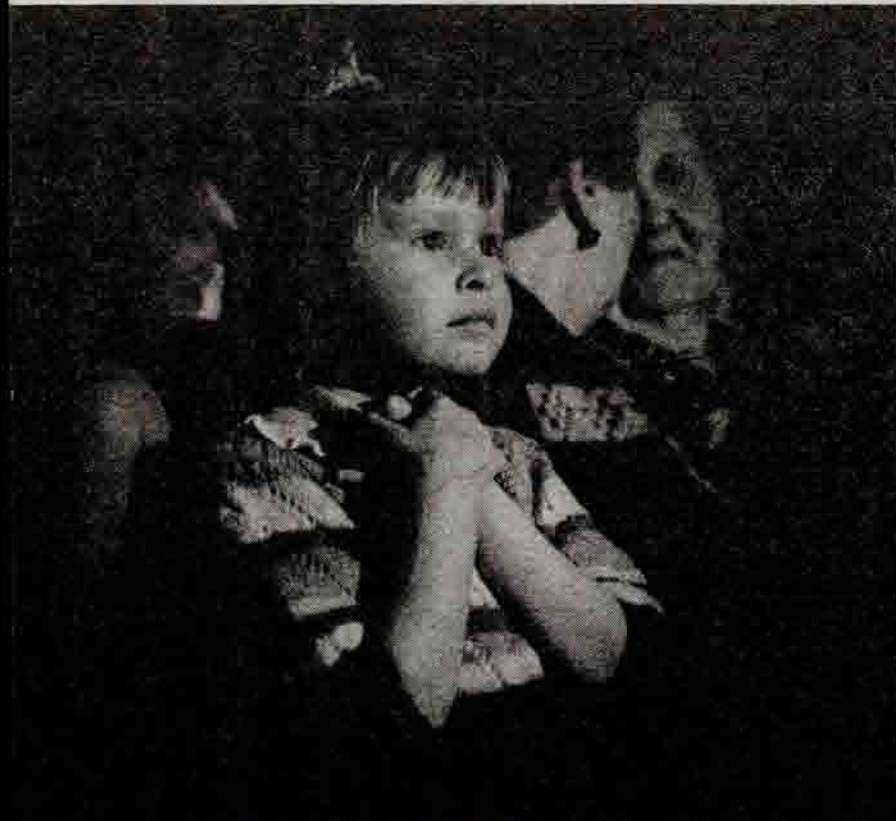
Сострадание.

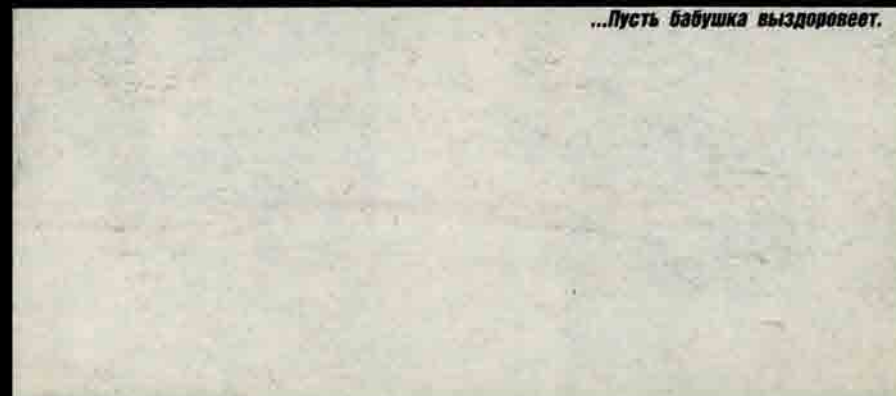
Пасхальная служба... Спаси нас, Господи!

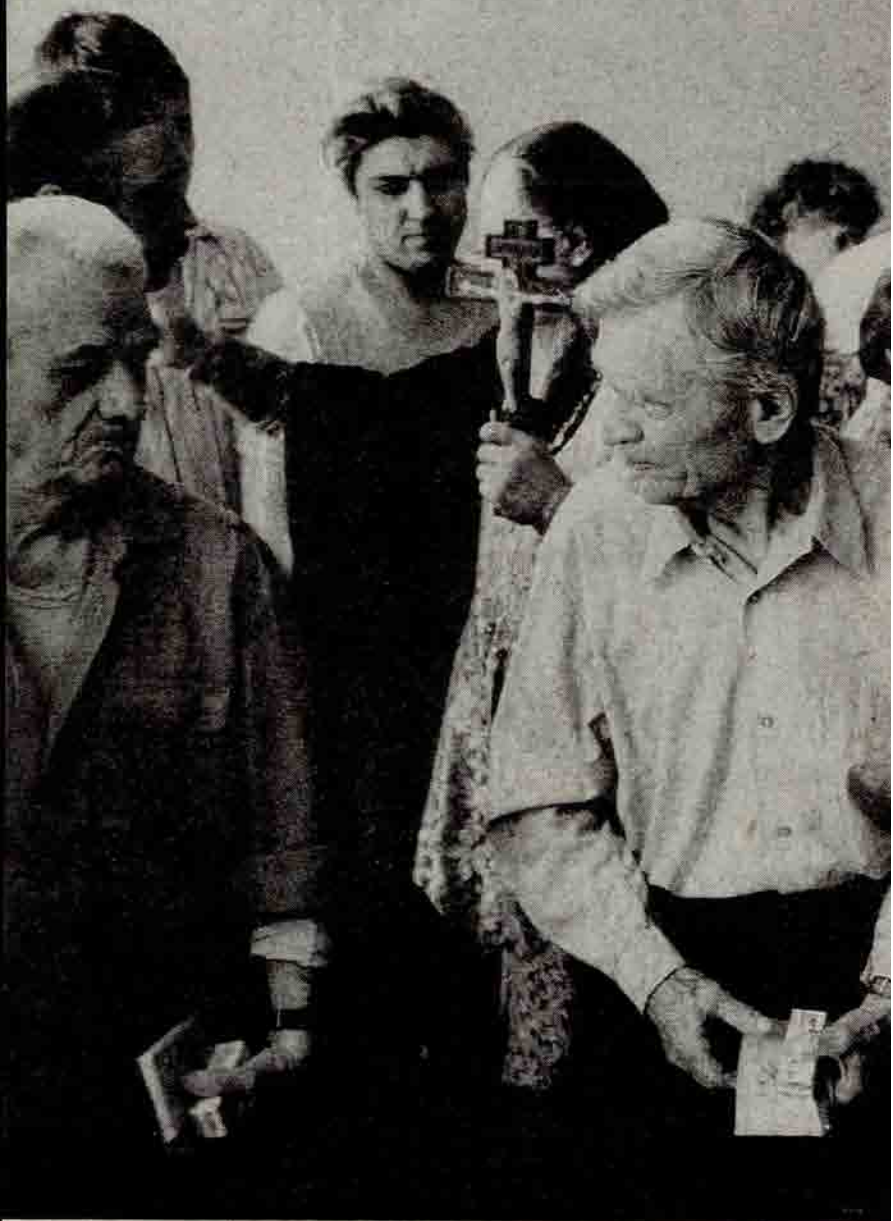
...Пусть бабушка выздоровеет.

Еще одно утро...

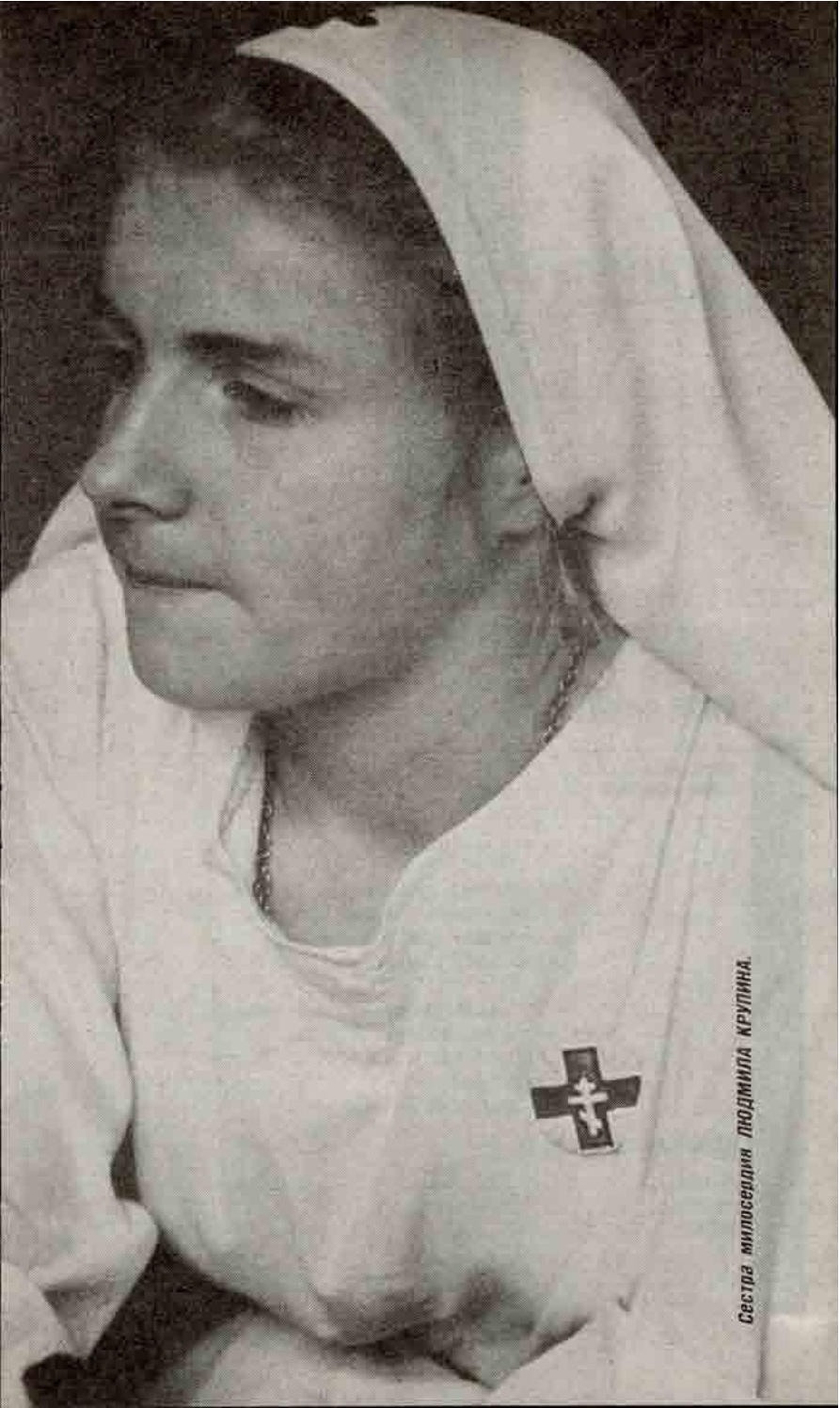
Прими во-здравие...

Отец АРКАДИИ.

Сестра милосердия Людмила Крутина.

КОНКУРС

ДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

ЕЛЕНА ПРЯНИКОВА
ВАЛЕРИЙ АНДРЕО
ПАВЕЛ ЛАГУН
ГАЛИНА ЧЕРЕПАНОВА
БОРИС БУЖИНСКИЙ

АННА ДАНИЛОВА
АНЖЕЛА ПОПОВА
ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВ
БОРИС БАЛКАРОВ
ЮЛЯ ПОЛЯКОВА
ЕЛЕНА ЩЕПОТЬЕВА

78

ЕЛЕНА ПРЯНИКОВА,

16 лет,
школьница,
Санкт-Петербург

==
*Январь был волшебный, сказочный...
Но страшный пришел февраль —
Тревожною яркой бабочкой
Подрагивал календарь...*

*Весна была русая — с проседью, —
С остатками той пурги...
А я умоляла:
— Господи!
Если ты есть — помоги!..*

ВАЛЕРИЙ АНДРЕО,

21 год,
студент,
Выборг

==
*А в небе утреннем — звезда.
Рассвет, и снова слишком рано.*

*Ползут стальные поезда
Как строки скучного романа.*

*Железный выгнулся скелет,
Дрожь пробегает по вагонам.
На лицах — ожиданья свет,
И поезд кажется перроном.*

*Падений всех не перечесть,
Но что-то все же мне осталось?
Осталось только то, что есть —
Весны томительная талость.*

*И эта вечная игра,
Как тайна перевоплощенья,
Когда падение утра
Мне снова вместо вдохновенья.*

ПАВЕЛ ЛАГУН,

37 лет,
учитель,
г. Донской Тульской обл.

*Грузинский вечер, тихий и пахучий,
Влил темноту в настороженный сад.
На небе сквозь разорванные тучи
Морские брызги звездами горят.*

*Звенят цикады, с тишиною спора,
Но так же еле слышно, как они,
Невдалеке невидимое море
Шумит, не нарушая тишины.*

*Вокруг струится терпкая прохлада,
Умолкли звуки, и в саду темно.
И кажется, что гроздья винограда
В хрусталь пролили черное вино.*

ГАЛИНА ЧЕРЕПАНОВА,

46 лет,
техник-технолог,
В. Уфалей Челябинской обл.

*По краям все небо тучное,
как в усмешке рот,
и зима — ведушья скучная —
с дальних гор идет.*

*Снова хладный мрак за стеклами —
этот снежный плен.*

*Жить тебе слезами теплыми
в логове измен.*

*Время — быть женой опальной
ныне и всегда.
Где колечко обручальное?
Даже нет следа.*

*Раньше свет к твоей обители
мой любимый нес...
Тебя снова люди видели,
жалкую до слез.*

*Плачь, а мне жалеть не хочется
твой пригожий лик...
Тебе доброе пророчество —
мой безгласный крик.*

БОРИС БУЖИНСКИЙ,

28 лет,
каменщик,
Липканы, Бричанский р-н, Молдова

*Творец, ты сам — хранитель меры
И веса тысячи имен,
От Байрона и до Гомера,
От всех народов и племен.*

*Ты сам, зависимый от почты
И от почтовых голубей,
Порой замысливаешь то, что
Никто не примет — хоть убей!*

*И ты, дойдя до середины
Блаженной, утренней реки,
Вернуться хочешь на вершины —
К истокам истинной строки.*

АННА ДАНИЛОВА,

22 года,
библиотекарь,
Москва

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО КРУГУ

*...Впрочем, что же теперь?
Где набраться навеки терпенья?
Не откроется дверь —
Ведь она запечатана ленью...*

*Ярко-синий фонарь
Еле виден в ночном освещеньи...*

*Слезно-горькая хмарь...
Слишком поздно просить о прощеньи.*

*Невозможно уснуть,
И в душе вырывается досада.
И лежит ее путь
С электричкой ночной до «Посада».*

*Только, может, посметь? —
Так непрочны и зыбки преграды...
Но попробуй, заметь
Тихий свет полуночной лампы...*

АНЖЕЛА ПОПОВА,

21 год,
студентка,
Воронеж

ЛУНЬЕ

*По снам моим не бродят валькирии,
Там нет чудес, и хрупок стержень дней;
Небесный шелк струит глаза Мариц,
Но дух язычницы не поклонится ей.
Да, в этом бое я лишь победитель,
И мне решать, к кому судьба светлей,
И василиска мирная обитель
Меня спасет от ярости твоей.*

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВ,

16 лет,
школьник,
Днепропетровск

*Ты помнишь самое начало?
Зеркальный блеск прозрачных вод
И звездный чистый небосвод
В разломах мертвого причала.*

*Старинный замок на скале,
И тишина, лишь ветра стоны,
Да, вздрогнув, древние изломы
Живут в прохладной серой мгле.*

*Ты слышишь море, песни моря?
Их рифмы вытканы из волн,
И тяжесть жизни носит шторм,
В песчинки вкрапленная горе.*

*...Седые камни, ров, стена,
Что сотни лет стоит, покуда*

*Не станется второго чуда —
И в вечность спустится она.*

*Туда, где ждут ее доспехи,
Где сохранилась честь и страсть,
Где можно взвиться и упасть,
Ломай вековые вехи.*

*Где тайны стертые лежат,
И сказки медленно уходят.
Где вновь забытые герои
Ларцы с богатством сторожат.*

*Быть может статься, что вот-вот
Все снова станет, как и прежде,
И снова явится надежда,
Что это все не пропадет...*

*Но нету зарева вдали
И нем стал грохот колесницы,
И не оставят большие спицы
Свой яркий след в чужой пыли.*

БОРИС БАЛКАРОВ,

82

37 лет,
старший научный сотрудник,
Нальчик

БУДЕТ ЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

*Будет ласковый дождь,
Будет ласковый дождь,
Будет буйство воды на блестящем асфальте,
И, сквозь ветки просунув стеклянные пальцы,
Меня схватит за шиворот ласковый дождь.*

*Будет ласковый дождь,
Будет ласковый дождь,
Он ударит, как в бубен, по листьям весенним,
Смоет с неба туч плесень, сырую и серую,
Доброй дробью своей этот ласковый дождь.*

*Будет ласковый дождь,
Будет ласковый дождь,
В теплых лужах, что спят у обочин дороги,
Свяжет бусы из брызг мой сынок босоногий,
А его по вихрам лизнет ласковый дождь.*

Будет ласковый дождь...

ЮЛЯ ПОЛЯКОВА,

27 лет,
библиотекарь,
Харьков

Любимый мой, а я жива!
Я прорастаю
как трава.
Поверь, что это тяжкий труд —
Сквозь землю
быстро не растут.
Но ты траву ладонью тронь
И вспомни про мою ладонь:
Она была тебе нужна,
Она была к тебе нежна,
Любой изгиб ее и шрам
Так памятен твоим губам.
А я была...
Ты не забыл,
Как об меня тарелки бил?
Мы не увидимся с тобой —
Ведь рай
у каждого другой.
А что ты помнишь обо мне?
Дыханье легкое во сне,
И неприличие острот,
Припухлый негритянский рот,
Мою реакцию на дым,
Мою любовь ко всем «чужим»,
И часто-часто из-под рук —
Соленых капель мерный звук...
А я жива.
Но нет меня.
И дождь заладил на три дня.

ЕЛЕНА ЩЕПОТЬЕВА,

24 года,
экономист,
Москва

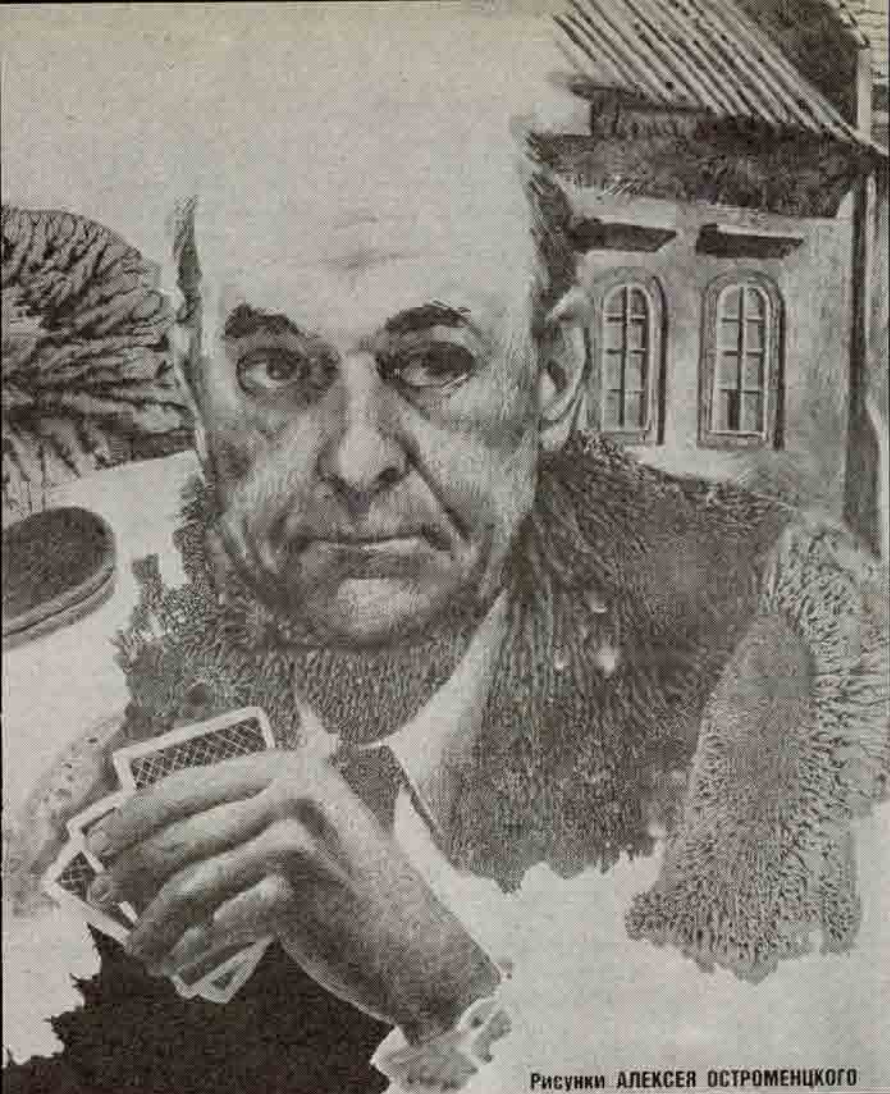
В неловкости нашей ветра не повинны:
Мы верили в силу неразвитых крыльев,
И нас унесло с высоты в котловину,
И струнка трамплина дрожит, обессилев.

Остатками крыльев друг друга мы грели,
А те, кто нас видел, шептали: «Уроды».
А нам подтянуться б до ветки сирени,
Сиреневый воздух глотать до восхода.

ОДИН

ВЕРНЕР ТЁЛЬКЕ

Рисунки АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

НОЧКА

В этом году впервые выдался солнечный день. Небо, выплеснув из облаков на землю последние остатки воды, перекрыло наконец ворота своих шлюзов. К гнилому лету, повторявшемуся из года в год, Вебер никак не мог привыкнуть. Он был очень чувствителен к переменам погоды и испытывал телесные муки в ненастные дни.

Сегодня же Вебер наслаждался погожим днем со своего балкона, который, как и другие, казался в прозрачной вышине как бы прилепившимся к стене высотного дома. Он лежал на раскладушке с закрытыми глазами и не открыл их даже тогда, когда его секретарша Виктория Зоммерфельд, появившись из темной глубины комнаты, подошла к нему.

— Прибыл комиссар Шоппенхауер,— доложила она.

Вебер приоткрыл глаза.

— В таком случае не забудьте вскипятить литра два воды для кофе.

Виктория ушла, а Вебер с удовольствием растянулся, продолжая упиваться приятным одиночеством. Почти год он не встречался с комиссаром уголовной полиции, и его неожиданный визит мог означать все что угодно.

— Я полагал, что застану вас за какой-нибудь трудной работой,— загромыхал Шоппенхауер, появляясь на балконе.

Вебер вяло махнул рукой в сторону второй раскладушки, стоявшей у стенки балкона.

— Разберите эту штуковину, укладывайтесь рядом и заткнитесь!

— Вы больны? — спросил комиссар, не совсем умело разбирая указанный ему предмет.

— Был.

— Желудок? Давление?

— Погода.

Наконец Шоппенхауер справился с раскладушкой, поставил ее рядом с той, на которой лежал Вебер, и, крихтя, забрался на нее.

— Крепкий кофе сейчас не помешал бы! — изрек он.

— Виктория уже готовит. А еще чего вы желаете?

— У меня выдался сегодня свободный денек, и я подумал: дай-ка загляну.

Вебер повернул голову к Шоппенхауеру.

Вернер Тельке — один из популярнейших авторов детективного жанра в современной немецкой литературе. Не менее известен он и как талантливый актер, режиссер и сценарист.

Тельке родился в 1930 году в Гамбурге. После окончания веймарского театрального училища работал в театрах Дрездена, Магдебурга, Эрфурта и Берлина, а с 1960 года — на телевидении.

Литературным творчеством Тельке занялся в 1961 году. Большинство его произведений экранизировано, причем во многих фильмах он снимался в главных ролях, что еще больше содействовало популярности Тельке как писателя и актера.

«Так, так,— подумал он,— свободный денек у полицейского. И это когда кривая преступности ползет вверх. Некоторые поговаривают даже, что она растет, как температура у больного!»

В этот момент Виктория вкатила на балкон столик на колесиках, на котором стоял кофейный прибор. Из кофейника лился такой аромат, что комиссар от удовольствия закатил глаза.

Виктория налила кофе в чашечку и подала ее Шоппенхауеру.

— Что же вам все-таки нужно, Шоппенхауер? — спросил Вебер. — Ни я, ни кофе, приготовленный Викторией, не могли послужить причиной, ради которой вы протопали на шестой этаж.

Комиссар сделал несколько маленьких глотков.

— У меня нашлось для вас кое-какое занятие.

— Что же это за дельце?

— Нечто очень деликатное, Вебер, как раз подходящее для вас. Поэтому я здесь.

— Не может быть,— смущаясь, заметила Виктория,— чтобы гамбургская полиция навещала нас и предлагала работу.

Шоппенхауер весело подмигнул и сделал еще несколько глотков.

Виктория, не уступавшая Веберу в любопытстве, продолжала наступать:

— Ну, так срывайте же покрывало с этой деликатности!

— История,— начал Шоппенхауер,— произошла за пределами Гамбурга и, таким образом, находится вне зоны нашей компетентности.

— А где же?

— В одной маленькой конуре земли Шлезвиг-Гольштейн.

— А о чем идет речь? — поинтересовался Вебер. — Об убийстве?

— Да нет,— замялся Шоппенхауер. — Так, небольшая кража. В отеле «Ландскнехт» украдена коллекция. Вот и все.

— А что за коллекция? Бабочек?

Шоппенхауер отрицательно покачал головой.

— Старые монеты? Почтовые марки?

— Нечто другое. Бывшие нацисты!

Вебер удивленно взглянул на Шоппенхауера — не ослышался ли он?

— Да-да! Чего только не собирают сегодня! Бывшие нацисты! В сорок пятом мы не думали об этом. Тогда было одно: быстренько всех в помойное ведро истории! А сегодня мы извлекаем их из забвения и собираем в коллекции, как другие собирают почтовые марки!

— И ради этого вы пришли ко мне?

— Именно поэтому. Вам не приходилось слышать о некоем Геертсе? Герберте Геертсе?

— Нет!

— Иногда о нем пишут газеты, а телевидение даже брало у него интервью.

— А фильма о нем еще не сняли?

— Нет, фильма пока не сняли,— сухо ответил Шоппенхауер, не поддерживая иронического тона Вебера. — Короче говоря, этот

Геердтс является пострадавшим. Ему принадлежит украденная коллекция. В ней, среди других, представлены и прокуроры, выносившие смертные приговоры на оккупированных территориях за кражу куска хлеба или велосипеда. Я вспоминаю некоего Ганзера, который вынес смертный приговор одной полячке только за то, что она укрывала у себя полуторагодовалого еврейского ребенка. Удивительно, но в первой инстанции женщина была оправдана, поскольку не скрывала, что этот беспомощный ребенок — еврей. Ганзер опротестовал приговор и добился того, что на втором процессе женщину обвинили и казнили.

— А чем этот человек занимается сейчас?

— Ему живется неплохо. До недавнего времени он был председателем комиссии в федеральном патентном суде.

В коллекции Геердтса есть еще некий Диппельхофер, служивший до самого конца войны командиром полицейского полка в Восточной Европе и причастный к уничтожению русских, поляков и евреев. В настоящее время он бригадный генерал в федеральной пограничной охране.

— Это же единичные случаи, — вставила Виктория.

Комиссар покачал головой.

— В картотеке Геердтса представлено более двухсот человек.

— Откуда у Геердтса документы? — спросил Вебер, продолжая лежать с закрытыми глазами.

— Частью из Людвигсбурга... Кроме того, Геердтс закончил два курса юридического факультета в Западном Берлине. Мне думается, что еще в то время он установил контакты, а во время каникул ездил в Прагу и в Варшаву.

— И как же эта зловещая коллекция пропала? — Вебер старался не показать проснувшегося в нем интереса.

— Я уже говорил, что ее выкрали из номера отеля, — ответил Шоппенхауер. — Геердтс подыскивал в Рендсхагене помещение для своей выставки. Криминальная полиция утверждает, что никаких следов ими не обнаружено. Геердтс обратился ко мне за помощью, но Рендсхаген находится вне нашей подчиненности. Я пообещал свести его с частным детективом.

— И вы назвали ему меня?

— Конечно же, нет! Я хотел вначале выяснить, не клонете ли вы на это дело?

— Так вот, чтоб вы знали, я не клонул!

Шоппенхауер растерянно взглянул на Викторию. Но та только пожала плечами и задала не совсем уместный вопрос:

— Как же, собственно, получилось, что вы заступаетесь за этого Геердтса?

Шоппенхауер откинул свое массивное тело на раскладушку.

— У нас в третьей комиссии по убийствам был в свое время главный комиссар Шорф. Вы, Виктория, его, видимо, не знаете, но Вебер должен помнить. Однажды я прослышал, что Шорф намеревается обвинить в клевете некоего Геердтса. Вот тогда-то я и столкнулся с Гербертом Геердтсом в первый раз. Дело заинтересовало меня, я поехал в Эппендорф и осмотрел его выставку.

— Шорф тоже представлен в ней?

— Еще как! Он был руководителем одной полицейской акции во Франции и расстрелял несколько десятков борцов Сопротивления. Если бы Шорф сидел тихо, ничего бы, вероятно, не случилось. А его жалоба властям вызвала целую лавину. Шорфа отозвали из отпуска, а позднее, уже после процесса, отправили на пенсию. Слишком благоприятный исход для этой подлой собаки: одно утешает, что мы все-таки от него избавились.

— И после этого вы подружились с Геердтсом? — улыбнулась Виктория.

— Да нет. После осмотра выставки я вовлек Геердтса в разговор, а затем пригласил его на кружку пива. С тех пор я парня больше не видел.

— А как давно это было?

— Примерно года три назад.

— И все же он обратился именно к вам за помощью.

— Хм!

— Должно быть, вы произвели на него большое впечатление.

Шоппенхауер вытащил из пачки сигарету, но так и не прикурил ее.

— Знаете, о чем я подумал? — обратился он к Виктории. — Готов поспорить, что у него больше нет никого, к кому он мог бы обратиться.

Виктория резко поднялась и исчезла в комнате. Комиссар посмотрел на сигарету.

— Видимо, не совсем стоящее для вас дело, Вебер? Извините, если наскучил, но я все же надеялся, что вы сможете помочь бедному парню.

— Только не втягивайте меня в неприятности, Шоппенхауер! На этой истории не заработаешь и копейки, одни лишь неприятности, боюсь, даже много неприятностей.

— А я и не знал, что в последнее время вы так привязались к деньгам.

— Ну да, я же единственный в этой стране, кому безразличен личный счет в банке!

— Я вспоминаю те времена, — разумеется, вы были тогда моложе, — когда вы не спрашивали, сколько денег принесет то или иное дело. Достаточно было, что кому-то нужна ваша помощь.

Вебер резко приподнялся на раскладушке.

— Моя помощь! Да это же смешно! В Рендсхагене есть уголовная полиция или нет?

— Геердтс, кажется, не очень ей доверяет.

— Ну и что? Разве в этом моя вина? Что мне за дело до этого малого? Почему он не открывает адвокатскую практику и не зарабатывает свои деньги так же, как вы и я?

— Он не то имеет в виду, — произнесла Виктория, неожиданно появляясь на балконе и глядя на Вебера, как мать на непослушного ребенка. — Поистине он чувствует себя неважно, если изредка не будет нести чепухи!

Вебер проворчал:

— Вы, конечно, все про меня знаете.

— Да, мой сладкий, знаю.

Шоппенхауер, улыбаясь, посмотрел на Викторину, державшую в руках легкое летнее пальто.

— А для чего пальто?

— Нашему мастеру-детективу, чтобы он не простудился. Я предполагаю, что вы намерены забрать его с собой.

Улыбка Шоппенхауера стала еще шире.

— С какой стати?

— А вы разве не договаривались о встрече с Гербертом Геердтсом?

— Да, действительно, примерно через час, — подтвердил комиссар, взглянув на часы.

— Ну, а что вы скажете о моих способностях?

— Они поистине такие же потрясающие, как и ваш кофе. Но ведь мастер-детектив еще не клюнул!

— Ну, конечно же, он клюнет! — возразила Виктория. — Разве вы не видите жадную складку вокруг его рта? Он прямо-таки загорелся желанием утереть нос полицейским Рендсхагена!

Вебер поднялся с раскладушки, прошел мимо Викторины и вырвал на ходу из ее рук пальто и кепку.

— Где вы договорились встретиться с этим «перделывателем мира»?

— В Бад-Брамштедте, — ответил Шоппенхауер.

— О Боже всемогущий! Этого не может быть! — застонал Вебер.

— Не беспокойтесь! Я привезу вас обратно.

Они ехали на «фольксвагене» Шоппенхауера по дороге номер три, ведущей из Ганновера через Гамбург и Фленсбург в Данию.

Вебер был возбужден. Он гадал о причинах, которые двигали Геердтсом и заставляли его мотаться с выставкой. Несколько лет назад, оставляя службу в полиции, он и сам действовал из аналогичных побуждений. Ему предлагали работу в гамбургской комиссии по убийствам, но он не захотел подчиниться какому бы то ни было ведомству, в котором работали бывшие нацисты. Вспоминал он и главного комиссара Шорфа — тот был ему не менее противен, чем Шоппенхауер.

— Расскажите-ка мне еще что-нибудь о Геердтсе, — попросил Вебер комиссара.

— Что я могу рассказать? Вы вскоре сами с ним познакомитесь.

— Сколько ему лет?

— Где-то двадцать с небольшим.

— Что, собственно, побудило Геердтса мотаться со своей выставкой?

— Понятия не имею!

— Но вы же беседовали с ним?

Шоппенхауер неопределенно пожал плечами.

— Есть такой тип людей, которые должны плыть именно против течения.

— Слабое обоснование, если подумать, что он тем самым поставил на карту свою карьеру.

— Обоснование! — негодуяще воскликнул комиссар. — На прошлой неделе мы задержали одного. Убил женщину топором! Добыча составила восемьдесят пять марок! Какое обоснование у этого поступка?

— Ладно, ладно, перестаньте, — проворчал Вебер. — Мы уже подъезжаем.

— Похоже, что так.

— А почему вы договорились встретиться именно здесь?

— Об этом меня попросил Геердтс. Местечко находится как раз на полпути от Гамбурга до Рендсхагена.

Вебер откинулся на спинку сиденья и замолк. Они свернули на широкую аллею и остановились позади помятого «фольксвагена», из которого вылез молодой человек. Он медленно направился к ним.

На первый взгляд в Герберте Геердтсе не было ничего особенного. Он производил такое же впечатление, как любой из тех молодых людей, которых сегодня называют «юношами от двадцати и старше». Среднего роста, худой, скорее даже тощий, с явно наметившимися морщинами на лице.

Шоппенхауер протянул Геердтсу руку и, указывая на Вебера, сказал:

— Вот я и доставил вам обещанного частного детектива. Это самый лучший, какого я только смог раздобыть в Гамбурге.

Глаза Геердтса скользнули по Веберу, затем на его лице отразилось нечто похожее на улыбку, и он кивнул детективу:

— Очень хорошо, что вы приехали.

— Не стройте слишком радужных иллюзий, — остудил его пыл Шоппенхауер. — Господин не проявляет к вашему делу особого интереса!

Они пересекли улицу, прошли мимо сторожки через кованые железные ворота в парк и пошли по широкой гравийной дорожке. Шли молча. Молодой человек, видимо, и не думал открывать рта.

Некоторое время Вебер наблюдал за ним со стороны, затем попытался завязать разговор:

— Вы уже длительное время разъезжаете со своей выставкой. Если поточнее, около трех лет. Но с такой ситуацией, когда выкрадывают все материалы, вам сталкиваться не приходилось, не так ли?

Геердтс молча кивнул.

Вебер и Шоппенхауер обменялись взглядами, и комиссар пришел на помощь молодому человеку.

— Расскажите подробно, как все было. Что вам известно о краже коллекции?

— Ничего. Меня при этом не было.

— А когда это случилось, днем или ночью?

— В середине дня.

— И никто ничего не заметил?

— Нет.

— Вы были в это время в отеле?

— Нет. Я подыскивал помещение под выставку.

— Вы возите свою коллекцию в чемоданах?

- Да.
- Сколько их было?
- Три.
- А что вы сделали, когда обнаружили пропажу?
- Я позвонил в полицию и сообщил о случившемся.
- И что же потом?
- Ничего.
- Как так ничего?

— Ну, в отеле никто не появился, чтобы составить протокол, зафиксировать следы или что-то в этом роде, что обычно делается в таких случаях.

— А вы? Что вы сделали после этого?

— Я направился в полицию и сделал заявление. Один из полицейских оформил его, извинился за то, что никто из них на вызов в отель не явился, поскольку, мол, все полицейские в Рендсхагене очень заняты, и пообещал, что на следующий день кто-нибудь обязательно осмотрит место происшествия. Затем я вернулся в отель и сказал хозяину, чтобы в номере ничего не трогали, пока там не побывает полиция.

— Ну и как, он выполнил вашу просьбу?

— Нет. После того как на следующее утро я снова отправился на поиски помещения, в номере все было тщательно прибрано, и все отпечатки пальцев уничтожены.

— И что сказал хозяин?

— Он ответил, что забыл о моей просьбе.

Презрительно фыркнув, Шоппенхауер обратился к Веберу:

— Недурные порядки, не правда ли?

— Угу, восхитительно! Но, может, не следует подозревать хозяина отеля в преднамеренности? Он, наверное, и понятия не имеет о важности фиксации следов. Меня больше заинтересовала занятость рендсхагенской полиции. Господин Геердтс, вы там знаете кого-нибудь?

— Да, начальник уголовной полиции представлен в моей коллекции. Вероятно, ему будет очень приятно, если я не смогу устроить выставку в Рендсхагене.

— Почему этот человек оказался в вашей коллекции? — спросил Вебер, хотя ответ был ему уже известен.

— Я располагаю подробной информацией об этом господине, — ответил Геердтс. — Прежде всего он является эсэсовцем с довольно малым номером партийного билета. Вам известно, что это означает?

— Он очень рано вступил в организацию, возможно, еще до захвата власти Гитлером, — холодно заметил Вебер.

Геердтс кивнул и продолжил:

— После захвата власти началась его карьера, и задолго до начала войны он сидел уже в главном управлении имперской безопасности и имел звание штурмбанфюрера.

— Главное управление подчинилось Гиммлеру?

— Да. После поражения ведомство было объявлено международным военным трибуналом в Нюрнберге преступным институтом власти, а его ответственные сотрудники подверглись уголовному преследованию.

— И как это преследование выглядело?
— Вы же видите, Сегодня он руководит всей рендсхагенской уголовной полицией.

— Как зовут этого парня?

— Драховитц. Доктор Драховитц.

— Если я правильно понял, у всех этих людей, о которых вы рассказываете, есть нечто общее. В нацистские времена при исполнении служебных обязанностей они позволяли себе кое-какие вольности, а сегодня им доверены важные государственные посты. Вряд ли стоит искать преступника в этом кругу. У них просто отсутствует мотив.

— За исключением одного человека.

— И кто же он?

— Штаандаргенфюрер доктор Эрих Флюгер! Он был руководителем группы особых поручений в оккупированной России. Каждая армия имела такую специальную команду, отвечающую за политическую безопасность на оккупированных территориях. Охота шла за партизанами, коммунистами и евреями. Массовые захоронения устилают путь этих команд. Флюгер был их начальником. На его счету, как доказано, убийства двенадцати тысяч человек. В тысяча девятьсот сорок шестом году он бежал под вымышленным именем — он назвался тогда Айлером — в Южную Америку, и с тех пор о нем не было вестей.

Вебер почувствовал, как в нем растет недовольство. Совсем недавно он высказывал Шоппенхауэру предположения, что в этом деле таится масса неприятностей. Геердтс разворошил осиное гнездо, причем сделал это голыми руками!

После длительной паузы Вебер произнес:

— Выходит, Флюгер не вписывается в рамки вашей коллекции.

— Хм, — неопределенно буркнул Геердтс.

— Конечно же! Другие ваши кандидаты реабилитированы и восстановлены в должностях, а Флюгер бежал и пропал без вести. Почему же он оказался в вашей коллекции?

Ответ Геердтса был скуп:

— На это у меня есть особые причины.

Вебер задержал взгляд на молодом человеке, ожидая разъяснений, но их не последовало.

— Представляете, во что вы, собственно, ввязались? — взорвался он.

Геердтс лишь окинул его молчаливым взглядом, и следующий вопрос Вебера прозвучал уже довольно вяло:

— Представали ли перед судом члены спецкоманд?

— Конечно, — с сарказмом откликнулся Геердтс. — В тысяча девятьсот сорок седьмом году был разыгран фарс, известный под названием «процесс над особыми группами». Из тысячи преступников перед судом предстало лишь двадцать четыре человека. Было вынесено четырнадцать смертных приговоров, из которых только четыре приведены в исполнение, а остальные преступники получили пожизненное заключение. В пятьдесят первом году многие были помилованы и освобождены из-под стражи.

— А где теперь... эти люди?

Геердтс все также спокойно ответил:

— Среди нас, господин Вебер, среди нас.

Молодой человек неожиданно свернул с гравийной дорожки на тропинку, вдоль которой с правой стороны тянулась тисовая изгородь. Невдалеке за оградой стояли несколько человек, которые громко разговаривали и отчаянно жестикулировали. Что-то странным образом взволновало Вебера, последовавшего за Геердтсом.

Внешне все выглядело так, будто на тропинку они свернули непреднамеренно, но позднее, вечером, когда Вебер еще раз проанализировал поездку, ему стало ясно, что Геердтс с самого начала вел с ними свою игру. Уже с того момента, когда он договаривался с Шоппенхауером встретиться у ограды этого парка! И он, будто невзначай, повел их вдоль тисовой изгороди.

Затянувшееся молчание становилось тягостным.

— Почему вы, собственно, выбрали такое непопулярное хобби? — прервал его Вебер.

Геердтс ничего не ответил.

Не в силах больше сдерживать захлестнувшего его раздражения, Вебер заорал:

— Будь все проклято! Другие в вашем возрасте играют в теннис и если что-то собирают, так марки или еще что-нибудь подобное! Но бывших, никому ненужных нацистов? Для чего?

— Такой вопрос мне задают очень часто, — отпарировал Геердтс.

— И, как я нахожу, с полным правом! — Вебер остановился, схватил молодого человека за рукав куртки и повернул к себе. Геердтс смотрел на него безо всякого выражения.

«Если этот парень чему-то и научился, так это владеть собой!» — подумал Вебер и, вздохнув, оттолкнул Геердтса.

— Ну ладно. Но почему именно в Рендсхагене? Чего вы хотите достичь в этой дыре?

— Вскоре в Рендсхагене состоится ежегодная встреча бывших нацистов, — невозмутимо ответил Геердтс.

Покачивая головой, Вебер побрел дальше. Встреча эсэсовцев, штандартенфюрер, который был организатором массовых убийств, штурмбанфюрер, являющийся ответственным руководителем полиции! Ему стало не по себе, всем нутром чувствовал он нарастающее отвращение.

Когда тисовая изгородь кончилась, перед ними открылся широкий незастроенный песчаный участок. Вебер остановился и тяжело вздохнул. Шагах в тридцати от них виднелся бугорок свеженасыпанной земли.

Не оглядываясь на сопровождающих, Геердтс направился прямо к нему. Вебер и Шоппенхауер посмотрели друг на друга, затем комиссар пожал плечами и покорно последовал за Геердтсом. Вебер мельком взглянул на свои покрывшиеся пылью ботинки, но ему ничего не оставалось, как двинуться следом за ними.

Все трое подошли к яме и увидели мужчину, выбрасывавшего из нее лопатой песок. Его покрасневшее от напряженной работы

лицо было покрыто потом, белобрысые волосы прилипли ко лбу. На вид ему было около шестидесяти.

Геердтс казался еще более замкнутым. Старик был так занят, что прошло некоторое время, прежде чем он заметил трех мужчин, стоявших на краю ямы. Тогда он прервал работу и оперся на лопату.

— Сегодня получается, — добродушно произнес старик. — Нужно только копнуть немножко глубже, до двух с половиной метров.

Он мотнул головой, поплевал на руки и снова принялся за работу, забыв о троих мужчинах, глядевших на него.

Неожиданно Вебера пронзила мысль, довольно жуткая и тревожная. Ему вспомнились люди, которые, дико жестикулируя, спорили между собой. Вспомнил он и домик сторожа у входа в парк, и то, как Геердтс, проходя мимо, приветливо кивнул человеку за окошком. Лишь теперь Вебер догадался, где они находятся.

Геердтс взглянул сначала на Шоппенхауера, затем перевел взгляд на Вебера и равнодушным тоном произнес:

— Вы правы в своем предположении. Это дом для умалишенных. Больные, которых вы видели, — легкие случаи. Они могут работать. Мне кажется, это называется трудотерапией.

Шоппенхауер поднял смущенный взгляд на Вебера, проклинавшего себя, что ввязался в это приключение.

Между тем Герберт Геердтс продолжал:

— Этот человек, разумеется, тоже болен, но он не опасен. Иногда его отпускают домой. В общем-то его болезнь неизлечима. Когда он здесь, у него появляется непреодолимое желание копать землю. Вы сами видите.

Да, Вебер видел, только никак не мог понять, что тронуло его в этом потном, с ожесточением рывшем землю сумасшедшем.

— Он болен около двадцати лет. — Геердтс продолжил свой рассказ. — Точнее, с сентября тысяча девятьсот сорок второго года. По профессии он был инженером-строителем и работал в военном концерне. В начале войны его признали негодным к строевой службе, а в сорок втором году послали в Советский Союз проследить за ходом работ на одном заводе. Вам, видимо, известно, что немецкие концерны появлялись на оккупированных территориях следом за вермахтом. В первые дни его пребывания работы было немного. Свободного времени оказалось в избытке, а поскольку он любил прогулки, то предпринимал продолжительные вылазки в окрестности города. Однажды он добрал до земляной насыпи и неожиданно очутился на краю рва, около двадцати метров длиной и метров пяти шириной. Ров был наполовину заполнен... трупами людей, которые лежали так плотно, что виднелись одни лишь окровавленные головы. Некоторые были еще живы.

Вам наверняка сложно, — продолжал Геердтс, подыскивая слова, — представить себе эту картину. Я понимаю. Об этом человеке говорят, что тогда он застыл на месте и не мог сдвинуться. Между прочим, позднее часто гадали, как он вообще смог попасть туда. Возможно лишь одно объяснение. Он носил длинное

коричневое кожаное пальто, и посты, очевидно, приняли его за какого-нибудь высокопоставленного чиновника гестапо. Там были и другие лица, тоже в гражданском, среди которых находился штандартенфюрер доктор Эрих Флюгер, бежавший позднее под вымышленной фамилией в Южную Америку. То, что происходило на глазах этого инженера, было не что иное, как обычный рабочий день спецкоманды. Свыше тысячи человек лежало уже в общей могиле, и некоторые, он это отчетливо видел, были еще живы. Один из эсэсовцев сидел, болтая ногами, на краю ямы. На коленях у него лежал автомат. Он курил и со скужающим видом рассматривал верхушки деревьев.

Вокруг стояла тишина, и редко прерываемая слабыми стонами. Затем ко рву подошла новая группа совершенно нагих людей. Колонну замыкала женщина с грудным ребенком, которому от роду было лишь несколько месяцев. Она крепко прижимала его к груди, а ее руки, натруженные руки крестьянки, прикрывали его голое тело. Вдруг тишину разорвало ликующее и жизнерадостное «агу! агу!», слетевшее с уст малыша, пребывавшего в нежных и надежных материнских руках.

Людей подвели к той стороне рва, где были сделаны примитивные ступеньки, и они стали спускаться вниз, затем, ступая по головам, поскольку им ничего больше не оставалось, едва удерживаясь на ногах, направились к указанному эсэсовцем месту и смиренно легли на уже расстрелянных. А потом последовало то, что навсегда запечатлелось в памяти инженера. Он увидел, как один молодой эсэовец направился к женщине, которая все еще стояла со своим грудным ребенком на руках, выхватил из ее рук младенца, ухмыляясь, подбросил его в воздух и... выстрелил в него из пистолета.

Инженер, шатаясь, побрел прочь. Вернувшись в отель, он обнаружил письмо с родины, в котором сообщалось, что у него родился сын. Инженер закричал. Нашли его в бессознательном состоянии. После многолетнего безуспешного лечения врачи вынуждены были признать его неизлечимым. Он не опасен, в нем лишь осталось представление, что застреленный в России ребенок — его сын. Даже сейчас, спустя более двадцати лет, он копает и ищет его. Но никогда не найдет.

Геердтс замолчал. Глядя на яму, Вебер поймал себя на мысли, что скрежет железа и шлепки выбрасываемой земли действуют ему на нервы.

Плотный мужчина, по всей видимости, санитар, приблизился к ним и, поднявшись на холмик перед ямой, бодро крикнул:

— Кончай на сегодня!

Вначале наверх была выброшена лопата, затем показалась голова с прилипшими ко лбу волосами и, наконец, правая рука старика, потянувшаяся к санитару.

— Ну, как сегодня? — спросил санитар, вытаскивая больного.

— Снова ничего! — Безнадежным жестом старик убрал со лба волосы.

— Значит, завтра следует попытаться вновь.

— Никак не пойму, — проворчал старик, — как раз сегодня я был полностью убежден. —

Санитар успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Только не сдаваться!

— Вы так думаете?

— Ни в коем случае!

В глазах старика мелькнуло нечто похожее на лучик надежды.

— Возможно, это было ближе к стенке, — произнес он. — Да, да, теперь я точно знаю, это там! Я просто не понимаю, чего копался здесь целый день?

Санитар проследил за движением руки старого человека.

— Приступайте прямо утром, — разрешил он, поднял лопату и повернулся к Герберту Геердтсу.

— Добрый вечер! Очень хорошо, что вы пришли проведать своего отца.

Вебер дернулся и растерянно уставился на Геердтса. Единственное, незначай оброненное слово объяснило ему, почему этот молодой человек не играет, как другие парни, в теннис и не собирает марки. Отец и сын стояли друг напротив друга, и Вебер видел, что старик безразличным взглядом смотрит на своего сына, которого постоянно ищет.

— Вы зайдете в дом? — услышал Вебер вопрос санитара. — Сейчас время ужина.

— Я подойду чуточку попозже, — ответил Геердтс.

Санитар увел больного, а Геердтс подошел к Веберу. Несколько секунд они молча всматривались друг в друга, затем Геердтс спросил:

— Когда вы приедете в Рендсхаген?

— Завтра вечером, — последовал ответ Вебера.

Глава вторая

На выезде из городка Шоппенхауер и Вебер остановились у молочного бара и, заняв места за единственным свободным столиком, заказали по чашечке кофе.

— Что вы думаете об этом Флюгере? — спросил Шоппенхауер, задумчиво вода ложечкой в чашке.

— Как о воре, укравшем коллекцию? — уточнил Вебер.

— Да.

— Все выглядит так, будто ни у кого, кроме него, оснований для кражи нет. Геердтс разъезжает со своей выставкой уже несколько лет, и ничего подобного до этого не случалось. Начальник уголовной полиции Рендсхагена не проявляет должного интереса к розыску украденных материалов. Его можно понять, хотя вряд ли стоит рассматривать как потенциального вора. Флюгер — единственный, у кого есть мотив преступления.

— Да, но при условии, что он возвратился в Германию, — возразил Шоппенхауер.

— Ну да, где-то же он должен осесть, — вставил Вебер. — Почему бы не в Рендсхагене? Представьте себе опрятный домик с ухоженным садиком, а в том садике добродушного, убеленного сединой господина, подрезающего розы и играющего с таксой. Чем не идиллия! И вот однажды появляется некий Геердтс, преподносит, среди других материалов, информацию о докторе

Флюгере и даже показывает его фотографию. Наш господин, естественно, не испытывает чувства уверенности, что его не опознают. Что ему остается? Разумеется, выкрасть коллекцию!

— А вам остается только установить, кто за последние годы приехал в Рендсхаген. И искомая иголка в стоге сена становится уже спицей!

Шоппенхауер вытащил из кармана несколько монет и бросил их на стол рядом со своей чашечкой кофе, к которому он так и не притронулся.

— Пойдемте, — сказал он. — Нам уже пора!

Нигде больше не задерживаясь, Шоппенхауер и Вебер возвратились в Гамбург. Остановив машину у дома, возведенного на краю городского парка, комиссар похлопал Вебера по плечу.

— Ну, пока! Желаю удачи!

Вебер поднялся в свою квартиру на шестом этаже, разделся и, не притронувшись к ужину, лег в постель. В полночь он поднялся, ему так и не удалось хотя бы на минуту сомкнуть глаз. Он накинул халат и принялся бродить по квартире, разглядывая мебель, будто видел ее впервые. Затем снял наугад с полки книгу и, устроившись в кресле с высокой спинкой, раскрыл ее.

На следующее утро Виктория Зоммерфельд застала спящего Вебера в кресле, раскрытая книга валялась на полу. Удивленная, она разбудила его, но от расспросов воздержалась. Не откладывая, Виктория подготовила ему ванну, и он исчез там на целый час. Когда Вебер снова появился в гостиной, то выглядел уже довольно бодрым.

Позавтракав, они принялись за работу и с усердием трудились почти целый день. Закончив дела, Вебер прилег отдохнуть и на этот раз заснул мгновенно. Через два часа Виктория разбудила его. Освежившись под душем, он спустился к машине. Было уже около шести часов вечера.

Вебер воспользовался автострадой номер три и в двадцать часов пятнадцать минут прибыл в Рендсхаген. Добравшись до Рыночной площади, Вебер поставил машину на стоянку перед отелем «Ландскнехт».

Отель «Ландскнехт» являл собой одну из провинциальных гостиниц, которые привлекают жителей крупных городов тем, что в них они чувствуют себя по-домашнему уютно.

Вебер вошел в вестибюль. Из примыкавшего к нему ресторанчика доносился запах жареного картофеля.

— Желаете заполнить номер? У нас все занято! — услышал он голос, прозвучавший из ресторанчика.

Вебер заглянул туда. В зале был занят только один столик, стоявший недалеко от стойки бара и почти рядом с дверью в туалет. За столиком гордо восседали трое мужчин, все упитанные, в зрелом возрасте, прилично одетые, по-видимому, уважаемые граждане города. Они играли в скат.

Владелец отеля стоял за стойкой бара и разливал пиво в поллитровые кружки. Он выжидающе посмотрел на Вебера. Мужчины, игравшие в карты, отложили их в сторону и тоже уставились на него.

— Я разыскиваю господина Геердтса, — произнес Вебер. — Он

должен проживать здесь, в номере одиннадцатом. Мы договорились встретиться.

Ответа не последовало.

Вебером овладело чувство, будто между ним и присутствующими возник барьер, в воздухе повисло ощущение отчужденности и плохо скрытой враждебности.

«Однако это уже слишком», — подумал Вебер и про себя отметил, что господа за столиком поспешно разобрали карты и веером распустили их в руках. Будничным голосом он добавил:

— Кроме того, господин Геердтс обещал заказать для меня комнату.

Снова молчание.

Хозяин подошел к игрокам и учтиво поставил перед ними кружки. Затем повернулся к Веберу, внимательно осмотрел его и вытер мокрые руки о фартук.

Вебер терпеливо ждал. Изобразив на лице вежливую улыбку и скрестив на груди руки, он прислонился спиной к арке. Господа за столиком сидели неподвижно и поглядывали поверх карт в его сторону. Наконец хозяин сообразовал заговорить:

— Господин Геердтс на месте. В своем номере.

Вебер не спеша подошел к стойке бара.

— И он не заказал для меня комнату?

— Он просил меня об этом, — отозвался хозяин, — но я ничем не могу вам помочь. Как раз в эти дни у нас все занято.

— В городе что-нибудь случилось?

— Здесь должна состояться выставка, — неожиданно вмешался в разговор один из игроков. В голосе его прозвучала ирония.

— Восхитительно, — обронил Вебер и, повернувшись к хозяину, который снова занял свое место за стойкой, спросил:

— Я могу подняться к нему?

— Пожалуйста!

Вебер кивком поблагодарил его и на несколько секунд задержал взгляд на господине за столиком.

«Человек этот не из северных районов Германии. Его диалект указывает на выходца из Силезии, ему уже где-то за шестьдесят, впечатления человека с высшим образованием он не производит, лицо толстое, полное, типичное лицо трактирщика».

Вебер направился к выходу. Дойдя до арки, он обернулся. Господа за столиком и хозяин за стойкой, замерев, смотрели ему вслед.

Вебер улыбнулся им и, миновав неосвещенное и пустующее место портье, поднялся на второй этаж. По обе стороны длинного, узкого коридора располагались номера, и лишь в конце его Вебер обнаружил дверь под номером одиннадцать. Из соседнего номера доносилась громкая музыка.

Вебер постучал. Не дождавшись ответа, он осторожно надавил на ручку и, слегка приоткрыв дверь, заглянул в номер. Комната была обставлена скромно. Единственную роскошь в ней составляли кресло и торшер с бесформенным абажуром. Герберт Геердтс сидел в кресле и, казалось, спал. От торшера, стоявшего рядом с креслом, лился мягкий свет.

— Алле! — бодро воскликнул Вебер. — Вот и мы!

Он вошел в комнату и прикрыл за собой дверь. Геердтс так и не шелохнулся.

Внезапно Вебер почувствовал слабость в ногах и был вынужден опереться о косяк двери.

«Только не это,— подумал он.— Все что угодно, но только не это!»

Он пошарил рукой по стене, нашел выключатель и включил верхнее освещение. Холодный свет залил комнату. Герберт Геердтс не спал, он был мертв.

«Проклятие! Почему они убили тебя как раз в тот момент, когда я появился здесь? — подумал Вебер.— Почему, если твоя идиотская коллекция уже у них? Бедняга!»

Оторвавшись от двери, Вебер медленно приблизился к Геердтсу и тут окончательно осознал, что и для него начинаются трудности. С того самого момента, как он застал несчастного молодого человека мертвым, у него нет пути к отступлению.

Вебер осмотрел труп Геердтса. Смерть не искажила его лица, наоборот, оно несло отпечаток какой-то одухотворенности, чего Вебер на живом Геердтсе не замечал. Он пощупал пульс и дотронулся до щеки, она была теплой. Смерть наступила, видимо, за несколько минут до его прихода, может быть, в тот момент, когда он остановился перед отелем, а может быть, когда он был уже внизу, в ресторане. Следов борьбы он не обнаружил. Изменив положение головы Геердтса, Вебер заметил рукоятку ножа, торчавшую между шейных позвонков.

«Убийца разбирается в своем деле,— подумал он.— Очевидно, специалист. Геердтс, должно быть, ничего не почувствовал, смерть наступила мгновенно. А что произошло незадолго до этого? И что означает одухотворенность на лице Геердтса? Возможно, убийца, чтобы расположить его к себе, сообщил какое-то приятное известие? Должно быть, Геердтс был знаком с преступником, иначе тому не удалось бы так близко подойти к нему и нанести удар».

Вебер медленно подошел к окну, отодвинул штору и высунулся в раздвижное окно.

Путь, которым убийца ушел с места преступления, прослеживался довольно отчетливо. Через окно он, по-видимому, выбрался на крышу примыкавшего к зданию сарайчика, оттуда спустился во двор и скрылся в боковой улочке.

Вебер опустил штору, вытащил из кармана тонкие кожаные перчатки и надел их. На пуховом одеяле он заметил легкий отпечаток тела, возможно, Геердтс лежал там до того, как пришел убийца. Вебер вернулся к двери и повернул ключ. В соседнем номере были слышны голоса двух мужчин, заглушаемые громкой музыкой.

Без особого желания он снова приблизился к убитому и со всей тщательностью обыскал его одежду. В левом боковом кармане куртки лежал бумажник, в котором были паспорт, документы на машину и триста сорок марок в купюрах по пятьдесят и двадцать марок. Эта находка полностью исключала убийство с целью ограбления. Вебер сунул бумажник на место и продолжил поиски. Ничего заслуживающего внимания он больше не нашел,

кроме той мелочевки, которую мужчины обычно таскают с собой: сигареты и зажигалка, носовой платок, перочинный ножичек, календарик, на котором не было никаких пометок, даже адресов, немного мелочи и крошечный, но тщательно заточенный огрызок карандаша. Все это Вебер рассовал по карманам и выпрямился.

Голоса в соседнем номере стали звучать громче. Вебер прислушался. Мужской голос проревел: «Еще одно слово, и я прибью тебя!»

Второй человек что-то тихо ответил, после чего на него обрушился поток грязных ругательств. Внезапно все смолкло. Вебер постоял, прислушиваясь, потом быстро подошел к платяному шкафу. Там висел один только костюм, в котором Герберт Гердтс приходил вчера на встречу с ним. Вебер ловко обследовал его, но в карманах ничего не было.

Под кроватью на деревянной подставке лежал кожаный чемодан, весь облепленный наклейками с названиями отелей. Вебер открыл его: грязные нейлоновые рубашки, пара нижнего белья и несколько пар носков. Того, что Вебер так лихорадочно искал, не было. Вебер задумался.

«Если преступник не нашел и не забрал с собой, то это должно быть спрятано где-то в другом месте. Но где?»

Размышления его прервал вой полицейской сирены. Следом послышались завывания второй, и через несколько секунд две полицейские машины замерли перед отелем.

«К кому мог бы относиться этот визит? — мелькнуло в голове Вебера. — К ссорившимся мужчинам в соседнем номере или ко мне? И то, и другое неприятно, поэтому следует исчезнуть».

Вебер подбежал к окну, намереваясь воспользоваться тем же путем, которым, очевидно, ушел преступник, отодвинул штору и через образовавшуюся узенькую щель увидел стоявших во дворе полицейских. Один из них держал в руке фонарь.

Он опустил штору на место, пересек комнату, открыл дверь и выглянул в коридор. Здесь он немного задержался, чтобы тщательно протереть ручку, поскольку это был единственный предмет, к которому он прикасался рукой, затем метнулся к двери в соседний номер, коротко стукнул, но, поскольку никто не отозвался, рывком открыл ее.

В помещении царил густая темнота. Вебер нащупал выключатель и зажег свет. Это была подсобка для хранения метелок — узкая, затхлая комнатка без окон. В ней никогда не было ссорившихся мужчин. Вебер сразу же увидел магнитофон, тихо и мирно покоившийся на ведре с моющим средством «Даш».

«Кто-то его здесь установил, — вихрем пронеслось в мозгу Вебера. — Но могут подумать, что это сделал я. Поднятая по тревоге полиция должна задержать меня на месте происшествия. Готов побиться об заклад, что сразу же появятся несколько свидетелей, которые покажут, что слышали высказанную мной угрозу: «Еще слово, и я прибью тебя!»

Вебер выключил свет, закрыл дверь и побежал по коридору к лестнице. Снизу уже доносились голоса. Он услышал, как хозяин сказал:

— Он прибыл минут двадцать назад и спросил господина Геердтса.

— Вам знаком этот парень?

— Нет, он не местный.

— Тогда вперед, взглянем на него!

По возможности избегая любого шороха, Вебер прошмыгнул по лестнице на третий этаж к чердаку. Тяжелая железная дверь преграждала путь. Он надавил на рычаг и с силой толкнул ее.

Как лунатик, простерев перед собой руки, Вебер двинулся вперед. Примерно в середине чердака он споткнулся о какое-то кирпичное сооружение, видимо, печную трубу. Ощупав ее со всех сторон, Вебер наткнулся рукой на железные скобы. Он взобрался по ним наверх, где находился чердачный люк, открыл его, отодвинув задвижку, и протиснулся наружу. Затем перебрался на крышу соседнего дома и стал уносить ноги так быстро, как только мог. Оказавшись на достаточном расстоянии от отеля, Вебер остановился и оглянулся. Никто за ним не гнался. Неподалеку он обнаружил в крыше люк и, протиснувшись через него, неожиданно попал на окутанную темнотой лестничную площадку. На ощупь он спустился по ступеням на один этаж, где нашел выключатель. Включив свет, он перевел дыхание. Все шло удачно. Беглец стряхнул пыль с костюма, вытер платком лоб и шею и причесался. Приведя себя в порядок, Вебер храбро двинулся вниз. Покинув дом через черный ход, он перелез через ограду и оказался в одном из переулков.

Некоторое время Вебер пытался сориентироваться, затем направился в ту сторону, где, как он полагал, должна была находиться Рыночная площадь. Он шел быстрым шагом, делая вид, будто торопится домой. Вскоре он вышел на широкую улицу и уже хотел пересечь ее, но вдруг снова послышался вой полицейской сирены. Вебер вбежал в ближайший подъезд жилого дома. Темный «мерседес» промчался по улице. Когда его сигнальные огни скрылись за поворотом, Вебер, согнувшись, перебежал проезжую часть и исчез в темноте переулка. Он был не так уж спокоен, как можно было ожидать от детектива.

Переулок раздвоился, а поскольку Веберу было все равно, какую дорогу выбрать, он, не долго думая, свернул налево. Когда через несколько минут он обнаружил, куда вывел его уличный лабиринт, было уже поздно что-либо предпринимать. Дорога вывела его на Рыночную площадь, но на этот раз с противоположной отелю «Ландскнехт» стороны. Перед входом в отель стояли две полицейские машины и темный «мерседес». На нем, по всей видимости, прибыли сотрудники комиссии по убийствам.

«Надо отдать должное рендсхагенцам, — подумал Вебер. — Расторопные ребята!»

На улице перед отелем суетились темные фигуры в форменной одежде. Вебер решил повернуть назад, чтобы снова укрыться в темноте переулка, но в его сторону уже направлялся один из полицейских.

Время для бегства было упущено, поэтому Вебер поступил наоборот, то есть он вышел на открытую Рыночную площадь. Придерживаясь тени домов, он двинулся мимо темных витрин

и через несколько шагов оказался у огороженного навесом прохода.

Скосив глаза, он наблюдал за полицейским, который преодолел уже половину площади. Тут Вебер заметил справа две входные двери, одна вела в магазин, другая — в жилой дом. Сквозь неплотно прикрытые жалюзи на двери магазина проникал свет. Вебер нажал ручку, дверь оказалась незапертой, и он вошел в магазин.

Это была антикварная лавка, заваленная мебелью, разными вещичками из олова и хрусталя и старинным оружием. В задней части магазинчика он увидел прилавок, а за ним проход, закрытый занавеской. Вебер ринулся туда и уже протянул руку к занавеске, но тут она раздвинулась сама собой.

Перед ним, держа в руках несколько свертков, стояла женщина, на вид лет тридцати. Она спокойно посмотрела на него и сказала:

— Мы давно уже закрылись. Что вам нужно?

Вебер на мгновение растерялся. Вдруг женщина громко рассмеялась:

— Ах, так! Понимаю, касса! Пожалуйста, берите! Там около сотни марок!

— Бред какой-то! — выдавил из себя Вебер. — Есть здесь второй выход? За мной гонится полиция!

— Полиция? — переспросила она.

Вебер показал в сторону Рыночной площади. Женщина, нахмутив брови, изучающе смотрела на него, а драгоценные секунды убегали. Наконец она направилась к двери и выглянула наружу.

Вебер лихорадочно искал выход из создавшегося положения и не находил его.

— Что же, собственно, случилось? — спросила женщина, поворачиваясь к нему.

— Убийство в отеле напротив, — торопливо пояснил он.

— И вы замешаны в этом деле?

— Косвенно.

— Но вы не преступник?

— Нет.

Она кивнула и повернула в двери ключ. До Вебера еще не дошло, что для него приоткрылась маленькая лазейка. Будто сквозь туман он увидел приближающуюся к нему женщину и неожиданно ощутил в своих руках свертки. В этот момент в дверь постучали.

Поведение женщины было поистине удивительным. Она пошла к прилавку, взяла еще несколько свертков и взвалила их на Вебера. Затем, не торопясь, приблизилась к двери и спросила:

— Кто там?

— Полиция!

— Полиция? С чего бы это?

— Пожалуйста, откройте дверь!

Женщина повернула ключ и открыла входную дверь. Снаружи в полутьме стоял молоденький полицейский.

Она снизила голос на полтона и спросила:

— Ну, а теперь?

Юный полицейский смутился, но затем бодро произнес:

— Здесь мужчина.

Указав на Вебера, нагруженного свертками, женщина ответила:

— Если вы имеете в виду его, то он, конечно, здесь.

— Вы вместе?

— О да! Это так! — вздохнула она.

Вебер протиснулся мимо них в дверь. Полицейский недоверчиво смотрел на него. Женщина передала Веберу ключи и сказала:

— Веди машину ты, я устала как собака!

Принимая ключи, Вебер выронил из рук часть свертков.

— О Боже! Осторожнее! — набросилась она на него.

Хотя Вебера бросало то в жар, то в холод, он почувствовал, что происходящее доставляет женщине огромное удовольствие.

Ее грубость окончательно убедила полицейского. Он нагнулся, поднял свертки и передал их Веберу. Тем временем женщина заперла дверь и направилась к выходу.

— Ну пошли же! — бросила она. — Я хочу в кровать!

— Малый! Да это же мегера! — негромко вырвалось у полицейского. Он повернулся к Веберу и окинул его сожалющим взглядом. Тот неопределенно пожал плечами и медленно поплелся за женщиной.

Подойдя к машине, Вебер бросил свертки на заднее сиденье и уселся за руль.

— Уф! — выдохнул он. — Кажется, пронесло!

Женщина ответила переливчатым смехом. Затем спросила:

— Что же, собственно, произошло в «Ландскнехте»? Вы сказали, убийство?

— Почему же сразу убийство?

— Ну, по количеству полицейских машин перед отелем можно заключить, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

— Вы правы, — поколебавшись, признался Вебер. — Там действительно кого-то убили.

— И кого же? — с любопытством спросила она. — Женщину?

— Нет, мужчину.

— Ах! — В голосе ее прозвучало разочарование. — А вы? Какое отношение вы имеете к этому?

— Мы должны были встретиться с тем человеком, но, когда я зашел к нему в номер, он был уже мертв.

— Так стал бы утверждать и убийца.

— Разумеется.

Они добрались до района новостроек на окраине городка. Улицы здесь были шире и освещены лучше.

— Как вам удалось уйти от полиции? — вновь начала разговор спутница Вебера.

— По крышам.

— Примите мой комплимент! А почему вы вообще убежали, коль не имеете к делу никакого отношения?

— Полиция крепко держит в своих лапах и так просто не выпускает, поэтому я сумею скорее доказать свою невиновность, если останусь на свободе.

— Кстати, вы не выглядите преступником и тем более убийцей.

— Хм, — скептически ухмыльнулся Вебер. — А как же они выглядят?

— Вспомните ужасные фотографии, которые через день показывают по телевизору и добавляют: «Уголовная полиция просит оказать помощь...» Вы что, не смотрите телепередачи?

— Изредка, — улыбнулся он. — И все же хорошо, что я произвожу на вас такое безобидное впечатление.

Женщина не поддержала шуточный тон и серьезно сказала:

— На втором перекрестке повернете направо.

В указанном месте Вебер свернул в боковую улочку. Примерно метров через двести она положила руку на его плечо:

— Вот здесь я живу.

Вебер притормозил и поставил машину под осветительным фонарем. Несколько секунд они сидели молча. Затем женщина произнесла:

— Ну, что мне с вами делать? Может быть, вы поднимитесь ко мне? Чашка кофе для милосердного человека не разорение!

Вебер засмеялся:

— Неплохая идея!

Квартира располагалась на третьем этаже. Из маленькой прихожей двери вели в комнаты, на кухню и в ванную. Вебер беспомощно застрял в коридоре со свертками в руках.

— Положите вещички возле вешалки, — сказала хозяйка квартиры и открыла дверь в гостиную. Сделав приглашающий жест, она добавила: — И проходите, пожалуйста!

Хозяйка прошла в гостиную и скрылась в соседней комнате, оставив дверь открытой.

Вебер осмотрелся. В гостиной было много антикварных вещей. На стене висела старинная географическая карта американского континента, а рядом с ней — шкура ягуара. Под ними к стене были прикреплены два копыя. В углу Вебер обнаружил картину голландского мастера, на ней была изображена какая-то сценка из крестьянского быта. Восхищенный, он остановился перед этим произведением искусства.

— Она вам нравится? — неожиданно раздался голос за его спиной.

— Хм, — только и смог произнести он.

— Вы разбираетесь в живописи?

— Откровенно говоря, не очень.

Женщина извиняюще улыбнулась:

— Это картина Остаде, вторая половина семнадцатого столетия. Правда, копыя, но очень хорошая.

Теперь Вебер рассматривал женщину в упор и не мог не выказать своего удивления. От нее веяло чем-то особенным, какой-то своеобразной чужеземностью. Черные волосы, глаза, карие оболочки которых были как бы обрызганы янтарными крапинками по краям, полные, чувственные губы, и только нос, как ему показалось, был немного большим.

Его взгляд она восприняла как само собой разумеющееся и, улыбнувшись, спросила:

— Может быть, мне приготовить вам что-нибудь поесть?

Вебер отрицательно покачал головой.

— Тогда кофе?

— Если у вас найдется шнапс, я бы не возражал.

Женщина налила две рюмки и одну подала ему. Они долго смотрели друг другу в глаза. Наконец Вебер произнес:

— Я должен поблагодарить вас.

— Да?

— И хочу надеяться, что у вас из-за меня не будет неприятностей.

— Ну и ну! Я с удовольствием играю с полицией в «кошки-мышки». Там, откуда я родом, у людей иное представление о стражах закона.

— Вы были удивительно хладнокровны, когда разговаривали с молодым полицейским,— добавил он с восхищением.

Она засмеялась.

— Вы когда-нибудь смотрели в глаза ягуару? Я имею в виду, не в зоопарке, а на свободе?

— Ради Бога! — Вебер с ужасом взмахнул руками.

— А я смотрела! — гордо заявила женщина.

Вебер указал на шкуру, висевшую на стене.

— Это он?

— Да. С двенадцати лет я жила в Бразилии. — Она помолчала немного, затем спросила:

— А, собственно, вы кто?

— Моя фамилия Вебер.

— А я — Жаннет Мессемер.

— Жаннет?

— Подарок моего отца. В общем-то единственный. Я — результат веселого времяпрепровождения моей матери в Париже. Но что с вами? Мне показалось, что вы хотите как можно скорее исчезнуть из города?

— Наоборот.

— То есть?

— Я останусь здесь до тех пор, пока убийство не будет раскрыто.

Тень недоверия неожиданно проступила на ее лице.

— Вы мне тут наплели всякого. Вы что, из полиции?

— Еще хуже! Я — частный детектив!

Собеседница звонко рассмеялась.

— Так вот как выглядят эти парни! Вообще-то у меня на ночном столике всегда лежит какой-нибудь роман Агаты Кристи, но должна честно признаться, что в основе своей они для меня скучны.

— Дело вкуса, — сухо ответил Вебер.

Они снова посмотрели друг другу в глаза и почувствовали, что между ними появилось нечто похожее на взаимную симпатию. Жаннет непринужденно произнесла:

— На эту ночь я могу предложить вам убежище. Конечно, если вы согласны.

— А у вас не будет неприятностей?

— Тогда бы я не предлагала.

— И все же должен предупредить вас, что меня разыскивает полиция. Если вы оставите меня у себя, то это будет называться оказанием помощи при побеге.

— А разве мною не была оказана помощь, когда я помогала вам выбраться из магазина?

— Ну да, — уступил Вебер.

— Так вот, не стоит мелочиться.

Он благодарно улыбнулся ей.

— После пробежки по крышам вы устали, — продолжала она. — Я приготовлю вам постель.

Жаннет направилась к двери, которая вела в спальню.

— Могу ли я тем временем воспользоваться вашим телефоном? — крикнул ей вслед Вебер. — Должен же я наконец задействовать в сражении свои войска!

— Пожалуйста, господин генерал! — Жаннет указала на телефон, стоявший на маленьком столике, и исчезла в спальне.

Вебер снял трубку, но остановился и нерешительно уставился на диск.

«Домой звонить нельзя, — подумал он. — По номеру машины, стоящей перед отелем, полиция, видимо, уже установила владельца и теперь, естественно, прослушивает его телефон».

Вебер взглянул на часы, они показывали около десяти часов вечера. Решившись, он набрал номер домашнего телефона Шоппенхауера.

— Герберт Геердтс мертв! — сообщил Вебер в трубку.

На несколько секунд возникла пауза. Затем послышался холодный и сдержанный голос комиссара:

— Убийство?

— Да!

— Рассказывайте!

— Согласно договоренности, в двадцать часов тридцать минут я прибыл в отель «Ландскнехт». Поднявшись в номер, я застал Геердтса мертвым. Он был заколот обычным, но остро заточенным ножом.

— Дальше, — донеслось с другого конца провода.

— Смерть наступила неожиданно. На его лице не было никаких следов испуга. Преступник скрылся через окно, спустившись по пожарной лестнице. Я обыскал номер, но ничего заслуживающего внимания не нашел.

Вебер прервал разговор и посмотрел на Жаннет Мессемер.

Выйдя из спальни, она стелила постель на кушетке, стоявшей рядом.

— Дальше! — послышался в трубке голос Шоппенхауера.

Вебер стал рассказывать дальше:

— Почти все время из соседнего номера доносились музыка и мужские голоса, а потом последовала ссора. При этом один сказал другому: «Еще одно слово, и я прибью тебя!» Две или три минуты спустя прибыла полиция, сразу две машины, как по заказу. Прибывшие окружили отель, а следом за ними пожаловали представители комиссии по убийствам.

— К кому могла относиться эта акция? К вам или к мужчинам из соседнего номера?

- Трудно сказать.
- И что же вы предприняли?
- Я смылся.

На мгновение воцарилось молчание, затем комиссар заорал так, что мембрана завибрировала:

- Вы что, сошли с ума?
- Нет, не сошел, — спокойно ответил Вебер.
- Черт побери! Этим побегом вы поставили себя под подозрение, и теперь ни один человек не поверит в вашу невиновность!

Вебер посмотрел на Жаннет Мессемер и улыбнулся.

— Порассуждайте-ка спокойнее, Шоппенхауер. Там все воняло западней. Позднее, заглянув в соседний номер, я обнаружил, что это вовсе не номер, а кладовая для метелок. А музыка и голоса исходили из магнитофона. Что вы теперь скажете?

— Магнитофон как раз и доказывает, что это заранее подготовленная акция. Вы дурак! — проворчал Шоппенхауер.

— Почему же, мой дорогой? — спросил Вебер любезным тоном. — Любой мог поставить магнитофон туда, в том числе и я.

- Почему же вы?
- Например, чтобы отвести от себя подозрение.
- Это же абсурд!

— Геердтс посеял во мне сомнения относительно полиции Рендсхагена.

Некоторое время трубка молчала, затем в ней снова раздался голос Шоппенхауера. Но теперь он звучал немного сочувственно:

- И что же делать?
- Я скажу совершенно определенно, — злорадно ответил Вебер. — Вам надлежит приехать сюда. Не забывайте, пожалуйста, что именно вы втянули меня в эту историю!

- Да, да, конечно.
- И прихватите с собой Фреезе.
- Адвоката?

— Да. Позвоните ему прямо сейчас. Втроем мы сможем повлиять на здешнего начальника уголовной полиции.

— Но он же дерьмо, — проворчал Шоппенхауер.

— Кому вы это говорите! И еще одно: поведайте Фреезе всю историю. Может быть, ему придет в голову какой-нибудь трюк, с помощью которого мы сумеем положить на лопатки местных парней.

- Где вы спрятались?
- У одной очаровательной молодой дамы.
- Не может быть!

— И все же это так! — Вебер прикрыл трубку рукой и обернулся к Жаннет. — Какой у вас адрес?

— Момзенвег, двадцать.

Вебер снова поднес трубку к уху:

— Я застрял на улице Момзенвег, двадцать. Утром ждите меня по этому адресу. Я спущусь. Спокойной ночи!

Вебер положил трубку на рычаг и посмотрел на Жаннет. Заметив на ее лице выражение озабоченности, он не сдержал улыбки.

— Дело, пожалуй, серьезнее, чем я полагала вначале, — произнесла она. — Вы сумеете пробиться?

— Мне не раз приходилось выпутываться из, казалось бы, безвыходных ситуаций, — успокоил ее Вебер. — Решающим в конце концов остается то, что ведь где-то находится настоящий убийца. Мне нужно только найти его, чтобы доказать свою невиновность.

— А вы самоуверенны!

— Ровно настолько, чтобы выжить в этом мире.

Жаннет скользнула по нему взглядом. Какие при этом были у нее мысли, он знать не мог. Затем, указав на кушетку, она сказала:

— Спокойной ночи и приятных сновидений! Завтра все уладится.

Неторопливым шагом она направилась в спальню и закрыла за собой дверь.

По сравнению с предыдущей ночью Вебер заснул довольно быстро.

Глава третья

В это утро советник уголовной полиции Драховитц чувствовал себя неважно. Прежде всего в этом были повинны трое мужчин, сидевшие перед его письменным столом. О Шоппенхауере он был наслышан. Слышал он и о Вебере, но в данный момент никак не мог припомнить, с чем это связано. Но более всего ему был известен Фреезе, адвокат, имя которого в последнее время не сходило со страниц газет.

И с этой троицей ему предстояло справиться, что было совсем непросто.

Адвокат Фреезе слыл матерым, прошедшим огонь и воду, пройдохой. Он сидел на стуле для посетителей, откинувшись далеко назад, и не скрывал иронической улыбки.

В полночь Драховитца подняли сотрудники отдела и сообщили предварительные данные о происшествии в отеле «Ландскнехт». Вначале от испытал глубокое удовлетворение, которое, однако, тут же улетучилось, как только до него дошло, что же должно последовать за всем этим. Геердтс мертв, но тот, кто убил его, оставил Драховитцу нераскрытое убийство, а это влекло за собой неприятности.

Драховитцу и теперь становилось дурно при мысли, что розыск убийцы ему придется начинать с нуля. Путь бегства преступника был известен, он вел через окно на крышу сарайчика и во двор, а оттуда через ворота в боковую улочку, примыкавшую к Рыночной площади. Но на подоконнике не было обнаружено никаких следов. В номере Геердтса сотрудники полиции выявили множество отпечатков пальцев, но все они принадлежали Геердтсу и горничной, которая прибиралась у него в номере. Преступник не оставил «визитной карточки». Поэтому Драховитц не знал, радоваться ему или беспокоиться. Сама судьба послала Вебера в качестве подарка. Если удастся подкрепить улики против этого господина, можно состряпать веское обвинение по

подозрению в убийстве. А потом пусть следователь и прокурор мучаются с этим малым, пока не надоест.

Подозрительных моментов, которые указывали на Вебера, было предостаточно. Он появился в отеле и справлялся о Геердтсе, с разрешения владельца отеля поднялся на второй этаж. Вскоре после этого горничная Анке, спускавшаяся с мансарды, слышала голоса ссорящихся мужчин. Главную улику представляло, конечно, бегство Вебера с места происшествия. Если он, как утверждает, не причастен к случившемуся, почему же не остался там? Оставалось загадкой, как Веберу удалось скрыться. Ведь сразу же после звонка владельца отеля обе патрульные машины прибыли туда, и полицейские тут же перекрыли близлежащие улицы.

И вот теперь этот Вебер неожиданно является, усаживается перед ним с невинным выражением ребенка и действует ему на нервы. В довершение всего он притащил с собой из Гамбурга подкрепление в виде двух уважаемых граждан: начальника комиссии по убийствам и пользовавшегося известностью адвоката.

Драхвитц подавил в себе злость. Он интуитивно чувствовал, что к этому делу следует подходить очень осторожно.

— Значит, вы не оспариваете, что вчера вечером находились в отеле «Ландскнехт»? — спросил он после затянувшейся паузы.

— Как же он может оспаривать это? — ответил за Вебера Фреезе. — Он же общался и с владельцем отеля, и с господами, игравшими в скат.

— Вот именно, господа! — Драхвитц вспылал против своей воли. — Но я не понимаю, почему господин Вебер все еще утверждает, что не заходил в одиннадцатый номер? Да еще при наличии такого множества свидетелей? Со мной давно уже ничего подобного не случалось! За время службы мне не раз приходилось иметь дело с преступниками.

Фреезе дерзко улыбнулся.

— Я принимаю это к сведению, господин советник, но опровергнуть не могу.

— Что?!

— То, что вы всю жизнь общались с преступниками!

Лицо Драхвитца покрылось красными пятнами. Он сделал нервный жест, но в последний момент сдержался, осознав, что это провокация, направленная на то, чтобы вывести его из равновесия. Поэтому он спокойно пояснил:

— Общение с преступниками привносит с собой наша профессия!

Фреезе добродушно произнес:

— Да, да, но оставим это! Что же касается ваших свидетелей, то все они, вместе взятые, ничего не стоят. Вам это также хорошо известно, как и мне, не правда ли?

— Нет, мне это неизвестно, и, может быть, вы будете любезны объяснить?

— С удовольствием, господин советник. Объяснение лежит прямо-таки на поверхности. Есть только владелец отеля и уважаемые господа, игравшие в скат, с которыми Вебер беседовал

в ресторане! Но ведь нет ни одного свидетеля, который бы видел Вебера, заходящим в номер господина Геердтса!

Драхвитц взглянул на Вебера и, сопя, спросил:

— Вы остаетесь при своих показаниях, что не заходили в номер?

Вебер отмолчался.

— Отвечайте!

Фреезе вновь вступил в разговор, придав голосу оттенок любезности:

— Он этого не делал!

Драхвитц взвился:

— Пусть отвечает господин Вебер!

Фреезе покачал головой:

— Представьте себе, господин Драховитц. Мой клиент платит огромную сумму денег, чтобы я представлял его интересы, и я должен отрабатывать свой гонорар. Итак, если вы позволите, я начну еще раз с самого начала. Мой клиент договорился встретиться с господином Геердтсом около двадцати часов тридцати минут в номере гостиницы. Он зашел в ресторанчик и разговорился с владельцем отеля. Эти показания у вас имеются. Затем господин Вебер поднялся на второй этаж и постучал в дверь одиннадцатого номера. В общей сложности он принимался стучать трижды, но так и не получил ответа.

— А разве дверь не была открыта?

Вопрос Драховитца последовал настолько торопливо, что Вебер не смог подавить улыбки:

— Откуда мне это известно?

— Ну, может быть, вы нажали ручку?

— В таком случае вы должны были обнаружить на ней отпечатки моих пальцев.

— Там вообще не было никаких отпечатков.

— Самое лучшее доказательство тому, что я до нее не дотрагивался.

— Перестаньте принимать меня за дурака! — Усталым жестом Драховитц провел по лбу и добавил: — Дверных ручек без отпечатков пальцев, как вам известно, не бывает. Если они не найдены, то только потому, что их тщательно протерли.

Вебер пожал плечами.

— Наверняка, это было сделано преступником.

— Или вами, что, по-видимому, одно и то же.

— Нет, господин Драховитц, этого я не допущу! — вклинился в разговор Фреезе. — Я повторю: господин Вебер в комнату не заходил! После того как на его стук никто не отозвался, он спустился в вестибюль и покинул отель.

— Через главный вход?

— А как же иначе?

— И владелец отеля, и господа, игравшие в карты, ничего не заметили?

— А они и не могли заметить.

— Почему? — Драховитц явно развлекался.

— Потому что ни от столика, ни от стойки бара вход в отель не просматривается! Я потрудились сегодня утром побывать в оте-

ле, — любезно пояснил Фреезе. — А вы этого не сделали?

Драхвитц промолчал. Откинувшись в кресле, он некоторое время наблюдал за троицей. Наконец, переборов себя, непринужденно произнес:

— Ну, поскольку у вас на все и вся находятся готовые ответы, вы, наверное, сможете объяснить мне и ссору, которую слышала горничная. Мужские голоса, доносившиеся из одиннадцатого номера в то время, когда Вебер находился в отеле.

Фреезе покачал головой.

— Пребывание Вебера в отеле нельзя установить по минутам. Ему потребовалось, например, секунд тридцать — сорок, чтобы пройти коридор, спуститься вниз и покинуть отель. Появившаяся несколькими секундами позже горничная услышала голос, который, должно быть, принадлежал другому мужчине, а именно убийце. Между прочим, мой клиент заявлял, что он слышал мужские голоса и музыку, доносившиеся из соседнего номера.

— Где он их слышал?

— Стоя у двери.

— И голоса, и музыка доносились из соседнего номера? — настороженно спросил Драховитц.

— Конечно, а что тут особенного?

Драхвитц перегнулся через стол и торжествующе посмотрел на Вебера.

— Особенность в том, что соседнего номера вообще не существует! Рядом находится каморка для метелок, и вы, господин Фреезе, не станете серьезно утверждать, что там кто-то прятался.

112 — А почему бы и нет? — Из голоса адвоката исчезла всякая любезность. — Дело-то пахнет заговором! Да, да, заговором с целью навесить на моего клиента ярлык убийцы! При расследовании любого преступления, и в данном случае тоже, прежде всего нужно поинтересоваться — кому это нужно? Я прихватил с собой из Гамбурга старшего комиссара Шоппенхауера, чья честность у вас, пожалуй, сомнений не вызывает. Комиссар может засвидетельствовать, что господин Вебер впервые увидел Геердтса два дня назад. До этого между ними никаких отношений не существовало. Так где же мотив? Геердтс хотел нанять господина Вебера для розыска украденных у него документов. Об исчезновении материалов Геердтс сообщал в полицию, и вы, господин советник, должны быть в курсе этого. Однако у него возникли серьезные сомнения, которыми он поделился с моим клиентом, так как кража не расследовалась с должной серьезностью.

— Как он мог?! — не сдержался Драховитц. Скопившаяся в нем ярость выплеснулась наружу. — Как у него могли зародиться такие сомнения? Это же бессовестная подтасовка фактов!

— В самом деле? — Фреезе изобразил на лице милую улыбку. — Когда Геердтс сообщил о краже трех чехмоданов с документами, никто из ваших сотрудников в отеле не появился. Тогда он явился в полицию сам и настоял на том, чтобы по крайней мере был составлен протокол. И после этого в отель никто не приехал для осмотра места происшествия. Ваши люди побывали там лишь спустя два дня после случившегося. К этому времени

номер, по указанию владельца отеля, был основательно прибран, и ни о каких следах не могло быть и речи. Но вернемся к главному! Оба преступления — кража документов и убийство Геердтса — взаимосвязаны. Займитесь розыском вора, укравшего коллекцию, и вы непременно наткнетесь на убийцу.

— Но преступление совершено именно в тот момент, когда господин Вебер находился в отеле. Удивительное совпадение!

— Я этого не нахожу. — Фреезе покачал головой. — Геердтс, видимо, сболтнул кому-то, что он вечером ожидает приезда частного детектива. Для меня в этом деле есть более удивительные вещи. Возьмем, к примеру, владельца отеля. Горничная сообщает ему о ссоре на втором этаже. Вместо того чтобы самому выяснить причину, он тут же вызывает полицию.

— Но ведь там угрожали убийством, — вставил Драховитц. Фреезе расплылся в улыбке:

— Да, да, и через несколько минут две патрульные машины были уже на месте.

— Но, господа мои, быстрота — самое важное при срочном вызове!

Молчавший до этого Шоппенхауер вмешался в разговор:

— Насколько я знаю, у вас в отделе всего пять патрульных машин на весь район.

Лицо Драховитца перекоксилось.

— Наверное, обе случайно оказались в районе Рыночной площади.

— Через пять минут ваша комиссия по убийствам тоже оказалась там.

— Да, знаю, видимо, сотрудники еще не разошлись по домам.

— В девять часов вечера?

— А у вас в Гамбурге разве такого не бывает?

— Иногда, конечно, случается.

Фреезе поднялся и непринужденно заметил:

— Между прочим, прибытием в короткий срок ваших сотрудников на место происшествия опровергается одно из подозрений в отношении моего подопечного. За те две минуты, которые отделяют звонок владельца отеля в полицию и появление патрульных машин, Вебер не успел бы прикончить жертву, стереть отпечатки и скрыться известным нам путем. По меньшей мере ваши люди должны были бы заметить в боковой улочке фигуру убегающего человека. Нет, господин советник, Герберт Геердтс был уже мертв, когда господин Вебер стучался к нему в номер.

Драховитц поднялся из-за стола, подошел к окну, открыл створку и глубоко втянул в себя свежий воздух.

— Ну и как? — выдержав некоторую паузу, спросил Фреезе. — Вы будете выносить постановление об аресте Вебера после всего того, что мы смогли здесь выяснить?

— Да, — не оборачиваясь, равнодушно ответил Драховитц. — Для меня здесь ничего не выяснено, я, как и прежде, считаю господина Вебера подозреваемым.

— Сегодня утром я встретил в городе несколько мрачных фигур из тех, кто прибыл на встречу эсэсовцев, — начал Фрее-

зе. — И мне кажется, что любой из них более подозрителен, чем мой клиент.

Драхвитц прикрыл окно, оставив небольшую щель, возвратился к столу и уселся в кресло.

— Разговор окончен, господа, — заявил он и, обращаясь к Веберу, сухо добавил: — А вы останетесь здесь, пока следователь не решит, где вам быть.

Рука Драховитца скользнула к кнопке звонка.

— Погодите, господин Драховитц, — остановил его Фреезе, в голос которого прозвучали жесткие нотки. — Вы знаете доктора Флюгера?

На мгновение показалось, что в глазах Драховитца, скрытых за очками, что-то блеснуло. Палец его застыл над кнопкой.

— Какого еще Флюгера?

— Штандартенфюрера доктора Флюгера, начальника спецкоманды, которая, как известно, подчинялась бывшему Ведомству имперской безопасности, то есть тому, в котором когда-то служили и вы.

Вебер затаил дыхание:

«Вот оно! Намек на прошлое Драховитца, его прежнюю деятельность — наш главный козырь! Поможет ли?»

Драховитц молчал.

— Вы знаете Флюгера? — повторил вопрос Фреезе.

— Нет, не знаю, — последовал ответ.

— А верно ли, что вы сотрудничали со спецкомандами?

— Это к данному делу не относится!

— Мы считаем доктора Флюгера убийцей Геертса!

Драховитц резким движением убрал руку от кнопки и спросил:

— На основании чего вы пришли к такому выводу?

— Нас просто заинтересовал мотив убийства, — вступил в разговор Вебер. — Из всех лиц, представленных в коллекции Геертса, Флюгер единственный, кто не реабилитирован. В сорок шестом году под вымышленной фамилией он бежал в Южную Америку. Мы предполагаем, что он вернулся.

— В наш город?

— Почему бы и нет? Шлезвиг-Гольштейн — прекрасный уголок на земле!

— Должен заметить, это довольно слабая гипотеза.

— Оставим пока Флюгера в покое, — предложил Фреезе. — В основе своей каждое представленное в коллекции Геертса лицо попадает под подозрение. Каждое!

Советник рывком поднялся из кресла и стукнул кулаком по столу.

— Довольно, господин Фреезе! Наш разговор окончен!

Адвокат предостерегающе поднял руку:

— Хорошо, господин Драховитц, только вы должны знать еще кое о чем! Конечно, вы можете арестовать моего клиента. Но мы вынуждены защищаться. Если меня, к примеру, спросят, будьте уверены... — Фреезе сделал многозначительную паузу и посмотрел Драховитцу в глаза. — Я дам ответы на все вопросы журналистов и не буду скрывать своего мнения о вас. Посмотрим, как среагирует общественность, узнав, что один честный и порядоч-

ный гражданин стал козлом отпущения за преступления целого ряда эсэсовских злодеев!

Голос Фреезе уже не был любезным, тон его сделался угрожающим. В это мгновение Вебер посчитал, что все потеряно, поскольку адвокат, по его мнению, зашел слишком далеко. Этот удар, даже ради сохранения престижа, Драховитц не должен был принять! Но он его принял.

— Вы свободны, господин Вебер, — спокойно произнес Драховитц. — Но я предупреждаю вас, — на случай, если вы вознамеритесь вмешаться в нашу работу, — что вы останетесь в городе под моим надзором. И еще одно обещаю. Если мы выясним, что вы все-таки заходили в номер отеля, вы сразу же окажетесь здесь!

Троица молча поднялась и направилась к выходу. В дверях Вебер обернулся. Драховитц сидел, вжавшись в кресло и уставившись застывшим взглядом в стол. Он выглядел постаревшим и слабым.

Друзья отпраздновали победу над Драховитцем в ресторане отеля «Ландскнехт».

Когда владелец отеля подошел к их столику и положил перед ними меню, Вебер, задумчиво глядя на него, спросил:

— Одиннадцатую комнату комиссия по убийствам освободила?

— Да, сегодня утром.

— И она снова занята?

— О чем вы говорите? — Хозяин отеля сокрушенно вздохнул. — Никто не захочет жить в помещении, где несколько часов назад было совершено убийство. Этот случай нанесет отелю большие убытки.

— Сдайте комнату мне, и ваши убытки будут покрыты.

— Вы что, действительно хотите занять этот номер?

— Конечно же!

Хозяин отеля, казалось, колебался.

— Ну, да, — наконец согласился он. — Тогда я прикажу отнести ваш багаж.

— Было бы просто замечательно!

Владелец отеля еще несколько секунд потоптался на месте, затем ушел.

Наблюдая за шумевшими у стойки бара людьми, Шоппенхауер спросил:

— Вы в самом деле намерены поселиться здесь?

— А почему бы нет? — отозвался Вебер. — Вчера вечером мне удалось лишь мельком осмотреть номер, и я естественно ничего не нашел. А теперь я основательно переверну все вверх дном.

— И что вы собираетесь отыскать? — спросил Шоппенхауер.

— Разумеется, подборку документов.

Фреезе удивленно посмотрел на детектива.

— Что? Они же были выкрадены еще до смерти Геердтса!

Комиссар, казалось, был удивлен не меньше Фреезе. Внезапно он хлопнул ладонью по столу.

— Ну, конечно же! Украденные документы были лишь фотокопиями! — воскликнул он. — А негативы должны быть где-то

спрятаны! Вы действительно убеждены в том, что Геердтс взял оригиналы с собой?

— По крайней мере такое предположение существует, — ответил Вебер.

Фреезе покачал головой:

— Не думаю, что вам повезет в поисках. Вы забыли про убийцу!

— Что вы имеете в виду?

— До вас в комнате побывал преступник, а поскольку он такой же хитрый, как и вы, то наверняка тоже занимался поисками негативов.

— Разумеется, он искал их, но не нашел.

— Почему вы так считаете?

— Иначе Геердтс был бы жив.

— Мне этого не понять.

— Давайте поразмыслим, Фреезе, — оживился Вебер. — Это же простенькая задачка. Мы должны исходить из того, что преступник убрал свою жертву не ради удовольствия. Вначале он выкрал чемоданы с документами. Когда они оказались у него, он обнаружил, что это лишь копии. Но ему нужны были и негативы, ведь Геердтс мог запросто восстановить свою коллекцию. Это обстоятельство и толкнуло его на убийство Геердтса.

Фреезе ошеломленно уставился на Вебера, а Шоппенхауер, громко рассмеявшись, сказал:

— Вы удивлены? Но наш Вебер умный мальчик!

Разговор прервался, поскольку к столу подошла молодая девушка лет двадцати, чтобы забрать чемоданчик Вебера, стоявший в его ногах под столом. Она производила впечатление человека робкого и застенчивого. Схватив ее за руку, Вебер спросил:

— Как вас зовут?

— Анке, — последовал ответ.

— Это вы слышали вчера ссору на втором этаже?

Она кивнула, не поднимая глаз.

— А с какого места вы слышали голоса?

— С того конца коридора, где находится одиннадцатый номер, — едва слышно произнесла девушка.

— Но рядом находится еще одно помещение.

— Там всего-навсего подсобка.

— А не могли ли голоса доноситься оттуда?

Девушка промолчала.

Не отпуская ее руки, Вебер продолжал:

— Вы спускались по лестнице, не так ли? А когда дошли до второго этажа, услышали шум?

Анке кивнула.

— И что же вы сделали? Быстренько подошли к номеру?

— Ну, что вы!

— Значит, оставались на лестнице?

— Да.

— В таком случае вы не могли точно определить, доносились голоса из одиннадцатого номера или из подсобки. Так?

Девушка молчала.

— Ну? — настаивал Вебер.

Анке подняла голову, и Вебер отчетливо увидел в ее глазах страх.

— Мне надо поговорить с вами, — тихо произнесла она. — Но не здесь. После работы я буду... — Она замолчала, так как к их столу подошел хозяин отеля. Одного его взгляда было достаточно, чтобы девушка, подхватив чемодан, поспешила прочь.

— Вы уже выбрали? — спросил хозяин, раскладывая на столе приборы. — Жареные телячьи почки сегодня особенно хороши.

— Мы хотели бы немного подождать, — ответил Шоппенхауер, с живым интересом разглядывая владельца отеля.

— Как пожелаете. — Хозяин слегка поклонился и отошел от стола.

Вебер обратился к Шоппенхауеру:

— А вы не можете задержаться?

Комиссар отрицательно покачал головой:

— Мне давно уже следовало вернуться в Гамбург.

— А вы? — спросил Вебер адвоката.

— Я остаюсь. Мне захотелось взглянуть на этого Флюгера!

— Прекрасно! Ну, а как насчет посещения отдела учета прибывающих? Нужно установить, кто в последние годы вернулся сюда из-за границы, поскольку среди них может скрываться доктор Флюгер.

118
Зубной врач Хуберт Шлихтинг в нерешительности застыл на краю Рыночной площади, не зная, куда направиться: в отель «Ландскнехт» или в антикварный магазинчик «Ханзен и Вок». Вечерний прием должен был начаться через час, но ему очень хотелось узнать последние новости о результатах расследования убийства Геердтса.

В день убийства доктор Шлихтинг находился в ресторане отеля, где раз в неделю друзья собирались для игры в скат. Игра не сложилась. Обычно они начинали ее в двадцать часов, но в этот раз Шлихтинг запоздал минут на десять. Едва он занял место за столом, как доктор Ландгут отправился куда-то звонить и отсутствовал минут пятнадцать. Когда он вернулся, в отеле появился гамбургский детектив, пожелавший пройти к Геердтсу. Они сыграли два-три круга, но играли не особенно внимательно. В ресторанчик неожиданно влетела горничная и закричала, что на втором этаже кого-то собираются убить, затем в отеле появилась полиция, начались опросы, затянувшиеся до полуночи, а когда он наконец оказался дома, то от возбуждения не смог сразу заснуть.

Шлихтинг подумал, что можно было бы зайти в отель и поинтересоваться новостями, но там наверняка все еще торчат люди Драховитца, которые станут задавать неприятные вопросы, и он решил туда не ходить, а направился к антикварному магазинчику.

Перед входом в магазин стоял «мерседес». Оказавшись рядом с магазином, Шлихтинг увидел, как из дверей вышел доктор Вок с тремя господами и проводил их к машине. Господа уехали, а Вок, стоя на тротуаре, махал им вслед рукой.

— Ну, как высоки наши акции? — Шлихтинг хлопнул ВOOK по плечу.

Торговец антиквариатом испуганно обернулся, но, узнав доктора, расплылся в улыбке:

— Так себе, — ответил он, протягивая зубному врачу руку. — От трех до четырех!

— Что за сомнения, ВOOK? — засмеялся Шлихтинг. — Я абсолютно уверен, что после выборов мы будем играть за одним столом с новоиспеченным министром культуры. Вы не избавитесь от нас, мой дорогой, министры тоже играют в карты! — Шлихтинг рассмеялся своей шутке, но смех его был похож на бляние козла.

— Есть какие-нибудь новости об убийстве? — спросил ВOOK.

— Я знаю только то, о чем говорят в городе, — ответил Шлихтинг.

— Значит, преступник все еще на свободе?

— Кажется, да.

— Что вы думаете о Вебере?

— Ну... — Дантист принялся чертить кончиком зонта фигуры на брусчатке.

— Вы считаете его убийцей?

— Если говорить откровенно, то нет.

— Я того же мнения, — согласился ВOOK. — А вы не забыли моего приглашения на сегодняшний вечер?

— Нет, не забыл. — Шлихтинг оторвал взгляд от мостовой.

— Вот и хорошо. Только будьте пунктуальны, а не так, как вчера! — Торговец антиквариатом шутливо погрозил пальцем.

— Постараюсь, — заверил Шлихтинг и вдруг заторопился. — Извините, мне пора на прием.

Расставшись со Шлихтингом, ВOOK вернулся в магазин. Он хотел уже пройти в глубь помещения, но услышал восклицание Жаннет Мессемер:

— А вот идет мой Шерлок Холмс!

ВOOK остановился и глянул через витрину на Рыночную площадь. Детектив уверенным шагом пересекал ее.

— Симпатичный молодой человек, — заметил он. — Не пригласить ли нам его на наш маленький праздник?

— Если желаешь, с удовольствием, — ответила она. — Это неплохая идея!

ВOOK вышел, а Жаннет Мессемер открыла дверь.

— Надеюсь, вы ко мне? — спросила она.

— Разумеется, — последовал ответ Вебера.

— Заходите, я ждала вас!

Зайдя в магазин, Вебер осмотрелся. При ближайшем рассмотрении оказалось, что выставленный на продажу антиквариат представлял подержанный хлам, но это, видимо, был как раз тот ассортимент, который можно было сбыть в таком городишке, как Рендсхаген. Сам Вебер за этот утиль не выложил бы и пфеннига.

— Вам в полиции не свернули голову? — спросила Жаннет, подходя к нему.

— Как видите, она все еще на месте.

— И вас не упрятали за решетку?

— Пока у них недостаточно улики для моего ареста. Есть свидетели, видевшие, как я поднимался на второй этаж, но нет никого, кто мог бы показать, что я заходил в номер.

— Вы полагаете, что такого свидетеля нет?

— Убежден!

— Но таковой имеется!

— Кто же?

— Я! — Жаннет весело рассмеялась.

— Не понимаю.

— Все очень просто! Вы же звонили вчера вечером в Гамбург, а я стояла рядом. Ну, что теперь скажете?

— А вы умеете наносить удары, — вымолвил он и с шумом выдохнул из себя воздух.

— Не бойтесь, я вас не выдам. Кроме того, я ведь вроде вашего сообщника. Давайте присядем.

Она подвела Вебера к креслу, а сама, притаив пуфик, устроилась рядом.

— У меня появились кое-какие мысли. Хотите узнать, какие? — спросила Жаннет.

— Выкладывайте.

— Кто-то решил навесить убийство на вас!

Вебер неопределенно хмыкнул.

— Но если этот кто-то хотел представить дело таким образом, — бойко продолжала она, — то он должен был знать время вашего приезда, не так ли?

Вебер промолчал.

Жаннет торжествующе поглядела на него:

— И этот кто-то есть!

— Кто же?

— Подождите, — охладила она его пыл. — Я должна рассказать все по порядку. Я постоянно обедаю в «Ландскнехте» и там познакомилась с Геердтсом, оказавшись случайно с ним за одним столиком. Мы разговорились. Он интересовался антиквариатом, а я... как бы это выразиться, у меня мрачноватый Геердтс вызвал любопытство. Конечно, я знала, что привело в наш город молодого человека, но мне было непонятно, для чего этот смысленный парень таскается с подобной выставкой. Мне хотелось понять мотивы, двигавшие им. Не забывайте, что я с матерью оказалась за границей, когда мне было двенадцать лет, и Германия с ее прошлым всегда оставалась для меня чужой.

— Германия не преодолет своего прошлого!

— Но Геердтс...

— Он одиночка. — Нахмутив лоб, Вебер взглянул на Жаннет. — Он рассказывал вам что-нибудь о мотивах?

— Нет. В этом вопросе он был очень замкнут.

— А вы хотели бы, чтобы я рассказал вам о них?

— С удовольствием. Это очень интересно.

Вебер поведал ей историю Геердтса.

— Мне кажется, — закончил он свой рассказ, — Геердтс хотел тем самым сказать нам, что мы не вправе забывать прошлого, что мы живем с убийцами под одной крышей и сидим с ними за одним столом.

— Почему же отец Геердтса сам не собрал такую коллекцию? — спросила Жаннет. — Ведь у него было больше оснований для этого.

— Он не мог, он болел.

— Как болел?

— Большую часть жизни он провел в одном заведении.

— В доме для умалишенных?

— Да.

— Вы обращали внимание на глаза Геердтса? Какое-то странное выражение. Теперь мне все ясно. Наследственность.

— Не говорите ерунды, фрейлейн Мессемер. Герберт Геердтс был такой же нормальный, как мы с вами. У него просто повышенное чувство справедливости, качество, которое охотно выдают за сумасшествие. Не будем спорить о том, кто ведет себя нормально: Геердтс или мы. Его отец тоже был здоров, пока не попал в Россию. Но некоторые люди не в силах побороть в себе ужас и не могут помочь себе, кроме как...

— Кроме как сойти с ума? — закончила за него Жаннет.

Вебер кивнул.

— Но мне кажется, что такие люди не самые плохие.

Жаннет замерла, затем, глядя на него, неожиданно сказала:

— Я говорила глупости. Забудьте о них.

Вебер улыбнулся.

— А вы не забыли о том, что есть кто-то, кто мог знать о моем приезде?

— Ах, да, — спохватилась она. — Я уже рассказывала, что иногда обедала с Геердтсом. Когда у него украли коллекцию, я завела разговор о краже, и он сказал мне, что, будучи недовольным местной полицией, он подрядил частного детектива из Гамбурга. И тут около нашего столика появился владелец отеля. Я это хорошо помню, поскольку Геердтс повернулся к нему и спросил насчет комнаты для вас. — Жаннет замолчала и выжидающе посмотрела на Вебера. — Вам пригодится эта подсказка?

— Возможно, — поразмыслив, ответил Вебер. — Что вы думаете о владельце отеля?

— Если бы вчера вечером в магазин зашел он, я бы ему не помогла.

Вебер повеселел.

— Спасибо. Мне показалось, что родом он не из северной Германии?

— Нет, он переселенец, из Силезии, насколько мне известно, и отель только арендует.

Тут они услышали под магазином какой-то шорох, а некоторое время спустя на верхней ступеньке лестницы, ведущей в подвал, появился Вок. Жаннет поднялась.

— Позвольте представить: господин Вебер из Гамбурга — господин Вок.

— Мы уже почти знакомы. — Вебер тоже поднялся. — Вы один из тех, кто вчера вечером играл в отеле в скат, не правда ли?

— Все верно. Честно говоря, я вначале обиделся на Жаннет, когда она рассказала мне о вашем приключении. Но теперь,

видя вас, признаюсь, что на вашем месте я поступил бы точно так же. Трудности с полицией отпали?

— Вроде бы, да.

— Я рад.— Вок любезно улыбнулся и направился к выходу. В дверях он обернулся, будто вспомнив что-то очень важное.— Жаннет уже сказала вам, что у нас сегодня небольшая вечеринка? Буду рад, если вы придете.

— Большое спасибо! — поблагодарил Вебер.

Доктор Вок помахал рукой и вышел.

Повернувшись к Жаннет и тяжело вздохнув, Вебер спросил:

— Вам обязательно нужно было рассказывать ему о вчерашнем вечере?

— Пожалуй, да. В конце концов мы живем вместе.

— Ах, вы замужем? — В голосе Вебера явно слышались нотки разочарования.

— Нет, мы не состоим в браке,— сказала Жаннет,— но уже несколько лет живем вместе, и поэтому у нас нет секретов друг от друга.

— Вы познакомились с ним в Южной Америке?

Она кивнула.

— Да, в Бразилии. В свое время в Сантосе он имел процветающую торговлю предметами искусства.

— А потом отказался?

— Нет, не отказался, там остался его управляющий. Вооки из поколения в поколение владеют фирмой в Рендсхагене. Года два назад умер старый Ханзен, и Вок был вынужден возвратиться в Германию.

— Ясно,— хмуро заметил Вебер.

Жаннет подошла к нему и положила руку на отворот его куртки.

— Мой Шерлок Холмс, вы очень большой скептик! — Она улыбнулась.— Но вы можете положиться на Воока, он порядочный человек.

Вебер промолчал. В это время в магазин зашел адвокат Фреезе.

— Это мой друг, доктор Фреезе,— произнес Вебер, представляя его Жаннет.

Фреезе коснулся губами ее руки.

— А вы Жаннет Мессемер, не правда ли? Вебер очень точно обрисовал вас. Ах, если когда-нибудь со мной приключится беда, я бы пожелал себе точно такого же ангела-спасителя! — На лице Фреезе отразилась смесь иронии и серьезного восхищения, которое женщины так обожают.

— Один силезец нам уже известен,— пробормотал Вебер.— Владелец отеля «Ландскнехт».

Не отводя взора от Жаннет, Фреезе передал Веберу листок бумаги:

— Здесь указаны другие переселенцы.

Вебер быстро пробежал список глазами.

— Вы знаете доктора Шлихтинга? — обратился он к Жаннет.

— Конечно, это мой зубной врач.

— И он тоже не местный?

— Насколько я знаю, нет. Он проживает в этом городе всего несколько лет.

Вебер с улыбкой осмотрелся вокруг и неожиданно произнес:

— А не рискнуть ли доверить зубы этому господину?

Глава четвертая

— Какой еще посетитель? — Зубной врач доктор Шлихтинг, стоявший возле врачебного кресла, вопросительно посмотрел на медсестру, заглянувшую в его кабинет из приемной.

— Некий господин Вебер из Гамбурга.

— Прогони его!

— Он не так выглядит, чтобы дать ему от ворот поворот.

Доктор нечаянно нажал на педаль, и кресло, как бы со вздохом, опустилось.

— Чего же он, собственно, хочет?

— Он говорит, что у него зубная боль.

— Ерунда! Скажи, что мы принимаем только по предварительной записи.

— Уже сделано, но он говорит, что подождет.

— Тогда скажи, что я принимаю только частных пациентов.

— Говорила, но он утверждает, что у него сильная боль, и обещает оплатить гонорар.

— Ох, боже мой! Ну, пропусти его!

Медсестра исчезла, а доктор Шлихтинг начал готовить инструменты. В кабинет вошел Вебер. Лицо детектива было искажено гримасой боли, как у всех людей, посещающих зубного врача. Но, увидев доктора, он забыл про всякую боль.

— А мы уже знакомы! — произнес он.

— Вот как? Я и не знал! — удивился Шлихтинг.

— Вчера вечером в отеле «Ландскнехт» вы, господин доктор, играли с друзьями в скат и с очень тонкой иронией намекнули мне, что в городе ожидается какая-то выставка.

— Ах, да! А вы — тот господин, который заходил в ресторан, а затем прошел в отель.

— Совершенно верно. — Вебер улыбнулся, и, хотя его улыбка не означала ничего, кроме любезности, Шлихтинг не смог подавить в себе возникшего подозрения, что этот человек насмехается над ним.

— Что я могу сделать для вас? — сдержанно спросил он. — Что у вас болит?

Лицо Вебера тут же перекошилось. Указательным пальцем он ткнул в подбородок:

— Вот здесь, внизу.

Шлихтинг подошел к раковине и повернул кран.

— Вы детектив? — выдержав некоторую паузу, спросил он, тщательно намыливая руки.

— Да.

— И занимаетесь кражей в «Ландскнехте»?

— К краже примешано вдобавок и убийство.

— Да, я слышал. Ужасно! Как вы полагаете, речь идет об одном и том же преступнике?

— Угу!

— Ах! — удивился доктор. — И у вас уже есть кто-то на примете?

— Есть.

— Что вы говорите! И можно узнать, кто это?

— Некий доктор Флюгер. Вы не знаете такого?

— Доктор Флюгер... Кажется, не знаю. — Врач завернул кран, взял полотенце и повернулся к Веберу. — Флюгер не такая уж редкая фамилия, но доктор Флюгер... Нет, никогда не встречал.

— Возможно, он сменил фамилию.

— У него были на то причины? — спросил Шлихтинг.

— Еще какие! Он обвиняется в убийстве двенадцати тысяч человек!

— А такое вообще возможно?

— О, то были евреи, господин доктор. — Голос Вебера звучал спокойно и ровно, и, по-видимому, именно от этой будничности в его голосе врач внезапно побледнел. Спустя некоторое время Шлихтинг указал рукой на кресло:

— Пожалуйста, усаживайтесь!

Вебер сел. Врач вернулся к столику с инструментами и стал подогрывать на спиртовке зеркальце для осмотра полости рта. Затем, как бы продолжая разговор, спросил:

— У вас есть фотография Флюгера?

— Нет. Было несколько фотографий времен войны, но они выкрадены вместе с другими документами господина Геердтса.

Шлихтинг в раздумье вертел зеркальце над огнем.

— А оригиналы? Где они?

— Какие оригиналы? — безобидно спросил Вебер.

Шлихтинг окинул Вебера взглядом, и в уголках его губ появилась легкая язвительная улыбка:

— Ну, я мог бы предположить, что представленные в коллекции документы были лишь фотокопиями, — пояснил он. — Например, с малоформатной фото пленки. Так ведь? И где-то же они должны находиться.

— Они не найдены, — не вдаваясь в подробности, ответил Вебер.

— Да, достойно сожаления. А нет ли у вас случайно описания внешности этого Флюгера? — поинтересовался Шлихтинг.

— Полного нет, хотя некоторые детали говорят, например, о его возрасте. Он не моложе пятидесяти лет, но я предполагаю, что ему уже за шестьдесят.

Доктор Шлихтинг, казалось, снова приободрился. Вебер попытался заглянуть в его глаза, но напрасно, они были скрыты за дымчатыми стеклами очков.

— Пожалуйста, откройте рот! — попросил врач.

Вебер поставил открытый рот.

— Вы говорите, в нижней челюсти? — спросил дантист.

Вебер мотнул головой:

— Нет, вверху!

— Как так? Но вы же...

Вебер закрыл рот и дружелюбно посмотрел на врача:

— Я, видимо, неправильно показал. Я имел в виду слева сверху.

— Хм, так, так. Откройте еще раз рот.— Шлихтинг стукнул зеркальцем о верхний корневой зуб и уточнил: — Вот этот?

Вебер невнятно пробормотал:

— Кажется, да.

— Выглядит совсем плохо,— произнес он.— В таких случаях и впрямь лучше удалить!

Хотя тон врача был деловит, Веберу послышалась в нем скрытая угроза.

— Вы согласны? — услышал он вопрос Шлихтинга.

Вебер утверждающе кивнул, после чего дантист направился к столику с инструментами.

— А вам известны еще какие-нибудь подробности о докторе Флюгере? — как бы между прочим спросил Шлихтинг, роясь в инструментах.

— О, да! Недавно он вернулся в этот городок из-за границы, вероятно, из Южной Америки. Между прочим, он тоже не местный, вообще не из северной Германии.

Доктор Шлихтинг нашел наконец нужную ампулу и пилку.

— Вы говорите, у него высшее образование? А кто он по профессии?

— По-видимому, медик.

— Почему вы так думаете?

— Очень просто! Геердтс был заколот, орудие убийства торчало между шейных позвонков. А это место может знать только человек, связанный с медициной.

— Ну, да, правильный вывод.— Доктор надпил ампулу.— Я сделаю вам укол. Вы вообще ничего не почувствуете!

Вебер благодарно улыбнулся, откинулся в кресле и, казалось, полностью смирился со своей судьбой, только глаза его, наполовину прикрытые, наблюдали за доктором Шлихтингом, возившимся у столика.

Вооружившись ампулой и шприцем, врач направился к окну. Случайно он глянул на улицу и увидел, что перед входом в дом остановился темный «мерседес». Из него вылез советник уголовной полиции Драховитц и направился к подъезду. Едва он отошел от машины, как от одного из деревьев отделилась фигура человека и преградила ему дорогу. Это был секретарь полиции Шмидт, один из сотрудников Драховитца.

«Пребывание здесь Шмидта означает только то, что он следит за Вебером,— подумал Шлихтинг.— Значит, Драховитц все еще считает Вебера подозреваемым».

Переговорив со Шмидтом, Драховитц сел в машину и уехал, а Шмидт вернулся в тень дерева.

Шлихтинг подошел к Веберу с выражением опытного врача, способного подготовить пациента к неприятной процедуре. Когда он остановился перед детективом, тот как бы невзначай спросил:

— А вы, господин доктор, тоже долгое время проживали за границей?

— Да.

— С тысяча девятьсот сорок шестого года?

— Примерно так.

— В Южной Америке?

— Верно.

— И родом вы тоже не из северной Германии?

— Я силезец. Пожалуйста, откройте рот! — Рука, державшая шприц, дернулась.

Вебер не обратил внимания на его просьбу. Плотно сжав губы, он смотрел на врача. Немая дуэль длилась некоторое время, а вокруг стояла мертвая тишина. Неожиданно Шлихтинг заорал:

— Открыть рот!

Вот он, приказной тон, неприкрытый и грубый, не вписывающийся в обстановку! Оба испугались, но больше всего Шлихтинг. Лицо его задергалось. Вебер достиг желаемого: вывел врача из душевного равновесия. Затем он почти добродушно сказал:

— Однако, доктор, с зубом все в порядке.

— Конечно же! — ответил Шлихтинг и, опустив шприц, отступил назад. По лицу его блуждала неопределенная улыбка. — Я правильно понял вашу боль, господин Вебер. Но внизу, шестой справа, там у вас действительно острое воспаление корня.

Теперь удивился Вебер. Его язык тут же метнулся к зубу.

— Если хотите, я его удалю, — предложил Шлихтинг.

— Благодарю вас, — бросил Вебер. — Но как раз от вас мне не хотелось бы получить помощь.

Резким движением он сорвал с шеи салфетку и поднялся с кресла. Некоторое время они стояли совсем близко друг от друга, и Вебер, не отрываясь, смотрел на шприц. Он видел бесцветную жидкость и испытывал огромное искушение выхватить шприц, чтобы отправить на исследование его содержимое. Но, подавив в себе это желание, он развернулся и направился к выходу. Не спеша, пересек приемную, сорвал на ходу пальто, висевшее на стуле. Но тут дорогу ему преградила медсестра.

— Вы должны заплатить за обследование, — твердо сказала она. Детектив улыбнулся:

— Совершенно верно. Пришлите счет в отель.

Выйдя на улицу, Вебер повернул к Рыночной площади. Ходьбы туда было около десяти минут, и он решил воспользоваться ими, чтобы привести в порядок свои мысли.

«Кто такой Шлихтинг? Не скрывается ли за ним разыскиваемый Флюгер? Ведь такое возможно! Конечно, самое быстрое и самое верное средство идентифицировать Флюгера — это воспользоваться оригиналами документов Геердтса. Если он и в самом деле возил негативы с собой, а преступник не нашел их, то они должны находиться где-то в номере гостиницы. Если они не будут найдены, то останется последняя надежда, что Геердтс хранил их в своей квартире в Гамбурге, которую снимал вместе с матерью. Однако покидать Рендсхаген мне не велено, что, естественно, затруднит поиски. Значит, надо, не откладывая, связаться с Викторией, чтобы она переговорила с матерью Геердтса».

Детектив поздно заметил человека, следовавшего за ним. Остановившись перед витриной, он взгляделся в отражение мужчины, двигавшегося по противоположной стороне улицы. Уви-

дев, что тот задержался у киноафиши, Вебер улыбнулся. Мысли его снова вернулись к Шлихтингу.

«Врач спрашивал о фотографиях Флюгера. То были целенаправленные вопросы, как и о негативах. Видимо, они очень интересовали его. Далее, если предположить, что Шлихтинг — Флюгер, это значит, что убийца Геердтса негативы тоже не нашел».

Вебер пересек Рыночную площадь и оказался перед входом в отель «Ландскнехт». Но в гостиницу он не зашел, а направился вдоль квартала до угла площади, свернул в проулок, дошел до въездных ворот, которые он видел из окна своего номера, и оказался во дворе отеля. Уже смеркалось, и Вебер с трудом узнал прилепившийся к зданию сарайчик.

«Не стоило большого труда взобраться на его крышу, а оттуда через окно попасть в номер, — подумал он. — К тому же дело облегчалось тем, что к стене сарайчика прикреплена крючьями длинная лестница».

Пройдя узким коридором мимо туалетов, Вебер оказался перед дверью и, распахнув ее, попал прямо в ресторанчик гостиницы. Он едва узнал его, поскольку обстановка сильно изменилась: народу было полно, стоял неимоверный шум, алкоголь лился рекой. Вебер с трудом пробрался к стойке бара. За ней с раскрасневшимся лицом стоял владелец отеля и разливал по кружкам пиво.

— Кажется, дела идут неплохо! — обратился к нему детектив.

— Жизнь продолжается, — сияя, ответил владелец отеля. — Хотите выпить чего-нибудь?

— Доорнкаата.

— Будет сделано! — Он жестом подозвал одного из официантов, затем, вытаскивая бутылку из холодильника и наливая две рюмки, добавил: — После обеда я отрывался от этих кранов только раз и только для того, чтобы присоединить в погребу новые бочки. Первый наплыв — словно толчок к начинающейся лавине.

Они выпили. Хозяин отеля достал из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой.

— Ну и как? Вы останетесь здесь до конца?

— Такого я еще не видел. — Вебер огляделся вокруг.

— Тогда вы многое пропустили, — сказал парень, сидевший рядом с ним на высоком стуле. — Каждый год здесь полно народу.

— Как карнавал в Кельне, — усмехнулся его приятель. — В каждом городе свои аттракционы.

Оба парня походили на посетителей, заскочивших в это заведение, чтобы пропустить по рюмке шнапса и кружке пива. Их замечание не выглядело провокационным, более того, оно прозвучало почти доброжелательно на их широком голыштейнском диалекте, но все же задело хозяина отеля, и он встрял в разговор:

— Я уже говорил вам, сегодня у нас спецобслуживание!

— Ладно! — отпарировал парень, вступивший в разговор. — Мы же знаем, что наши деньги вам не нужны, когда у вас... это общество!

— Допивайте свое пиво и выметайтесь! — зло бросил им владелец отеля.

Парень оттолкнул кружку с такой силой, что пиво расплескалось через край.

— И пиво какое-то безвкусное. — Брошенные им несколько монет покатались по прилавку. Оба поднялись и пошли к выходу.

— Вчера вечером, — обратился Вебер к владельцу отеля, — когда я заходил сюда, было не так оживленно. Может быть, вы припомните, не выходил ли кто-нибудь из посетителей на улицу?

— Каких посетителей?

— Из тех, кто играл в карты.

— А, тех! — Владелец отеля отрицательно покачал головой. — Нет, никто из них не выходил. Видите ли, господа начинают партию всегда в восемь часов, а вы пришли в половине девятого. За это время они выпили лишь по одной кружке пива.

Владелец отеля снова наполнил рюмки.

— Нет, на улицу никто не выходил, — задумчиво, будто пытается что-то припомнить, произнес он. — Да, один из них пришел через этот вход. Он проходит через двор каждый раз, поскольку ему так удобнее.

— А кто? — спросил Вебер как можно безразличнее.

— Зачем вам знать это? — Хозяин отеля стал вдруг недоверчив.

— Ну, так, интересно.

— Доктор Шлихтинг, — неохотно ответил хозяин. — Зубной врач. Он пришел на десять минут позднее обычного.

— Очень интересно, — сказал Вебер. — Значит, он появился здесь в двадцать часов десять минут? А больше никто не выходил?

— Еще доктор Ландгут, тоже из игроков, но он выходил в вестибюль позвонить.

— Вы видели, как он звонил?

— На это я и впрямь не обратил внимания.

— А как долго он отсутствовал?

— Примерно четверть часа.

— А вы сами все время были в ресторане?

Владелец отеля взглянул на Вебера:

— Зачем вам нужны эти подробности? Проверяете наши алиби? Я чист, можете поверить, я был... — Он запнулся и резко придавил окурки.

— Ну? — подбодрил его детектив.

— Ну, да, я тоже выходил, но только в погреб. Мне нужно было принести пару бутылок шнапса.

— А где у вас погреб?

— Во дворе. Хотите еще выпить? — Он снова взялся за бутылку.

Вебер прикрыл рюмку рукой.

— Спасибо. Ваша горничная работает сегодня вечером?

— Какая горничная?

— Та, которая относил мой чемодан.

— Ее нет, она в отъезде.

На этот раз Вебер был и в самом деле удивлен, а владелец отеля продолжал:

— Она сопровождает мою жену в Бад Пирмонт. Жена больна, и мы всегда посылаем горничную с ней. Да, моей жене ежегодно нужно проходить курс лечения.

— И сегодня вечером она неожиданно уехала?

— Нет, не неожиданно. Сегодня уже крайний срок. Однако, извините, мне пора за работу.— Владелец отеля отвернулся.

Медленно поднявшись по лестнице и подойдя к двери своего номера, Вебер заметил, что дверь номера не заперта: неожиданности в этом городе для него не кончились. Рывком открыв дверь, он увидел в сумеречном свете, проникавшем через окно, фигуру человека, сидевшего в том же, что и Геердтс, кресле и в той же позе. Вебер был не из пугливых, но почувствовал, как что-то сжалось у него в груди. Быстро нажав на выключатель, он зажег верхний свет.

В кресле сидел живой и невредимый Драховитц.

— Очень мило, что вы зашли.— Вебер остановился у открытой двери.

Драховитц ничего не ответил.

— Кто же впустил вас сюда?

— Я уговорил владельца отеля.

— И чего вы желаете?

Ответ Драховитца был уклончив:

— А вы долго отсутствовали, господин Вебер!

— У вас в городе полно разных достопримечательностей,— безразличным тоном сообщил детектив.

— Шлихтинг...— Драховитц не закончил фразы.

Вебер ухмыльнулся:

— У меня разболелся зуб.

— Прискорбно! И доктор помог?

— О, да! Мне так кажется! — двусмысленно ответил Вебер.

— Вы, надеюсь, помните о том, что я говорил вам сегодня утром?

— Конечно.

— А что я говорил?

— Ну, то, что я не должен вмешиваться в ваши дела. Разве не так, господин советник?

Драховитц поднялся и вплотную подошел к Веберу.

— Не забывайте этого! Поистине, было бы лучше, если бы наши пути не пересекались! — Он медленно повернулся и вышел из комнаты.

Выключив верхний свет, Вебер зажег торшер. Ему необходимо было поразмыслить.

«Кто же убил Геердтса? Флюгер? Да. Но был ли он один? И вообще, принимал ли он непосредственное участие?»

Мысли его сменялись, но одна, хотя он и гнал ее, неотступно преследовала его:

«Мотив убийства ясен, и это уже кое-что. Несколько дней назад преступник притащил материалы к себе. Без сомнения, кража не могла состояться без помощи владельца отеля — исчезнуть из отеля с тремя чемоданами незамеченным просто невоз-

можно. Исходя из того, что вор забрал все материалы, можно заключить, что Герберт Геердтс не знал Флюгера. Если бы была выкрадена только часть документов, касающаяся непосредственно Флюгера, подозрение сразу же пало бы на него.

Флюгер же, если исходить из того, что он преступник, владея выкраденными фотокопиями, не заполучил негативы. До тех пор, пока они находились у Геердтса, для него сохранялась угроза разоблачения. Поэтому выход был только один: нужно заставить Геердтса замолчать окончательно, а никто не молчит так надежно, как мертвые!»

Вебер закрыл глаза и, поставив себя на место Геердтса, попытался представить себе его возможные действия:

«Разъезжая с такой выставкой, Геердтс наверняка возил негативы с собой, но хранил их где-нибудь в банке, на почте или в камере хранения на вокзале. В таком случае у него должны быть ключ или квитанция. Но разве носят с собой такие важные вещи? Вряд ли! Значит, их надо спрятать где-нибудь в надежном месте, а таким местом в чужом городе является только собственный номер в отеле».

Вебер поднялся из кресла и зажег верхнее освещение. Некоторое время он постоял в нерешительности, затем уверенно направился к платяному шкафу и отодвинул его от стены. Он ошупал его заднюю стенку, подставил стул и осмотрел шкаф сверху, потом лег на пол и карманным фонариком осветил шкаф снизу. Ничего!

Он вернулся к креслу, просунул руку в щель между спинкой и сиденьем и, пошарив рукой, вытащил пару шпилек для волос, несколько слипшихся конфеток от кашля и две мелкие монетки.

Затем он перевернул кресло и обследовал его снизу, но ничего, кроме пыли на пружинах, не обнаружил. После этого Вебер взялся за торшер, но не нащупал в подкладке абажура ни одного твердого предмета. В опоре торшера тоже ничего не было. Он обследовал шнур до самой розетки, отвинтил ее крышку с помощью перочинного ножа и опять ничего не нашел.

Оставалась кровать. Детектив подошел к ней и откинул пуховое одеяло. Вначале он не поверил своим глазам: на его пижаме лежал конверт! Он нерешительно взял его, повертел в руках, зачем-то понюхал и вернулся к креслу. Разорвав конверт, он вытащил листок бумаги, исписанный детским почерком:

«Уважаемый господин Вебер!

Мне не удастся поговорить с вами сегодня вечером, так как я с хозяйкой уезжаю в Бад Пирмонт. Но я хотела сказать вам, что господин Ландгут вчера вечером находился в коридоре у одиннадцатого номера. Не хочу наводить тень на плетень, но раз речь идет об убийстве, доктору Ландгуту нечего было делать в коридоре гостиницы. Я увидела его, когда поднималась наверх. Он меня тоже видел, так как сразу же развернулся и постучал в дверь номера напротив, но там никого не было. Порвите мое письмо сразу, как только прочтете, и не выдавайте меня, пожалуйста!

Желая этого,
обращается к вам с уважением Анке!»

«Дело становится еще более запутанным, — подумал детектив. — Кто такой доктор Ландгут?»

Вебер порылся в кармане и вытащил записку, которую передал ему днем в антикварном магазине адвокат Фреезе. В ней перечислялись лица, переселившиеся из-за границы в последние годы.

В списке указывалось шесть человек и среди них, следом за Шлихтингом и Вооком, упоминался Ландгут.

«Три человека перед моим приходом могли побывать на месте преступления: Шлихтинг, который всегда приходит через двор; владелец отеля, который бывает во дворе по служебной необходимости; и доктор Ландгут.

К тому же говорили, что он ходил в вестибюль звонить и отсутствовал пятнадцать минут, вполне достаточно, чтобы совершить несколько преступлений».

Детектив понял, что решение загадки, к которой он, казалось, приблизился, снова отдалилось. Вздохнув, он поднялся, сунул записку и письмо в карман пиджака и снова подошел к кровати.

Ничего не найдя и под ней, он, крихтя, поднялся и еще раз прошелся по комнате. Случайно он остановился перед раковиной, и неожиданно на его лице заиграла улыбка. Он нагнулся и стал отворачивать отстойник. Кольцо, к удивлению, повернулось легко.

Сняв отстойник, он перевернул его. Застоявшаяся, неприятно пахнущая вода полилась на руку, а затем он почувствовал легкий удар и увидел на своей ладони плоский ключик с алюминиевой биркой, на которой была выбита цифра восемнадцать.

Глава пятая

— И что же вы нашли такого примечательного? Ищете пасхальные яйца?

Вебер обернулся. В дверях стояла Жаннет Мессемер и окидывала взглядом его и царивший в комнате беспорядок.

Детектив быстро сунул ключик в карман брюк.

— Надеюсь, ваши поиски увенчались успехом?

— О, да! — Вебер одарил ее улыбкой.

— И можно спросить, что же интересного вы нашли? — повторила она.

— Письмо! — Вебер вытащил листок и помахал им.

— А отправитель по крайней мере красив? — сморщив нос, Жаннет взглянула на бумажку в его руке.

— Письмо написано горничной Анке. Я не знаю, считаете ли вы ее красивой?

— По меньшей мере она немного молода для вас, вы так не считаете?

Вебер промолчал, пристально вглядываясь в ее слегка порозовевшее лицо.

— А зачем она вообще пишет? Неужели она настолько пугли-

ва, что боится встретиться с вами? — живо продолжала Жаннет.
— Не думаю. Мы договорились встретиться сегодня вечером, — начал беззастенчиво болтать Вебер, — но девушка неожиданно уехала. Как сказал хозяин отеля, он отослал ее с женой в Бад Пирмонт.

— Ну и что?

— Она не согласилась бы на встречу, если бы утром знала, что уедет.

— Может быть, она просто забыла?

— Что уезжает на четыре недели? И не вспомнила об этом за несколько часов до отъезда? Ну, тогда затаите дыхание, Жаннет.

— Так что же сообщает вам малышка?

Вебер развернул листок и еще раз пробежал его глазами.

— Она сообщает, что вчера вечером в двадцать часов пятнадцать минут она видела в коридоре перед этой комнатой доктора Ландгута. Того Ландгута, который регулярно в компании Шлихтинга и Вюка играет в скат. Вы знаете его?

— Конечно, — спокойно ответила Жаннет. — Это чиновник из Килия.

— Так, так! Чиновник!

— Да, он работает в земельном министерстве юстиции.

— Интересно.

— А какое имеет значение, что вчера вечером Ландгута видели здесь в коридоре?

— Только то, что чуть позже Герберт Геердтс был найден в этой комнате мертвым!

Она настороженно посмотрела на него, но промолчала.

Вебер продолжал как ни в чем не бывало.

— Так вот, доктор Шлихтинг приходит на пять минут раньше, то есть в двадцать часов десять минут пересекает двор. Под окном находится сарайчик, и по лестнице совсем не трудно попасть сюда. Владелец отеля тоже находился во дворе между двадцатью часами и половиной девятого. По времени его отсутствия в ресторане совпадает с пребыванием Ландгута в коридоре. Теоретически оба могли одновременно попасть к Геердтсу: один через крышу сарайчика, второй через дверь. Таким образом, мы имеем три подозрительные фигуры!

Жаннет, задумчиво разглядывавшая Вебера, открыла сумочку, достала сигарету и, прикурив ее, подошла к креслу. Она собиралась уже сесть в него, но Вебер предостерегающе крикнул:

— Осторожно! Там сидел вчера убитый Герберт Геердтс!

Жаннет вздрогнула, на мгновение усталилась на пустое кресло, затем развернулась, подошла к кровати и присела на ее край.

Резким тоном, будто желая подавить в себе что-то, она сказала:

— Чуть! Вы же не думаете серьезно, что один из игроков в скат...

Вебер прервал ее:

— Кто-то же был, если это не я, не так ли? Следует подумать вот еще о чем. Подозреваемый, возможно, родом из Восточной Пруссии, Силезии или Судет. После сорок пятого он эмигрировал за границу. Итак, первое: происхождение. Оно относится ко всем

грем кандидатам. Второе: эмиграция. В эмиграции были только Ландгут и Шлихтинг.

Жаннет встала, стряхнула пепел в раковину и стала расхаживать по комнате, погружившись в свои мысли. Через некоторое время она остановилась перед Вебером и, посмотрев на него, без всякого перехода сказала:

— Я хотела отвезти вас к доктору Вооку. Надеюсь, вы не забыли в этой суете о приглашении? — Жаннет поправила перекрутившийся галстук Вебера, затем подняла на него смущенный взгляд: — Воок тоже относится к компании игроков в скат.

Вебер отрицательно помотал головой, а в уголках его губ заиграла лукавая улыбка:

— Ваш Воок не вписывается в мою концепцию. Как я уже говорил, я ищу человека, который родом не из этого города, а Воок, насколько я понял, уроженец данной местности.

— Их фирма передается из поколения в поколение.

— И Воока, конечно, знают здесь с самого детства?

— Разумеется.

— Вот так. Поэтому не беспокойтесь... о вашем муже.

— А я и не беспокоюсь, господин Вебер. Я знаю его! В конце-то концов, мы можем уже идти?

— Да. — Вебер вытащил ключик с биркой и, покрутив его на пальцах, добавил: — Но прежде мне надо заскочить на вокзал. Вы не проводите меня?

Лимузин остановился на привокзальной площади.

— Вот мы и приехали! — сообщила Жаннет.

Выйдя из машины, они молча направились к вокзалу. В зале ожидания Вебер направился к камере хранения. Ячейка под номером восемнадцать находилась во втором ряду снизу.

Вставляя ключ в прорезь замка, детектив весь напрягся.

Он медленно начал поворачивать ключ. Наконец дверца с легким щелчком отворилась. Вебер заглянул вглубь ячейки и заметил там потертую папку. Вынув ее, он выпрямился и посмотрел в ту сторону, где была Жаннет.

Сидя на скамье рядом с закрытым газетным киоском, она настороженно наблюдала за ним. Он торжествующе помахал папкой и открыл ее. На дне папки лежало несколько круглых алюминиевых кассет.

В первый момент он едва осознал, что подошел к концу своих поисков. В одной из этих кассет был запечатлен Флюгер.

Теперь оставалось только проявить негативы и сравнить фотографию Флюгера с некоторыми уважаемыми горожанами Рендсхагена.

Вебер скрылся в помещении почты. На его счастье, одно окошечко было открыто. Он купил конверт, засунул в него кассеты, наклеил соответствующие марки оплаты, написал адрес и направился к выходу.

— Вы нашли негативы? — спросила Жаннет, столкнувшись с ним в дверях.

— Да! — ответил Вебер и разразился беззаботным смехом. Затем, подхватив Жаннет под руку, промолвил: — Пойдемте!

При входе в вокзал он заприметил ящичек для пересылки

почты. Преимущество его перед другими почтовыми ящиками заключалось в том, что почта из него изымалась незадолго до отхода поезда. Около этого почтового ящика он и остановился.

— Приоткройте, Жаннет... — игриво попросил Вебер. — Крышку почтового ящика, разумеется!

Детектив сунул в щель конверт, и они услышали глухой стук о дно ящика.

— А вам не хочется поздравить меня, Жаннет? — спросил Вебер.

— С чем?

— С успехом! Ведь я почти добрался до преступника!

Глава шестая

Доктор Ландгут нервничал целый день и лишь после обеда, когда владелец отеля сообщил ему по телефону, что его горничная выехала в Бад Пирмонт, к нему вернулось обычное чувство уверенности, хотя он не был до конца убежден, видела ли его молодая девушка вчера вечером в коридоре гостиницы.

Ландгут стоял перед плотно прикрытой лакированной дверью, за которой уединился с гостями продавец антиквариата ВOOK.

— Весь в мыслях! — неожиданно услышал он за своей спиной.

Ландгут обернулся и, увидев гамбургского адвоката Фреезе, заставил себя улыбнуться:

— Нет, не в мыслях, мой дорогой, немного переработал и немного устал.

— А домик, как игрушка! — восхищенно заметил адвокат.

— Эта вилла — родовое наследство, — пояснил Ландгут, — но, вернувшись года три назад из-за границы, ВOOK всю ее переделал. Поговаривают, что он вложил в нее немало средств.

Ландгут указал на лакированную дверь, перед которой они стояли:

— Он ведет переговоры.

— С господином из Киля?

— Вам это известно?

Фреезе усмехнулся:

— Послушайте, это давно уже не секрет!

Ландгут взял адвоката под руку и потянул за собой.

— А нужно ли министерское кресло такому человеку, как ВOOK? — спросил Фреезе.

Ландгут, недовольный тем, что Фреезе задал вопрос очень громко, вполголоса ответил:

— Нужно или нет, но ВOOK имеет заслуги перед партией.

— Хм, — прозвучало в ответ.

Они улыбнулись друг другу, и Ландгут не смог удержаться, чтобы не добавить:

— Кроме того, ведь кому-то нравится принадлежать к власти имущим.

Они подошли к бару. Взяв бокал, Ландгут случайно заметил советника уголовного полиции Драхвитца, который, облокотившись на стойку бара, хмуро разглядывал свой стакан. С момента

происшествия в отеле «Ландскнехт» Ландгут еще ни разу не обменялся с Драховитцем хотя бы одним словом, да и теперь ему не хотелось с ним сталкиваться. Он извинился перед Фреезе и поспешно покинул бар.

Ландгут направился к зимнему саду, где, как он полагал, никого не было. Удобно расположившись в кресле, он начал было успокаиваться, но тут прозвучавший из дальнего угла голос заставил его вздрогнуть.

— А этого Фреезе вы давно знаете?

Из-за листьев большого бананового дерева выступил зубной врач доктор Шлихтинг и медленно приблизился к нему.

— Он адвокат и, видимо, представляет интересы Вебера.

Ландгут рассеянно кивнул.

— А вам известно что-нибудь новенькое об убийстве в «Ландскнехте»? — спросил он. — Я сегодня поздно вернулся из Килия и поэтому ничего не успел узнать.

Шлихтинг покачал головой.

— Я спрашивал Драховитца, но, что касается этого дела, он недоступен.

— А Вебера не арестовали?

— С таким адвокатом?

— Хм.

— Вы давно знакомы с Фреезе? — повторил Шлихтинг вопрос.

— Мне приходилось сталкиваться с ним в Киле, — неохотно ответил Ландгут. — Между прочим, у него незапятнанная репутация.

— Если все так, как вы говорите... — Шлихтинг откинулся в кресле, — то убийство выставочника поставит перед нашим Драховитцем еще несколько проблем.

— Что вы имеете в виду? — как можно безразличнее спросил Ландгут.

— Предполагается, что преступника следует искать в этом районе. Вебер появился сегодня у меня в приемной и высказал кое-какие предположения. По его мнению, подозревается некий Флюгер.

— Флюгер? — тихо переспросил Ландгут и сделал большой глоток из бокала, который все еще держал в руке.

Шлихтинг продолжал:

— Флюгер был руководителем спецкоманды. Вы помните, они занимались массовым уничтожением неарийцев.

— Да, припоминаю, но с этим кругом лиц мне не приходилось иметь дела.

— Вебер считает, что Флюгер узнал об информации, содержащейся в коллекции Геертса, и о наличии его фотографии прежних лет. Поэтому, как полагает Вебер, он выкрал документы, а когда установил, что в его руки попали лишь фотокопии, то убил Геертса.

— А где теперь находятся оригиналы? — спросил Ландгут.

— Они пока не найдены.

Некоторое время каждый из них был погружен в свои мысли, затем Шлихтинг тихо произнес:

— Что вы думаете, падет ли подозрение на нас?

— На кого? — уточнил Ландгут.

— На нашу компанию!

Ландгут промолчал.

— Или вы считаете, что кого-нибудь из нас можно выдать? Кому?

— Государству, конечно, кому же еще?

Тяжко вздохнув, Ландгут возразил:

— Меня это не коснется. Меня ограждает мое положение.

Они замолчали. Через некоторое время Шлихтинг снова оживился.

— Что вы думаете о Драховитце?

Ландгут осторожно заметил:

— Ну, совершенно надежный человек, как мне кажется. Мы знакомы с ним около трех лет.

— А один знаком с ним значительно дольше!

— Кто же?

— Флюгер!

Ландгут скривился.

— Как так?

— Очень просто. Наш дорогой Драховитц сидел в Ведомстве имперской безопасности за тем столом, с которого уходили директивы спецкомандам.

— Тогда все верно.

Врач развернулся вместе с креслом и посмотрел Ландгуту прямо в глаза.

— Что вы думаете теперь, друг мой? Будет ли Драховитц испытывать такие же угрызения совести, как вы, или он будет, черт побери, стоять за нас?

— Вы имеете в виду Флюгера?

Шлихтинг пренебрежительно махнул рукой, осушил бокал и сказал:

— Мне кажется, Флюгер, кем бы он теперь ни был, — один из нас.

В этот момент лакированные створки дверей распахнулись, и на пороге появился торговец антиквариатом в сопровождении нескольких человек. Взгляд Вюка сразу же стал переходить от одной группы гостей к другой и наконец остановился в центре зала, где укрывались Шлихтинг и Ландгут. Он отделился от сопровождавших его лиц и направился прямо к ним.

— Что с вами приключилось? — весело спросил он. — Так не пойдет, друзья мои! Никаких угрюмых лиц сегодня вечером и никакого обособления, позвольте вас попросить!

— Но вы не показывались несколько часов, — недовольно молвил Шлихтинг.

Вюк подхватил обоих под руки и потащил к бару. В водоворот веселья Ландгут снова оказался рядом с Драховитцем. Они обменялись серьезными и озабоченными взглядами.

— Заботы? — спросил Ландгут.

— Не более чем у вас, — хмуро ответил Драховитц.

Ландгут неопределенно усмехнулся:

— А этого детектива вы отпустили?

Драховитц указал на холл:

— Как видите...

— Ну, ну, так это же почти малый прием на правительственном уровне, — произнес Вебер, обращаясь к Жаннет. — Действительно, изумительно!

Детектив всматривался в смеющиеся и покрасневшие от алкоголя лица, и его взгляд переходил от одной группы к другой. Рядом с Фреезе он заметил Драховитца, зубного врача Шлихтинга и еще одного мужчину, в котором узнал третьего игрока в скат.

В это мгновение их заметил Вок и, приветливо улыбаясь, двинулся навстречу.

«И этот серьезный, симпатичный господин — бывший эсэсовец? — подумал Вебер. — Невероятно!»

Вок подошел к ним и шутливо погрозил пальцем:

— А вы, детки, запоздали. Где ж вы пропадали так долго?

— Господину Веберу нужно было заскочить на станцию, — ответила Жаннет.

Вок подхватил их под руки и потащил за собой.

— Ну, проходите же быстрее. Я хочу познакомить господина Вебера с нашими друзьями.

Когда они подошли к группке людей, Вок произнес:

— Я хотел бы познакомить вас с господином Вебером, прошу любить и жаловать! — Затем, указав на господина лет пятидесяти, поднявшего в знак приветствия рюмку, представил его: — Фритц Майнелт, живет в Мюнхене, занимается торговлей подержанными автомобилями. Если вам потребуется машина повышенной классности, он может вам кое-что предложить. Господин Шмитц из Франкфурта, а господин Раумер живет в Дюссельдорфе. Он связан с тяжелой индустрией. — Вок насмешливо посмотрел на Вебера. — Вам не стоит запоминать все это, важно лишь то, что все мы в высшей степени веселый народ! — и, обращаясь к гостям, он закончил: — Ах, да, почти забыл! Господин Вебер — частный детектив, к тому же очень хороший, как я слышал. Если у вас появятся какие-нибудь затруднения...

Гости весело рассмеялись и подняли бокалы, после чего Вок проводил Жаннет и Вебера к бару. Там они столкнулись с Фреезе и теми уважаемыми гражданами Рендсхагена, с которыми Вебер познакомился еще в первый день своего приезда.

— Наше маленькое картежное общество для вас не такое уж незнакомое, — произнес Вок. — Ну, и с нашим уважаемым Драховитцем вы тоже знакомы.

Вебер кивнул и обменялся с Драховитцем холодным взглядом. Оглядевшись вокруг, он обратился к Воку:

— Как вы познакомились с этими людьми?

— Это мои бывшие сослуживцы, — ответил Вок.

— Из эсэс?

— Да. А вы не знали?

— Откуда же?

Торговец изучающе посмотрел на детектива.

— Я предполагаю, что по роду вашей деятельности вы все воспринимаете трезво, не так ли? И глупое эмоциональное пове-

дение, к сожалению, распространенное, вам чуждо? В действительности это безобидные граждане, которые раз в году собираются у меня. Со временем они стали... умнее.

— С каких пор?

— Что вы имеете в виду?

— С каких пор стали умнее?

— После войны, конечно! Чудесное было время! Мне приходилось маршировать по государствам классических эпох: Греция, Малая Азия.

— А Южная Америка?

— О, в Бразилию я попал позднее,— беззаботно болтал Вок.— Да, и там было прекрасное время. Путешествие вверх по Амазонке на лодке! Незабываемые впечатления!

— К тому же, вы познакомились с фрейляйн Мессемер.

— Жаннет действительно единственное ценное приобретение в моей жизни. Вы, возможно, даже не представляете себе, какую роль в мои годы играет женщина. Она возвращает меня в молодость!

— А другие господа? — спросил детектив с легкой иронией. — Вы знакомы с ними с войны?

Вок покачал головой.

— Мало с кем. К тому же все это лежит в прошлом, которое я давно забыл.

Вебер попытался напомнить ему:

— Ландгут... Шлихтинг...

— Откуда же,— запротестовал Вок.— С обоими я познакомился после войны в Немецком клубе в Бразилии.— Он сделал паузу и изучающе посмотрел на детектива.— Послушайте, дорогой мой, что означают ваши вопросы?

— Да, так, раз уж мы заговорили об этом...

— О чем?

Вебер промолчал.

— Я предполагаю, что ваши усилия связаны с расследованием преступления в отношении бедного Геердтса. Но искать убийцу в этом кругу, мягко говоря, абсурд!

Вок сделал глоток из бокала, затем, отбросив серьезный тон, весело закончил:

— Знаете что, господин Вебер? В заключение нашей сегодняшней пирушки давайте рванем на настоящую охоту! Мы устраиваем ее каждый год, и в этот раз вы приглашаетесь от всей души. Охота на уток! Увидите, что это именно та дичь, которую действительно можно бить!

Вокруг рта Вок залегла неопределенная усмешка, и Вебер расценил ее как мелкую издевку.

Подперев голову руками и опершись локтями на стойку бара, Вебер очнулся от своих раздумий лишь тогда, когда к нему подошли Фреезе и Жаннет. Лица их были вспотевшими, по-видимому, от танцев.

Разливая шампанское по бокалам, Фреезе весело заметил:

— Представьте себе, Вебер, я почти убедил малютку в том, что этот военный союз не самое подходящее для нее общество.

Жаннет посмотрела на Вебера и засмеялась.

— Он посоветовал мне ваше общество. Что вы скажете на это?

— Хм, я, право, не знаю, — ответил детектив.

— Глядя на вас, Вебер, я тоже не уверена. Будьте же веселы!

Жаннет залпом опрокинула шампанское, подхватила стоявшего рядом торговца подержанными автомобилями и ушла с ним танцевать.

Фреезе восхищенно посмотрел на ее стройные, длинные ноги, затем повернулся к Веберу.

— Вы знаете? — спросил он. — Завтра рано утром мы приглашены на утиную охоту!

— Да, знаю.

Фреезе указал бокалом в сторону Вюока:

— Как все это у него получается? Прекрасный дом, да еще собственная охота!

— Торговец антиквариатом...

— Но вы же были у него в магазине, не так ли? Мишура, которая там выставлена, денег не приносит.

— Неужели?

— А вам это не бросилось в глаза?

— Пусть господа занимаются своими делами, — отмахнулся детектив, — а у нас свои, то есть Флюгер. Но должен сознаться, что в этом вопросе я продвинулся не так уж далеко.

— Собственно, только три южноамериканца стоят на повестке дня, — поразмыслил Фреезе, — Вюок, Шлихтинг и Ландгут.

— Вюока можно вычеркнуть. Он родился в этом городе, здесь же вырос, всегда звался Вюоком. Флюгером он быть не может.

— А другие?

— Шлихтинг и Ландгут могут быть кандидатами, но как раз это-то мне и не нравится, друг мой. Оба не из северной Германии, и оба после войны попали за границу. Во время совершения преступления оба подозрительно вели себя в отеле «Ландскнехт». Зубной врач, опоздав на целых десять минут, проходил через двор. После того, как он занял место за столом, исчезает Ландгут, предположительно, чтобы позвонить. Он отсутствовал около пятнадцати минут, и в это время его заметили в коридоре гостиницы. Единственный, кто не выходил из-за стола, это Вюок, но как раз то обстоятельство, что Шлихтинг и Ландгут выходили почти в одно и то же время, делает мои подозрения малообоснованными, понимаете?

Фреезе кивнул, не зная, что ответить. Детектив отхлебнул из бокала и угрюмо продолжал:

— Сегодня после обеда, когда я был на приеме у Шлихтинга, мне казалось все ясным. Своими вопросами я загнал врача в угол, и мне показалось, что угрызения совести буквально были написаны на его лбу. А когда я от владельца отеля узнал, что он в день убийства опоздал на игру, хотя всегда являлся пунктуально, то подумал, что нашел, кого искал. — Вебер сделал еще глоток и поставил бокал на стойку. — Но я все же должен выяснить прошлое Ландгута. Он так же подозрителен, как и Шлихтинг, но лишь один из них может быть Флюгером.

— А почему вы не подозреваете только Шлихтинга? — спросил Фреезе.

— Или Ландгута? — парировал Вебер.

— Ну, делая вывод из того, что у вас произошло в приемной Шлихтинга, я почти уверен, что у вас на крючке большая рыбка, поскольку сегодня вечером он позволил себе по-настоящему набраться. Ландгут сказал мне, что это необычно для Шлихтинга, так как он живет довольно воздержанно.

— Кто сказал?

— Ландгут.

Вебер задумчиво посмотрел на адвоката.

— Вы близко знакомы с этим чиновником? — спросил он.

— Нет, не очень. Мы познакомились во время одного процесса в Киле.

— И что вы о нем думаете?

— Не могу сказать. Я слишком мало его знаю.

Они замолчали. Неожиданно Вебер тихо произнес:

— Между прочим, я нашел негативы документов.

Фреезе повернулся на стуле.

— Где? — выдохнул он.

— В ячейке камеры хранения на станции.

— А теперь? Где они? Может быть, в карманах ваших брюк?

Вебер рассмеялся:

— Ну, нет! Они уже в поезде по дороге в Гамбург! Я отправил их самому себе, до востребования!

— Это очень хорошо, очень хорошо! — благоговеино прошептал Фреезе.

Вебер промолчал. Он наблюдал за Жаннет, которая направлялась в холл из гостиной. Посреди холла она встретила Вюка.

— Ах, а вот и ты! Доктор Флюгер здесь! — сообщила она.

Вебер замер. Он расплывчато видел перед собой группу людей, а голос Жаннет доносился до него словно сквозь пелену. В первое мгновение он вообще не понял смысла сказанного ею. Затем до него дошло, и он крикнул:

— Кто?

Одним прыжком он оказался рядом с ней и схватил ее за руку.

— Кто прибыл? — повторил он вопрос так громко, что разговоры вокруг сразу смолкли.

— Доктор Флюгер. — Она освободила руку и непонимающе уставилась на него.

Но Вебер уже мчался прочь, расталкивая группу пожилых людей, оказавшихся у него на пути. В гостиной его взгляд уперся в открытую входную дверь, за которой зияла темнота. Не отдавая себе отчета, он пробежал мимо удивленно смотревшей на него женщины к двери и выскочил на улицу. Оглядевшись по сторонам, он никого не увидел. На улице было пусто. Лишь в конце аллеи блеснули фары машины, свернувшей за угол.

«В ней Флюгер? Он услышал мой возглас и убежал? — подумал детектив. Оцепенев, он стоял во дворе, глядя в ту сторону, где исчез автомобиль. — Если Вюк ожидает гостя по фамилии Флюгер, то он должен знать его, и не только он один, но и другие приглашенные».

Вебер вернулся в дом и вошел в гостиную. Рядом с женщиной, мимо которой он пронесся вихрем, стояли Вюк, Жаннет и Фрее-

зе. Они с легким сомнением посмотрели на детектива.
— Что с вами, господин Вебер? — спросил Врук. — Вы почувствовали себя плохо?

Вебер приблизился к Вруку, заглянул ему в глаза и тихо сказал:

— Ну, хватит шуточек! Кто этот Флюгер?

— Ну, будьте же воспитанны, друг мой! — Врук указал на даму рядом с собой. — Позвольте познакомить вас: доктор Флюгер, депутат бундестага от нашего избирательного округа!

Глава седьмая

Пестрая толпа, иначе не назовешь, прибыла ранним утром на охотничьи уголья торговца антиквариатом.

Охотники были снабжены ружьями, дождевиками, накидками и непромокаемыми пальто из грубой ткани, а на головах у них красовались егерские шляпы, разного рода вязаные шапочки и даже одна звйдвестка.

Воздух был наполнен пронизывающей сыростью. Правда, влажность вряд ли кому мешала, за исключением разве что Вебера, выглядевшего хмурым, как и это сырое, прохладное и туманное утро. Возможно, его настроение было связано с разочарованием, испытанным вчерашним вечером, от которого он еще не отошел. Он не мог простить себе допущенной оплошности. Остальные, включая адвоката Фреезе, пребывали в превосходном настроении. Из-под капюшонов хищнически высывались мокрые носы и рыскали по сторонам покрасневшие глаза. Все это скорее напоминало карнавальное шествие, а не вылазку на охоту.

142 С невысокого бугорка Врук, шутливо заняв позу фельдмаршала, разбивал участников на пары. Вебер неожиданно оказался в паре с Жаннет Мессемер. Не раздумывая, она тут же передала детективу охотничий бинокль и ружье. Вебер перехватил взгляд Врука, и ему показалось, что на лице торговца антиквариатом отразилась смесь сомнения и озабоченности, то соединение чувств, которое Вебер обнаружил вечером, когда завел разговор о Жаннет. На какой-то миг Врук забыл о позе фельдмаршала и выглядел теперь тем, кем был в действительности, то есть человеком, которому уже за шестьдесят, почти стариком. Это не улучшило Веберу настроение, но внезапно в нем зародилось чувство неосознанного злорадства.

Топая рядом с Жаннет, детектив вглядывался в ту сторону луговины, где, как он полагал, находилась низина. Поскольку туман и влажность с каждым шагом становились плотнее, видимость ухудшилась. Вокруг стояла тишина. Последними они потеряли из виду Шлихтинга, Ландгута и Фреезе, а затем лишь изредка слышали доносившиеся до них голоса и смех. Туман был таким же плотным, как и плохое настроение Вебера.

— Что с вами приключилось? — прервала молчание Жаннет.

— Ничего.

— Готова поспорить, что у вас не выходит из головы этот депутат бундестага Флюгер. — Она вздохнула. — Своим дурным

расположением духа вы можете испортить настроение любому.

— Вы могли присоединиться к кому-либо еще.

— Ваша обходительность с женщиной просто великолепна!

Они услышали голоса, прозвучавшие на сей раз совсем близко, затем кто-то позвал: «Жаннет!»

Это был Вуок, но, удивительно, она не откликнулась. Более того, взяв Вебера за руку, она потянула его в противоположном направлении и тащила за собой, пока голоса не затихли в тумане. Будто оправдываясь, Жаннет произнесла:

— Нам нужно сюда, если мы хотим наткнуться на уток.

В ответ он уклончиво бросил:

— У меня нет желания стрелять.

Она звонко рассмеялась.

— Вы, что же, не охотник?

— Нет.

— Тогда зачем вам ружье?

Она остановилась и насмешливо посмотрела на него. Вебер озадаченно взглянул на ружье, затем резко протянул его Жаннет.

— Совершенно верно. Заберите его! На случай, если столкнетесь с ягуаром.

Жаннет взяла ружье и пристально посмотрела на Вебера.

— Заряжено и на предохранителе, — произнес он, чтобы только сказать что-нибудь.

Неожиданно она сделала два шага назад и сбросила предохранитель.

— А вы уверены в этом?

— В чем?

— Что ружье заряжено?

Вебер уставился на черное отверстие ствола, направленного на его грудь, и заставил себя беззаботным тоном произнести:

— Ну, да, картечью.

Ствол ружья стал медленно подниматься и нацелился ему в лицо.

«Заряд картечи с такого расстояния может оказаться смертельным, — подумал детектив. — Да и лицо невозможно будет опознать».

Он не позволил себе сделать ни одного движения, он забыл даже про дыхание, поскольку палец ее лежал на спусковом крючке. В эти несколько нескончаемо долго длившихся секунд он подумал, что шкура ягуара, висевшая в ее квартире, не была куплена в магазине, а действительно добыта ею в джунглях Бразилии. Наконец ствол опустился. Поставив ружье на предохранитель, Жаннет с явной издевкой сказала:

— А вы испугались!

— В людей не целятся даже в шутку! — сдавленным голосом произнес он.

— Сознайтесь, что вы испугались.

— Ну, и что из этого?

— Человек вашей профессии?

— Храбрости не бывает без страха.

— Да, верно. И все-таки вы комичны, Вебер! Детектив, кото-

рый не охотится, это же просто смешно! — Не в силах больше сдерживать себя, Жаннет громко расхохоталась.

Неожиданно Вебер схватил ее в свои объятия. Когда он резко прижал ее к себе и прильнул губами к ее губам, у него мелькнула мысль: «Ну, погоди же, бестия, я покажу тебе! Я сполна расплачусь с тобой за страх! Ты заплатишь мне за каждую секунду моего глупого безволия!»

Так подумал он, но только в первый миг, поскольку тут же почувствовал, что хватка его стала ослабевать.

Отпустив Жаннет, он увидел, что она сконфужена и беспомощна, как девочка. Глянув на него, она прошептала:

— А вы, может быть, мне нравитесь. — И, повернувшись, пошла прочь.

Вздохнув, он пошел за ней по лугу. Утро вдруг потеряло свою серость, на туман он больше не обращал внимания, а жижка, по которой он ступал, весело хлюпала под ногами. В несколько шагов он настиг Жаннет и пошел рядом. Наконец они достигли берега речушки, густо поросшего кустарником и подлеском. Жаннет шла молча, опустив взор, и казалась погруженной в свои мысли.

— Расскажите мне что-нибудь, — попросил Вебер.

— Что же рассказать вам?

— Что-нибудь. Все равно. Я могу сейчас слушать все что угодно. Можете даже рассказать о вашем муже.

— Вок мне не муж! — вспыхнула Жаннет.

— Ну, я думал...

— Мы же не в браке, — уточнила она.

— Но вы живете вместе... Хотя мне это безразлично... Расскажите, например, как вы познакомились с ним?

Она несколько помедлила с ответом, а когда начала, голос ее звучал не слишком вдохновенно.

— Мы несколько лет прожили вместе в Сантосе. Я уже говорила вам, что у него там торговая фирма по продаже предметов искусства. Но познакомились мы не в Бразилии, а в Штатах, в Майами Бич.

— Как вы попали туда?

— После двух семестров я бросила университет в Рио и переехала в Калифорнию. Университет в Сан-Франциско очень почитаем студентами.

— А ваша мать?

— Осталась в Рио. Она работает корреспондентом нескольких немецких газет.

— И она, вот так, запросто, отпустила маленькую девочку? В чужую страну?

Жаннет рассмеялась.

— Маленькой девочке было тогда уже двадцать один, и она стремилась к самостоятельности. На каникулах я подалась с сокурсниками в Майами, где и познакомилась с Вокком. Он проводил там свой отпуск, обитая не в кемпинге, как мы, а в прекрасном отеле.

Она замолчала, но, увидев на его лице скептическую ухмылку, напористо продолжала:

— Флорида, Вебер, прекрасный уголок! Не просто местность для снобов. Как бы объяснить вам? Надо самому побывать в тех краях.

— С вами?

Жаннет промолчала.

— Ведь это же восхитительно, что существует местность, где возникают страсти!

Она неожиданно разозлилась.

— Если вы хотите знать, в то лето меня так затянуло, что я бросила учебу и возвратилась вместе с ним в Бразилию!

— Ну, да, наконец-то вы нашли то, что напрасно искали в течение нескольких лет.

— Что я должна была искать? — как-то неуверенно спросила она.

Вебер пояснил:

— Своего отца. Если девушка, которой двадцать один год, влюбляется в мужчину, намного старше ее... У вас ведь никогда не было отца, не так ли? И тут его место занял Вок.

— Я хочу сказать вам следующее. Собственно, как мужчина, вы не сможете судить об этом, но у Вокка есть своя притягательность. Понимаете, что я хочу сказать?

— О, да! — вздохнул он. — А к молодому любовнику вас никогда не тянуло?

— Зачем?

— Чтобы сравнить.

Она покачала головой.

— Пожилые мужчины постоянны в любви, господин Вебер, а это для женщины значит очень многое.

Вебер испытывал огромное желание обнять ее снова, но воздержался. По выступавшим из воды камням он перебрался на валун.

В этот момент на противоположном берегу сквозь ветки осторожно просунулся ствол ружья. Дуло было направлено прямо на Вебера. Все произошло очень быстро. Детектив услышал предостерегающий крик Жаннет: «Осторожно! О, Боже! Вебер, осторожно!» — и одновременно с ним грохот выстрела.

Он повернулся к Жаннет, увидел ее наполненное ужасом лицо и начал падать.

Вода приняла его и понесла с собой.

Оцепенев, с раскрытым ртом, Жаннет Мессемер замерла на берегу. Затем, увидев, что течение отнесло тело Вебера, она забегала у воды с криком:

— Нет!.. Нет!.. Нет!

На другом берегу речушки, как раз в том месте, где прозвучал выстрел, треснули и зашевелились ветки. Ствол ружья исчез, а мгновение спустя показалась фигура человека, закутанного в дождевик. Медленно, озираясь по сторонам, фигура обернулась.

Это был Фреезе!

Адвокат переломил ружье, вытащил гильзу и спрятал ее в карман. Затем быстро направился прочь.

— Мертв? — Доктор Ландгут, подавшись вперед, так придавил к столу сжатые кулаки, что косточки пальцев побелели.

— Так точно, мертв, — подтвердил советник уголовной полиции Драховитц. — Труп Вебера прибило к берегу в местечке Фердорф. Один крестьянин выловил его и сообщил в полицию. Шоппенхауер и Фреезе утром выехали туда на опознание.

Драховитц откинулся в кресле и пристально посмотрел на Ландгута, сидевшего напротив, затем перевел взгляд на Шлихтинга, который сидел, сложив руки и уставившись пустым взором перед собой, и, наконец, остановился на Вooke, невозмутимо стоявшем у стола. Его спокойствие было связано с тем, что это сообщение он уже слышал от Драховитца час назад.

Тишину нарушил Вook. Он подошел к бару, взял поднос, поставил на него четыре рюмки и графинчик коньяка. Держа поднос перед собой, Вook повернулся к столу и стал наполнять рюмки.

— Мне не надо, — сдержанно сказал Драховитц.

Вook поставил рюмки на середину стола, взял свою и, подняв ее, кивнул остальным.

— Ну, давайте перейдем к делу, — начал торговец антиквариатом и пододвинул свое кресло к Драховитцу. — Я предполагаю, что вы тоже проводите проверочные мероприятия в отношении Вебера?

— А кто же еще?

— Да, действительно, кто же еще. Два таких прискорбных события в нашем тихом городке, — задумчиво продолжал он. — В эти дни в нашем городе появились тысячи посторонних, а такие встречи, как показывает практика, привлекают и уголовные элементы, которые приезжают, чтобы половить рыбку в мутной воде.

Взгляд Вookа остановился на Ландгуте, лицо которого выражало удивление, поскольку такая увязка случившегося ему не пришла бы на ум.

— Да, правильно, — живо согласился он. — Возможно даже, что кража документов и последующее убийство Геертса не связаны друг с другом.

— И какой мотив вы усматриваете? — спросил Драховитц.

— Но, дорогой Драховитц, — ответил Вook, — для чего убивают? Например, чтобы обогатиться.

— Убитого не ограбили. Мы нашли в бумажнике Геертса свыше трехсот марок.

— А может, там было более трех тысяч марок, и убийца оставил триста, чтобы ввести вас в заблуждение?

— Возможно и так, но маловероятно, — неохотно уступил Драховитц.

— Давайте предположим вначале, что это так. И тогда, господа, убийство Геертса никак не увязывается с трагической историей, приключившейся с Вебером, поскольку обаятельный детектив пал жертвой несчастного случая.

Торговец антиквариатом замолчал. Нависла угнетающая тишина.

Шлихтинг и Ландгут были ошеломлены, а Драховитц скептически поглядывал на Вюока. Тот продолжал, тщательно подбирая слова:

— Было раннее утро, господа, после бессонной пьяной ночи. К этому добавляется туман, местами слишком плотный. Стрелок услышал в кустарнике шорох... и...

Драховитц приподнялся:

— Кто услышал?

— Стрелок.

— Ну, ладно, хватит! — воскликнул Драховитц, теряя терпение. — И кто же стрелок? Кто сделал этот выстрел?

Антиквар пожал плечами.

— Я, разумеется, не знаю. До сих пор никто не доложил. А как выкручиваться, это уже ваше дело, Драховитц.

Советник уголовной полиции выпрямился в кресле.

— Я, конечно, признаюсь, что все было бы проще, не будь у меня сегодня утром одного телефонного разговора. Позвонил коллега из Гамбурга, советник уголовной полиции Линдберг, и попросил, чтобы я допустил к расследованию его людей, а именно — Шоппенхауера. Само собой разумеется, безо всяких служебных полномочий, а в качестве частного лица. Должно быть, Вебер имел связи с гамбургской полицией. Линдберг дал понять, что он, как и Шоппенхауер, дружил с погибшим.

— И вы так запросто позволяете вмешиваться в чужие дела? — Тон Ландгута стал вдруг резким.

— О, Боже! А что мне остается делать, если об этом просит коллега? — возразил Драховитц.

На некоторое время разговор смолк, и каждый задумался над своими мыслями, далеко не утешающими. Наконец раздался спокойный голос Вюока:

— Я и в самом деле не знаю, господа, что вы, собственно, хотите? По поводу случившегося на охоте даже комиссар Шоппенхауер не сможет ничего изменить.

— Вы забываете Фреезе, — уныло сказал Шлихтинг. — Адвокат тоже участвовал.

Вновь возникло тягостное молчание, которое нарушил Ландгут. Преодолевая себя, он произнес:

— Фреезе я беру на себя.

— Как? — спросил Шлихтинг.

— Кажется, я уже говорил вам, что знаком с Фреезе еще по Килью. И мне кажется, что адвокат так же не заинтересован в скандале, как и мы.

— Тогда все в порядке, — заключил Вюок. Облегченно вздохнув, он взялся за графинчик.

— К сожалению, не все в порядке, господин Вюок, — хладнокровно возразил Драховитц.

— Как так не все?

— Кто-то же стрелял и должен был признаться, не так ли?

— Да, — согласился Вюок. — Но не забывайте, что человеку грозит наказание за неумышленное нанесение телес-

ных повреждений. Поэтому понятно, что никто не признался.

Драхвитц согласно кивнул.

— Хорошо, но давайте разберемся. Кто находился на берегу на той стороне, где был произведен несчастный выстрел?

— Я не помню, — последовал ответ Вюка.

— Но вы же сами расставляли людей.

— Ну, да... но я не предполагал, что мне надо запомнить эту расстановку, что в последующем она будет играть какую-то роль в полицейском расследовании.

Драхвитц не поддался ироническому тону антиквара.

— Попытайтесь все же вспомнить, — строго произнес он.

— А я ничем другим и не занимаюсь, — вздохнул Вюк. — Это Майнелт, Шлихтинг, Ландгут, Фреезе и Аэлиг.

— И все?

— Нет, конечно, но других я просто не могу припомнить.

— Сколько выстрелов было сделано?

— Только один!

— Что вы предприняли потом?

— Мы сразу же прекратили охоту.

— И собрались снова в исходной точке?

— Разумеется.

— Кто-нибудь отсутствовал?

— Вебер, естественно.

Советник уголовной полиции слегка улыбнулся.

— Конечно. А ружья вы осмотрели?

— Сразу же.

— И выявили то, из которого стреляли?

— Ну, да. Мне потребовалось только понюхать стволы.

— Правильно. Оружие перед началом охоты вы вручали лично?

— Да.

— Значит, вы должны знать, кому досталось то злосчастное ружье.

— Никак нет. Было четырнадцать ружей, и я не помню, у кого оно было.

— В этом-то и заключается ваша ошибка, господин Вюк. Как руководитель охоты, вы должны были четко проследить за сдачей оружия. А теперь эта мелочь опровергает вашу версию о несчастном случае.

На лице Вюка появилось хитроватое выражение, и также хитровато зазвучал его голос:

— Должен заметить, что в своих вопросах вы чрезвычайно щепетильны, господин Драховитц.

Драхвитц покачал головой.

— Ну нет, господин Вюк. Это лишь предположение. А что вы будете говорить, когда комиссар Шоппенхауер зажмет вас в тиски? Лед, на котором мы стоим, очень тонок, господа!

— И как же выпутаться из этого неприятного положения?

— В этом-то и весь вопрос.

— Я просто не понимаю, — вмешался в их разговор Шлихтинг, — что Вюк имеет против вашего расследования? Даже если

это убийство! — Он повернулся к торговцу антиквариатом. — Почему вы упираетесь?

— Вы действительно не понимаете, Шлихтинг? — спросил Ландгут, который, забавляясь, следил за дуэлью между Драхвитцем и Вооком. — Подумайте сами! Имя Воока, имя будущего министра, оказывается в центре следствия по убийству, да еще перед самыми выборами! Что скажут избиратели?

— Естественно, это нежелательно перед выборами, — замаялся Шлихтинг. — Лично мне было бы жаль, если шансы Воока упадут, но все же я не склонен таскать ему каштаны из огня!

— А вам и не нужно, Шлихтинг. — Антиквар широко улыбнулся.

— Что мне не нужно?

— Таскать каштаны из огня. Когда прогремел выстрел, я стоял, как доказано, на другом берегу речки. А там, откуда стреляли, стояли вы!

Шлихтинг вздрогнул.

— Не только я! Фреезе, например, тоже!

— Ах! Друг убитого!

— До этого вы говорили о несчастном случае, — вклинился в разговор Ландгут.

Воок повернулся к нему.

— А я и не опровергаю.

— Ландгут, Майнелът и Аэлиг тоже были на том берегу, — настаивал Шлихтинг.

Драхвитц улыбнулся.

— Аэлиг, который до тридцать третьего года был социал-демократом, а после войны считался умеренным? Оригинально!

— Какое отношение имеет прошлое Аэлига ко всему случившемуся?

— Вы забываете о мотиве... несчастного случая.

От этих слов даже у Ландгута исчезла с лица улыбка. Он осторожно спросил:

— Вы связываете убийство Геердтса с этим несчастным случаем?

— Ох, Боже мой!

— Тогда речь должна идти об одном и том же преступнике или об одной и той же группе лиц?

— Между нами, монахами, говоря, да! — ответил Драхвитц.

— Ну, тогда я могу быть за себя спокоен, — доложил Ландгут. — Меня нет в коллекции Геердтса, и поэтому у меня отсутствует всякий мотив.

— А вы вообще выставку видели?

— В свое время я осмотрел ее в Гамбурге, — ответил Ландгут после некоторого замешательства.

Драхвитц повернулся к Вооку:

— А вы?

— Я знакомился с ней во Франкфурте, — спокойно произнес антиквар. — Меня там тоже нет.

Взгляд советника уголовной полиции медленно перешел на Шлихтинга. Зубной врач торопливо заговорил:

— С выставкой я в общем-то знаком. Но, как меня заверили Ландгут и Воок, я в ней тоже не представлен.

— Вот оно как! — перебил его Драховитц. — Значит, один из вас является Флюгером!

Шлихтинг и Ландгут вздрогнули, а Вокк, как бы защищаясь, поднял руку.

— Давайте ближе к делу, Драховитц, — сказал он. — Если говорить серьезно, то именно вы упоминаетесь в документах, не так ли?

— Хм, — прозвучало в ответ.

— Если мне не изменяет память, в качестве штурмбанфюрера и служащего Ведомства имперской безопасности.

— Да, да, — согласился Драховитц. — Однажды во время непринужденного обеда, который устраивал Гейдрих, я действительно познакомился со штандартенфюрером Флюгером. Это было более двадцати лет тому назад, но мне кажется, что я бы узнал его при встрече.

Драховитц весело осмотрелся вокруг и продолжил:

— Но давайте вернемся к коллекции и моей личности в ней. Если я правильно понял, вы намекнули, что у меня, в противоположность вам, был мотив для устранения Вебера, не так ли?

— Не стоит так формулировать, — выдавил из себя Вокк.

— Почему же не стоит? — спросил Драховитц. — Я могу возразить, ведь на охоту меня не приглашали!

Вокк попытался улыбнуться.

— Что, однако, не исключает вашего возможного появления там. Как и любого иного лица. Не забывайте про туман и плохую видимость!

150 — После только что высказанного подозрения в отношении меня, я чрезвычайно рад сделать следующее сообщение: дней восемь назад Геердтс представил свою коллекцию бургомистру, и я имел возможность просмотреть ее. При этом мною сделано любопытное открытие. Выставка Геердтса пополнилась на несколько человек! Могу вас заверить, что вы трое, как и я, были представлены в той коллекции! Говорю вам это потому, — закончил Драховитц с наслаждением, — что кто-то здесь высказался о мотиве!

Глава девятая

В полдень машина комиссара Шоппенхауера свернула к Рыночной площади Рендсхагена и остановилась напротив антикварного магазина «Ханзен и Вокк». Комиссар не успел выключить мотор, как на пороге появилась Жаннет Мессемер.

— Вы из Фёрдорфа? — спросила она, когда Шоппенхауер и Фреезе подошли к ней.

— Оттуда.

— Это был... Вебер?

Комиссар молча кивнул, потом, указав на дверь, спросил:

— Мы можем войти?

— Конечно, извините меня, пожалуйста! — смутилась Жаннет.

Когда они оказались в помещении, Жаннет обратилась к Шоппенхауеру:

— Боюсь, что это убийство будет представлено как несчастный случай.

Шоппенхауер задумчиво ответил:

— Я тоже так думаю. Поэтому взял отпуск и прибыл сюда.

— Вебер был вашим другом?

— Да, мы дружили.

Жаннет глубоко затянулась сигаретой.

— Вам, наверное, скажут, что был сильный туман. В общем-то это правда. Но там, где мы стояли, видимость была метров двадцать и можно было рассмотреть противоположный берег. Значит, стрелявший знал, в кого стреляет. Я увидела ствол ружья, просунутого сквозь ветки, и крикнула Веберу, но все произошло очень быстро.

— Стрелявшего вы не узнали?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. Кустарник там очень густой. Я видела только ствол ружья. Когда прозвучал выстрел, я прямо-таки остолбенела, только смотрела на Вебера, которого быстро сносило течением. Я хотела прыгнуть за ним, но не могла двинуться с места. Кроме того, я плохая пловчиха и навряд ли сумела бы вытащить его из воды.

— Это было бы бесполезно, — успокоил ее комиссар. — Он умер сразу.

Шоппенхауер остановился, увидев, что она вздрогнула. Затем продолжил:

— Кто же находился на противоположном берегу?

— Я, — слышался голос адвоката.

— Прекрасно! А кто еще? — нетерпеливо спросил комиссар.

Стоя в стороне от Шоппенхауера и Жаннет, Фреезе рассматривал статуэтку сидевшего на корточках Будды. Нос адвоката был слегка сморщен, поскольку толстый живот Будды вызывал отвращение, а улыбка казалась бесстыдной.

— На том же берегу находились Шлихтинг, бургомистр и Ландгут, — поразмыслив, ответил Фреезе. — Кроме них, еще несколько человек.

— А кто стоял к Веберу ближе всех?

Адвокат пожал плечами.

— Не знаю. Берег густо порос кустарником. Это мог быть любой из нас.

Шоппенхауер молча кивнул и подошел к Жаннет.

— Вы недолго были знакомы с Вебером, но мне кажется, что он понравился вам, не так ли?

Жаннет промолчала.

Комиссар прошелся по магазину, осматривая выставленные на продажу вещицы.

— А где доктор Вокк? — спросил он.

— Обедает в «Ландскнехте».

Шоппенхауеру показалось, что на ее лице мелькнуло недовольство.

— Вместе с Ландгутом, Драховитцем и Шлихтингом, — закончила она.

— Так! Они собрались вместе!

- О, да! Они встретились еще утром! У доктора Вюока дома! Шоппенхауер обменялся с Фреезе удивленными взглядами.
- Вот как? А не в кабинете Драховитца?
- Нет, — подтвердила она, — не в полиции!

Глава десятая

В отеле «Ландскнехт» было время обеда, и зал едва мог вместить огромную массу посетителей.

— Мы хотели бы переговорить с советником уголовной полиции Драховитцем, — обратился Шоппенхауер к владельцу отеля.

Тот выглянул из-за кранов, из которых непрерывным потоком разливалось пиво в поллитровые кружки, и промолвил в ответ:

- Неудачное время.
- Почему?
- Господа как раз обедают.
- Очень кстати! Может быть, и нам перепадет что-нибудь!
- Даже не знаю, стоит ли им мешать?
- Давайте все же попробуем!

Хозяин отеля нехотя указал на кожаную портьеру.

— Там, в отдельном кабинете.

Шоппенхауер и Фреезе с трудом протиснулись между плотными рядами столиков и наконец оказались за портьерой. Комиссар, казалось, удачно выбрал момент, решив, видимо, испортить почетным горожанам удовольствие от послеобеденной сигары. Не ожидая приглашения, он пододвинул стул и сел рядом с Вюоком, спокойно переводя взгляд от одного к другому, пока его глаза не остановились на сидевшем напротив Драховитце. Драховитц, который все это время был поглощен своей сигарой, откашлялся.

— Судя по вашему появлению здесь, — сказал он, — труп, выловленный в Фердорфе, был Вебером?

— А как же? — отвечивал Шоппенхауер резким тоном. — Не каждый день в вашем ручейке плавают трупы!

— Понимаю ваши чувства, — доброжелательно возразил Драховитц.

— Господин советник, вы, вероятно, помните наш первый разговор. Тогда мы спросили вас, не знакомы ли вы с доктором Флюгером? Если вы не возражаете, я повторю этот вопрос сейчас.

— Какого Флюгера вы имеете в виду? — задал Драховитц встречный вопрос.

— Штандартенфюрера и начальника команды.

— Я припоминаю...

— ...этого человека? — Шоппенхауер подался вперед.

— Я припоминаю, что вы спрашивали о нем, — невозмутимо ответил Драховитц. — Припоминаю также свой ответ, что никогда не встречал его. Кроме того, господин Шоппенхауер, здесь не место, а вы не тот человек, чтобы задавать такие вопросы. Я пошел навстречу просьбе нашего шефа о совместном расследовании, но только тех обстоятельств, которые касаются смерти Вебера. И ничего больше! Вы поняли, коллега?

— Конечно, господин советник.— Комиссар обратился к Шлихтингу:— А вам знакома фамилия Флюгер, господин доктор?

— Фамилия, вроде бы,— рассмеялся Шлихтинг,— но не человек!

— Ну, а вам? — спросил комиссар Ландгута.

Чиновник презрительно скривил рот и промолчал. Вместо него в разговор опять вступил Драховитц:

— В последний раз предупреждаю вас, господин Шоппенхауер! Я закончу этот разговор, если вы не оставите в покое вопросы, не касающиеся существа интересующего нас дела!

— Согласен, господин советник. Но вопрос о Флюгере самый существенный, не правда ли? Вебер исходил в своих рассуждениях из того, что только у одного лица имелся мотив выкрасть коллекцию, а затем убить Геертса. Это лицо и есть тот самый Флюгер. После сорок пятого года он бежал под вымышленным именем в Южную Америку.

— Но как он мог убить Геертса, если, как вы говорите, он там и проживает? — вмешался в разговор Вок.

— Я сказал, что он бежал в Южную Америку, но не говорил, что он до сих пор живет там. Времена изменились, и он мог возвратиться.

— И вы думаете,— продолжал Вок,— что Флюгер осел в Рендсхагене?

Шоппенхауер кивнул.

— Конечно, не под своим именем,— пояснил он.

— А под каким?

Шоппенхауер пожал плечами.

— Поэтому я и задаю вопрос советнику уголовной полиции, не был ли он знаком с Флюгером ранее?

— С вашего позволения, уважаемый Драховитц, теорию господина Шоппенхауера я нахожу весьма интересной.— Вок повернулся к Драховитцу, затем, обращаясь к комиссару, добавил:— Если я правильно понял, вы полагаете, что Флюгер проживает в нашем городе?

— Да.

— И придерживаетесь мнения, что вор и убийца — одно и то же лицо?

— Конечно.

— Но здесь в ваши рассуждения, видимо, закралась ошибка. Зачем Флюгеру понадобилось убить Геертса? Ведь он уже украл документы, идентифицирующие его личность.

Комиссар рассматривал Вюка с задумчивым интересом.

— Есть две причины,— сказал он.— Рендсхаген — городок маленький, а Геертс много колесил, подбирая помещение под выставку. Возможно, он встретился с Флюгером и опознал его.— Шоппенхауер замолчал и скользнул взглядом по морщинистому лицу Шлихтинга.

Вок хмыкнул и спросил:

— А вторая причина убийства Геертса?

— К Флюгеру попали только фотокопии документов,— пояснил Шоппенхауер.— Ему же нужны были негативы, а он их не

нашел. Негативы обнаружил Вебер. Но спустя несколько часов после того, как он отыскал их, его тоже убили.

— Видите ли, коллега Шоппенхауер, тут мы действительно впервые столкнулись с интересным моментом, — вмешался в разговор Драховитц. — Как нам сообщила Жаннет Мессемер, Вебер нашел негативы коллекции Геердтса в камере хранения на вокзале и отправил их почтой по железной дороге.

— Именно так, — улыбнулся комиссар.

— Но он должен был незамедлительно передать материалы в наши руки! — возмутился Драховитц. — Сокрытием столь важных документов он нарушил закон!

— Совершенно верно, — ответил комиссар. — Но довольно сложно привлечь мертвого к ответственности.

— А где теперь негативы? — спросил Драховитц. — Куда он их отправил?

Шоппенхауер пожал плечами.

— На свой домашний адрес он их не отправлял. Мы справлялись у его секретарши.

— А до востребования?

— Советник уголовной полиции Линдберг обещал помочь с этим делом, но речь идет не только о главпочтамте, но и о районных почтовых отделениях. К тому же мы не знаем, отправил ли он посылку под своим именем или воспользовался паролем.

— Но нам известны место отправления и время! — горячился Драховитц.

— Конечно, конечно, — успокоил его Шоппенхауер. — Но это займет некоторое время. А пока мы, может быть, попытаемся выяснить, не знал ли еще кто-то, кроме Мессемер, что Вебер нашел негативы? — Шоппенхауер повернулся к Вуоку. — Он разговаривал с вами по этому поводу?

Торговец антиквариатом покачал головой.

— Мы беседовали о Боге и мире, но, насколько я помню, имя Геердтса при этом ни разу не упоминалось.

— А вы? — спросил комиссар дантиста.

Шлихтинг отпрянул.

— Я ни словом не обмолвился с этим человеком!

Шоппенхауер вопросительно посмотрел на Фреезе, сидевшего отдельно от них за соседним столиком.

— Ничего не было сказано об этом, — сдержанно промолвил он.

— Вот удивительно, — произнес Вуок с легким недоверием в голосе. — Ведь эта находка была как бы триумфом Вебера, и как раз вам-то он и должен был сообщить о ней.

Адвокат весело рассмеялся:

— Вы забываете мою профессию, господин Вуок. Он ведь знал, что я никогда не стану оправдывать сокрытие вещественных доказательств.

— А почему вы, собственно, хотите знать, рассказывал Вебер об этом еще кому-то или нет? — спросил Драховитц.

— Потому что это связано с его предполагаемым убийцей, — ответил Шоппенхауер.

— Да, да, коллега Шоппенхауер. Я вас понял. — Драховитц

натянуто улыбнулся.— Мне хочется еще раз услышать подтверждение вашей теории о том, что смерть Вебера и смерть Геердтса взаимосвязаны. Но поверьте, в смерти вашего друга нет ничего таинственного, это был несчастный случай на охоте, и ничего больше!

После такого заявления Драхвитца наступила тишина. Все повернулись к комиссару и напряженно ждали, как онотреагирует.

— Несчастный случай на охоте? — переспросил Шоппенхауер.

Драхвитц молча кивнул.

— И вы пришли к такому выводу на основе вашего расследования? — осведомился комиссар.

— Да.

Шоппенхауер посмотрел на сидевшего рядом антиквара.

— А как ваше мнение насчет несчастного случая на охоте?

— Это был несчастный случай, господин Шоппенхауер, — промолвил ВOOK.

Комиссар повернулся к столику, за которым сидел Фреезе.

— А вы? Вы ведь тоже были на охоте?

— Я тоже полагаю, что произошел несчастный случай, — ответил адвокат, осматриваясь вокруг. — Я уже намекал вам об этом, Шоппенхауер. Учитывая наше состояние в то утро... и потом.. не забывайте о тумане.

ВООК чуть было не прыснул от смеха. Этот адвокат просто золото! Комиссар с видом глубокого разочарования откинулся на стуле. Затем, выдержав небольшую паузу, усталым голосом произнес:

— Если это так, то все мои умозаключения кошке под хвост.

Присутствовавшие несколько оживились. Первым поднялся Драхвитц.

— Ладно. Тогда мы, пожалуй, пойдем.

— Обед за мой счет, — сказал ВООК, увидев в руках Драхвитца бумажник.

— А кто, собственно стрелял? — спросил комиссар.

— Как кто стрелял? — Драхвитц все еще копался в бумажнике. — Мы не знаем.

— Действительно?

Снова наступила тишина, компания, казалось, почувствовала, что комиссар водит всех за нос.

— Пока никто не доложил, — сообщил Драхвитц. — Такое поведение можно по-человечески понять.

Шоппенхауер кивнул, затем его холодный взгляд уперся в торговца антиквариатом.

— Ваша вылазка на охоту была импровизированной, не правда ли?

— Пожалуй, да, — без колебаний ответил ВООК. — Идея родилась под настроение.

— Откуда оружие?

— Из моей коллекции.

— Все?

— Большая часть. Несколько ружей я взял перед охотой у своих друзей.

— Вы проверяли их?

— Да.

— А в то утро? Вы сами выдавали ружья?

— Да.

— А патроны? Их тоже выдавали вы?

Боок неожиданно замолчал.

— Ну? — дружески произнес Шоппенхауер. — Кто выдавал патроны?

— Я.

— На что охотились?

— На мелкую дичь, уток.

— Пулями?

Разговор снова застыл. Ища поддержки, Боок взглянул на Драховитца, но тот промолчал.

— Ну?

— При чем тут пули? Ведь на уток охотятся картечью! — выпалил Боок.

— Я тоже так считал. Но Вебер был убит пулей!

Боок недоуменно посмотрел на комиссара.

— Но я... выдавал только картечь. Клянусь!

— Что все это значит? — спросил Драховитц Шоппенхауера.

— Вы спрашиваете меня, господин советник? — Рука Шоппенхауера, словно рапира, ткнулась в сторону Боока. — Ружья-то были выданы этим господином и патроны — картечь, как он утверждает, — тоже. Тот факт, что в картечь была подсунута пуля, доказывает запланированное убийство!

— Может быть, вы случайно выдали пулю, господин Боок? — пришел на помощь антиквару Драховитц.

— Я могу отличить патрон с пулей от патрона с картечью. И вообще, что значит «случайно»?

— Значит, пулю вы подсунули сознательно? — неожиданно вклинился в разговор Шлихтинг.

— Может быть, вам? — оживился Шоппенхауер.

— Вы что, с ума сошли? Я вообще не сделал ни одного выстрела! — Шлихтинг не мог оторвать взгляда от Боока и нервно добавил: — Ну, скажите же что-нибудь, Боок! Ведь это была ваша идея с несчастным случаем!

— Господин Шлихтинг. — Драховитц предпринял слабую попытку притормозить дантиста. Но сдержать того было уже невозможно.

— Я не желаю быть втянутым в какое бы то ни было дело об убийстве! — провизжал Шлихтинг. — Это Боок хотел представить все как несчастный случай, поскольку он печется о своем мандате на выборах! Боок, давайте не будем ничего скрывать от комиссара!

Антиквар высокомерно посмотрел на Шлихтинга.

— Может быть, я убил Вебера? Может быть, я Флюгер?

В это мгновение Ландгут отодвинул стул и поднялся.

— Мне этот разговор не понравился с самого начала, — произнес он с нескрываемым презрением в голосе. — Если вы хотите

ссориться, как школьники, то делайте это без меня! — Он повернулся и невозмутимо направился к выходу.

Комиссар дал ему возможность дойти до портьера, затем спросил:

— А что, собственно, делали в тот вечер на втором этаже вы, господин Ландгут?

Ландгут обернулся. Лицо его было непроницаемо.

— Какой вечер вы имеете в виду?

— Тот вечер, когда убили Геердтса. Вы, видимо, помните его. Это было в двадцать часов пятнадцать минут. В двадцать часов тридцать минут в отель прибыл Вебер, а минут через десять был обнаружен труп. Но примерно за полчаса до этого вас видели в коридоре гостиницы.

— Кто?

— Вы же знаете это лучше меня. Горничная Анке! Которую потом неожиданно отправили в Бад Примонт.

Ландгут возвратился к столу и бесстрастным тоном пояснил:

— Я был в комнате номер пять. В то время там проживала... одна дама. Я пытался переубедить ее, что мой сын несколько молод для нее.

— Все совпадает, я справлялся, — сказал комиссар. — Только той дамы, как вы уверяете, в то время в отеле не было. Если вы действительно договаривались с ней о встрече, то она, должно быть, обманула вас.

— Поэтому я сразу же спустился вниз.

— Правильно. Вы отсутствовали за столом не особенно долго, — неожиданно вступил в разговор Шлихтинг. — И разве не вы говорили нам, что хотите только позвонить?

— Да, говорил.

— Почему же вы солгали?

— Во-первых, я не обязан отчитываться перед вами, не так ли? — возразил Ландгут. — А во-вторых, меня не воодушевляли поступки моего сына.

— Значит, в тот вечер вы поднялись на второй этаж, чтобы поговорить с дамой? — повторил свой вопрос Шоппенхауер.

— Да.

— И когда на ваш повторный стук в комнате номер пять никто не отозвался, вы спустились вниз?

— Я уже говорил.

— Откуда вам известно, что Ландгут должен был встретиться в отеле с женщиной? — раздраженно спросил Драховиц.

Расплывшись в улыбке, Шоппенхауер вернулся к нему.

— Мне сообщили, что примерно в то время, когда было совершено преступление, Ландгут находился на втором этаже. «Случайность или нет?» — спросил я себя. Если это не случайность, то подозрения в отношении Ландгута усилятся. Но я должен был исключить случайность, если хотел вывести его на чистую воду. Я просмотрел списки постояльцев и, наткнувшись на молодую даму из Гамбурга, навестил ее и опросил. В целом она подтвердила сказанное Ландгутом, но показала, что в тот вечер ее в отеле не было.

— Чего же вы еще хотите? — нетерпеливо спросил Ландгут.

— Давайте предположим, что дама вообще не выходила из номера или что именно она убила Геердтса...

— Женщина? Да это же смешно! — перебил его Ландгут.

— Женщина-убийца — не такая уж редкость, — упорствовал Шоппенхауер. — Вашим утверждением, что ее в отеле не было и вы не смогли переговорить с ней, вы создаете ей неплохое алиби.

— Какая же у нее могла быть причина для убийства? — поинтересовался Ландгут.

— Может быть, она действовала по чьему-то заданию. Такое случается. Возможно, у нее был сообщник.

— Сообщник? — нерешительно спросил чиновник. — Кто же?

— Вы, например. — Шоппенхауер мило улыбнулся.

Ландгут нервно стукнул рукой по столу.

— Я уже дал понять, как мне неприятен случай с моим сыном!

— Видите, как легко можно попасть под подозрение? — промолвил Шлихтинг.

— Кончайте с вашими поддевками, Шлихтинг! — Вок злобно глянул на улыбающегося дантиста. — Вы тоже не исключение. Не вы ли пришли в тот вечер с опозданием на десять минут?

— И он прошел через двор, — вставил комиссар прежде, чем Шлихтинг успел что-либо сказать. — Это правда, что время преступления установлено между четвертью и половиной девятого? — спросил он Драховитца.

— Да.

— Значит, Шлихтинг мог уже задолго до этого появиться во дворе.

— Ерунда, — пришел в себя дантист. — Я покинул клинику ровно в двадцать часов!

— И сколько вам потребовалось времени на дорогу до отеля?

— Минут десять, я шел пешком.

— Разумеется, у вас есть свидетель.

— Конечно.

— Кто это?

— Медсестра.

— Ну, это можно было бы проверить, — произнес Шоппенхауер, обращаясь к Драховитцу.

Шлихтинг вдруг взорвался:

— Почему нас подозревают таким бессовестным образом, да еще оскорбляют? — Он остановился, но, поскольку никто не прореагировал, продолжил: — Ладно, давайте последуем вашей idiotской идее, господин комиссар Шоппенхауер! А вы не подумали о том, что в тот вечер я мог воспользоваться главным входом?

— Вы же всегда проходили через двор, так было и в тот вечер! — Комиссар широко улыбнулся. — Поймите меня правильно, я не утверждаю, что все было именно так, я основываюсь, как и доктор Ландгут, лишь на предположении. — Комиссар посмотрел на антиквара и добавил: — Если мне верно доложили, то вы, господин Вок, единственный, кто в тот вечер все время оставался за столом.

Антиквар молча кивнул.

— А в то несчастливое утро на охоте вы находились на другом берегу речки?

— Да.

— Эти господа тоже?

— Хм.

— Значит ли это, что вы в противоположность Шлихтингу и Ландгуту ни в коем случае не можете быть связаны с произошедшими событиями?

— И вы меня спрашиваете?

— Господин Вокк, вы не рассердитесь, если я выскажу еще одну версию?

— Не рассержусь, валяйте! — добродушно ответил Вокк.

— Я заканчиваю. Поскольку смертельная пуля вылетела из ружья, выданного вами, — комиссар поочередно обвел всех взглядом и снова остановил его на Вокке, — это значит, что все трое: Ландгут, Шлихтинг и вы, господин Вокк, — в обоих случаях обща планировали преступление и совершили его!

Все вскочили с мест, жестикулируя, набросились на Шоппенхауера и Драховитца, который с побледневшим лицом прохрипел, что доложит обо всем начальнику комиссара Линдбергу. Пошатываясь, Драховитц вышел. Вслед за ним устремились остальные.

Фреезе, являвшийся как бы сторонним наблюдателем, тоже поднялся и направился к выходу, но нерешительно остановился на полпути.

— Ну, и чего вы этим достигли? — спросил он, глядя на комиссара.

— Чем?

— Подобной провокацией!

— Должен же я был выманить этих господ из кустов, не так ли? Или вы можете подсказать мне, кто из них убил Геердтса?

— Конечно же, нет, — последовал ответ адвоката.

— Тогда оставим ваши благочестивые притчи о провокации, — произнес комиссар. — А смерть Вебера? Разве это не провокация?

— Вы их действительно выманили, но боюсь, что погнали не в том направлении, в котором вам хотелось бы! Теперь они предпримут все, чтобы удалить вас из города!

Не дождавись ответа, адвокат вышел. Оказавшись в вестибюле, он увидел Ландгута, звонившего по телефону от портье. Чиновник опустил трубку и крикнул ему:

— Вы не подождете меня? Я сейчас закончу!

Фреезе согласно кивнул и через вращающуюся дверь вышел на улицу. Палящие лучи солнца падали на площадь, и только в проходе под колоннадой было прохладно.

— Давайте пройдем в тени, — услышал адвокат голос за спиной. Он обернулся и увидел Ландгута. — Жара просто невыносимая. Составьте мне компанию, пока не придет сын. Я попросил его заехать за мной.

— Вы уезжаете? — осведомился адвокат.

— Мне надо в Киль, — ответил Ландгут, и тут у него непроизвольно вырвалось: — Шоппенхауер должен покинуть город!

Я поеду в земельную полицию и привезу сюда кое-кого!
Фреезе промолчал, размышляя о том, что начинают сбываться его предсказания комиссару.

— Не знаю, как вы относитесь к Шоппенхауеру...

— Мне он безразличен. Я познакомился с ним через Вебера. — Фреезе сосредоточенно рассматривал свою ладонь.

— Откровенно говоря, — надеюсь, что вы не обидитесь на меня, господин Фреезе, — я был удивлен, узнав, что вы представляете интересы такого человека.

— Вебера?

— Да. Весь он какой-то несерьезный, да и направление, выбранное им, тоже.

— Вы имеете в виду политическую направленность?

— Конечно!

Адвокат остановился возле колонны и оперся на нее.

— Вебер был в порядке и вовсе не хотел впутываться в дело с Геердтсом. Так получилось против его воли.

— За это он и поплатился.

— По-видимому, теорию о несчастном случае вам нужно было бы обосновать более тщательно, — внезапно произнес Фреезе.

Ландгут резко повернулся.

— Совершенно верно, именно таким было задание Драхвитца. Но тут появляется какой-то непонятный комиссар из Гамбурга и одним высказыванием: «Пуля на утиной охоте» — разносит все в пух и прах!

— Если вы подключите к расследованию земельную полицию, этот случай получит более широкую огласку, так ведь?

Ландгут нахмурился.

— Вы думаете, я не понимаю? Но вы же слышали, какую версию выдвинул Шоппенхауер. И как прикажете к ней относиться?

На площади прозвучал гудок автомобиля. Через опущенное боковое стекло им махал молодой человек.

— Это мой сын, — сказал Ландгут, подавая адвокату руку. — Мы еще увидимся? Как долго вы останетесь в городе?

— Завтра я уеду.

— А не выпить ли нам вечером бутылочку хорошего вина?

— А разве встреча начинается не сегодня?

— Ах, да, встреча! Ну, значит, из нашего вечера ничего не получится. Жаль. Но при случае я позвоню вам, если у меня появятся дела в Гамбурге. Может быть, мы вместе пообедаем?

— Буду рад.

— Тогда до свидания! — Ландгут направился к машине и сел рядом с сыном на переднее сиденье.

Пройдя под колоннадой, Фреезе приблизился к антикварному магазину «Ханзен и Вок» и остановился перед витриной. Она была закрыта плотной гардиной темновато-серого цвета, и поэтому Фреезе не мог видеть того, кто наблюдал за ним из помещения.

А на адвоката смотрел торговец антиквариатом. Но не Фреезе уделял он внимание, а трем мужчинам, сидевшим позади него в креслах стиля «ампир». Слух о событиях утренняя охоты давно

достиг Киля. И все же появление этих людей нервировало его.

Фреезе взглянул последний раз на витрину и, повернувшись, пошел дальше.

— Только этой истории нам и не хватало за четыре недели до выборов. — выругался за спиной Вюока один из сидевших в кресле. — Одного убийства было предостаточно.

Вюок повернулся и изучающе посмотрел на говорившего. От него не укрылось, что добрые отношения, существовавшие между ними ранее, несколько охладели. Он принялся лихорадочно объяснять:

— Да, господа, убийство Геертса произошло в этом городке, но я ни в чем не замешан.

— А смерть частного детектива?

— Это и вовсе необъяснимо! С абсолютной уверенностью могу сказать, что в то утро я раздавал патроны с картечью!

— Ну, Вюок, не следует нас агитировать. — Мужчина встал. — Лично вы не имеете отношения ни к одному из этих случаев, нам это хорошо известно, но речь совсем о другом. На вас не должна упасть даже тень подозрения. А если теперь ваше имя будет упомянуто в связи с двумя убийствами? Что тогда?

— Стоп! До этого мы еще не дошли, — произнес в этот момент самый молодой из гостей. — Мы должны сохранить Вюока. Поэтому надо убрать с дороги весь хлам. — Он остановился и ободряюще улыбнулся антиквару. — Видимо, будет не трудно сделать так, чтобы комиссар из Гамбурга побыстрее исчез отсюда!

Глава одиннадцатая

Комиссар Шоппенхауер не знал, что уже в течение нескольких часов его личность находится в центре внимания, но даже если бы и предполагал это, ему было бы в высшей степени безразлично. После того, как в кабинете начальника уголовной полиции ему дали понять, что его воспринимают как свалившуюся на их головы помеху, он спустился в подвал, где размещался архив, и уютно расположился в старом кресле. Здесь терпко пахло бумажной пылью, но зато не чувствовалось жары, царившей наверху. Уже около трех часов Шоппенхауер, казалось, выжидал чего-то. Лежавшие перед ним на столе документы перестали интересовать его. Лишь одна папка лежала раскрытой. В верхнем углу листа была приколотая фотография секретаря полиции Шмидта, сотрудника отдела Драховитца. Когда Шоппенхауер впервые переступил порог районного отдела полиции Рендсхагена, ему бросился в глаза этот человек. Он отчетливо помнил утро своего первого визита к советнику уголовной полиции Драховитцу, и там, в приемной, почувствовал, что никогда бы не смог подружиться с этим Шмидтом. Из его биографии Шоппенхауер почерпнул не очень-то много, в папке черным по белому было написано лишь, что Шмидт являлся заслуженным человеком времен второй мировой войны.

Большая стрелка электронных часов, висевших на стене, с громким щелчком перепрыгнула на отметку девятнадцать

часов двадцать минут. В этот момент дверь в архив распахнулась, и на пороге появился секретарь полиции Шмидт.

— Занавес опустился, коллега! — самодовольно произнес он. — Сюда прибыли трое из Килия, и они ждут-не дождутся познакомиться с комиссаром Мегрэ!

Трое из Килия! Шоппенхауеру очень хотелось узнать, что они скажут ему. Он даже почувствовал, как весь внутренне напрягся.

— Это приказ! — услышал он голос Шмидта.

— Так, так. В таком случае он нужен мне в письменном виде.

— И, наверное, в двух экземплярах, — ухмыльнулся Шмидт, но затем лицо его исказилось. Он увидел перед Шоппенхауером свое личное дело. Схватив папку, он подошел к барьеру и швырнул ее работнице архива на стол.

— Почему вы впустили его сюда? — спросил он резким тоном. — И кто разрешил выдать личные дела?

Женщина испуганно схватилась за очки.

— Я думала...

— Ну, хватит! — прервал ее Шмидт. — Вы не имели права выдавать дела этому человеку!

— Я очень сожалею, что у вас из-за меня возникли неприятности, — дружелюбно промолвил Шоппенхауер, обращаясь к женщине. — До свидания!

Она ничего не ответила и лишь испуганно посмотрела ему вслед.

Шоппенхауер и Шмидт поднялись наверх. Когда Шмидт отворил дверь в кабинет своего начальника и комиссар заглянул туда, он сразу же заметил, что ситуация после обеда существенно изменилась. С довольно подавленным видом советник уголовной полиции Драховиц стоял у окна, а за его письменным столом сидел другой человек. Новый сотрудник был относительно молод, где-то под сорок, и этот факт обнадежил Шоппенхауера. У него было широкое, несколько грубоватое, но симпатичное лицо. Фигура, и особенно руки, спокойно лежавшие на столе, были широкими и неуклюжими. Одет он был с особой тщательностью.

— Итак, вы комиссар Шоппенхауер? — Сидевший за столом мужчина внимательно посмотрел на комиссара.

— Да, это я.

— Я часто слышал о работе вашей комиссии по убийствам, и всегда только положительные отзывы.

— Благодарю за комплимент!

Мужчина изогнул губы в легкой улыбке:

— А я — старший советник уголовной полиции Поль из земельного управления в Киле.

Шоппенхауер слегка поклонился. При этом он уловил нежный аромат мужских духов.

— Это вы опознали труп частного детектива в Фердорфе?

— Я был там сегодня утром с адвокатом Фреезе, — ответил Шоппенхауер.

— Хорошо. Мы тоже послали туда своих сотрудников. Благодарю за помощь, но ваша работа здесь закончена. Я разговари-

вал по телефону с вашим начальником. Он ждет Линдберга и вас на доклад.

Вот оно что! Этот господин из земельного управления полиции не имеет привычки долго церемониться!

«Нет, — подумал Шоппенхауер, — сейчас самый неподходящий момент для доклада у шефа. Он может закончиться неприятностью».

— Чего же вы ждете? — спросил Поль. — На вашем месте я не стал бы злоупотреблять терпением шефа.

Шоппенхауер скривил рот:

— К шефу я хожу всегда с превеликим желанием, поэтому стараюсь не опоздать. И так, до встречи!

— С удовольствием, — улыбнулся Поль. — Но только не в этом городке.

Комиссар осторожно прикрыл за собой дверь и тут же заторопился. Перепрыгивая через ступеньки, он бегом бросился к выходу и понесся к ближайшему телефону-автомату. Быстро бросив в щель несколько монет, Шоппенхауер набрал номер.

— Районное отделение полиции Фёрдорф, — донесся из трубки голос.

— Это комиссар Шоппенхауер из Гамбурга. Соедините меня с Винклером из «уголовки», и, если можно, поскорее.

Глава двенадцатая

Уже несколько часов подряд Жаннет Мессемер беспечно бродила по квартире. После обеда Вокк отправил ее домой, поскольку ждал гостей из Киля. Вначале она обрадовалась, но, придя домой, не стала заниматься делами, а только заваривала кофе и одну за другой курила сигареты.

Вебер. Может быть, этот детектив опасен для нее? Может быть, очень даже? Она вспомнила охоту, Вокка и его лицо, когда она, взяв Вебера за руку, скрылась с ним в тумане.

Жаннет сидела в кресле с очередной чашечкой кофе, когда раздался телефонный звонок.

— Жаннет Мессемер слушает, — сказала она, сняв трубку.

Из аппарата донесся глухой мужской голос:

— Я хотел бы переговорить с вами.

— Слушаю вас.

— Но не по телефону.

— Кто говорит?

— А вы не догадываетесь?

Жаннет хотела положить трубку, но что-то удержало ее.

— Скажите же, наконец, кто вы? — потребовала она.

— С вами говорит доктор Флюгер! — донесся до нее неясный шепот.

— Кто говорит? — уточнила она после некоторой паузы.

— Доктор Эрих Флюгер, — повторил ее собеседник. — Вы не помните меня?

О, да! Она помнила. Имя, которое не давало покоя Веберу.

— Что вам от меня нужно? — спросила она.

— Не по телефону, — послышалось из трубки.

— Где вы сейчас?

— На Рыночной площади, возле вашего магазина.

— Хорошо, я сейчас буду, — ответила Жаннет, опустила трубку на рычаг и неподвижно застыла у аппарата. Голос показался ей знакомым. Кто этот человек, выдававший себя за доктора Флюгера? Видимо, когда-то она уже сталкивалась с ним. С какой целью он пытается выманить ее из дома? Она колебалась, идти или не идти, но в то же время ее разбирало любопытство. Этот Флюгер или кто там еще может быть прольет свет на причину охватившего ее в последние дни беспокойства.

Жаннет вышла в прихожую и сняла с вешалки пальто. Закрывая за собой дверь и спускаясь по лестнице, она ни на секунду не задумалась о том, что, возможно, отправляется навстречу опасности.

На большой скорости Жаннет промчалась по улицам, где уже зажглись фонари, пересекла пустынную Рыночную площадь и остановилась перед антикварным магазином. Выключив мотор, она взглянула на часы и обнаружила, что поездка заняла менее пяти минут.

Откинувшись на спинку сиденья, она пристально вглядывалась в колоннаду, но в проходе не было ни одной живой души, ни одной бездомной кошки, не было даже доктора Флюгера.

«Может быть, кто-то сыграл со мной глупую шутку? Но кто, и ради чего? Что скрывается за всем этим?» — подумала Жаннет и вылезла из машины. Она стала прохаживаться по улице, и стук ее каблучков громко раздавался под сводами прохода. Это был единственный звук, нарушавший вечернюю тишину.

Ее взгляд случайно остановился на приоткрытой двери, которая вела в жилой дом. Жаннет почувствовала, как ее внезапно потянуло к этой двери, и направилась к подъезду. В это время из-за колонны, в нескольких шагах от того места, где она только что стояла, показалась тень человека. Затем появилась рука, поднимавшаяся на уровень лица, и к сигарете устремилось шипящее пламя зажигалки, осветившее на миг лицо. Это был адвокат Фреезе!

Жаннет все еще стояла у подъезда, готовая в любую минуту повернуть назад. Она никак не могла сообразить, что пугает ее больше, темнота или тишина, царившие вокруг. Подождав несколько секунд, Жаннет громко окликнула:

— Есть здесь кто-нибудь?

В ее голосе слышался страх и даже некоторая беспомощность. Вдруг она услышала приглушенное хихиканье, и тут же вспыхнул свет.

Рядом с выключателем, прислонившись к стене, стоял мужчина. Жаннет не верила своим глазам. Ей казалось, что она стала жертвой собственного воображения.

Но на лестничной площадке, лукаво улыбаясь и надвинув на глаза кожаную кепку, стоял Вебер.

— Привет, Жаннет! Это я, не призрак!

Его голос вернул Жаннет к действительности. Наконец она осознала, что человек, стоящий перед ней, не плод ее фантазии, а сам Вебер собственной персоной, и бросилась ему на грудь.

— О, Боже мой! Ты чудовище!
— А ты и впрямь думала, что я мертв?
— Я же видела все собственными глазами!
— Да, да, я расскажу тебе. Куда бы мы могли пойти? В магазин?

— Ну конечно же!

Жаннет сделала шаг к двери, но Вебер удержал ее.

— Подожди-ка! Посмотри сначала, нет ли кого?

Жаннет улыбнулась и проскользнула мимо него на улицу.

— Никого нет! — вскоре сообщила она.

На том месте, где несколько минут назад стоял адвокат Фреезе, тоже никого не было.

Они прошли на заднюю половину магазина, отгороженную занавеской. Жаннет подошла к шкафу и распахнула обе дверцы. Там стоял целый ряд бутылок. Наполнив две рюмки, она передала одну Веберу.

— Поистине мне это необходимо, чтобы избавиться от страха, — призналась Жаннет.

— Мне тоже.

— Салют! — произнесла она и подняла рюмку.

Понемногу к Жаннет возвращалась ее выдержка, и она перешла с Вебером на «вы».

— Для чего вы все это предприняли?

— Попал под выстрел? Упал в воду и исчез?

— Да.

— Вам, вероятно, известно, что полиция запретила мне покидать город. А я должен был уехать, чтобы решить загадку Флюгера.

— И вы ее решили?

— Да, решил.

— И кто же это? — живо поинтересовалась она.

Вебер промолчал.

— Это... Вок?

— Нет, не Вок. Он вообще не может быть им. Его личность установлена.

— Я знала, — облегченно вздохнула она. — И все же я очень беспокоилась за него. Давайте еще выпьем!

Жаннет снова наполнила рюмки, отпила глоток и, прихватив рюмку с собой, направилась к креслу.

— Ну, рассказывайте, наконец, чем вы занимались эти два дня?

Вебер медленно приблизился к ней и уселся напротив.

— Начало истории вы уже знаете, — начал он. — Вы присутствовали при том, как я обнаружил негативы коллекции Геертса в камере хранения.

— Да, конечно, — подтвердила она и громко рассмеялась. — Вы, наверное, не представляете себе, как был разъярен Драховитц, когда узнал об этом.

— Вы рассказали ему?

— Этого нельзя было избежать, — отвечала она. — Он устроил мне целый допрос. Он хотел все знать, начиная с того момента, когда я зашла к вам в номер. Узнав о негативах, он закричал,

что это укрытие вещественных доказательств! И мне пришлось рассказать ему все о том вечере. Он долго не мог успокоиться.

На лбу Вебера появились озабоченные складки.

— Видите ли, это тоже была причина, вынудившая меня покинуть Рендсхаген. Я мог бы попросить вас ничего и никому не говорить, но тем самым вы все больше и больше втягивались в это дело. Драховитц прав, найденные негативы я должен был передать ему. Но вся история с кражей документов расследовалась невообразимо вяло. В то утро я раздобыл в ближайшей деревушке сухую одежку и отправился прямо в Гамбург. Вначале я посетил почту и забрал свое сокровище. Один мой знакомый проявил негативы и изготовил с них фотокопии. И тут, Жаннет, меня поджидали неожиданности. Я обнаружил, что в коллекции Геердтса представлены все мои знакомые по Рендсхагену!

Вебер сделал паузу.

— Я обнаружил в ней не только Драховитца, о котором мне все было уже известно, но также Ландгута, Шлихтинга... К сожалению, Жаннет, я должен сообщить вам кое-что печальное.

— Да? — Жаннет вся подалась вперед.

— Вы знаете подробности о прошлом Вюка?

— Конечно, — поколебавшись, произнесла она. — Он был солдатом во время войны, а потом много ездил: Средиземное море, Ближний Восток, Малая Азия, Южная Америка.

— Вы знали, что он был в эсэс?

— Да, — коротко подтвердила она. — А как вы узнали?

— Сначала мне рассказал сам Вюк, а потом я нашел подтверждение в коллекции Геердтса.

— Ах! — удивилась Жаннет. — Вюк тоже представлен в коллекции?

— Хм.

— Ну, да. Вы видите, как все это безобидно! Он же не скрывал своего прошлого...

— Подождите-ка! — возразил детектив. — Вюк был гауптштурмбанфюрером эсэс. В сорок четвертом году его часть находилась в Венгрии. Вы знаете, что там тогда происходило?

— Откуда же мне знать?

— Вюк вам никогда не рассказывал?

Жаннет молчала.

— Ну, Жаннет? — настаивал Вебер.

Она неохотно ответила:

— Он никогда не заводил разговора о войне.

— Ну, тогда это должен сделать я. В сорок четвертом году немецкие войска покидали Венгрию, и фашисты начали эвакуировать венгерских евреев.

— Эвакуировать? — переспросила она. — Куда?

— В лагеря смерти! В Венгрии было много богатых евреев. После того, как людей увозили, появлялись спецкоманды, укомплектованные людьми с высшим образованием, в основном искусствоведами, и очищали покинутые дома. Награблено было на многие миллионы. Потом все это переправлялось в Германию.

Жаннет недоверчиво посмотрела на Вебера.

- И... Вуок участвовал в этом?
- Да.
- Неправда!
- Почему же, Жаннет?
- Если и так, то он действовал по приказу!
- Все они действовали по приказу, — Вебер горько усмехнулся.

Жаннет взяла Вебера за руку.

— Вуок порядочный человек, Вебер, — убежденно произнесла она. — Я знаю его уже много лет.

Детектив покачал головой.

— В человеке добро и зло уживаются рядом, Жаннет. В преступном мире, а фашизм таковым и является, проявляются те его черты, которые в обычной жизни пугают нас. Давайте вернемся к Вуоку. Узнав из документов Геертса правду о его прошлом, я стал размышлять. Сам он, его окружение, дом, магазин, короче говоря, все вместе взятое наводит на мысль, что Вуок является человеком, живущим на широкую ногу. Откуда у него берутся деньги?

— Он нажил состояние в Сантосе.

— Это он вам говорил?

— Да.

— Хорошо. Вполне возможно, — согласился детектив. — А вы знаете, где я пропал до сегодняшнего утра?

— Откуда мне знать?

— Я был в Берлине. Взяв компрометирующий Вуока материал с собой, я поделился кое с кем своими подозрениями и узнал, что многие предметы искусства были возвращены Венгрии, но большое количество картин после войны пропало без вести. Я привез с собой список ненайденных полотен.

— Он у вас с собой?

— Да.

— Можно взглянуть?

Вебер полез в карман, вытащил сложенный лист бумаги и передал его Жаннет. Она развернула листок и углубилась в него. Ознакомившись с записями, она беспомощно посмотрела на Вебера.

— Ну, конечно, очень интересно. Но какое отношение все это имеет к Вуоку?

— Есть источник, объясняющий его уклад жизни, — пояснил Вебер.

Жаннет покачала головой.

— В этих делах вы, Вебер, действительно профан. Ни одной из этих вещичек он не смог бы сбыть здесь. Его тут же сцапали бы.

— Здесь, конечно, нет. — Улыбаясь, Вебер выхватил листок из ее рук и сунул бумагу в карман. — Но вы же сами мне говорили, что он не отказался от дел в Сантосе. Вуок часто ездит туда?

Жаннет задумалась.

— Ну, — подбодрил ее детектив.

— Да, — выдавила она из себя. — Два-три раза в год.

— И он берет вас с собой?

— Нет. Кто-то же должен проявлять заботу о магазине!
Жаннет поднялась и беспокойно стала расхаживать по комнате.

Через некоторое время она с озабоченным видом остановилась перед детективом.

— А где он может прятать эти вещи?

Подойдя к винтовой лестнице, которая вела в подвал, Вебер остановился у перил.

— Я точно не знаю, но не исключено, что внизу.

Жаннет громко рассмеялась.

— Мой Шерлок Холмс, вы действительно бесценны! Но чтоб вы знали, в подвалах не складывают подобные вещи!

— Вы знаете все помещения в подвале?

— Конечно!

— И я могу тоже осмотреть их?

Жаннет подошла к нему вплотную.

— Разумеется. Чтобы убедиться в сумасбродности своей идеи.

Пойдемте, мистер детектив!

Они спустились в подвал, и Жаннет открыла ключом обитую железом дверь. Взгляду Вебера предстала разная рухлядь, в большинстве своем представленная крестьянской утварью: столами, стульями, сундуками. Детектив нерешительно остановился на пороге.

«Здесь не может быть картин, — сказал он сам себе. — И не стоит, видимо, пачкать руки об этот хлам».

Жаннет посмотрела на него и прыснула от смеха.

— Ну, мистер, принимайтесь за дело!

Вебер неохотно сделал несколько шагов вперед и принялся открывать шкафы и сундуки, чувствуя на себе насмешливый взгляд Жаннет.

— Там, где ничего нет, не помогает даже искусство Шерлока Холмса, не так ли? — спросила она с явной издевкой.

— Сколько времени вы живете с Вооком? — спросил детектив с очевидным желанием отвлечь ее.

— Уже семь лет, — неохотно ответила Жаннет.

— И вы познакомились с ним во Флориде?

— Да. Я уже рассказывала вам об этом.

— Правильно. Припоминаю. Это был первый год вашего проживания в Штатах, не так ли? И вы учились в университете в Сан-Франциско. Что вы там изучали?

— Историю искусств.

— Очень интересно. — Вебер неожиданно остановился и посмотрел на Жаннет.

— Почему вы не прекращаете поисков, Вебер? — спросила она. — Нужно же уметь отказываться от навязчивых идей, не так ли?

— Северные немцы — упрямый народ, Жаннет. Вы, видимо, родом не из этой местности?

Она засмеялась.

— Я полуфранцуженка. Но об этом я тоже говорила.

— Ах, да, выросли в Америке и возвратились в Европу. Значит, вы космополитка. Прелестно! — сказал он и без всякого

перехода добавил: — В этой стороне может находиться еще один подвал, как вы думаете?

Жаннет посмотрела в указанном направлении. Там у стены стоял старинный дубовый шкаф. На этом шкафу не было, как на других предметах, паутины. Именно это навело Вебера на мысль, что шкафу уделялось больше внимания, чем остальной рухляди.

— Ну, что вы скажете? — повторил он свой вопрос, поскольку она молчала.

Детектив подошел к шкафу и осмотрел место, где между шкафом и стеной должно было быть пространство, но его не было, шкаф плотно прилегал к стене. Вебер попытался покачать его, но он даже не скрипнул. Открыть дверцы тоже не удалось. Шкаф был заперт, но ключ в замке не торчал.

— Я бы многое отдал за то, чтобы взглянуть в него, — сказал он.

— Я тоже, — заявила Жаннет.

— Вот как? — удивленно спросил детектив. — Вы никогда не видели шкаф открытым?

— Нет. Мне кажется, что ключ утерян или его вообще не существует.

— Я в это не верю, — спокойно произнес Вебер.

— Во что?

— Что ключа нет. Повернитесь-ка, Жаннет, и скажите, что вы видите?

Она, улыбаясь, выполнила его просьбу.

— Вижу рухлядь, а что же еще?

— Принимается. А что на рухляди?

— Пыль и мусор.

— А теперь посмотрите снова на шкаф.

Она повернулась.

— Если бы к шкафу и впрямь давно не прикасались, он тоже был бы покрыт толстым слоем пыли и затянута паутиной. Но ведь это не так! Замок смазан, и петли тоже в масле. Нет, Жаннет, этот шкаф не раз открывался за последние годы!

Жаннет задумалась.

— Мне теперь и самой захотелось узнать, что в нем. Вы разбудили во мне любопытство.

Детектив ощупывал вырезанный на дверцах орнамент.

— Вы в свое время охотно отказались от учебы?

— Я была тогда по уши влюблена. — Жаннет говорила медленно, будто цедила слова сквозь зубы.

— Прекрасно, — вздохнул Вебер. — И вы, конечно, никогда не раскаивались в этом?

— Конечно же, нет. Кроме того, мы занимались торговлей предметами искусства, и это несколько утешало меня.

— Правильно, а я и забыл.

— Вы все время расспрашиваете меня с каким-то подтекстом и почему-то настроены против Воока. Признавайтесь!

— Возможно, — согласился Вебер. — Скорее всего потому, что вы мне нравитесь.

— И со мной, может быть, происходит то же самое, — игривым

тоном произнесла Жаннет и почти вплотную подошла к Веберу. Неожиданно на двери отвалился кусок орнамента и оказался в руке детектива. Оба растерянно посмотрели сначала на обломок дерева, затем на дверцу. На том месте, откуда выпал кусок, открылась узкая полость, в которой проглядывалась металлическая задвижка. Вебер отодвинул ее, и дверца шкафа с легким щелчком отворилась.

— Упорство ведет к цели, Жаннет! — В голосе Вебера звучало ликование.

— Ну да. Такие игрушки не редкость в старых шкафах типа «барокко». А шкаф, как видите, пуст!

Но Вебер уже не слушал ее. Он влез в шкаф и принялся обследовать его заднюю стенку.

— Что вы ищете, Вебер? — спросила она.

— Я ищу вход в соседний подвал! — восторженно крикнул он.

Жаннет протянула руку и дернула его назад. Он удивленно повернулся к ней.

— Что такое? Мы сейчас его найдем!

— Я не верю, что там есть еще одно помещение, — с сомнением произнесла Жаннет. — И, по-моему, сейчас самое время пригласить сюда Вюка. По крайней мере это будет честно. — Жаннет была сильно возбуждена.

— Будьте благоразумны, Жаннет! Если Вюк является тем человеком, за кого я его принимаю, то благородство по отношению к нему излишне. Поверьте мне!

Жаннет развернулась и направилась к столу с видом человека, не желающего иметь к происходящему никакого отношения. Вебер посмотрел на нее, пожал плечами и снова принялся за работу. Вскоре он нашел то, что искал. Но на этот раз это была не задвижка, а небольшой кусок стальной цепи. Он потянул за него, и задняя стенка шкафа начала медленно отодвигаться в сторону.

Через открывшийся проем детектив осторожно перебрался в помещение и нащупал выключатель. Сразу вспыхнули неоновые лампы. На стенах плотными рядами висели картины — различные сюжеты, ландшафты и портреты из разных эпох, в рамках и без них. Некоторые были сильно повреждены, но многие хорошо сохранились.

Это помещение было похоже на маленький музей. Все блестело педантичной чистотой. На полу лежало несколько восточных ковров и дорожек, без сомнения, натуральных, мягкие кресла были аккуратно расставлены. Перед отдельными картинами стояли канделябры. «Музей» посещали часто, о чем свидетельствовали обгоревшие свечи.

К действительности Вебера вернул вздох. Рядом стояла Жаннет. В глазах ее застыл неприкрытый ужас.

После того как Жаннет и Вебер покинули подъезд жилого дома и скрылись в магазине, адвокат Фреезе снова отступил в укрытие за колонны. Но вскоре он покинул его и проследовал к антикварному магазину. За витриной царилась тьма, и лишь сквозь портьеру пробивался узенький лучик света. Вебер и его черноволосая спутница сидели в соседнем помещении и беззаботно

болтали. Фреезе улыбнулся, подошел к входной двери и, надавив на ручку, обнаружил, что дверь не заперта. Энергичным рывком он открыл ее и проскользнул в помещение. В этот момент Вебер рассказывал Жаннет о своей поездке в Берлин.

Фреезе не пришлось долго скрываться, поскольку вскоре Вебер и Жаннет направились в подвал. Когда они спустились вниз, адвокат вышел из-за шкафа и последовал за ними. Остановившись перед дверью, он прислушался. Из подвального помещения доносились приглушенные голоса и изредка женский смех. Неожиданно у адвоката появилось желание подшутить над ними. Его взгляд упал на ключ, торчавший в замке, и он, не раздумывая, повернул его, после чего сразу же заторопился. Быстро поднявшись по лестнице, он пробежал через магазин и выскочил на улицу, направляясь к телефонной будке.

Бросив в щель пару монет и набрав номер, он услышал в трубке:

— Районный отдел полиции Рендсхаген.

— Уголовная полиция еще на работе? — спросил Фреезе.

— Да. Что вы хотите?

— Я только что проходил по Рыночной площади мимо магазина «Ханзен и Вок». Вы знаете его? Похоже, что туда проникли вору.

— Кто это говорит?

Адвокат закричал в трубку:

— Поторопитесь, если хотите поймать взломщиков!

Затем он положил трубку на рычаг, нерешительно постоял некоторое время и покинул будку.

Вебер сидел в кресле, вода взглядом по стенам, а Жаннет медленно переходила от картины к картине, сверяя список, который передал ей детектив. Обойдя помещение, она дошла до угла, где расположился Вебер, молча передала ему список. Он тщательно сложил его и сунул в карман.

— Без сомнения, это только часть того, что упомянуто в списке, — тихо произнесла Жаннет. — Этот список из Берлина?

— Да, оттуда.

— Вы уже с кем-нибудь разговаривали?

Вебер отрицательно мотнул головой.

— Как я мог? У меня лишь предположения, Жаннет!

Рассеянно кивнув, она вытащила из кармана пачку сигарет. Вебер щелкнул зажигалкой. Они молчали, а ее взгляд снова заскользил по картинам. Наконец Жаннет промолвила:

— Каждая из этих картин представляет собой целое состояние. У меня просто не укладывается... — Она сделала глубокую затяжку и деловито добавила: — Что вы намерены делать? Надо поставить в известность полицию.

— Может быть, даже Драховитца? — насмешливо спросил детектив.

— У Драховитца тоже есть начальники.

— У меня нет ни малейшего доверия ко всем полицейским в Шлезвиг-Гольштейне, — решительно заявил Вебер.

Внезапно по всему телу Жаннет пробежала дрожь. Она вскрикнула:

— Я хочу уйти отсюда, я больше не могу выносить все это! Вебер встал, взял ее под руку и повел к выходу. Они были уже у прохода в старый подвал, когда услышали завывавшие на улице полицейские сирены и остановились как вкопанные.

Вебер первым пришел в себя.

— Быстро! — приказал он и подтолкнул ее к шкафу. Завывания сирен становились громче и наконец затихли у магазина. Вернув заднюю стенку шкафа в исходное положение, Вебер вылез из него и закрыл двери. Над их головами раздались тяжелые шаги.

— Что будем делать? — тихо спросила Жаннет.

— Просто поднимаемся наверх, чего же еще? — улыбаясь, произнес Вебер. — Разве мы взломщики?

Жаннет подбежала к двери и надавила ручку. С ужасом она осознала, что дверь заперта.

— Нас заперли! — крикнула Жаннет.

— Я вижу, — ответил Вебер.

— Как это могло случиться?

— Откуда мне знать? Не волнуйтесь. Парни наверху так или иначе найдут нас.

Отойдя от двери, Жаннет прижалась к Веберу и положила голову ему на плечо.

— Вы им расскажете про находку?

— Ни единого слова! Завтра я свяжусь с Федеральным ведомством. Если уж картины так долго находились здесь, еще один день они могут подождать.

Неожиданно детектив перешел с ней на «ты».

— И ты ни с кем не разговаривай об этом. Ни с кем, слышишь?

Жаннет кивнула. Полицейские были уже у двери, и Вебер быстро добавил:

— Если нас разлучат, иди в «Ландскнехт» и жди меня в моем номере, комната одиннадцать! Даже если придется долго ждать.

В дверь стукнули кулаком, затем ключ повернулся, железная дверь распахнулась, и несколько человек во главе с секретарем полиции Шмидтом ворвались в подвал.

Увидев Вебера, Шмидт замер на месте: руки наполовину подняты, правая нога застыла в воздухе, на лице отразилось неопишное выражение удивления. Некоторое время он стоял так, затем опустил руки и переступил порог.

— Смотри-ка, а господин вовсе и не утонул! Только подшутил немного! — произнес он. — А теперь взлом, снова ради шутки?

— Господин Вебер ничего не взламывал, — вмешалась Жаннет.

— Заткнись! — прорычал Шмидт.

— Что вы себе позволяете? — выдавила из себя Жаннет.

— Спокойнее, это касается мужчин. — Шмидт повернулся к одному из полицейских и приказал: — Уведи ее наверх!

Жаннет рассвирепела:

— Я буду жаловаться на вас!

— Вот как? Сделайте одолжение, — добродушно произнес Шмидт. — Видите, я уже дрожу от страха!

Когда за полицейским и Жаннет закрылась дверь, Шмидт повернулся к Веберу.

— А теперь займемся вами, друг мой! Лицом к стене, руки на стену и не дергаться! — приказал он.

Когда детектив выполнил приказ, Шмидт бросил:

— Обыскать!

Один из полицейских подошел к Веберу и ощупал его со всех сторон.

— Чист! — доложил он.

— Что? Чист? Я бы не стал так утверждать. Повернуться! — Шмидт приблизился к Веберу. — Рад видеть вас здесь. Поистине, очень привлекательно, господин взломщик!

— Надеюсь, вы не настолько глупы, чтобы навесить на меня взлом, — с легкой усмешкой произнес детектив.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что вы, наверное, и сами не верите в то, что я вломился сюда, — повторил Вебер.

— Я не это имел в виду. Разве не вы только что сказали, что я глуп?

— Да, я употребил слово «глупый»! Но с таким же успехом я мог бы сказать и «идиотский»!

Шмидт согласно кивнул и, медленно поворачиваясь к полицейскому, спросил:

— Вы слышали, не так ли? Вы слышали, что задержанный взломщик оскорбил сотрудника полиции при исполнении служебных обязанностей. Это важно, на случай, если позднее преступник вздумает пожаловаться.

Вебер увидел опасные искорки в глазах Шмидта и в первый момент подумал, что его ударила копытом лошадь. Он полетел вдоль стены и ударился об ивовую корзинку, несколько смягчившую его падение. Кряхтя, он поднялся на ноги, но, не успев выпрямиться, снова получил удар. Детектив попытался защититься, что очень не понравилось Шмидту, и последующие его удары пришлось на ребра, печень и низ живота. Вебер задохнулся от боли, осел, как мешок, на пол, и ему показалось, что он сейчас умрет.

— Поставьте его на ноги! Не будем же мы разговаривать лежа! — услышал он голос Шмидта.

Вебер почувствовал, что его подняли и прислонили к стене. Он широко расставил ноги и уперся ими в пол, чтобы не упасть. Ему казалось, что глаза его широко раскрыты, но он ничего не видел. Он попытался глубоко вздохнуть, и это немного помогло.

— Защищайся же! — съязвил Шмидт. — Ну, давай. Ударь в ответ!

Детектив молчал.

Шмидт огорченно покачал головой:

— Ну и молодежь пошла. Никакой силы в мышцах. Два-три легких удара, и они уже готовы. — Внезапно он изменил тон и прошипел: — Я бы пристрелил тебя! — Затем отступил на шаг и добавил: — Вы арестованы, Вебер!

— Основание?

— Вы подозреваетесь в убийстве Геердтса!

Вебер попытался громко рассмеяться, но не смог.

— Надеть на него наручники! — приказал Шмидт.

Детектив ощутил на руках холодный металл, затем его подтолкнули к двери. Наверху у лестницы стояла Жаннет. Она ошеломленно посмотрела на наручники и на кровь, которая текла из разбитой губы Вебера.

— Что все это значит? — спросила она Шмидта.

— Почему вы не поставили в известность полицию, когда увидели этого человека? — грубо обратился к ней Шмидт.

— А зачем?

— Потому что он подозревается в убийстве!

— Что? — выдавила из себя Жаннет.

— Вы что, хотели спрятать его в подвале? Отвечайте же!

— Только не вам! — надменно произнесла она. — Для меня вы слишком примитивны!

— Посмотрим! — прорычал Шмидт. — Во всяком случае, благодарите Создателя, если вам не предъявят обвинение в соучастии!

Он молча повернулся и вышел из магазина. Полицейские подтолкнули Вебера к выходу. В дверях детектив остановился и обернулся к Жаннет:

— Все утрясется, и я сразу же вернусь.

Жаннет кивнула:

— Я буду ждать тебя в твоем номере!

Жаннет видела, как Вебера провели к стоявшим на площади полицейским машинам с включенными «мигалками». Завыли сирены, и машины рванули с места.

Жаннет постояла еще некоторое время на пороге, затем погасила свет, вышла из магазина и направилась в сторону отеля «Ландскнехт».

В это время из-за угла сколоченных трибун выступил Фреезе и тоже потопал к отелю, не замечая, что за ним и за Жаннет наблюдает третье лицо. За рулем «фольксвагена» сидел комиссар Шоппенхауер, который в этот вечер должен был находиться на докладе у своего руководства в Гамбурге. Его машина неприметно стояла на стоянке перед отелем, и, сидя в ней, он имел возможность следить за входом в отель. Комиссар заметил, как в отель вошла Жаннет и как за ней проследовал адвокат Фреезе. На его лице отразилась довольная усмешка. Он извлек из ящичка плоскую фляжку и сделал большой глоток.

Глава тринадцатая

У окна в кабинете начальника уголовной полиции Рендсхагена стояли старший советник Поль из Килия и Драховитц. Раздвинув занавески, они смотрели на площадку перед входом в здание полиции, где собралось более двадцати репортеров, которые вели себя шумно и непринужденно.

— И все они от прессы? — спросил Поль, повернувшись вполоборота к комиссару Фойгту, который только что вернулся от журналистов.

— Все, — сонно подтвердил комиссар.

— Разумеется, в связи с предстоящей встречей в городе полно журналистов, — поспешил объяснить Драховитц.

— Да, да, господил Драховитц, это мне известно, — пробормотал старший советник. — Но они появились здесь именно в тот момент, когда сюда должны доставить Вебера!

Вдали послышался вой сирен, и сразу же шум на лестнице усилился. Резко притормозив, у входа остановились две полицейские машины. Когда Шмидт и Вебер вылезли из них, они увидели перед собой плотный кордон.

— Для чего вам понадобилось инсценировать убийство? За что вас арестовали? Вы уже связались со своим адвокатом? Почему вы вообще ввязались в это дело? Вы можете сегодня назвать имя убийцы Геертса? Мы создадим вам рекламу! Вы будете оправданы! — неслось со всех сторон.

Старший советник Поль занял место за столом Драховитца. Он прислушивался к голосам, приближавшимся к дверям кабинета.

Наконец дверь распахнулась, и Шмидт втокнул в кабинет Вебера. Детектив подошел к столу.

— Вы ударились, господин Вебер? — поинтересовался старший советник и указал на запекшуюся кровь на лице Вебера.

— Нет, меня избили.

— Как так?

— Я лишь спросил одного сотрудника, не глуп ли он, если собирается навесить на меня взлом магазина «Ханзен и Вок».

— А вы туда не забирались? — с явной иронией спросил Поль.

— Сотрудники полиции застали меня с фрейлен Мессемер, заведующей торговой фирмы Вокка. Вы стали бы называть это взломом?

— Не обязательно. — Поль повернулся к Шмидту: — Соответствуют ли истине эти показания?

— В общем-то да, но я хотел бы добавить, господин советник...

— Старший советник, — поправил его Поль.

— Как?

— Я — старший советник уголовной полиции!

— Извините меня, господин старший советник, — залепетал Шмидт.

— Вот так, правильно! — Поль обратился к Веберу. — Ах, будьте любезны, вытрите кровь с лица.

Вебер протянул ему руки, на которых были наручники. С лица Поля тут же слетела приветливость.

— Что означает этот цирк? — спросил он Шмидта.

— Этот человек подозревается в убийстве, и я думал... — начал пояснять тот.

Поль брезгливо скривил рот:

— Ах, оставьте свои размышления при себе! — И в резкой форме добавил: — Снять!

Шмидт промолчал и, вытащив из кармана ключи, стал возиться с замком.

Тем временем Поль поднялся и медленно подошел к окну, где, понурясь, стоял Драховитц.

— Я часто слышал о превышении полномочий со стороны ваших сотрудников, господин Драховитц, — сказал он. — Надеюсь,

это последний случай! А теперь оставьте нас, пожалуйста, одних и заберите с собой господина Шмидта.

Драхвитц ничего не ответил. Он подал знак Шмидту, и оба покинули кабинет. Настроение у Поля снова улучшилось. Он повернулся к своим сотрудникам и попросил их тоже удалиться. Оставшись наедине с Вебером, Поль указал на диван.

— Присаживайтесь, господин Вебер! Из-за вашего «убийства» создано положение, которое ограничивает наши действия. Этим ходом поднят интерес к убийству Геердтса, вышедший за пределы земли Шлезвиг-Гольштейн. Я правильно предполагаю, что в этом скрыт глубокий смысл сыгранного вами спектакля?

— Совершенно верно, господин старший советник.

Поль улыбнулся:

— Мы можем арестовать вас, господин Вебер. Мы можем также добиться, чтобы у вас отобрали лицензию, поскольку вы совершили несколько серьезных проступков. А кое-кто этого очень ждет! — Поль выдержал паузу, после чего закончил: — Вы свободны, господин Вебер! После нашей короткой беседы вы можете идти, куда вам захочется.

Вебер недоверчиво посмотрел на старшего советника.

— Если я дал слово, то сдержу его, — успокоил Поль детектива и потрепал его по плечу. — Хорошо функционирующая демократия основывается на взаимодействии сил государства и населения.

— Хорошо функционирующая, — сакцентировал Вебер.

Поль покачал головой.

— Драховитц относится к другому поколению. Сегодня же наш аппарат не может быть эффективным без помощи населения. Поэтому мы обращаемся к вам: сотрудничайте с полицией!

— С удовольствием! — последовал ответ Вебера.

Старший советник придвинулся к нему и доверительным тоном произнес:

— Мы заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее закончить расследование убийства Геердтса. Вы уже несколько дней работаете над этим. Что вам удалось выяснить?

— Чтобы ответить любезностью на любезность, я насажу вам на крючок другую рыбку, — помолчав немного, сказал Вебер.

— Охотно.

— Арестуйте Воока!

— Торговца антиквариатом?

— Вашего будущего министра.

— Вы шутите!

— Я никогда не был так серьезен, — возразил Вебер.

— За убийство Геердтса?

— Геердтса он не убивал.

— Тогда что же?

— Он был гауптштурмбанфюрером СС!

Старший советник Поль вздохнул:

— О, Бог ты мой! Таких, как он, много!

— В подвале у Воока спрятана целая коллекция дорогостоящих картин. Каждая в отдельности стоит целое состояние. Они были отобраны у венгерских евреев, — сообщил Вебер.

— Послушайте,— тихо произнес Поль.— Давайте будем обходиться без шуток!

— Я тоже так считаю,— отпарировал Вебер.

— Поймите меня правильно. Если вдруг выяснится, что ваше утверждение...

Вебер прервал его:

— Я видел картины в подвале у Воока и могу доказать свои слова.

Детектив вытащил из кармана сложенный лист бумаги и молча передал его Полю. Тот взял листок, развернул и принялся изучать.

— Это список картин, которые укрыты у него в подвале?

— Часть из них.

Поль задумчиво кивнул, затем простодушно признался:

— Я ничего не понимаю в картинах.

— Я тоже,— ответил Вебер.— Практически их невозможно оценить в деньгах.

— Откуда у вас взялся этот список? — поинтересовался Поль.

— Лучше я скажу вам об источнике его происхождения после того, как вы увидите картины.

Поль резко бросился к дверям и крикнул:

— Фойгт!

В дверном проеме появилось заспанное лицо Фойгта.

— Да, господин старший советник?

— Будьте добры, быстренько позовите Драховитца!

— Слушаюсь!

Дверь закрылась. Поль длинными шагами мерил кабинет в ожидании Драховитца.

— Очень мило, что вы пришли, господин Драховитц,— обратился к нему старший советник.— Я только что услышал довольно любопытное заявление. Из него следует, что господин Воок должен... Вы знаете торговца антиквариатом?

— Разумеется.

— Очень хорошо. Из этого заявления вытекает, что Воок был замешан в краже большого количества произведений искусства, отобранных при эвакуации венгерских евреев. Укрытие картин еще в те времена считалось уголовным преступлением. Если показания подтвердятся, то в лице уважаемого Воока мы увидим обыкновенного вора, а в более широком смысле — мародера! Что вы скажете на это, господин Драховитц?

Служебная машина, за рулем которой сидел сонный комиссар Фойгт, остановилась возле участка торговца антиквариатом. Старший советник Поль и Вебер вышли из машины, открыли калитку и, неслышно ступая, направились по выложенной плитками дорожке к дому.

Изучив обстановку вокруг виллы, Поль обнаружил, что с противоположной стороны дома находится еще один выход, с веранды. Туда он и направился с Вебером, оставив у главного входа Фойгта.

Дверь на веранде была заперта. Довольно плотная занавеска не позволяла рассмотреть, что происходит внутри. Видна была

лишь тень человека, передвигавшегося по комнате. Криминалисты, улыбаясь, посмотрели друг на друга. Вдруг занавеска отодвинулась, и дверь открылась. На пороге стоял ВOOK, держа в руке чемодан и пальто.

— Вы собрались в поездку? — Поль указал на чемодан.

— Да.

— И все же позвольте нам зайти на минутку.

— О, пожалуйста! — ВOOK отступил в сторону, пропуская в дом старшего советника. Затем сделал приглашающий жест Веберу.

— Только после вас! — произнес детектив.

ВООК понимающе улыбнулся и направился в глубь комнаты. Вебер последовал за ним, закрыв за собой дверь.

— Вы и впрямь собрались уезжать, господин ВООК? — любезно осведомился детектив.

— А я еще не раздумал, — ответил хозяин виллы.

— И это накануне встречи? Когда должно начаться факельное шествие?

— Так уж получилось.

— Мы прибыли к вам, чтобы задать несколько вопросов, господин ВООК, — вступил в разговор Поль.

— В связи с чем? — хладнокровно поинтересовался ВООК.

— Я — старший советник полиции Поль, из земельного управления. — Поль предъявил удостоверение.

— Да, слушаю вас, — произнес ВООК.

Возникла небольшая пауза, после чего Поль вежливо сказал:

— Это очень деликатный и довольно неприятный вопрос.

— Не стесняйтесь, спрашивайте! — подбодрил его ВООК.

— Господин Вебер утверждает, что в подвале вашего магазина им обнаружен тайник с дорогостоящими картинами.

Торговца антиквариатом это сообщение несколько не удивило и не возмутило. Он только спросил:

— Как ему удалось?

— Фрейлейн Мессемер любезно показала мне подвал, — пояснил Вебер.

— На это у нее не было полномочий.

— Вам что-нибудь известно о тайнике? — задал вопрос Поль.

— Нет, конечно, откуда же? — решительно возразил ВООК.

— Как вы можете объяснить его наличие?

— В данный момент — никак. Видите ли, я лишь три года назад вернулся сюда из Америки. А до этого магазином заведовал господин Ханзен. Возможно, картины принадлежали ему.

Ответ так легко и просто прозвучал в устах ВООКА, что заставил Поля задуматься. Он с сомнением посмотрел на Вебера, но затем перешел в атаку:

— Нам известно, что эти картины ранее принадлежали венгерским евреям. Нам известно также, что вы в сорок четвертом году были в Венгрии. Вы готовы показать нам этот тайник?

— Я уже сказал, что не имею никакого понятия о тайнике.

— Если позволите, мы покажем вам дорогу, — вежливо произнес Поль.

— Ничего не имею против, — отвечал ВООК после короткого

размышления. — Мне самому интересно взглянуть на эти картины.

— По долгу службы, обращаю ваше внимание на то, что у нас нет ордера на обыск. Поэтому вы можете не давать согласия. Воок улыбнулся.

— Если я не разделяю вашего желания, то утром вы все равно получите соответствующее разрешение. — Торговец антикварна-том сделал приглашающий жест. — Чего мы ждем, господа?

Комиссар Фойгт проводил Воока к машине и предупредительно открыл дверцу. Поль и Вебер задержались у калитки. Неожиданно из темноты бесшумно появилась еще одна фигура.

— Привет! — доброжелательно произнес человек. Это был адвокат Фреезе.

Старший советник удивленно посмотрел на незнакомца, а Вебер, улыбнувшись, объяснил:

— Один из самых замечательных проныр, каких я встречал когда-либо. Кроме того, это мой друг. Знакомьтесь, адвокат доктор Фреезе из Гамбурга! Он помог мне расставить пару ловушек. Кстати, именно он был моим «убийцей». От него же исходил и анонимный звонок к Драхвитцу о взломе в магазине Воока. Я рассчитывал на арест, а также на соответствующий спектакль перед зданием полиции.

Поль удивленно посмотрел на адвоката.

— Так это вы организовали наступление прессы?

— Я ничем не был связан, — вежливо улыбаясь, ответил Фреезе.

— Это тонкий намек на то, чтобы в суде с Вебером обошлись не очень строго?

Фреезе возразил:

— При всем прочем, речь прежде всего идет о том, чтобы найти убийцу Геердтса.

— Вы совершенно правы, — согласился Поль.

— А что предпринял Драхвитц? — спросил детектив.

— Давайте сформулируем так, — предложил старший советник. — Он предпринял все, чтобы подготовить себе скорый уход на пенсию.

— В моих ушах это звучит как музыка.

— В моих тоже, можете поверить!

Некоторое время они постояли молча, затем Поль сказал:

— Я не возьму вас с собой, господин Вебер. Остальное — дело полиции. С этого момента все будет сделано корректно и серьезно. Не сомневайтесь!

Он приветливо кивнул обоим, перешел улицу и сел в машину, которая тут же тронулась с места, увозя его и Воока. Вебер и Фреезе посмотрели ей вслед. Детектив улыбнулся и промолвил:

— Сейчас вы, может быть, познакомились с чувственным быком!

Несмотря на поздний час, перед антикварным магазином «Ханзен и Воок» собралась довольно большая толпа. Двое полицейских в форме охраняли вход в магазин, а двое других прохаживались вдоль витрины.

В конце улицы прозвучал длинный гудок автомобиля и к магазину подъехала служебная машина, из которой вышли Поль и Вокк. Следом за ними появилась машина адвоката. Один из полицейских открыл замок на решетке ключом, полученным от Вокка, и отодвинул ее в сторону. Заметив Вебера, Поль недоброльно произнес:

— Хватит, господин Вебер! Это уже серьезно!

— Ладно, ладно. Я подумал, что вам может пригодиться моя помощь при вскрытии тайника.

— Спасибо, господин Вебер. Вы же описали нам его механизм, кроме того, с нами господин Вокк, который, без сомнения, будет любезен объяснить все остальное!

Вокк, не принимая участия в разговоре, стоял рядом. Он, казалось, даже не слышал, о чем разговаривали криминалисты. Его взгляд скользил по толпе, пока не остановился на Драховитце, медленно приближавшемся к магазину. Вокку показалось, что он успокаивающе кивнул ему.

После того, как магазин был вскрыт, Поль, Вокк и Драховитц исчезли внутри. Полицейские сразу же перекрыли проход.

Вебер вернулся к Фреезе, с которым беседовал Шоппенхауер. Втроем они проследовали вдоль площади. Монтеры устанавливали на ораторском пульте микрофоны.

— Последние приготовления, — произнес Шоппенхауер. — Представление начнется ровно в полночь.

— А в «Ландскнехте» все в порядке? — осведомился Вебер.

— Пока да.

— Ну, тогда сделаем заход на последний круг!

Перед антикварным магазином все еще стояла толпа, плотная и молчаливая. Но ее терпеливое ожидание, казалось, не было вознаграждено, поскольку, когда Вокк и советник полиции Драховитц появились в дверях, люди увидели, что Вокк не в наручниках. При этом оба были в прекрасном настроении и, шутя и болтая, проследовали по проходу, открывшемуся перед ними. Полицейский, сопровождавший их, обращаясь к толпе, беспрепятственно повторял: «Расходитесь! Вы же видите, что ничего не случилось!»

Миновав толпу, Драховитц и Вокк молча подошли к краю площади. Первым нарушил молчание Драховитц:

— Рядом с моей машиной на стоянке стоит ваша. Я велел Шмидту перегнать ее туда.

— Для чего? — заикаясь, спросил Вокк.

Не глядя на антиквара, Драховитц промолвил:

— Ваша моторная яхта стоит в гавани?

— Там.

— Ну, тогда...

Пока они шли сквозь ряды машин к служебному «мерседесу» Драховитца, Вокк соображал:

«До открытого моря около пятидесяти километров. Если пове-
зет и меня не будут преследовать, то, преодолев их, я уже утром буду завтракать в Копенгагене. В кармане лежат восемь тысяч марок. Кроме того, у меня с собой паспорт, на имя владельца

которого в швейцарском банке хранится сумма, показавшаяся бы многим целым состоянием. Я могу возвратиться в Сантос. Жизнь в Южной Америке мне понравилась больше, чем в Германии».

Его размышления были прерваны Драховитцем.

— На сиденье в моей машине лежит гаечный ключ. Но не бейте, пожалуйста, очень сильно.

— А зачем...

Советник полиции резко прервал его:

— Мне нужно какое-то алиби, не так ли? В конце концов я же не Бог!

— Я имел в виду совсем другое, — пояснил Вокк. — Просто хочу знать, почему вы идете на это?

— Не задавайте дурацких вопросов, — буркнул в ответ Драховитц.

Они остановились возле автомашины.

Когда над площадью раздался крик о помощи, Вебер со своими друзьями находился у входа в отель «Ландскнехт». Кричала женщина:

— На помощь! Нападение! На помощь!

Друзья удивленно переглянулись. Увидев отъезжавшую машину «БМВ», Вебер бросился к стоянке, крикнув последовавшему за ним Шоппенхауеру:

— Заводи машину!

Зов о помощи услышали и другие. С трибун побежали монтеры, а толпа от магазина стала перемещаться к стоянке. Вебер первым добежал до черного «мерседеса». В машине, упав на руль, сидел Драховитц, из раны на его голове сочилась кровь.

Пробравшись сквозь кольцо окруживших машину людей, к Веберу подошел полицейский.

— Что здесь произошло? — рявкнул он.

— Стукнули немножко вашего шефа, — ответил детектив.

— Пройдемте! — полицейский попытался заломить руку Вебера за спину.

— Подождите! — вмешалась женщина, звавшая на помощь. — Это не он. Нападавший уехал на машине, на «БМВ»!

Полицейский ослабил хватку, и Веберу удалось освободиться.

— Куда он скрылся? — спросил Вебер женщину.

Та показала направление.

Бросив полицейскому: «Уведомьте о случившемся старшего советника Поля!» — Вебер поспешил к стоянке, где его ждали Шоппенхауер и Фреезе.

Шоппенхауер вел машину на предельной скорости. В указанном женщиной направлении проходила Европейская трасса номер три, которая вела к датской границе. Однако через несколько минут дорогу на переезде им преградил опущенный шлагбаум.

— Только этого нам и не хватало, — пробормотал Шоппенхауер и нажал на тормоза.

— Приехали, — промолвил Фреезе. — Теперь «БМВ» на вафлей машине мы не догоним.

«Фольксваген» остановился за мотоциклистом.

— Что будем делать? — Комиссар вопрошающе посмотрел на друзей.

Вебер промолчал. Он вылез из машины и подошел к мотоциклисту.

— Вы не заметили тут «БМВ»?

Мотоциклист отрицательно мотнул головой.

— А давно вы здесь стоите?

— Пять минут.

Детектив вернулся к друзьям.

— Назад! — бросил он, садясь в машину, и, пока Шоппенхауер разворачивался, пояснил: — Шлагбаум опустился уже минут пять назад. Поэтому здесь он не проезжал.

— Но куда же он мог деться? — спросил Фреезе.

— Надо поискать его в гавани.

— Что он там забыл?

— Если найдем, узнаем.

Проехав немного, они заметили первые складские постройки, и вскоре дорога уперлась прямо в причал. Возле устремившегося ввысь портового крана с потушенными фарами стоял «БМВ» Вуока. Шоппенхауер, Вебер и Фреезе выскочили из машины и, спотыкаясь о рельсы, побежали. Вуока в машине не было. Вдруг они заметили бежавшего человека.

— Вон он! — выдохнул Шоппенхауер.

Но затем случилось неожиданное. Из-за металлического складского помещения на причале появилась еще одна фигура, и вслед Вуоку прозвучало:

— Стой! Остановись! Или я стреляю!

Вебер узнал по голосу секретаря полиции Шмидта. Вуок тоже услышал окрик. На какой-то миг он остановился и обернулся, но затем нервы его не выдержали, и он побежал дальше.

Вебер, Шоппенхауер и Фреезе отчетливо увидели, как Шмидт вытащил свое табельное оружие и поднял его вверх. Выстрел и крик Вебера: «Не стреляй! Ради бога, не стреляй!» — прозвучали одновременно.

Шмидт повернулся в их сторону и увидел бегущих мужчин. Он остановился, прицелился и спокойно выпустил в убежавшего Вуока всю обойму. Вуок резко остановился, покачнулся и, согнувшись, упал с причала в воду.

В это время друзья настигли Шмидта. Тяжело дыша и хватая ртом воздух, Фреезе прерывающимся голосом спросил:

— Это было необходимо?

Вытаскивая из пистолета пустой магазин и вставляя на его место заряженный, Шмидт равнодушным тоном произнес:

— Я стрелял в убежавшего преступника. После окрика и предупредительного выстрела в воздух я произвел прицельные выстрелы. Вы это можете засвидетельствовать.

Шоппенхауер и Вебер переглянулись, но промолчали. Говорить что-либо было бесполезно, поскольку Шмидт действительно не нарушил инструкцию.

Вебер медленно подошел к тому месту, откуда Вуок упал

в воду. Водная гладь снова была ровной и спокойной, лишь легкие пузырьки поднимались к поверхности.

Из раздумий Вебера вывело прибытие на причал группы людей в форме. Среди них находился и старший советник полиции Поль со своими сотрудниками.

— Теперь вам придется вылавливать будущего министра, — сказал Вебер, обращаясь к Полю.

— Мертв? — озадаченно спросил Поль.

— Да.

— А кто стрелял?

— Вот этот сотрудник полиции. — Вебер указал на Шмидта.

— Была ли необходимость применять оружие? — обратился к нему Поль.

— После окрика и предупредительного выстрела в воздух беглец не остановился, — доложил Шмидт официальным тоном. Затем самодовольно добавил: — Эти трое могут засвидетельствовать.

— Можем! — Вебер не мог скрыть горечи в голосе. — Сотрудник пристрелил Вюока в соответствии с инструкцией. Вы правильно говорили, господин Поль, что сокрытие картин даже в те времена считалось уголовным преступлением. В отличие от Шлихтинга и Ландгута Вюок обогащался лично. Мимо такого дела не может пройти ни одно государство, даже наше. — Вебер указал рукой на гавань и закончил: — Такой исход, конечно, самый удобный!

— Поднимите по тревоге пожарных! — приказал Поль. — Труп нужно достать сегодня же! Соберите сотрудников и оцепите район, мне не нужны зрители! Никакие! Вы поняли?

— Почему Вюоку удалось бежать? — спросил Вебер Поля, с застывшим взглядом смотревшего на поверхность воды.

— Драховитц не хотел официального ареста Вюока и попросил у меня разрешения самому доставить его в полицию. Но я никак не мог предположить, что дело обернется таким образом.

— Да, да, бедняга Драховитц, — сочувственно произнес Шоппенхауер. — Как он чувствует себя?

— Удар был не очень сильным. — Поль не понял иронии комиссара.

— А почему Вюок направился в гавань? — поинтересовался Фреезе.

— У него на якоре стоит моторная яхта.

— Ну и что? Ведь до открытого моря около пятидесяти километров?

В разговор вмешался Шоппенхауер:

— Может быть, он не ожидал погони?

— Но здесь его подстерегал Шмидт, — произнес Вебер. — Очень интересная проблема, которую вы могли бы решить, если бы захотели, господин старший советник.

Они молча и изучающе посмотрели друг на друга.

— Я действительно не предполагал такого исхода событий, — тихо произнес Поль.

— Да, да, я верю вам, — безразличным тоном ответил Вебер. Он подал знак друзьям, и они направились прочь.

— Вы все еще считаете, что Вокк не был убийцей Геердтса? — крикнул им вдогонку Поль.

Вебер остановился.

— Он имел отношение к смерти Геердтса, но он его не убивал. Настоящего убийцу вы получите этой ночью, на тарелочке с голубой каемочкой!

Глава четырнадцатая

Время приближалось к полуночи, и Рыночная площадь начала заполняться демонстрантами. На импровизированной сцене занял место оркестр из ребятишек, одетых в белые рубашки с черными галстуками и черные штанишки. Ребята били в барабаны и трубили в горны, создавая дикий шум, который, видимо, нисколько не мешал собравшемуся на площади люду.

В какой-то момент Вебер подумал, что немцам всегда нравился барабанный бой. С неприятным осадком на душе он зашел в отель «Ландскнехт».

Перед комнатой номер одиннадцать детектив остановился и оглянулся. В коридоре было пусто, никто за ним не следовал. Затем он осторожно надавил на ручку и открыл дверь.

На кровати, скрывавшейся в темноте, лежала с закрытыми глазами Жаннет Мессемер, и казалось, что она спит.

Вебер медленно прошел к окну, отодвинул занавеску, поднял вверх фрамугу и выглянул во двор.

— Будет холодно, если ты оставишь окно открытым, — прозвучал за его спиной голос Жаннет. — Закрой окно.

Вебер обернулся и отрицательно покачал головой.

— Почему же?

— Я договорился о встрече.

— Твой посетитель придет через окно? — засмеялась Жаннет.

— Кто знает...

— А я думала, что ты хотел встретиться со мной.

— Нет.

— С кем же?

— Я договорился встретиться с убийцей Геердтса.

Жаннет вздрогнула, приподнялась на кровати и оперлась на нее рукой. Она пристально оглядела детектива и, захлебнувшись от смеха, упала на подушки.

— Зачем ты наговяешь на меня страх? Чтобы потом утешить? Иди же ко мне, дорогой!

Вебер подошел и присел на край кровати.

— Что было в полиции? — спросила Жаннет.

— Они меня отпустили, — уклончиво ответил Вебер.

— Они спрашивали о картинах?

— Нет.

Жаннет с видимым удовольствием потянулась.

— А ты, Жаннет? Ты тоже ни с кем не разговаривала?

— Я должна рассказать тебе все, даже если это и неприятно, поскольку решила быть с тобой откровенной. Да, я разговаривала по телефону с Вокком. Не смотри на меня так, Вебер! Я сама знаю, что это неправильно. Но я исходила из того, что обязана

ему. Ты можешь понять? Теперь он покинул город, и я расквиталась с ним.

Вебер молчал.

— Я свободна! Свободна для тебя! Или ты меня больше не желаешь? — удрученно спросила она после небольшой паузы.

— Ты меня любишь, Жаннет? — Голос Вебера был спокоен, но внутренне он весь напрягся.

— Я влюблена в тебя, Вебер, — призналась Жаннет. — И полагаю, что для начала это немало.

Вебер поднялся, медленно прошел к креслу и сел.

— Ты на удивление хорошая актриса, Жаннет.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что говорю. Ты очень хорошая актриса.

— Ты не веришь, что я испытываю к тебе какие-то чувства?

— Ну, да. Если ты принимаешься за какое-либо дело, то выполняешь его со всей тщательностью.

— Дело... — прошептала она.

— Ты хочешь уверить меня, что испытываешь ко мне какие-то чувства, при этом вырабатываешь эти чувства в себе, и они совсем как настоящие. В этом и заключаются способности артиста.

— И для чего я это делала?

— Ты хотела подвести меня к тому, чтобы я ничего не говорил в полиции о картинах, и подготовить предпосылки для встречи со мной наедине. Поскольку ты, Жаннет, должна убрать меня с дороги!

Она медленно приподнялась, встала и неторопливо подошла к столу с намерением взять сумочку. Но сумочка оказалась в руках у Вебера.

— Я хотела взять сигарету, — сказала Жаннет.

Детектив открыл сумочку и перевернул ее. На стол посыпалось содержимое: пудреница, помада, духи, ключи, носовой платок, сигареты и зажигалка.

— Пожалуйста, берите, — разрешил Вебер.

Жаннет взяла сигарету, прикурила и, сделав глубокую затяжку, спросила:

— Вы что, в самом деле думали, что я ношу с собой пистолет?

Вебер промолчал. Он поднялся с кресла и медленно стал кружить по комнате. Наконец он остановился у кровати. Слабый отпечаток ее тела четко был обозначен на покрывале.

— Все так же, как в тот вечер, когда я впервые вошел в эту комнату, — начал размышлять вслух детектив. — Тогда тоже оставался на пуховом покрывале отпечаток вашего тела. Вначале я подумал, что там лежал Геердтс, но в действительности это были вы. Я могу точно указать время совершения преступления. Вы убили Геердтса между двадцатью сорока пятью и пятью минутами девятого. Когда в десять минут девятого во дворе появился Шлихтинг, ваш след давно уже простыл. Зайдя в комнату, я застал Геердтса сидящим в кресле. Он был мертв. Но что-то удивило меня в нем, а именно: его лицо не было искажено предсмертной мукой, оно было спокойным, даже одухотворенным. Удар ножа был для него полной неожиданностью, он ничего

не почувствовал. Я спросил себя, как это могло случиться? Кто мог так близко подойти к нему с ножом? Женщина? В момент объятий? Конечно, ей требовалось для этого абсолютное хладнокровие. Но вы же охотились на ягуара, не так ли? Геердтс был для вас мелкой рыбешкой, фрау Мессемер. Вы ходили в «Ландскнехт» обедать и имели возможность познакомиться с Геердтсом. Вам необходимо было выяснить, находится ли в его коллекции ВOOK? Геердтс не мог причинить вреда ни Шлихтингу, ни Драховитцу, ни Ландгуту. Он был опасен только для ВOOKа, ставшего преступником из-за кражи картин. Поэтому коллекция Геердтса должна была исчезнуть, а когда вы не нашли негативы, то потребовалось заставить его замолчать.

Вебер остановился перед Жаннет. Скрестив на груди руки, она спокойно курила.

— Совершенно случайно я оказался в вашем магазине, фрау Мессемер. И вы помогли мне избавиться от полиции. Удивительно, не правда ли? То, что я принял за каприз экзотичной дамы, позднее оказалось холодным расчетом. После того, как ваш замысел о моем аресте на месте преступления не удался, вам показалось наиболее приемлемым держать меня рядом с собой, чтобы иметь возможность контролировать мои действия. Само собой разумеется, в первый вечер я проникся к вам доверием. Недоверие же зародилось несколько позднее. Буквально на следующий день вы предприняли попытку навести мои подозрения на владельца отеля «Ландскнехт», сказав, что он находился рядом с вами, когда Геердтс сообщил вам о приезде частного детектива. В этом для меня ничего нового не было, поскольку между мной и Геердтсом было оговорено, что он попытается забронировать для меня комнату в отеле. Но тут проявился совершенно новый аспект, заключавшийся в том, что Геердтс беседовал с владельцем отеля в вашем присутствии. С этого момента я знал, на кого мне следует обратить внимание. Я сознательно подыграл вам, взяв с собой, когда поехал на станцию изымать негативы. Вы потешались над наивностью вашего Шерлока Холмса. Но, будьте уверены, я тоже старался, поскольку флирт с вами не лишен очарования. Затем последовала охота, на которой я и мой друг Фреезе инсценировали мое «убийство». Мы сделали это для того, чтобы сдвинуть с места дело Геердтса. В те дни, когда я отсутствовал, вы металась между надеждой и сомнениями. Вы были свидетелем того, что негативы отправлены куда-то, но одновременно знали, что я мертв. В чьи же руки попадут опасные негативы? Сегодня вы знаете! Они попали ко мне, как и должно было быть, а когда я просмотрел материалы и обнаружил в них ВOOKа, я смог, наконец, с уверенностью определить убийцу.

Жаннет подошла к столу, вытащила из пачки еще одну сигарету и спокойно прикурила ее. Вебер с удивлением наблюдал за ней, поскольку выдержки этой женщине, поистине, было не занимать.

— Сегодня вечером мы встретились вновь, — после некоторой паузы продолжил Вебер. — В первые же секунды я понял, что вы удивительная актриса! Свою роль вы должны были сыграть

до конца при любых обстоятельствах. Поэтому, увидев меня, вы проявили радость и испытали облегчение. Это был настоящий театр! И я играл вместе с вами восхитительную комедию, потому что я тоже хотел кое-что от вас получить. Вы должны были привести меня к остальным картинам! Картина Остаде в вашей квартире не копия, а подлинник. Она упоминалась в списке. Но не в том, который я показывал вам. А теперь обратите внимание: все, что я собрал до этого о вас, более или менее являлось лишь косвенными уликами. Именно та небольшая картина в вашей квартире и подвела вас. Торгуя предметами искусства и проучившись на факультете искусствоведения, вы должны были знать о подлинности картины, и эти знания сделали вас с самого начала сообщницей Воока! Правильно, в подвал вы повели меня для того, чтобы мои сомнения рассеялись. Но вы не предполагали, что я обнаружу тайник. А после его обнаружения я стал для вас и Воока таким же опасным, как и Геердтс. И точно так же, как Геердтса, меня нужно было заставить замолчать.

Вебер снова выдержал паузу и взглянул на Жаннет. Затем, почти с удовольствием, он закончил:

— Ваш шанс заключается в том, чтобы сделать это сейчас и здесь!

Жаннет погасила наполовину выкуренную сигарету.

— Вероятно, так оно и есть, что люди постоянно получают оскорбления от тех, кого больше всего любят, — произнесла она. — Я испытывала к вам настоящие чувства, Вебер, и, собственно, испытываю их и сейчас. Как раз это и делает ваши подозрения смешными.

Детектив отошел от окна и подошел к кровати. Жаннет произвольно дернулась в ту же сторону. Вебер внимательно посмотрел на нее.

— Что-нибудь случилось?

Жаннет промолчала.

Взгляд Вебера скользил по кровати. Попросив Жаннет подождать, он пытался спровоцировать ее еще на одно убийство, объектом которого должен стать сам Вебер. В сумочке оружия не было, на себе хранить его она не могла, поскольку платье ее было слишком облегающим. Оружие могло находиться только в кровати.

Вебер еще раз взглянул на Жаннет и по ее возбуждению догадался, что близок к истине. Он откинул подушку. Так и есть! Кухонный нож для чистки картофеля и овощей, который можно купить в любом хозяйственном магазине.

Прежде чем поднять нож, Вебер вытащил носовой платок и обернул им ручку ножа. Нужно было сохранить отпечатки пальцев, поскольку на следствии они должны были сыграть решающую роль.

— А это что? — спросил детектив, приблизившись к Жаннет. — Это тоже выдумка? Вы так безгранично любили Воока, что решились пойти на преступление?

— Он мой муж, — ответила она просто.

— И ради него вы убили Геердтса?

— Да.

Вебер озадаченно посмотрел на нее, затем на дверь. Он знал, что за ней стоит старший советник Поль, который должен был лично услышать ее признания. Направившись к двери, Вебер произнес:

— В то время, Жаннет, когда вы ждали меня в этой комнате, произошло еще кое-что. Вокка больше нет. Он убит при попытке к бегству!

Краем глаза он увидел, как она рухнула в кресло. Детектив открыл дверь.

— Здесь находится убийца Геердтса! — произнес он, обращаясь к Полю, и передал нож, который тот осторожно взял в руки. — Точно таким же ножом был убит Геердтс. — Говорить дальше Вебер не мог. Он резко повернулся и направился по коридору к выходу.

«Вот она, победа!» — подумал Вебер, но победителем себя не чувствовал. Осталось лишь ощущение горечи и разочарования. Вебер спустился в вестибюль, где его ждали Шоппенхауер и Фреезе.

— Готово? — спросил Шоппенхауер.

Вебер кивнул.

— Счет за комнату я уже оплатил, — сообщил адвокат.

— Спасибо!

Они вышли на Рыночную площадь, плотно забитую людьми. Светили прожектора, горели факелы, на трибуне сидели почетные гости и среди них Шлихтинг и Ландгут. Депутат Бундестага доктор Флюгер стояла перед микрофоном, и звук ее голоса разносился над площадью.

Друзья пробрались сквозь толпу к боковой улочке, где Шоппенхауер оставил свою машину.

Они ехали медленно, поскольку к площади направлялись новые колонны людей.

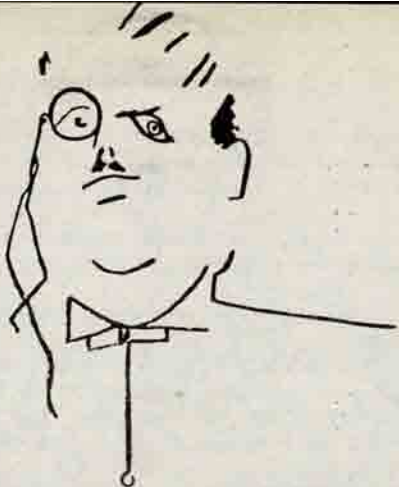
— И чего же мы, собственно, достигли? — с какой-то безнадежностью спросил Вебер.

— Мы нашли убийцу Геердтса, — заявил Шоппенхауер и, пытаясь утешить детектива, добавил: — Так, обычное рутинное дело, и ничего больше! Но, действительно, чего же мы достигли?

— Акции одиночек всегда безуспешны, — изрек Фреезе. — Они не смогут защитить демократию.

— Поддай газу и выбирайся из этого города! — буркнул Вебер.

Когда появился хвост колонны демонстрантов, Шоппенхауер резко увеличил скорость.

ЗЛЬВИРА
ПОПОВА

ДЯГИЛЕВ

190

О Сергее Павловиче Дягилеве говорено и писано предостаточно, и можно только продолжать «констатацию» подмеченных современниками качеств человека-уникама. Как бы из скромности, низводя восторги к шутке, он писал о себе: «Я — художник без картин, писатель без собрания сочинений, музыкант — без композиций». Но при этом имя его стоит в ряду самых выдающихся деятелей искусства и культуры.

Именно потому, отзываясь на эту шутовскую самохарактеристику, Александр Бенуа отмечал, что если «он ничего не творил художественного», то художники тем не менее «не переставали считать его своим». «Своим» считали его и музыканты, и хореографы, и певцы, и балетмейстеры, и художественные критики. Вот только один пример из воспоминаний современников: «Оставив постановку в руках соответствующих

авторов — композитора, художника, сценариста и хореографа — людей выдающегося таланта, Дягилев на первый взгляд совершенно отстранился от участия в постановке. За пять дней до премьеры она представляла все еще бесформенную массу не согласованных между собой частей. Музыка, декорации и танец не связывались в одно целое. И в этот момент Дягилев взял на себя бразды правления. Он всех загнал, но больше всех себя самого. В последний час он свел воедино музыку, хореографию, освещение и даже руководил изготовлением костюмов...»

Так работал Дягилев в то время, когда до главного дела его жизни — Русских сезонов, длившихся два десятилетия (с 1909 по 1929 год), — было еще далеко. Они стали завершением пути.

Каковым же было начало? Очень обычным и скромным.

С. П. ДАГИЛЕВ в студенческие годы. Начало 1890-х гг.

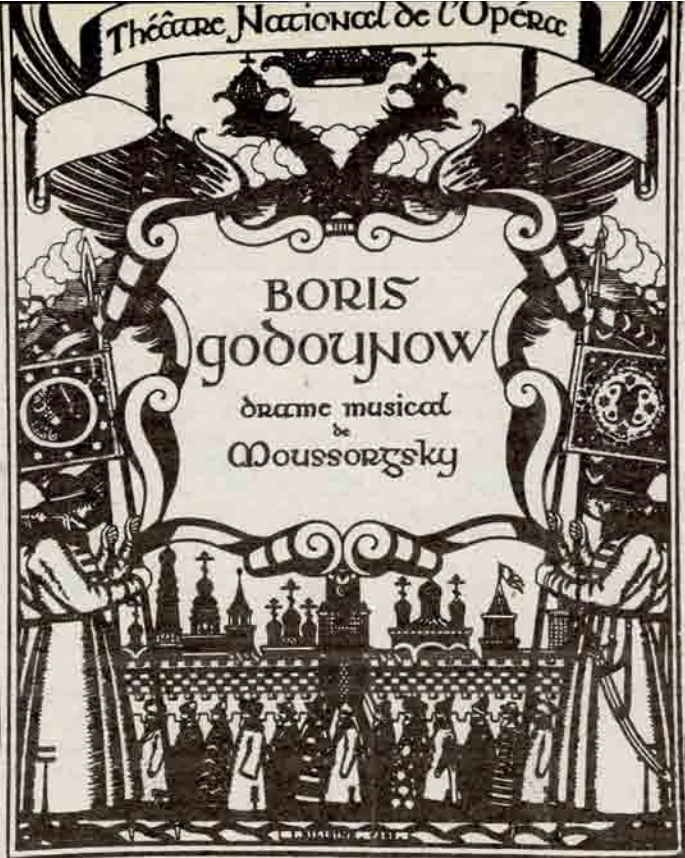
Гостиная в доме Дягилевых в Перми. 1880-е годы.

В 1890 году в Петербург приехал из провинциальной Перми восемнадцатилетний юноша, сын кавалергардского полковника, Сережа Дягилев, и поступил на юридический факультет университета, каковой закончил лишь в 1896-м, так как все эти годы главным для него были совсем иные занятия. Он занимался пением у известного итальянского баритона-гастролера Котоньи. Потом поступил вольнослушателем в класс пения Петербургской консерватории. Мечтая о музыкальном творчестве, какое-то время брал уроки композиции у профессора консерватории. Написал под впечатлением от музыки Мусоргского «Сцену у фонтана», а еще — скрипичную сонату, романс, сонату для виолончели... Чтобы увереннее чувствовать себя на выбранном поприще, осмелился обратиться за советом к Льву Толстому, поверяя ему: «Мечтания и цель моей жиз-

ни — это творчество в области искусства».

Но главным для вступления Дягилева на его уникальный жизненный путь в искусстве стал обычный, непримечательный факт, оборотившийся «судьбоносным», как мы теперь скажем, событием. Двоюродный брат Сергея Дмитрий Философов, оправдывавший свою фамилию интересом к философии и занятиями литературой, ввел юношу в круг своих приятелей, талантливых и остро чувствовавших направляющие ветры в искусстве блистательных молодых людей. Мало кому известны были тогда их имена: Александр Бенуа, Лев Бакст, Константин Сомов, Вальтер Нувель.

И случилось так, что из внимательного, жадного слушателя их дискуссий и рассуждений, споров, откровений юноша-провинциал не только встал «вполне на равную ногу» со своими сверстниками

- И. Я. БИЛИБИН. Заставка и концовка
в журнале «Мир искусства». 1899 г.
К. А. СОМОВ. Фронтиспис в журнале
«Мир искусства». 1903 г. ▶
И. Я. БИЛИБИН. Концовка к стихо-
творению В. В. ГИППИУСА в журнале
«Мир искусства». 1901 г.

и единомышленниками, но и выдвинулся в непререкаемого и властного лидера. Ведь он не просто слушал все, чем делились между собою его новые товарищи, редкостные эрудиты, утонченные знатоки высокого и прекрасного, но и, как позднее признавался Александр Бенуа, буквально «выжимал» из них все, что они «могли ему дать».

Пробой пера в искусстве стали статьи Дягилева о художественных выставках. Сначала, в 1896 году об Акварельной, затем о Передвижной. Уже в первом сочинении он уверенно написал о французских акварелистах, что о них «говорить не приходится: это заурядные парижские акварелисты, довольно бесцветные по технике и рисунку». Требовательное внимание к форме не было приоритетом Дягилева. Художественная молодежь тогда уже убедилась в невозможности работать по привычному: «...стремление к красоте в картинах,— писал А. М. Васнецов,— было вполне понятным протестом против полного игнорирования художественной красоты в произведениях так называемого «передвижнического периода», когда писать «кожаную» картину считалось вполне приличным».

Но только Дягилев перенес это требование к красоте формы на все виды искусства. Хотя еще недавно он признавал: «С каким отрадным чувством входишь всегда на нашу передвижную выставку! Чувствуется, что все лучшее, все живое, что производило русское искусство, всегда имело источником эту свежую, молодую выставку». Он отметил всех сильнейших — Поленова, Левитана, Светославского, Серова, Репина, совсем молодых В. Васнецова и М. Нестерова. Но постепенно старшие передвижники стали давить на молодежь, лелеять без-

вольных эпигонов и едва ли не травить «непослушных». И тут Дягилев, молодой и никому в общем-то не известный, встал на защиту прекрасного в искусстве, которым передвижники так легкодумно и малоталанливо жертвовали во имя «воспитательного» начала.

Он первым почувствовал — надо сплачивать свежие, новаторские силы в искусстве. В 1898 году Дягилев организовал выставку русских и финляндских художников, которая прошла с большим успехом. Но это только убедило Дягилева, что необходима дополнительная и постоянная поддержка молодых. И тут уж не вполсилы проявилось одно из яростнейших дягилевских дарований — организаторство. В том же году он уговорил известных меценатов Савву Мамонтова и княгиню Марию Клавдиевну Тенишеву финансировать ежемесячный художественный журнал. Двадцатишестилетний Дягилев становится его редактором. Впервые характер и направление журнала определяли сами художники.

Редакция уведомила читателей, что журнал станет публиковать и рассматривать произведения русских и иностранных мастеров «всех эпох истории искусств, насколько означенные произведения имеют интерес и значение для современного художественного сознания». Печатались монографические статьи о русских и зарубежных художниках. Произошло невиданное: многие иностранные художники стали знакомы русской публике именно через публикации в «Мире искусства». Авторами выступали известные европейские художники и писатели: Ж. Гюисманс, М. Метерлинк, Д. Рёскин, Ф. Ленбах... Но самым главным были открытия в отечественном искусстве не только отдельных

мастеров, но и целых периодов: работы современников — художников, скульпторов и архитекторов XVIII — первой половины XIX веков, а рядом с «высоким» искусством предстало и вовсе невиданное: декоративно-прикладное, считавшееся «низшим» родом, недостойным серьезного внимания. Красоте открываемых произведений соответствовала красота литературного стиля статей и очерков, блистающих формой и поражающей глубиной содержания и эрудицией.

Оформляли выпуски — создавали обложку, заставные листы, рамки, заставки, концовки — художники, мирискусники Бакст, К. Коровин, Сомов, Лансере, Добужинский. Это издание было большого формата, на прекрасной бумаге и печаталось отысканным редакцией в Академии наук елизаветинским шрифтом.

Казалось бы, издание должно быть встречено с одобрением, если не с восторгом. Но куда там! Стасов, главный представитель демократической критики, объявил obstructionism новому журналу, а если вправду, то настоящую травлю. Читывая «погромные» стасовские статьи, все снова и снова поражаясь тону и грубости иронии: «Декадентский журнал так расхрабрился, что собирается переворотить у нас все вверх дном... Наши декаденты обещались произвести «переворот». Ах, как хорошо, ах, как бесподобно! Какое счастье! Посмотрим же, посредством чего они собираются делать свой переворот. Мне кажется, об этом мы имеем уже право теперь судить, так как декадентского журнала вышло уже четыре номера... Времени и места было довольно. Что же видим?

В этих четырех номерах главную роль играют нелепости, безобразия и гадости. ...Г. Коровин появ-

ляется с двумя рисунками, в красках, предназначенными «для майолик». Чтобы кто-нибудь согласился употребить когда-нибудь эту безалаберную чепуху в дело — и представить себе нельзя! Разве какой-нибудь Поприщин из сумасшедшего дома». «Какая во всех этих выборах проявляется неумелость, непонятность и отсутствие вкуса у редактора! Можно только безмерно удивляться».

Но тот же Стасов верно сказал, что «время целитель зол и исправитель неправд». Вспомним лучше, что молодого Прокофьева вместе с несравненным Стравинским первым приметил именно Сергей Дягилев, о котором его современники не уставали повторять: «способность угадать дарование и сделать все, чтобы оно максимально раскрылось, была органической чертой его», «умел находить таланты, всегда этим интересовался и в любой художественной форме мог их почувствовать».

В 1898 году Дягилев написал открытое письмо Стасову, где, разобрав по пунктам обвинения, закончил следующим: «...хочу с одной краткой просьбой обратиться к вам: ведь мы оба с вами люди воспитанные, зачем же, откуда-то часто неудобный тон, который появился в вашей заметке. Зачем эти бесчисленные и ни для кого небедительные бранные слова. Зачем, наконец, эпитеты и клички вашему противнику, ведь вы знаете, что я не могу и никогда не буду отвечать вам в этом тоне... Подумайте над советом молодежи умолкнуть и перестать бить в набат, так как сгорело ваше здание, рассыпалось в прах, а уцелевшие самоцветные камни и без набата вашего помещены в хорошую оправу. Мы не высказались еще и высказаться нам гораздо труднее, чем вам, так как мы самые

С. БАРБЬЕ. 1913

ЖОРЖ БАРБЬЕ. В. Ф. НИЖИНСКИЙ и Т. П. КАРСАВИНА в балете «Видение розы». 1913 г.

К. С. КРУГЛИКОВА. *Перед открытием русской художественной выставки в Париже. 1906 г.*

яркие субъективисты и не имеем вашей счастливой почвы под ногами, но время еще впереди и в этом наше счастье». Это письмо, написанное 26-летним Дягилевым по поводу разносной критики Стасовым на страницах «Новостей и биржевой газеты» в связи с открытой в Петербурге Выставкой русских и финляндских художников, было первым и последним дягилевским откликом.

Но знаменательно: завершающей цитату слово счастье оказалось воистину пророческим для творчества и уникальной деятельности Дягилева, да и для всех тех, кто стал вскоре его единомышленниками, друзьями, протеже, воспитанниками, учениками, поклонниками, приверженцами. Позади уже были две выставки, организованные им, — английских акварелистов и голландских художников; и теперь вот еще российская (Финляндия, как известно,

входила тогда в состав Российской империи).

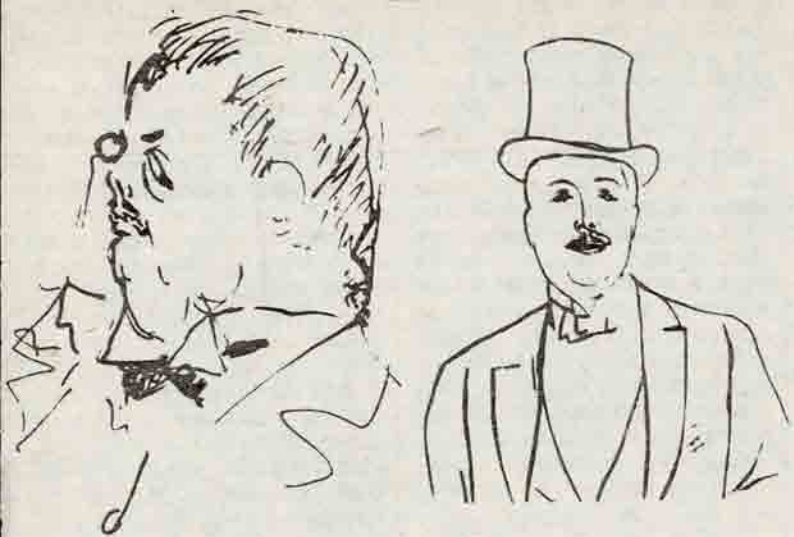
Литературный дар Дягилева развивался стремительно. Первые дягилевские художественно-критические статьи просматривал Александр Бенуа, внося «лишь самые необходимые поправки, скорее стилистического характера». Спустя некоторое время Дягилев стал обходиться без его помощи: «В «Новости» напишу без тебя», имелся в виду «Ответ В. В. Стасову». А год спустя бывший ученик писал своему недавнему учителю: «Спасибо за заметки. Они вполне хороши и слог в них гораздо непринужденнее и лучше, чем в твоих больших вещах. Здесь видно тебя, и это хорошо». Потом... Бенуа стал находить, что пусть лучше он (Дягилев. — Э. П.) «напишет».

Затем наступили времена, когда Дягилев стал критиковать Бенуа. Один из современников утвер-

*ЭРНЕСТ АНСЕРМЕ, С. П. ДЯГИЛЕВ, И. Ф. СТРАВИНСКИЙ и С. С. ПРОКОФЬЕВ
в Лондоне, 1921 г.*

ПАБЛО ПИКАССО. С. П. ДЯГИЛЕВ. (1919 г.)

ЖАК КОКТО. С. П. ДЯГИЛЕВ. (1954 г.)

М. Ф. ЛАРИОНОВ. С. П. ДЯГИЛЕВ работает над рукописью. (1929 г.)

ждал, что Дягилев в тридцати строках может сказать больше и интереснее, чем другие на десятках страниц. Бытовала легенда, что-де Сергей Павлович не любит писать. Но хотелось бы посмотреть на того, кто, успевая и в десять раз менее Дягилева на попроще искусства, смог бы еще и выступить с художественной критикой! Выходил редактируемый им «Мир искусства», и одна за другой стали являться выставки образовавшегося под эгидой этого изысканно эрудированного издания общества художников с тем же названием «Мир искусства». Этот «гениальный коллектив», как выразилась Остроумова-Лебедева, объединил замечательных художников, пришедших в искусство в 1890-х годах.

Да, что ни имя, то личность, неповторимость дара: Бакст, Александр Бенуа, Билибин, Браз, Врубель, Головин, Грабарь, Добужинский, К. Коровин, Лансере, Малютин, Малявин, Остроумова, Пурвит, Рерих, Рушиц, Серов, Сомов, Трубецкой, Ционглинский, Якунчикова, Яремич. Кроме того, в отдельных из тогдашних выставок «Мира искусства» участвовали Репин, В. и Е. Поленовы, А. Васнецов, Левитан, Нестеров, Рябушкин.

Истинный талант и молодая сила одолевают все! Новые выставки привлекали все более и более; имя «декадентского старосты» Дягилева произносилось со все большим уважением и... удивлением. И выставки его притягивали художническую молодежь — Кустодиева, Юона, Сапунова, Ларионова, Павла Кузнецова, Сарьяна. Это новое творческое сообщество отнюдь не было результатом капризного мановения «декадентского пастуха». Оно было исторически обусловлено развитием искусства.

Но истинное чудо в том, что

столь значительное дело — направление и редактирование «Мира искусства», организация выставок тезоименитого ему общества оказались лишь частью высокой, напряженной, неподъемной творческой деятельности, творческого подвига одного человека.

Год спустя после Выставки русских и финляндских художников Дягилев организует международную выставку журнала «Мир искусства» из 350 произведений, где участвовали сорок два европейских художника, среди них Пюви де Шаванн, Д. Уистлер, Э. Дега, К. Моне, О. Ренуар. Здесь русские художники знакомились с разнообразными и передовыми направлениями западноевропейской живописи. Но истинно Геракловым подвигом Дягилева стало устройство в 1905 году в Таврическом дворце в Петербурге грандиозной Историко-художественной выставки русских портретов. Произведения были взяты не только из столичных дворцов и музеев, Дягилев объехал провинциальную Россию, все родовые усадьбы, о которых удалось получить сведения, собрал около четырех тысяч портретов. Многие находки были не просто интересны — неожиданны. Русские люди вдруг могли воочию увидеть, как богато портретное искусство их Родины. Со всей экспозиции были сделаны фотоснимки, оригиналы которых хранит теперь Государственная Третьяковская галерея, рассказывая не только о том, что было сделано усилиями одного-единственного энтузиаста родной культуры, но и о том, сколько из этих сокровищ было утрачено в бурных перипетиях нашего жестокого, беспощадного века. Сердце сжимается при мысли, что из числа представленных на уникальной, эпохальной для нашего искусства выставке только одних

«Левицких» утрачено восемнадцать! Борисов-Мусатов писал в те дни Серову: «За это произведение (выставку.— Э. П.) Дягилев гениален, историческое имя его стало бы бессмертным. Его значение как-то мало понимают, и мне его сердечно жаль, что он остался как-то один».

Потрясенные знатоки искусства оценили дягилевское подвижничество. Весною 1905 года в Москве Дягилева чествовали за выпуск и редактирование журнала «Мир искусства» и организацию выставки в Потемкинских палатах — Таврическом дворце. Ответная речь Дягилева выразила неожиданную мысль: «...именно после этих жадных странствий (и поисков экспонатов будущей выставки.— Э. П.) я особенно убедился в том, что наступила пора итогов. Это я наблюдал не только в прекрасных образах предков, так явно далеких от нас, но главным образом в доживающих свой век потомках. Копец быта здесь налицо... Мы свидетели величайшего исторического момента итогов и концов во имя новой, неведомой культуры, которая нами возникнет, но и нас же отметет. А потому без страха и неверья я подымаю бокал за разрушенные стены прекрасных дворцов, так же, как и за новые заветы новой эстетики». И он нашел дело, которое помогло ему не просто приближать — делать эту новую эстетику.

С детства он обожал театр. И в 1899 году (когда в разгаре было столько его дел и начинаний!) решился поступить на службу — стал чиновником особых поручений при директоре казенных театров. Дягилева назначили редактором «Ежегодника императорских театров». И его деятельная натура с первых же шагов пришла в возмущение, прониклась горечью от царившей в театральном

государственном искусстве рутины, отдающего пошлостью застою.

Конечно, никакого мирного сотрудничества между императорскими администраторами и ищущей творческой натурой Дягилева быть не могло. После попытки «вольной» постановки балета Делиба «Сильвия», к участию в которой были привлечены К. Коровин, Лансере, Бакст (и даже Серов выполнил один костюмный эскиз), попытки, окончившейся торжеством администраторов, художники прекратили работу над спектаклем. А Дягилев был уволен со службы по печально знаменитому третьему пункту, то есть... без права поступления когда бы то ни было на государственную службу. Но то был случай, когда «не было бы счастья, да несчастье помогло». Энергию и волю Дягилева это только подстегнуло. Едва завершив еще одну выставку под эгидой «Мира искусства», вроде бы довольный сделанным, Дягилев решил, что настала пора, собраны силы, чтобы осуществить давно вынашиваемую мечту — познакомиться Западную Европу с русским изобразительным искусством.

В середине девяностых годов, совершая первую свою зарубежную поездку, Дягилев пережил то, о чем позднее написал: «...меня всегда поражало и оскорбляло мое национальное чувство — это незнакомство иностранцев с представителями русского искусства». Для него «вопрос русских культурных побед» был, как он говорил, «вопросом жизни». И Дягилев поставил себе достойную своих сил, талантов задачу исправить положение.

В 1906 году он устроил выставку нашей иконы, произведений мастеров XVIII — начала XIX века и художников «Мира искусства», исключив всю вторую половину XIX столетия, как в какой-то мере

уже известную за рубежом. Выставка открыла для многих глаза на своеобразие и талантливость наших художников. В 1907 году он организует в Париже Русские исторические концерты. А через год новую постановку «Бориса Годунова» с Шаляпиным в роли царя Бориса. «Эта музыка почти так же прекрасна, как произведения Льва Толстого», — утверждал Ромен Роллан о спектакле, имевшем ошеломляющий успех. Этот эпитет встретился во многих восторженных отзывах о тех шедеврах синтеза музыки, пения, декорационного искусства, хореографии, которые для Дягилева и обожаемого им родного искусства России еще впереди.

Он начал с изобразительного искусства и музыки, потому что уже была не одна попытка показать русскую оперу изощренным парижским ценителям. Но ни у А. Г. Рубинштейна и В. С. Серовой, надеявшихся поставить на парижской сцене оперы «Нерон» и «Юдифь», ни у Саввы Мамонтова, мечтавшего представить там же «Жизнь за царя», «Руслана и Людмилу», «Демона» и «Снегурочку», попытки не имели успеха. Дягилев прорубил окно и — «замахнулся» на любимый им балет. Осуществилось это уже через год!

Первоначально балет не входил в круг его интересов. Но Александр Бенуа уговорил друга заняться этим смелым и трудным предприятием — ведь балетное искусство на Западе переживало тогда упадок и мало ценилось. Дягилев и его товарищи приступили к созданию спектаклей Русских сезонов. Была собрана отличная труппа: Анна Павлова, Карсавина, Нижинский. Душой труппы стал балетмейстер Фокин. И в 1909 году постановкой балета «Павильон Армиды» начались столь прогрессившие на весь мир «Ballets

Russes». Успех сезона был ошеломительным. Критика дружно восхваляла русский балет, его художников и постановщиков. Ведь парижский зритель привык видеть в театре тусклые и бледные краски декоратора Парижской оперы Гамбона. Дягилев же знал, какое богатство и сногшибающее многообразие красок способны были внести на сцену его друзья художники-мирискусники. Они никак не могли вместиться в традиционное представление о балете как об искусстве танца. Здесь должно было слиться все: хореография, музыка и живопись.

Особенным успехом пользовались балеты на русскую тему, преимущественно сказочную. Французам показали такие шедевры, как «Половецкие пляски», «Жар-птица», «Петрушка», «Золотой петушок» и «Шехерезада». Запад был поражен увиденным зрелищем. Танцовщица Айседора Дункан, оценивая первый Русский сезон, говорила: «Велика заслуга Дягилева! Он развернул перед французами много из того, что есть в русском театре талантливого, красивого, поучительного и живописного».

Итак, 1909—1914 годы, помещающие первые Русские сезоны. Мы, сегодняшние, и поныне гордимся тем, что все еще исследуется в Европе данное ее изобразительному и балетному искусству Русскими сезонами!

Во французской «Энциклопедии современного театра» значится: «Нам не важно, что тот или другой свидетель его триумфального марша старается сегодня нам напомнить, что сам Дягилев не был ни музыкантом, ни декоратором, ни художником. Мы очень хорошо знаем, что без него, без его живительного гения, не было бы Русских балетов, ни, что особенно важно, художественного движения, возникшего из этих спекта-

клей, о которых будут долго помнить».

Мы же добавим, что сила этого движения была столь велика, что повлияла не на одно искусство, но и на весь облик французской жизни — интерьеры домов, стиль

одежды, даже рисунок бижутерии.

Сообщения о сенсационных успехах Русских сезонов не сходили со страниц парижских газет и журналов. Дягилев приобрел мировую известность, а в России появились «дягилисты» и «дягилистки».

В. А. СЕРОВ. Через 15 лет (С. П. Дягилев и В. Ф. Нувель). 1901 г.

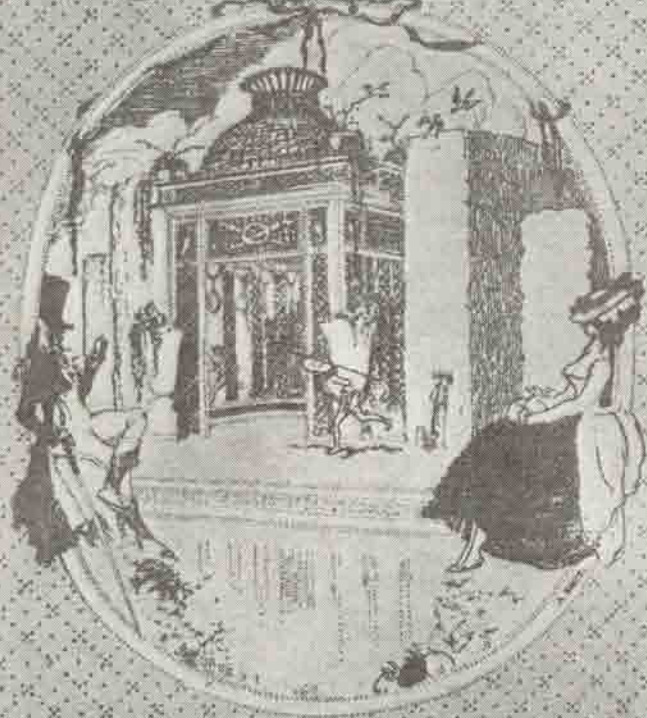

М. Ф. ЛАРИОНОВ. С. П. ДЯГИЛЕВ И С. М. ЛИФАРЬ НА РЕПЕТИЦИИ. 1927 г.

Ф. А. МАЛЯВИН. ПОРТРЕТ С. П. ДЯГИЛЕВА. 1902 Г.

Мир Искусства

1902

№ 1-12

Л. С. БАКСТ. Обложка журнала «Мир искусства». 1902 г.

Но в правительственных кругах Дягилеву всячески препятствовали в устройстве Русских сезонов. Директор императорских театров В. А. Теляковский из года в год не выдавал Дягилеву декораций и при случае высказывался против участия артистов в его спектаклях. Николай II пересмотрел свое решение о дотации, отказал Дягилеву в официальной поддержке перед французскими властями. «Боже, как трудно бороться с правительством», — говорил Дягилев во время организации спектаклей в Париже. Чтобы осуществить свои замыслы, ему требовались огромные средства. У него же не было никаких, и он добывал их где и как только мог. Например, для проведения Русских исторических концертов ему удалось получить некоторую сумму у владельцев резиновой мануфактуры. Кроме того, перехватывал кое-что у друзей-художников, впоследствии долго добивавшихся возврата долга. Часто расходы покрывались за счет сборов от спектаклей, но не раз Дягилеву приходилось расставаться с дорогими ему вещами и произведениями искусства. Вся финансовая ответственность в деле Русских сезонов ложилась на него одного.

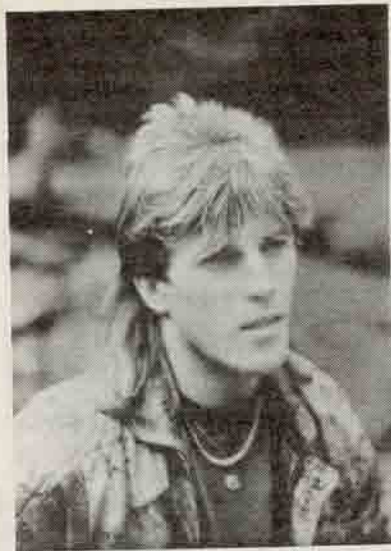
Первая мировая война застала Дягилева за границей. Он не думал, что больше никогда не увидит Родину. «После войны приеду играть в Россию непременно», — писал он, мечтая показать спектакли Русских сезонов дома. Однако обстоятельства сложились иначе. Он оказался не только отрезанным от Родины, но и остался без любимого дела. Подходил к концу 15-й год, война разметала по всему свету его труппу. Тяжелые годы и неустойчивое послевоенное время в немалой степени осложнили миссию Дягилева. Он уже не мог пополнять труппу из состава Ма-

ринского и Большого театров. Приходилось выбирать из среды русских артистов, оказавшихся за рубежом, и талантливой европейской молодежи, особенно Англии. Число иностранных участников в русском балете непрерывно увеличивалось, и он даже стал давать им русские имена — Алисия Маркова, Антон Долин... В дягилевских постановках балетов «уже ничего русского не было», они были рассчитаны на элитарного зрителя и вкусы состоятельной публики. И все же они были новаторскими, но новаторскими уже по-иному.

В последние годы жизни, когда балетные спектакли уже не требовали его беспредельной отдачи, Сергей Павлович увлекся библиофильством, собрал более двух тысяч редких изданий и стал, по словам Бенуа, «неистовым собирателем русского прошлого — русской книги». В его богатом собрании автографов были письма Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Вяземского, письма и записная книжка Жуковского, автографы Глинки, Дельвига, Державина, Карамзина и Тургенева. Эту уникальную коллекцию он мечтал передать в дар России. Но судьба распорядилась иначе. 19 августа 1929 года, 59 лет от роду, Дягилев скоропостижно скончался от нелепого заражения крови. Это случилось в Венеции. Хоронили его друзья, так как семьи у Сергея Павловича не было.

Бесконечно много из сделанного Дягилевым осталось для нас неизвестным. Поэтому время для исследователей его уникального творчества только наступает.

Завершая рассказ о русском человеке — человеке-эпохе, человеке-феномене — Сергее Павловиче Дягилеве, хотелось бы вспомнить высказывание его друга Александра Бенуа: «Сережами движется человечество, и честь им и слава».

АЛЕКСЕЙ ЗАЙКИН

Фото автора

РОК на "УРА"

Середина 70-х годов. В Москве уже существует множество рок-групп, но все они имеют статус любительских, то есть самодеятельных коллективов, поскольку на профессиональной сцене рок запрещен. Известность к ним еще не пришла. Исключение составляют лишь несколько групп во главе с «Машиной времени», их концерты часты в Москве. Большинству же предоставляется возможность выступать только за пределами «образцового коммунистического города»: летом — на открытых танцевальных верандах, зимой — в маленьких клубах. Устроиться на танцверанду — большая удача, это значит, что на целый сезон у тебя есть работа.

В те роковые (ударение можете ставить по собственному усмотрению, в любом случае не ошибетесь) 70-е мы и познакомились с Алексеем Глызиным: играли рок на одной и той же подмосковной веранде, только в разных группах. Коллектив Глызина представлял тогда трио: барабаны, бас-гитара, гитара. Алексей был ведущим певцом и гитаристом. Он одинаково хорошо исполнял лирические песни на русском языке и виртуозные композиции знаменитых «Грэнд Фанк Рэйлруд» и «Лед Зепелин». Первые поклонники Глызина ездил из Москвы в Мытищи, в Балашиху, в Щелково, чтобы послушать его. Но, несмотря на симпатии публики, группа периодически оказывалась не у дел. Эта нестабильность вынудила Алексея податься в одну из провинциальных филармоний.

Многие наши рок-музыканты (Андрей Макаревич, Борис Гребенщиков, Владимир Кузьмин, Крис Кельми и другие) были в ту пору студентами вузов и занимались музыкой в свободное от учебы время. Что касается Алексея Глызина, то он с самого начала хотел

приобрести профессиональный статус. А для этого надо было выступать от государственной концертной организации. Устроиться в филармонию всем коллективом не удалось, и роковое трио Глызина прекратило свое существование.

Работа в профессиональных ансамблях стала для Алексея и временем поиска себя. В одном коллективе он был аккомпанирующим гитаристом, в другом — выходил на сцену без гитары и пел пару песен.

Алексей сотрудничал с «Добрыми молодцами», с «Самоцветами», но вспоминать этот отрезок своей творческой биографии не любит. Исключение составляет период совместной работы с Аллой Пугачевой, оказавшийся, к сожалению, недолгим.

Короче говоря, умея хорошо играть на гитаре, хорошо петь, Алексей Глызин продолжал оставаться в тени — в ранге начинающего певца. Его заметили позже, когда он уже оказался в ансамбле «Веселые ребята».

На первые гастроли с этим коллективом Алексей отправился «на птичьих правах», официально его включили в состав после возвращения из поездки. Через год он выступал на сцене уже «целое» отделение и в качестве ведущего вокалиста «Веселых ребят» исполнил несколько песен. Но потребовалось еще пять лет, чтобы стать центральной фигурой в ансамбле.

Его голос зазвучал в полюбившихся зрителям песнях: «Бродячие артисты», «Не волнуйтесь, тетя»... Выступая с ансамблем, в телепередачах, Алексей обычно исполнял одну из двух главных ролей в разыгрываемых сценках. Вместе с клавишником группы Александром Буйновым они постоянно что-нибудь вытворяли, и название «Веселые ребята» ста-

ло ассоциироваться у зрителей с обликом этих двух музыкантов. Ансамбль полюбили.

Спустя некоторое время «Веселые ребята» снялись в советско-болгарском выпуске телепередачи «Что? Где? Когда?», исполнив еще одну веселую песенку «Бабушки-старушки». Несколько песен Алексей Глызин спел по Центральному телевидению сольно.

В 1987 году появился диск-гигант «Треугольное солнце», где Алексей исполнил четыре песни Олега Сорокина на стихи Леонида Дербенева. Еще три песни композиторов Александра Третьякова и Евгения Ростовского на стихи Юрия Поройкова Глызин записал с ленинградскими музыкантами и Владимиром Пресняковым-младшим для диска-сборника «Заповедная страна».

Итак, к началу 1988 года лицо и голос Алексея Глызина стали хорошо знакомы любителям эстрады. Вполне можно было предпринимать решительные шаги к творческой самостоятельности, тем более что такое желание существовало давно.

В конце августа 1988 года Алексей Глызин и барабанщик Виктор Сигал («Чайка») решили уйти из «Веселых ребят» и сформировать новую группу.

Клавишник Валерий Маклаков из ансамбля Игоря Гранова, бас-гитарист Вячеслав Воронов из группы «ЭВМ», гитарист Юрий Рыманов, Алексей Глызин и Виктор Чайка впервые выступили вместе на сцене московского спорткомплекса «Олимпийский» в благотворительном гала-концерте «СЧЕТ 705». Музыканты в группе собрались опытные, и работа пошла быстро: дописали магнитоальбом, и в составе нового ансамбля «Ура» начали давать концерты. Время от времени их новые песни стали появляться в музы-

кальных теле- и радиопередачах.

Честно говоря, у меня были сомнения в том, что новая группа Алексея Глызина быстро добьется успеха. Поначалу они подтвердились. Если до ухода из «Веселых ребят» Глызин фигурировал в десятке лучших вокалистов хит-парадов, то после создания сольной группы он не появлялся в хитах целый год. В аналогичном музыкальном направлении работали уже многие певцы и ансамбли. Первое место в хит-парадах удерживала тогда ленинградская группа «Санкт-Петербург» с песней «Русские»; второе — Дима Маликов с песней «До завтра», а группа «Ура» в списках популярности не фигурировала вовсе.

Но вскоре ситуация стала меняться: песня «Ты не ангел» попала в хит-парады многих газет и журналов и надолго обосновалась там. Алексея Глызина называли в числе лучших певцов, а музыкантов группы «Ура» — лучших инструменталистов. К этому моменту в группе появился новый гитарист — Олег Белов. И произошло еще одно событие: ансамбль «Ура» дал первые зарубежные концерты — в финских городах Хельсинки и Турку.

Новый 1990 год застал Алексея Глызина и его друзей в продолжительном турне: группа «Ура», в которой играет теперь новый клавишник — Сева Саксонов, и американский рок-квintет «Клуб Эдоби» из Лос-Анджелеса дали 34 совместных концерта. По мнению американских музыкантов, голос и манера пения Алексея Глызина похожи на стилистику известного Ричарда Маркса, но чуть пожестче. Больше всего им понравилась песня «Зимний сад», и они даже сочинили английский текст для нее. Гитарист группы «Клуб Эдоби» Эрик заинтересовался выпуском пластинки Алексея Глызина в США

и хотел стать ее продюсером. Но сначала нужно было выпустить пластинку дома.

Весной наконец-то вышел диск-гигант Алексея Глызина и группы «Ура» под названием «Зимний сад». Поклонники ждали эту пластинку, и она имела большой успех. (К сожалению, у фирмы «Мелодия» нет привычки вручать призы за «серебряное», «золотое» или «платиновое» количество распроданных экземпляров, как это принято за рубежом, поэтому трудно сказать, каким тиражом разошелся этот альбом.)

В этом году на фирме «Мелодия» готовится к выпуску новый диск-гигант. Песни уже отобраны и записаны. В одной из них поется: «Да, я плохой». Многим из вас она хорошо знакома, и у Алексея Глызина мелькнула мысль: «А что если назвать альбом «Плохой»?» Но пластинка с таким названием есть у Майкла Джексона... В общем, узнаем название, когда диск выйдет...

ИВАН ЛУКАШ

БОРЬБА МОРЗОВА

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

звезды небес. Тихая ночь...

В глухом Боровске на городище, у острога лежал камень, поросший мхом, а на камне были высечены забвенной московитской вязью буквы, полустертые еще в шестидесятих годах прошлого века:

«Лета 7... погребены на сем месте сентября в 11 день, боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во 2 день боярина Морозова жена Федосья Прокопьевна, а в иноках схимница Феодора, дщери окольного Прокофья Федоровича Соковнина. А сее положили на сестрах своих родных боярин Федор Прокофьевич, да окольный Алексей Прокофьевич Соковнины».

Огни лампад никогда не горели над суровой могилой Федосьи Морозовой и меньшей ее сестры Евдокии, не теплилось никогда церковной свечи.

Только звезды небес. Тихая ночь.

Боярыня Морозова и княгиня Урусова раскольницы. Они приняли все мучительства за одно то, что крестились тем двуперстием, каким крестился до них Филипп Московский, и преподобный Корнилий, игумен Печерский, и Сергей Радонежский, и великая четверица святителей московских. Во времена Никона и Сергей Радонежский, и все сонмы святых, до Нико-

Сто лет рождения — 1892-й — да полвека с добавкой от смерти — 1940-й — должно было минуть, чтобы имя Ивана Созонтовича Лукаша зазвучало на его родине еще негромко, еще вполголоса. А между тем сам В. В. Набоков назвал Лукаша писателем замечательным. Кому еще из русских своих современников дарил классик нынешнего века такой эпитет, — пожалуй, и не припомнить. Но по первой книжке, изданной в 1910 году, дальнейшего пути и места Лукаша на русском Олимпе не угадал бы и сам Набоков — был это сборник сюрреалистических стихов «Цветы ядовитые»... И все-таки отсчет и судьбы, и литературы Лукаша начинать надо не с первой книжки, а с первых детских впечатлений, о которых потом он расскажет:

«Отец водил меня на Смоленское кладбище к гранитной пирамиде с уральскими камнями, с чугунными ружьями, барабанами, кепи, к гранитной пирамиде солдат Лейб-гвардии Финляндского полка, погибших при взрыве в Зимнем дворце. На граните золотыми литерами были выбиты их имена».

В злополучный тот день, 5 февраля 1880 года, заступить место в карауле Зимнего дворца наряжен был и Лейб-гвардии Финляндского полка рядовой Созонт Лукаш, но, по внезапной болезни жены отпущенный из казарм, чудом сваясь, как спасся чудом в тот день и Александр II, а вот солдаты караула не убереглись — бомба Степана Халтурина оборвала жизнь многих...

Отца беда миновала, а сына крутая судьба стороной не обошла — уж больно на страшную пору припалась его молодость.

на в русской земле просиявшие, тоже оказались внезапно той же старой, дуперстной, «веры невежд», как вера Морозовой и Урусовой.

Это надо понять прежде всего, чтобы понять что-нибудь в образе боярыни Морозовой.

Надо понять, что, живи во времена Никона Сергей Радонежский, он, может быть, еще грознее, чем протопоп Аввакум, восстал бы на «правление» вековой русской молитвы, векового подвига Руси во Христе, и «правления» — кем? Такими непрочными греками, невеждами и торгашами, как Лигарит¹ и Лихуды².

Надо понять, что не за пресловутую «букву» поднялись стояльцы двоеперстия, а за самый Святой Дух Руси. Они поняли, что с «новинами Никона» искажается призвание Руси, они почували ужасающий разрыв единой народной души, единой мысли народной, падение и гибель русской земли.

Все это надо понять, чтобы осмелиться коснуться самого прекрасного, самого вдохновенного русского образа, — образа московитской боярыни Федосьи Морозовой. <...>

Боярышине Федосье Соковниной шел семнадцатый год, когда

¹ Лигарид, Паясий — греческий архидиакон, митрополит газский; в царствование Алексея Михайловича жил в Москве; противник раскола. — Прим. ред.

² Лихуды, Иоакимий и Софроний — братья, греки, деятели просвещения. В 1686 году призваны в Москву руководить Славяно-греко-латинской академией. — Прим. ред.

Только в начале ее недолгий мелькнул просвет — до семнадцатого года сотрудничал в газетах «Речь» и «Свободное слово». Но свободному слову предел положил год семнадцатый, хотя февралем своим ободрил многих. В их числе был Лукаш.

Как и старший его собрат Иван Шмелев, Февральскую он принял восторженно. Но, подобно Шмелеву, описавшему свое прозрение в очерке-эссе «Убийство», прозрел и Лукаш — Февраль обернулся Октябрем и гибелью. Об этом он тоже напишет:

«Революцией разверзся рок над Россией. Революция заключила роковой круг российской истории, но не кончаются революциями истории великих народов и наций.

Россия и революция сошлись лицом к лицу. Но революция, неизбежно, несет в себе свое поражение.

Россия победит».

Вещие эти слова он напишет уже там.

А путь туда для старшего унтер-офицера из вольноопределяющихся, как и для тысяч соотечественников, начинался с последнего русского берега — Крыма. Дальше дорогам несть числа — Константинополь, София, Берлин, Рига, наконец, Париж, одна из лучших русских газет на чужбине — «Возрождение».

Возрождения России он ждет, верит в него, но писатель ищет и, кажется, находит корни нынешних российских бед — в истории ее, в ее смутах. По крови, по ужасам, по захвату чудовищному его века смута страшнее оказалась той, трехсотлетней давности, да

за нее посватался стольник и ближний боярин царя Алексея, Глеб Иванович Морозов.

В семье окольникы Прокопия Соковнина старше Федосьи были братья Федор и Алексей, а ее младше — сестра Евдокия. У Соковниных хранилась с Василия Третьего память об иноземных предках: они вышли из немцев и в своих праотцах были сродни ливонским Иксколям, а имя Соковнины приняли от жалованного села Соковня.

Как странно подумать, что в стратотерпице русского раскола, в той, в ком дышит так прекрасно душа всей Московии, шла издалека твердая и упорная немецкая кровь.

Боярышня была ростом невысока, но статная, легкая в походке, усмешливая, живая, с ясными синими глазами. Так светлы были ее волосы, точно сияли в жемчужовых пронизях и гранчатых подвесках. Мы не любопытны знать о предках, ничтожна наша историческая память. И боярыню Морозову мы помним разве только по картине Сурикова. Одинокий Суриков могуче чуял Московию, она, можно сказать, запеклась в нем страшным видением «Утра стрелецкой казни».

А было боярышне Федосье Прокопьевне семнадцать, когда сам царь благословил ее на венец образом Живоначальныя Троицы, в серебряных окладах и на цветах.

Ближний боярин Морозов, ему далеко перевалило за пятьде-

и всех других, за нею последовавших — там на тысячи считали, тут счет пошел на многие миллионы. Но как ни раскидывай — начала там, там, где иссякать, избываться стала Вера. С поры той давней пошли на земле нашей раздоры, и, ожесточаясь все злее, враждует человек — с властью, с братьями, сам с собой, с Богом. Оттого так чувствует писатель огненную протопопову мысль: была Русь Святая, Божья, а сатана ее у Бога выпросил...

Тут могучим дыханием повеяла на него История; трагические ее изломы уходили в глубь веков. Тут и начинается замечательный, по слову Набокова, русский писатель Иван Лукаш. Первые его исторические рассказы, этюды о давнем прошлом поразили русского зарубежного читателя — достоверностью времени, языка, неподдельным ощущением трагизма.

Теперь ждут они своего часа на родине, как ждут его и романы Лукаша — «Граф Калиостро», «Император Иоани», «Дворцовые гренадеры», «Сны Петра», книга и о самом им пережитой русской трагедии «Голое поле». Но начать сегодня главную тему Лукаша мы предлагаем с самого дальнего ее порога, который в поисках корней перешагнул писатель — с великого раскола.

О той поре он скажет:

«Из Смутных Времени Русь вышла единодушной. Но после духовной смуты, поднятой Николом, не нашла она единодушия и до наших дней».

Вещие слова?..

сят, суровый вдовец, ревнитель Домостроя, спальник царей Михаила и Алексея — спальники же следили за нравами дворцовых теремов и девичьих — крепко тронулся светлой красой синеглазой Федосьюшки и ввел ее в свой дом.

С нею вошла в дом Морозова молодость и веселость. Старшие братья Алексей и Федор, без сомнения, любили сестру: только одним глубоким братским чувством могло быть написано «Сказание о Жизни», какое написал позже о сестре брат Федор. А младшая Евдокия, как то бывает часто, во всем, не думая, подражала старшей, как бы повторяла ее жизнь. Брат Федор позже напишет о сестрах, что они были «во двою телесех едина душа».

Знаменитый человек Московии, один из самых ее мудрых и светлых людей, Борис Морозов, брат мужа юной боярыни, также полюбил ее «за радость душевную».

Радость душевная — какие хорошие, простые слова... В них сквозит вся юная боярыня Морозова, усмешливая, синеглазая, легкая, с ее светлой головой, сияющей, как в теплое солнце, в жемчужовой кике.

Вот это надо заметить: подвижницы вышли не от ярых изуверов и изуверок, не от дряхлых начетниц молелен, а из живой, веселой и простодушной московской молодежи.

Молодой Московией была боярыня Морозова, радость душевная...

Правда, за молодежью морозовского дома подымается вскоре такой могучий, такой огромный, точно само грозное небо Московии, человек, как Аввакум.

С 1650 года он стал духовником молодой боярыни, ее домашним человеком, другом, учителем. Это были те времена неукротимого протопопа, когда он был близок к цареву Верху, водил дружбу с царским духовником Стефаном Вонифатьевичем, те времена, о каких Аввакум отзовется позже с веселой насмешливостью:

— Тогда я при духовнике в тех же полатех шатался, яко в бездне мнозе...

А на Москве это были времена Никона. Точно черная туча, гнетущая, налегла и затмила свет: Никон.

Смута духа, поднятая Никоном, без сомнения, куда страшнее всех наших Смутных времен.

Из Смутных времен Русь вышла победоносная, в светлом единодушии. Она вышла из великого нестроения порывом единодушного вдохновения. Русь в испытаниях Смуты впервые за все века вполне обрела, поняла себя. Она была охвачена единодушным желанием устройства, освящения и освежения всей своей жизни. Она уже нашла свою твердую основу в двенадцати Земских Соборах царя Михаила. Такой она приблизилась и к временам царя Алексея.

Тишайший царь как бы только длил тихую весну, какая стала на Руси со светлых дней царя Михаила, и своими Уложениями, в общем движении к устройству Дома Московского, желал все уладить и в Московской Церкви.

Но с крутым самовластием Никона церковное Уложение обер-

нулось духовным разложением, исправление — искажением, перемена — изменой. Никонианство для крепких московских людей обернулось предательством самой Христовой Руси.

Именно Никон расколол народное единодушие, вынесенное из Смуты, рассек душу народа смутой духовной. И те, кого отсеки, откололи «новины», с вещей силой почуяли в «черном Никоне» дуновение жесточайшей бури «черного бритоусца Петра», конечное потоптание Московии, забвение народом его призвания и о преображении Отчего Дома в светлый Дом Богородицы. Они поняли, что так померкнуть самому духу Святой Руси. С какой нестерпимой болью поняли они, что Никон нанес удар по самому глубокому, последнему, что есть у народа: по его вере.

За русскую веру, как они ее понимали, заблуждаясь или не заблуждаясь, за русскую душу, за дух Святой Руси они и пошли на дыбы и в костры.

Из Смутных времен Русь вышла единодушной. Но после духовной смуты, поднятой Никоном, не нашла она единодушия и до наших дней.

Можно представить, как в доме стольника Морозова молодежь, родня Федосьи Прокопьевны и она сама, слушали огненные речи Аввакума.

Он-то весь, как сверканье последней молнии московской, как один вопль о спасении Руси, об отведении чудом Божиим сокрушительного, занесенного над Русью удара. Аввакум уже предвидел за Никоном кнут и дыбы Петра. И вещей клекот его тревоги передался молодой боярыне.

Морозова переняла его святую тревогу.

Весь мир веселой и простодушной молодой женщины, знатной боярыни, большой москвитки, был потрясен. Аввакумовы зарницы осветили ей все: Русь зашаталась в вере, гибнет. И жизнь стала для нее в одном: как спасти Русь, отдавши для того, когда надо, и себя.

Последнее допетровское поколение, последняя молодая Московия — такие, как Федосья Морозова или княгиня Евдокия Урсова, или их брат Алексей Соковнин, — вошли в Никонову смуту и в ней, как и последнее поколение старой России, погибли в истязаниях и пытках смертельной борьбы за Русь.

Что видели кругом глаза молодой боярыни?

Над Москвией, по слову одного современника, воскурилась великая буря. Духовная гроза потрясла всех. Московия билась, как в чудовищной лихорадке-огневице, захлебнулась в клокочущих спорах, стала исходить бешенством духовной распри.

Вся Москва сотряслась от воплей, споров. Всюду: в избах, хоромах, в церквах, на мостах, в Китай-городе, на Пожаре — вопили, исходили яростью, больше не понимая друг друга, спорящие о вере, о Никоне, о перстах, алилуи́е, сколько просфор выносить за обедней, сколько концов у креста, как писать Иисус, о жезлах и клубуках, и как стали Троицу четверить и как звонить церковные звоны.

Точно всю душу Московии перетряхнуло. Распря шла о словах,

о буквах, о клобуках, а желали понять и защитить самую Русь, с ее праотческой верой, старым крестом и старой молитвой.

Страшная смута духа перекатывалась тяжелыми валами от торжищ и корчемниц до дворца, где клеточали много дней о вере, а с Софьей, Царь-Девичей, когда стал мутить Девичий Терем, закачало все царство, и хлынула, наконец, страшным стрелецким бунтом.

И рухнула у ног Петра в утро стрелецкой казни, когда Московия с зажженными свечами сама пела себе отходную под виселицами и пыточными колесами. Рухнула и растеклась, как будто исчезла.

Нет, не исчезла, но вбилась, глубоко и глухо, как клин, в каждую русскую душу.

У боярыни Морозовой родился сын, его нарекли Иваном. Но радость материнства не победила, не утишила нестерпимой тревоги за Русь.

Морозова точно ищет, чем спасти Русь от всего, что надвинулось на нее, и, как все люди, ставшие за старую Русь, не знает другого спасения, кроме молитвы. Молодая боярыня, можно сказать, припала к молитве. Суровым обрядом, истовым чином она точно желает огородиться от потемневшего мира, так чаёт вымолить светлую Русь.

Пора нам, наконец, понять, в чем наши московские отцы полагали силу обряда: молящийся обрядом воплощает дух, как бы оформляет его, как бы преображает обрядом жизнь вокруг себя, отодвигает всю небожественную, нестройную, неистовую стихию мира, заполняя вокруг себя все божественной стройностью, истовостью обряда, чина, каждодневной молитвы.

В доме Морозова шли самые суровые долгие службы, правила, чтения. Боярыня замкнулась в монастырском домашнем обиходе.

Особенно заговорили о том на Москве после смерти ее мужа, в 1662 году.

Ей еще не было тридцати, когда она стала Домодержицей, Матерой Вдовой. Потомка ослепит невольно пышная византийская мощь, тяжелое великолепие большой и богатой московской боярыни, звенящей от кованого золота и драгоценных камней.

Друг мой милый, Федосия Прокопьевна, напишет позже о тех ее временах Аввакум. Была ты вдова честная, в Верху чина царева, близь царицы. В дому твоему тебе служило человек с триста. Ездил ты по Москве в карете дорогой, украшенной мусией и серебром, на аргамаках многих, по шести и двенадцати запрягали, с гремичими цепями, за тобой слуг, рабов и рабынь шло иногда и триста тридцать, оберегая честь твою и здоровье...

Как иконостас, отягощенный золотом, горящий византийским жаром, была с виду недосыгаемая боярыня.

А что за этими аргамаками, мусией, гремичими цепями?

Во вдовьем доме тихий гул молитв, ночных и дневных, церковное пение, в столовых палатах — нищие, странные, убогие, калеки, юродивые, старцы и старицы.

Ее дом становится и больницей, и странноприемницей, и монастырем.

Морозова точно приняла на себя неслышный подвиг все отдавать тем, кто обижен миром, где уже дышит сатана. Ее жизнь двоятся: то выезды ко двору и боярство в золоте, на гремячих цепях, а то в тонком сумраке московском, скрывая лицо под шугуем вдовьих смиренных цветов, обход милостыней темниц и убогих домов.

Кругом гонимые, смятенные, охваченные ужасом пред замыслом Никона — смести старую веру, сдунуть Святую Русь.

Мир кругом осатанел, зашатался.

И в дом Морозовой, как в Божью крепость, спасаются от осатаневшего мира.

Она принимает к себе пять изгнанных за старую веру монахинь. Монах Симонова монастыря Трефилий тайно посылает инокию Меланью в игуменьи этого домашнего Морозовского монастыря.

На своем примере, подвиге, жертве хочет отбиться, отмолиться от страшного мира Морозова.

Со старицей Анной Амосовой она прядет рубахи, переодевается с нею в рубища и «ввечеру ходит по улицам, по темницам и оделяет рубахами и раздает деньги».

Она точно хочет умилостивить добродееаниями надвинувшийся сатанинский мир.

Среди больных она принимает к себе нищего Стефана в гнойных язвах и струпях.

Молодая женщина «сама язвы гнойные ему измывала, своими руками служила, ела с ним из одного блюда». Она точно хочет победить отвращение перед всеми страданиями и сама готовится к ним.

В доме у нее таятся от властей юродивые Федор и Киприан, стояльцы за старую веру. Теперь мы не понимаем юродства, брезгуем им: для нас юродивый либо слабоумный чудака, либо ломающий комедию попрошайка.

А для москвитя юродивый был народным пророком, и подвиг юродства так, например, разъясняет Кедрин: «повелел ему Бог ходить нагу и необуvenusу, да неповинуящиеся слову возбудятся зрелищем странным и чудным».

Юродивые отдавали себя на зрелище, на людскую потеху за дело Христово. Так и Федор и Киприан, неведомые пророки московские.

Киприан, из верховых богомольцев царя, босой, в веригах, не раз молил государя о восстановлении древнего благочестия, ходил по торжищам, гремя пудовыми ржавыми цепями, и на толпе обличал Никона. Это было юродство воюющее, бряцающее железом.

И кроткое юродство принял на себя Федор. Он был потрясен потемнением мира, дыханием сатаны, тронувшим все. И открылся у него дар слез.

Он плакал о гибели Московии. Босой, в одной рубахе, он днем юродствовал, мерз на стуже, а по ночам молился, да отвратится гибель Руси.

Аввакум с замечательной силой и простотой рассказывает о молитве Федора:

— Пожил он у меня полгода на Москве, а мне еще не моглося, в задней комнате двое нас с ним. И много час-другой полежит, да встанет, да тысячу поклонов отбросает, да сядет на полу, а иное, стоя, часа три плачет. А я таки сплю, иное не можется. Когда же наплачется гораздо, тогда ко мне приступит:

— Долго ли тебе, протопоп, лежать, как сорома нет, встань, миленький батюшко.

Ну так вытасит меня как-нибудь, сидя, мне молитвы велит говорить, а он за меня поклоны кладет, то-то друг мой сердечный был...

О чем плакал гораздо, ночами, беглый молодой монах или мужик, неведомый русский пророк Федор? О гибели Руси, уже неотвратимой, о попрании царства Московского, о лютых казнях Петровых.

О том же плакала с ним на ночных молитвах и молодая Морозова.

В 1662 году в доме Морозовой поселился гость: вернулся на Москву Аввакум, помученный ссылками и острогами, польсевичий, согбенный, но полный свежей силы и неукротимой жажды борьбы.

Царь Алексей все шатался. Властью царской шел на поводу Никона, а человеческая совесть «стонала». Аввакум так и пишет о царе Алексее — «постанывал».

В царе Алексее страшный разлад: по власти — за Никона, а по совести — нет.

Чует и царь Алексей, что последнее, основное, раскальвают на Москве Никоновские новины, но будто и новины хороши, и раз сделано — сделано, чего невежды упорствуют. В таких безвольных колебаниях, в постанываниях то судит царь всем собором защитников старого креста и молитвы на отлучение, на анафему и лютые казни, то снова пришатывается к ним и уже судит самого Никона, то опять гонит людей за их старую веру в Сибирь, на костры.

В 1662 году царь как будто снова пришатнулся к Аввакуму, протопоп в чести.

— Се посулили мне,— рассказывает Аввакум,— Симонова дни сести на печатном дворе книги править, и я рад сильно, мне то надобно лучше и духовничества. Пожаловал царь, царица, дружище наш Федор Ртищев тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть, а о иных нечего и сказывать, всяк тащит, да и несет всячиною. У света моего Федосья Прокофьевны жил, не выходя, на дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокия Прокофьевна, дочь же моя...

Аввакум, как видно, уже не верил ни посулам, ни ласке царя, и сколько презрения у него к тем поддобицам московским, что тащили ему в угоду царю «всячину».

Аввакум и его духовные дочери ждали другого: страдания. Для них Русь уже шатнулась к сатане, и померкла. Может быть, в эти дни и сказал впервые Аввакум боярыне Морозовой удивительные, странные слова:

— Выпросил у Бога светлую Русь сатана, да очервенит кровью мученической. Добро ты, дьяволе, вздумал, и нам то либо, Христа ради, нашего Света, пострадати...

Для них вся Русь, царь и патриарх, священство ее и боярство и людство, выпрошены у Бога сатаной. Один только выкуп остался: кровь мучеников.

И они мученичества-выкупа дождались.

Царь снова шатнулся от неверной стонущей ласки к жесточи.

Над Московией загредел Собор 1666 года, то темный Собор звериного числа, кому суждено было поколебать русскую душу до самого сокровенного, на целые века, и залить Русь кровью, и озарить ее кострами мучеников.

Царь в великолепной державе и скипетра, с Синклитом боярства, с восточными патриархами, с архиепископом великой Александрии, папой и судней вселенной, архиепископами, архимандритами, игуменами, со всем Священным собором осудил, как думали сторонники старой молитвы, все восемьсот лет русского христианства, отринул старого русского двоеперстия, каким сжаты руки мощей всех святителей русской земли, и самый символ русской веры прочел на Соборе искаженным. А митрополиты ответили: «все принимаем, и на небрегущие о сем употребити крепкия твоя царския десницы».

И вот куда, в какие ямы Мезени, Пустозерска снова согнан с Москвы непоколебленный соборными анафемами Аввакум, и где ближние молитвенники боярыни Морозовой, Федор и Киприан?

Федора, рыдальца за Русь, сослали под начало в Рязань к архиепископу Иллариону. Его били плетью, держали скованного в железа, «принуждая к новому антихристову таинству», не принудили, сослали в Мезень и там повесили.

Каприана казнили «за упорство» в Пустозерском остроге.

Стала готовиться и Морозова к страданию-выкупу Светлой Руси от сатаны.

Под тяжелой боярской одеждой молодая женщина начала носить жесткую белую власяницу, закаляла себя. Наконец тайно приняла постриг от защитника старой веры, бывшего Тихвинского игумена Досифея.

В боярстве, на царевом Верху, по всей Москве, знали, что вдова стольника Морозова, приверженка старой веры, первая раскольщица, ненавистница Никона, знали, что раскольщики текут через ее высокие хоромы, таятся там — хотя бы пятерица ее инокинь, — но боярыню не трогали.

Больше того, в самый год «темного собора» государь возвратил Морозовой отписанные от нее вотчины «для прощения государыни царицы Марьи Ильинишны и для всемирные радости рождения царевича Ивана Алексеевича».

Но боярыня точно отталкивает от себя царскую милость, отказывается от возвращенных богатств. Она расточает их в милостынях, она выкупает с правезу людей.

Боярство, круг Морозовой, ее ближняя и дальняя родня, кроме

сестры и братьев, не понимали ее, дивились, чего ей стоять за ярых московских раскольников мужиков и невежд-попов. Они не понимали терзающего ужаса Морозовой о гибели Руси, ее чуждая неминуемого конца Московии.

Почти все, и самые умные из людей московских, сами уже поддались на сладкое и привольное житие польской шляхты и на любопытные затеи иноземщины.

Жилистая сухота московщины, суровое мужичество уже гнетет их, жмет.

Сами-то они почти уже не верят в стародавний чин и обряд. Москва для них помертвела, и не у одного из верховных московских людей мелькает мысль «вера-де хороша для мужиков, а мы-де поболее видали, мы-де умнее».

Зияющая расщелина прошла по народной душе: верхи уже отделились от понимания народа, и начался, покуда еще невидимый, раскол единой нации московской на две нации: обритух, окуржуженных Петром «бар» и бородатого «мужичья».

Такие верхи московские уже не верили в молитву, устали от обряда. Они равнодушно приняли Никона и, может быть, с насмешкой умников смотрели на боярыню, омужичившую вдруг с попами-раскольниками. Они не понимали вовсе, что так опалило, загло ее душу.

Знатная родня страдала Морозову, что не ей, честной вдове, быть в распре с царем и патриархом.

Ее дядя, царский окольный, умный и холодный Михайло Ртицев, отец знаменитого нашего «западника», не раз ездил к Морозовой отвращать ее от раскольников.

— Вы, дядюшка, похваляйте римские ереси и их начальника, — отвечала ему боярыня. — Отец же Аввакум — истинный ученик Христов, потому что страдает за закон Владыки своего.

Дочь Ртицева, Анна, пыталась тронуть иное: самые глубокие чувства Морозовой, ее материнство.

— Ох, сестрица-голубушка, — причитала Ртицева, — съели тебя старицы-белевки...

Ртицева говорила о пятерике инокинь старой веры, таившихся в доме Морозовой:

— Проглотили они душу твою... И о сыне твоём не радишь. Одно у тебя чадо, а ты и на того не глядишь... Да еще какое чадо-то, кто не подивится красе его, подобало бы тебе и на сонного на него любоваться... Сам государь с царицей удивлялись красоте его... Ох, многие скорби подымеешь и сына твоего сделаешь нищим.

Брат Морозовой, Федор, записавший в «Сказании» эту беседу, записал и ответ Морозовой. Ответ могучей матери-христианки:

— Ивана я люблю, и молю о нем Бога беспрестанно, и радею о полезных ему душевных и телесных. Но если вы думаете, чтобы из любви к Ивану душу свою повредила, или, его жалеючи, отступила благочестия и этой руки знаменной...

Говоря так, боярыня подняла, вероятно, руку с двуперстием:

— То сохрани меня Сын Божий от такого неподобного милосердия...

ния. Христа люблю более сына... Знайте, если вы умышляете сыном меня отвлекать от Христова пути, вот что прямо вам скажу: если хотите, выводите моего сына на Пожар и отдайте его на растерзание псам — и не помыслию отступить благочестия, хотя бы и видела красоту, псами растерзанную. Если до конца во Христовой вере пребуду и сподоблюсь вкусить за то смерти, то никто не может отнять у меня сына...

Суровость ответа матери, отдающей сына на терзания Пожара, площади казней в Китай-городе, может показаться потомку жестокостью. Это — ожесточение души, готовой на все страдания.

И, вероятно, так же отвечали о своих сыновьях и первые матери-христианки, когда сами готовились выходить на арену римского цирка.

«Сказание» Федора Соковнина о сестрах-мученицах Федосье и Евдокии, какое я желал бы только пересказать, такой же замечательный памятник московской письменной речи, как и «Житие» Аввакума.

Когда ученый-расколовед Н. И. Субботин издал в свет труды Аввакума, епископ Виссарион, председатель Православного «миссионерского братства Петра», на собрании его низко поклонился Субботину и сказал:

— Я прочитал Аввакума... какая сила... Это Пушкин семнадцатого века... Если бы русская литература пошла по пути, указанному Аввакумом, она была бы совершенно иной.

Так и «Сказание» о боярыне Морозовой.

И если бы знали мы Жития Морозовой и Аввакума с юности, если бы пережили их, поняли бы вполне, не одна наша литература, а вся духовная жизнь России, может быть, была бы совершенно иной.

Никакие уговоры и застрачивания не могли, конечно, переменить Морозову.

Она уже избрала свою судьбу: страдание за двуперстную Русь, «выпрошенную у Бога сатаной».

Но еще никто не трогал, не тревожил боярыню. Сильная рука была у нее на Москве: сама царица Марья Ильинишна, болезненная, тихая...

Царица немало пролила слез о кручине московской: в новинах Никона и она чуяла гибель Руси. Царица любила Морозову.

По царицыной воле раскольницу и не трогали.

Но в марте 1669 года тихая государыня Марья Ильинишна скончалась, и, едва минул год, государь сыграл свадьбу с Наталией Кирилловной Нарышкиной.

Другая женщина стала рядом со стареющим, огрузневшим царем Алексеем, иной воздух она принесла с собой в царские хоромы: воздух свежий и острый.

Эта молодая, сильная стрелчица еще в Смоленске глотнула

польской сладости и привольства, а в доме московского воспитателя приобвыкла к веселости иноземщицы. Царь, может быть, и взял ее за себя — белозубую, смелую, свежую, — чтобы забыть тяжелый церковный чин, молитвы, ладан, свечи и слезы болезненной своей Марьи Ильинишны.

Смоленская стрельчиха, вышедшая в царицы, будущая мать Петра невозлюбила люто боярыни Морозовой. В двух московских женщинах столкнулись два мира: Московия, с ее последним, не погасающим светом Святой Руси, и Россия иная, отринувшаяся от Московии, свежая и бурная, как дикий ветер: Россия Петра.

Столкновение миров Наталии Нарышкиной и Федосьи Морозовой началось с самого малого, незаметного, как бывает всегда.

На царской свадьбе в январе 1671 года Морозовой, как наибольшей боярыне, надо было стоять в челе других боярынь и говорить приветственную титулу царю.

Морозова уже давно сказывалась больной, никуда не выезжала, она отказалась быть и во свадебном чину: «ногами зело прискорбна, не могу ни ходити, ни стояти»...

— Знаю, она возгордилась, — сказал царь, услышав об ее ответе. — Нечисты для нее благословения архиерейские.

Доброхоты Морозовой поехали уговаривать ее не гневить государя. Ее увещевают боярин Троекуров и князь Петр Урусов, муж ее сестры Евдокии.

Тонкую и коварную игру играет князь Петр. С татарской хитростью он сам толкает жену, маленькую Евдокию, все глубже в раскол. Он хорошо понимает, чем все это грозит, но наводит Евдокию на мысли о страдании, о подвиге за старую веру, хотя сам старой веры и не коснется. Иные мысли, темные, потаенные, у князя Петра.

Он хочет свалить несчастную Евдокию к раскольщикам и отделаться, избавиться от жены: на примете у князя другая...

Троекуров и князь Урусов приехали к Морозовой. Убеждали долго, грозили гневом государя.

Боярыня, наконец, поднялась со скамьи, поклонилась гостям и сказала:

— Если хочет меня государь отставить от правой веры, в том бы он, государь, не покручинился... Да будет ему известно: до сей поры Сын Божий покрывал меня Своей десницей.

И больше ни слова. Умолкла.

Об упорстве Морозовой донесли царю. Он усмехнулся недобро:

— Тяжело ей бороться со мной. Один из нас непременно одолеет...

В тот же, может быть, вечер на половине нареченной царицы Наталия Кирилловна отдалась с жадной яростью гневу и слезам: ее, царицу, посмела обойти раскольница. Смоленская Стрельчиха обернулась к Морозовой со всей нещадной бабьей ненавистью и злобой.

И вот, точно быстрая гроза, удар за ударом разражается над боярыней.

У царя Алексея, на Верху, о Морозовой было назначено думное сидение: строптивую решили взять жесточью.

О ходе дела Федосья Прокопьевна знала от сестры Евдокии. Той все новости с Верху переносил муж.

— Слышь, княгиня, — говорил он маленькой жене. — Сам Христос глаголет, время пришло пострадати.

Он толкал княгиню под батоги, на дыбу, он хорошо знал, что так его разведут с Евдокией и он женится на другой...

Младшая сестра всей душой прильнула к старшей, хотя, может быть, и догадывалась о коварстве мужа.

На простодушной мученице Евдокии воистину знаменуется свет лица ее старшей сестры. Евдокия во всем как отображенный, тихий свет. Но не будь такой опоры, как свет-Евдокеюшка, не могла бы вынести всех испытаний и Федосья.

При первых же толках о решении Верха Евдокия Урусова перебралась в дом сестры, чтобы ни в чем и никогда не оставлять ее больше.

Боярыня Морозова отпустила от себя своих стариц-монахинь.

— Матушки мои, время пришло, — поклонилась она им в ноги на прощание. — Благословите страдати без сомнения за имя Христово.

Сестры остались в хоромах одни. С минуты на минуту ждали, что за ними придут. Федосья устала, легла в постельной комнате, на пуховике, близ иконы Богородицы Федоровской.

Рядом с сестрой прилегла Евдокия.

Вечерело. Сестры ждали многих стражи, стрельцов с бердышами, а пришел к ним от царя один только дьяк. Государь-де приказал спросить, «како крестнись».

Морозова, не подымаясь с постели, молча сложила пальцы по древнему, в двуперстие. Так же молча подняла руку с двуперстием Евдокия. Дьяк ушел.

Снова тишина в доме. Затихье перед бурей. На самом закате к царю пришла присылка от Морозовой. Государь выслушал дьяка и сказал:

— Люта эта сумасбродка.

А к ночи дом Морозовой был полон и стрельцов, и дьяков. Участь боярыни и княгини была решена. Архимандрит вошел к ним уже без поклона, без истового креста на иконы.

— Царское повеление постигает тебя, — сказал архимандрит боярыне. — И из дому твоего ты изгоняешься. Полно тебе жить на высоте, сниди долу...

Кругом, может быть, засмеялись. Боярыня Морозова сурово молчала, к ней жалась меньшая сестра.

— Встань и иди отсюда, — приказал архимандрит.

Сестры не тронулись. Тогда обеих вынесли из дома в креслах.

Когда несли их, безмолвных, точно окаменевших, за толпой стрельцов, на крыльцах, послышался тонкий детский крик:

— Мамушка, мамушка...

От шума в доме проснулся сын Морозовой, отрок Иван, сбежал со среднего крыльца за матерью. Только тогда шевельнулась она, посмотрела на сына с улыбкой:

— Сынок Ванюша.

И отрок поклонился ей вслед.

В доме дьяки опрашивали слуг, их согнали толпой в людские

хоромы. Кто крепился в двуперстии, тех отделяли ошуюю. В доме стоял плач, брань и стук стрелецких бердышей.

А сестер уже донесли до подклетей. Кат надел им на ноги грузные конские железа, заковал. У подклети стала стража.

Кончился век боярыни Морозовой и княгини Урусовой.

Начался нескончаемый век двух страдалиц-сестер Федосии и Евдокии.

На рассвете, едва только стала громоздиться туманом и дымом Москва, в подклеть к сестрам, сгибаясь и сплевывая, пробрался дьяк Ларион Иванов.

Дьяк приказал кузнецам сбить железо. Сестры занемели и от цепей, и от холода: две ночи они лежали скованные в подклети. Дьяк приказал им идти в Чудов. Обе отказались.

Тогда стрельцы понесли на плечах носилки с боярыней Морозовой, а за носилками, пешей, пошла ее младшая сестра княгиня Урусова.

Боярыню стрельцы ввели в соборную палату. Ее поставили перед судом епископов.

Долго в молчании смотрели на молодую женщину, бледную, с сияющими синими глазами, Павел, митрополит Крутицкий, и Иаким, архимандрит Чудовский, и думные дьяки.

Иаким Чудовский, тот, что когда-то смолodu служил в конных рейтарах, начал выговаривать боярыне с горячностью:

— Старцы и старицы довели тебя до судилища, пожалей хоть красоту сыновью.

Морозова ответила тихо:

— О сыне перестаньте мне говорить, ибо Христу живу, а не сыну.

Собор переглянулся, пошентался, и вопросы со всех концов палаты начали как бы загонять боярыню в угол:

— Причащаешься ли ты по тем служебникам, по которым государь-царь, благоверная царица, царевич и царевны причащаются?

— Нет. И не причащусь, потому что царь по развращенным Никоновым служебникам причащается.

— Стало быть, мы все еретики?

— Вы все подобны Никону, врагу Божью, который своими ересями, как блевотиной наблевал, а вы теперь то осквернение его подлизываете...

Ярый шум поднялся на соборе. Упорную раскольницу уже не судят, ее бранят, лают.

Она стоит молча, прижавши руку с двуперстием к груди, только вздрагивают полузакрытые веки.

— После того ты не Прокопьева дочь, а бесова дочь! — крикнул кто-то.

Она открыла глаза, перекрестилась:

— Я проклинаю беса... Я дочь Христа.

Уже иступленная, ожесточенная — заблуждающаяся ли в упорстве своем, или вдохновенно видящая тайные видения небесные, — но сильная и непобедимая в вере своей, стоит перед собором Морозова.

И, может быть, видела она все святые видения и знамения, крылья светлой Руси.

И странно, боярыня Морозова перед судом московских епископов вызывает образ иной и дальний: светлой Девы Орлеанской, тоже на суде.

Но не в кованых латах русская Жанна Д'Арк, а в той невидимой кольчуге духовной, о какой сказано у апостола Павла.

Ее увели назад, в подклеть, снова забили ноги в железа.

А наутро думный дьяк снял сестрам железа с ног, взамен надел обеим острожные цепи на шей.

Морозова перекрестилась, поцеловала огорлие студеной цепи:

— Слава Тебе Господи, яко сподобил еси мя Павловы узы возложить на себя...

Конюхи вынесли ее, закованную, к дровням. На дровнях ее повезли через Кремль.

На Москве курилась метель. С царских переходов, у Чудова, поживаясь от стужи, царь смотрел, как везут строптивую раскольницу. Может быть, уже жалел, что не пострашилась она страданий и позора, может быть, уже и «постанывал», глядя на боярыню.

На позорный поезд Морозовой смотрела и молодая царица Наталия, чернобровая, крутотелая, разогретая сном. Смотрела без сожаления, с холодным равнодушием.

За дровнями, ныряя в метель, молча бежала толпа. Вероятно, эти мгновения и изобразил Суриков в своей «Боярыне Морозовой».

Последнюю молодую Московию в лице боярыни Морозовой везли в заточение. Морозова подымала руку, крестясь двуперстно, и звенела цепью.

Ее отвезли в Печерский монастырь, под стрелецкую стражу.

Евдокию, тоже обложивши железами, отдали под начало в монастырь Алексеевский.

Сестер разлучили.

Алексеевским монахиням приказано было силком водить княгиню в церковь. Она сопротивлялась, ее волочили на рогах.

Маленькая княгиня билась, рыдала:

— О, сестрицы бедные, я не о себе, о вас плачу, погибающих, как пойду в ваш собор, когда там поют не хваля Бога, но хуля...

Упорство или заблуждения старшей, Федосьи, ожесточенная ее жажда пострадать за старую веру у Евдокии еще сильнее; как зеркало, с резкостью, отражает она все черты старшей сестры.

На Москве о сестрах-раскольницах начался жестокий розыск.

Одну из морозовских стариц, Марью, жену стрелецкого головы Акинфея Данилова, бежавшую на Дон, схватили на Подонской Стороне. Ее, окопавши, посадили в яму перед стрелецким приказом. «Безстудии воины пакости ей творяху невежеством, попы никонианские, укоряя раскольницей, принуждали креститься в три персты и ломали ей персты, складываяще щепоть».

Братья Морозовой тогда же были согнаны с Москвы: старший, Федор, в Чугуевские степи, а младший, Алексей, в Рыбное.

Дом Морозовой запустел.

Имения, вотчины, стада коней были розданы боярам. Распроданы дорогие ткани, золото, серебро, морозовские жемчуга.

Разбили окончины. Ворота повисли на петлях. В пустых хоромах гулял ветер.

Верный слуга боярыни, Иван, схоронил кое-какие боярские ларцы с драгоценными ожерельями, ладами от расхищения. Ивана предала его жена, бабенка гулящая.

Слуга Морозовой был пытан, жжен огнем шесть раз и, все претерпевши, с другими стояльцами за старую веру сожжен на костре в Боровске.

В опустевшем, разграбленном доме оставался сын Морозовой отрок Иван.

От тоски по матери, от многой печали Иван заболел, лежал в жару, бредил.

О лютой болезни сына Морозовой дошло наконец до царя.

Алексея Михайловича уже мучила его беспокойная совесть, уже тосковало-«стонало» его доброе человеческое сердце.

Царь послал к отроку своих лекарей, чтобы выходили морозовскую ветвь. Но было поздно: ни немецкие медики, ни московские знахарки не помогли. Мальчик умер.

Сквозь оконце кельи, где гремела цепью Морозова, прилучившийся монастырский поп сказал боярыне о кончине сына.

Только здесь, только однажды прорвалось всей силой рыданий материнское горе, любовь к Ванюше. Монахини слушали, как убивается в келье, звякает цепью мать. Ночью не раз тревожил монастырь ее тягостный крик:

— Чадо мое, чадо мое!.. Погубили тебя отступники!

Потом она стихла. Это был последний прорыв горячих человеческих чувств в нечеловеческих страданиях.

Из Пустозерска, с Мезени к ней тайно добирались тончайшие, мелко писанные лоскутки, послания Аввакума из земляных ям и острогов.

Какая ясная мощь и какая ясная печаль в утешениях протопопа, точно и он сам, когда пишет, тихо плачет, как плакала над его утешениями боярыня:

— Помнишь ли, как, бывало, уже некого четками стегать, и не на кого поглядеть, как на лошадке поедете, и некого по головке погладить... Миленькой мой государь, в последнее виделся я с ним, егда причастил его.

Совершенны по силе чувства человеческого все ясные послания Аввакума из своей темницы в темницы сестер:

— Подумаю, да лише руками взмахну, как так, государыни, изволили с такие высокие ступени ступити и в бесчестие ринуться. Воистину подобно Сыну Божию: от небес ступил, в нищету нашу облечеса и волею пострадал. Мучитесь за Христа хорошенько, не оглядывайтесь назад. И тово полно: побоярила, надобно попасть в небесное боярство...

Аввакум называл сестер «двумя зорями, освещающими весь

мир», и его ласковые слова навсегда останутся вокруг сестер, как тихий нимб:

— Светы мои, мученицы Христовы.

Авакум и утешал, и звал к смарагдовой твердости перед всеми испытаниями. К сестрам доходила поддержка и других стояльцев за веру. Скитальцу Иову Льговскому удалось даже обратиться в Печорский монастырь и причастить Морозову. Суровый пустынный Елифанний Соловецкий пишет ей с нарочитой грубостью, с резкостью, точно чтобы приохотить ее к ожесточению страданий:

— О, светы мои, новые исповедницы Христовы, не игрушка душа, чтобы плотским покоем ее подавлять... Да переставай ты и медок попивать, нам иногда случается и воды в честь, а живем же, али ты нас тем лучше, что боярыня... Поклоны, егда метание на колену твориши, тогда главу впрямь держи, егда же великий поклон прилучится, тогда главою до земли, а ношью триста метаний на колену твори...

Защитники старой веры знали, что Морозова — мученица, и с грубой суровостью в мученичестве ее закаляли.

Москву затревожил подвиг и цепи сестер, боярыни и княгини. Множество вельможных жен, повествует «Сказание», и простых людей стекалось смотреть на сестер. Тихая толпа, без шапок, стояла у Печорского. Раскольничье диво могло стать московской святыней. Все это смутило и затревожило царя и патриарха.

Патриарх Питирим первый стал просить царя за Морозову:

— Батюшко-государь, кабы ты изволил опять дом ей отдать и на потребу ей дворов бы сотницу крестьян дал, а княгиню бы тоже князю отдал, так бы дело то приличное было, потому что женское дело: много они смыслят...

Патриарх чаял земным покоем, боярскими хоромами, сотницами крестьян покорить ту, кто уже дошел до края испытаний, наступил.

Царь догадывался, что сотницами крестьян Морозову не вернуть.

— Я бы давно это сделал, — ответил он патриарху. — Но не знаешь ты лютости этой жены, сколько она мне наругалась. Сам испытай, тогда вкусишь ее пресности. А потом я не ослушаюсь твоего слова.

Патриарх решил испытать.

В два часа ночи Морозову взяли из монастыря и повезли на дровнях в Чудов. Ее ввели в палату в цепях. В сыром сумраке горели, трещали восковые свечи.

Снова в глубоком молчании смотрели из сумрака патриарх, митрополит Павел, дяки на эту невысокую, исхудавшую боярыню с сияющими глазами, едва звенящую цепью.

Точно сама Московия, светящаяся, замученная, тихо вышла из темени, стала перед патриаршим столом.

— Дивлюсь я, — сказал патриарх, — как ты возлюбила эту цепь и не хочешь с нею разлучиться.

Бледное лицо боярыни тронулось нечаянной улыбкой.

— Воистину возлюбила, — прошептала она.

Тихий голос патриарха, тихие ответы Морозовой, потрескивающие восковых свечей только и были в судной палате. Казалось, вот будут сказаны самые простые слова, и переменится судьба Морозовой, и патриарх поклонится страдальце, и она патриарху.

— Оставь нелепое начинание, — уговаривал патриарх. — Исповедайся и причастись с нами.

— Не от кого.

— Попов на Москве много.

— Много, но истинного нет.

— Я сам на старости потружусь о тебе.

— Сам... Чем ты от них отличен, если творишь то же, что они... Когда ты был Крутицким митрополитом, жил заодно с отцами предания нашей русской земли и носил клобучок старый, тогда ты был нам любезен... А теперь ты восхотел волю земного царя творить, а Небесного Царя презрел и возложил на себя рогатый клобук римского папы... И потому мы отвергаемся от тебя... И не утешай меня тем словом: я сам... Я не требую твоей службы.

Тогда поднялся гневный шум. Морозову бранят, «лают», пропались московитская грубость, презрение, ненависть.

Иступилась и Морозова. Тишина сменилась лютым неистовством. Раскольничья боярыня уже не желает стоять перед никонианскими епископами, виснет на руках стрельцов.

Патриарх решился насильно помазать ее священным маслом. Старец поднялся, стал облачаться в тяжелую патриаршью мантию. Еще принесли свечей. В огня трикириев с духовенством патриарх во всем облачении начал идти с дарохранительницей к боярыне.

Морозова смотрела на него, прижавши цепи к груди. Патриарх подошел со словами:

— Да придет в разум, якоже видим — ум погубила... — с силой ухватился рукой за меховой трех боярыни, желая приподнять его, чтобы помазать лоб.

Морозова отринула, оттолкнула патриаршескую старческую руку в испуге:

— Отойди, зачем дерзаешь неискусно, хочешь коснуться нашему лицу!..

Она подняла цепи перед собой, звеща имни с криком:

— Или для чего мои оковы!.. Отступи, удались, не требую вашей святости!.. Не губи меня, грешницу, отступным твоим маслом!..

Гнев охватил и патриарха. Он вкусил «пресности», о какой предупреждал царь, и он понял, что ни уговоры, ни насильничество не переменят ничего.

Патриарх стал с другими бранить злобно боярыню:

— Исчадь ехиднино, вражья дочь, страдница!..

Ее страдали, что наутро сожгут в срубе, ее сбили с ног, поволокли по палате мимо патриарха, стоявшего над нею во всем облачении среди трикирий.

«Железным ошейником, — рассказывает о ночи судилища ее брат Федор, — едва шею ей надвое не перервут, задохлась, по лестнице все ступеньки головой сочла».

Боярыню увезли. Ввели ее сестру, маленькую, дрожащую княгиню Урусову. Патриарх думал и ее помазать священным маслом.

Но едва он ступил к княгине, она сама сорвала с себя княжескую шапку и кисейное покрывало, ее волосы пали, раскидались по плечам: княгиня перед всем собором опростоволосилась. А не было большего стыда на Москве для мужчины увидеть простоволосую женщину: открыть голову перед мужчинами.

От княгини тоже отступили.

На другую ночь сестер привезли в цепях на Ямской двор. Морозова думала, что на рассвете их выведут на Болото жечь на срубе. Сквозь тесноту стрельцов она сказала Евдокии:

— Терпи, мать моя...

Сестер повели на пытку. У дыбы сидели князь Воротынский, князь Яков Одоевский и Василий Волинский.

Первой повели к огню Марью Данилову, морозовскую инокиню, схваченную на Подонской Стране.

Марью обнажили до пояса, перекрутили руки назад, «подняли на стряску и с дыбы бросили наземь».

Второй повели княгиню Евдокию Урусову. Светало. На дворе падал снег. Кат по талым черным лужам подошел к княгине, рассмеялся дерзко:

— Ты в опале царской, а носишь цветное, — кивнул кат на княгинину шапку с парчовым верхом.

— Я перед царем не согрешила...

Кат зажал ей рот, содрал цветную ткань с ее шапки. Маленькую княгиню под руки повели на дыбу.

Князь Воротынский между тем допрашивал боярыню Морозову. Она стояла в снегу, придерживая обмерзшие цепи.

— Ты, Федосья, юродивых принимала, Киприана и Федора, их учения держалась, тем прогневала царя.

Боярыня послушала князя, опустила цепь в снег:

— Тленно, мимоходяще всё, о чем ты говорил, князь... Сын Божий распят был народом своим, так и мы все от вас мучимы.

На стряску к дыбе повели и Морозову. Ее подвесили на ремнях, над огнем она не умолкала, стыдила бояр за мучительство.

За то с полчаса висела она с ремнем, «и руки до жил ремни ей протерли».

Каты сняли боярыню с дыбы, положили рядом с сестрой, нагими спинами в снег, с выкрученными назад руками.

В ногах сестер в потоптанном снегу лежала Марья Данилова. Ей клали мерзлую плаху на перси, ее били в пять плетей немилостиво, по хребту и по чреву.

Морозова вынесла свою пытку, но чужой не вынесла. Она зарыдала жалобно, видя текущую кровь инокини, вещее видение всех русских мучительств. И сквозь рыдания сказала наклонившемуся думному дьяку:

— Это ли христианство, чтобы так людей мучить?

Три часа лежали в заснеженном снегу на Ямском дворе под рогожами княгиня с боярыней и в пять плетей забитая инокиня.

В глухое утро на самом снегу каты стали ставить на Болоте сруб, сносить поленья и хворост.

Москва проснулась с вестью: Морозову буду жечь. На Болото потянулись в сивом тумане хмурые, глухонемые толпы.

А у царя с самого света было на Верху думное сидение. Боярство надыхало в палате холодным паром, сыростью, на медвежьих шубах и на охабнях оттаивал снег.

На Верху все лаяли Морозову. В подобострастии пытались все разгадать волю царя и думали, что его воля раскольницу сжечь.

Один Долгорукий, седой, еще в не оттаявшем инее на соболях, поднялся и стал перечить боярскому лаю, пресек. Бояре начали смодкать с ворчаньем, а сами всё смотрят на лицо царево, как-де он, что-де он, государь.

Алексей Михайлович, грузный — он уже страдал тогда от тучности, от одышки, от водяной, точно бы налившей ему желтоватой водой крупное лицо, — сидел понурясь и был грустен.

Царь поднялся со вздохом, со стонущим вздохом, и вышел молча.

Сруб на Болоте приказано было разметать.

Царя зашатала снова неумолкаемая распря между совестью человеческой и властью царской. И нет большего свидетельства о полном разладе его с собою, неуверенности во всем, что затеял он с новинами Никона, и доброты его безвольной, и слабости, и усталости, чем краткое послание, написанное им в тот день к только что пытанной боярыне:

— Мати праведная Федосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина Мученица, дай мне приличия ради людей, чтобы видели, не крестись тремя персты, но только, руку показав, поднеси на три перста...

Боярыня Морозова своим стоянием за двуперстие победила царя, он только «приличия ради», чтобы не признать себя побежденным перед всея Москвой, просит ее всего лишь «показывать», будто крестится «на три перста».

— Пришлю возок царский, — обещает он, — с аргамаками, и придут многие бояре и понесут тебя на головах своих ко мне в прежнюю твою честь...

Но что ей возки, аргамаки, какая ей теперь честь, что понесут ее бояре на головах. Никому, и самому царю, не соблазнить ее никакой честью земной. Она выбрала честь небесную: стояние за святую Русь до конца.

Боярыня Морозова ответила царю Алексею на словах:

— Эта честь мне невелика, было всё и мимо прошло, езживала в каретах, на аргамаках и в бархатах... А вот какой чести никогда еще не испытывала: если сподобюсь огнем сожжения в приготовленном вами срубе на Болоте.

Спешно перевели Морозову в тот же день в Новодевичий монастырь. Повелено было силком волочить ее к службам.

У Новодевичьего день и ночь без шапок стояла толпа. Громоздились возки боярынь, колымаги, вельможные приезды, крики конюхов нарушали монастырскую тишину.

Москва следила за неравным поединком боярыни Морозовой, помученной дыбой, с самим царем Руси.

Москва чувствовала, что батюшка-государь сам мучается о старой вере. На Москве многие ждали, что простит государь упорствующих за Русь, за старую ее молитву и поклонится им, и они ему, и станет снова одним крылатым духом русская земля.

Но какую силу надобно иметь царю, чтобы отказаться от своего же соборного уложения, от затей Никона, в каких он чувствовал к тому же если не полную правоту, то полуправоту. А вблизи кругом одни подобострастные, льстивые, равнодушные: ни на кого опоры.

— Нам как прикажешь, — горьким смехом высмеивал такую ползучую Москву Аввакум. — Как прикажешь, так мы и в церкви поем, во всем тебе, государь, не противны, хоть медведя дай нам в алтарь, и мы рады тебя, государя, тешить, лишь нам potrzeby давай да кормы с дворца...

Горький и пророческий смех: если не медведя в алтарь, то всепьянейшего и всепутейшего дождутся вскоре.

— Только у них и вытвержено, — с презрением отзывается о Московии, иссякающей духом, Аввакум. — «А-се, государь, во-се, государь, добро, государь»...

Медведя Никона, смеясь, прислал Ионе Ростовскому на двор, и он медведю: «Митрополище, законоположнище!» ...Настала зима, и сердце озябло... Глава от церкви отста... Не тех, глаголю, пастырей слушать, иже и так и сяк готовы на одному часу перевернуться.

А кого в эти дни слушал усталый государь: вероятно, таких подлакивателей, — «а-се во-се, государь», — и еще холодно беспощадную к Морозовой царицу Наталью Кирилловну...

Царь озабочен только тем, чтобы отвести Морозову с глаз толпы: из Новодевичьего ее увозят тайно в Хамовники.

Между тем заволновался и царев Верх: за Морозову Терем со старыми, исчахшими царевнами-тетками, с царскими сестрами-перестарками и юными девушками.

Они все за боярыню, кроме новой царицы, смоленской стрельчихи. Старшая девушка, строгая молитвенница Ирина Михайловна, стала говорить брату:

— Зачем, братец, вдову бедную помыкаешь. Нехорошо, брате...

Вмешательство царевны Ирины только усилило бессильное раздражение царя против Морозовой. Он знал «пряность» раскольничьей боярыни. Он понимал, что отмена всех затей Никонных, возврат Руси к ее вековой молитве, осьмиконечному кресту и двоеперстию, только освобождение всех заключенников за старую веру и всенародное царское покаяние перед теми, кто засечен насмерть, кто кончился на дыбах, под плетью, в земляных тюрьмах за Русь — забвение Собора 1666 года, полное поражение его Морозовой и Аввакумом, — вот что могло бы примирить его с «бедной вдовой».

— Добро, сестрица, добро, — угрожающе ответил царь. — Готово у меня ей место.

И приказал в ту же ночь вывезти боярыню из Москвы под крепкой стражей в далекий, не ведомый никому Боровск, в острог, в земляную тюрьму, на жестокое заточение.

Царь желал, чтобы Москва забыла Морозову, чтобы и память о ней исчезла, и думал сам, что так забудет о ней.

А остался с нею навсегда, точно наедине, с глазу на глаз: царь Алексей остался со своей совестью.

В Боровск перевели и княгиню Урусову. Муж давно покинул ее, не толкал больше «пострадати за Христа»: князь Урусов женился на другой.

В Боровск, в тюрьму к Морозовой привезли и других острожниц-раскольников, инокиню Марью Данилову, что лежала с ними под рогожами на Ямском дворе, и другую морозовскую инокиню, Иустину.

Верные руки донесли до них последнее посланьице Аввакума из Пустозерска:

— Ну, госпожи мои светы, запечатлеем мы кровью своею нашу православную христианскую веру со Христом Богом нашим. Ему же слава вовеки. Аминь.

Один Боровитянин, Памфил, в первые же дни был пытан и сослан с женою в Смоленск, за то, что передал острожницам «луку печеного решето». Но к зиме Москва как бы забыла о сосланных. Им стало легче, стрелецкая стража и та помогала им, чем могла.

234

В тихий зимний день в Боровск тайно приехал старший брат Федосьи и Евдокии, описатель их жития. Ему удалось свидеться с сестрами.

Федора удивил радостный, неземной свет их изможденных лиц и то, что Федосья Прокопьевна с улыбкой назвала свою тюрьму «пресветлой темницей».

А к весне пришли из Москвы в Боровск большие обозы с подъячими и дьяками. Среди боровских стрельцов начался розыск: зачем помогали раскольницам. Москва, видимо, приказала покончить с боровскими острожницами.

И о Петрове дне дьяк Кузмищев сжег на срубе инокиню Иустину, Марью Данилову бросил в темницу к злодеям, а сестер, Федосью и Евдокию, отвели в цепях в другую земляную тюрьму, выкопавши ее глубже первой.

От них отобрали брашно, снедь самую скудную, одежды, малые книжицы, иконы, писанные на малых досках, лестовушки. Отняли всё.

Заключение стало лютым. Сестры «сидели во тьме несветной, страдали от задухи земные, от земного пару», мучила тошнота.

Вот когда одни только страшные глаза страдания остались им; рано поседевшие, с горящими глазами, они извiali в темнице... <...>

Сорочек сестрам ни менять, ни мыть не позволяли. В худой одежде, в серых лохмотьях, какие они не скидали от холода, развелось множество вшей. Ни днем покою, ни ночью сна.

Лествицы и четки от сестер отобрали. Они навязали по пяти-

десяти узелков из тряпич и по тем узлам попеременно свершали изустные молитвы. Во тьму им подавали только сухари ржаные и воду.

Иногда от жалости сторожевой стрелец тайно от другого даст еще огурчика или яблока.

Княгиня Урусова, такая еще молодая, первая ослабела от тьмы и великого голода, не могла цепи подвять, ни цепного стула сдвинуть, прикованная.

Она молилась, распростершись на земле, иногда сидя, подкормившись у груди цепей.

Ночью — по голосам стрелецкой стражи — «Слушай» — можно было понять, что стоит глубокая ночь, — Евдокия подозвала сестру.

Та подползла к ней, тихо гремя цепью.

— Отпой мне отходную, — сказала Евдокия. — Что ты знаешь, то и говори, а что я припомню, то сама проговорю.

И сестры во тьме стали петь отходную, одна над другой. Мученица отпевала мученицу.

Они как будто пели отходную всей Московии.

Евдокия скончалась. Сестра поискала рукой в темноте, коснулась легко ее истончавшего лица и закрыла ей веки.

Княгиню Евдокию Урусову завернули в худые лохмотья, в рожу и, не сбивши цепей, вынесли из застенка.

Монастырский старец приходил увещевать боярыню Федосью Морозову, к ней перевели обратно из злодейского острога инокиню Марью.

— Отложите всю надежду отлучить меня от Христа, — сказала Федосья Прокопьевна старцу. — И не говорите мне об этом... Уже четыре года я ношу эти железа, и радуюсь, и не перестаю лобызать эту цепь, помяная Павловы узы... Я готова умереть о имени Господни.

Отлучить от Христа... страшно о том подумать, и нет таких слов, чтобы о том сказать, но как будто увидела Морозова, что Русь в чем-то, в самом последнем и тайном, двинулась к отлучению.

Вот, будет Русь блистать, и лететь, и греметь в победах Петровых, будут везде парить ее орлы и гореть ее молнии, а всё, а всегда в русских душах будет проходить тайная дрожь, не то страх, что все равно, как ни великолепна Россия, в чем-то она не жива, не дышит она. В чем-то отлучена. И в нестерпимой тоске Пушкина, и в сумасшествии Гоголя, в смуте Толстого и Достоевского, в самоожжении Мусоргского, в клякушествах Лескова — «Россия-Расея, только во Христа крестилась, а во Христа не облеклась» — тоже страшное чужие какого-то отлучения и предчувствие за то великих испытаний и наказаний. Изнемогающая в цепях и непобедимая боярыня Морозова — живое знамение для всех русских, живых — как забыть, что ее мощная христианская кровь мощно дышит и во всех нас: она нам знамение Руси о имени Господни.

Морозова изнемогала.

Однажды на рассвете она поднялась и, волоча цепь, подошла к темничным дверям. Бледное лицо с горящими глазами, в космах седых волос выглянуло сквозь узкое оконце. Боярыня подождала сторожевого стрельца:

— Есть у тебя отец, мать, живы они или умерли, если живы, помолимся о них, если умерли, помянем их...

Оба перекрестились.

— Умилосердись, раб Христов, — тихо сказала боярыня. — Очень изнемогла я от голода и хочу есть, помилуй мя, дай мне калачика.

— Боюсь, госпожа.

— Ну, хлеба.

— Не смею.

— Ну, мало сухариков.

— Не смею.

— Ну, принеси мне яблочко или огурчиков.

— Не смею.

Пожилый черноволосый стрелец утирал рукавом кафтана лицо: бежали непрощенные слезы.

— Добро, чадо, — сказала ласково и грустно боярыня. — Благославен Бог наш, изволивый тако... Если не можно тебе это, то, прошу тебя, сотвори последнюю любовь: убогое тело мое покройте рогожкой и положите меня подле сестры, неразлучно... Вот хочет Господь взять меня от этой жизни, не подобает, чтобы тело в нечистой одежде легло в недрах своей матери-земли... Вымой мне грязную сорочку.

Стрелец огляделся, скрыл малое платно боярыни под красным кафтаном.

Он отнес на реку ее малое платно, омыл там водой, а сам плакал.

Боярыня Морозова скончалась в темнице, в цепях, в студеную ноябрьскую ночь.

В ночь кончины подруженьке ее, инокине Меланье, было видение: стоит Федосья Прокопьевна зело чудна, юная, сияют ее светлые волосы и синие ее очи. Стоит она, облеченная в схиму и куколь, страдальца за Святую Русь, светла, радостна, и в веселости водит руками, как малое дите, по одеждам, дивясь небесной красе риз своих.

Все умолкло, исчезло, и подземную темницу засыпали в Боровске.

Только тихий морозовский гром стал ходить по русской земле. Ходит и тепер в русских душах...

Младший брат боярыни, окольный Алексей Соковнин, последняя молодая Московия, дождался воочию того, что только провидела его сестра: пришел Петр и последнее потоптание Московии.

Алексей Соковнин — вспомним снова, что в Соковнинных текла твердая немецкая кровь, — а с ним Циклер, не странно ли,

что тоже из немцев московских, подымали на царя Петра заговор.

В 1697 году оба они были казнены на Красной площади.

В Боровске, на городище, у острога, вероятно, теперь и не осталось белого камня с иссеченными на нем московскими буквами:

— Погребены на сем месте боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его, княгиня Евдокия Прокопьевна, да боярина Морозова жена Федосья Прокопьевна, а в иноках схимница Феодора, дщери окольникыего Прокопья Федоровича Соковина...

Ни церковной свечи никогда не горело над ними, ни лампы. Только звезды небес. Тихая ночь...

7.XI.36.

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Горькие мысли о сладкой жизни

«Оливер Твист» — липованам

Хочу поделиться с вами горькими размышлениями.

Я люблю свою родину — Россию, обожаю нашу прекрасную Москву и людей, которые живут в ней, толкаются утром в очередях за кефиром и молоком, едут, спрессованные, в автобусах на работу. Я люблю их и хочу, чтобы они были счастливы. Когда я была маленькой, все твердили, что наше поколение будет жить другой, лучшей жизнью. Но вот мне девятнадцать, и я не вижу этой замечательной жизни. Каждый из нас живет в таком же прогнившем обществе, как и наши родители. А того хорошего, что имеем, достигли только благодаря Богу и упорству. Одним Бог дал умелые руки, другим — светлые головы, третьим — напористость и упрямство. Ну, а все, что есть у меня, — это привлекательная внешность, отличная фигура, веселый характер, острый язык и не пустая (слава Богу!) голова. Ну и куда я могу податься с таким набором? В проститутки? В маляры? Нет, я ничего не имею против этих двух профессий, но я не хочу заниматься ни одним, ни другим, потому что мне это не нравится. Я учу иностранный язык, я хочу иметь интересную работу, но я хочу и деньги получать большие, не надеясь

на богатого мужа или состоятельного любовника. Теперь уже я слышу, что наши дети будут жить хорошо, и я, конечно, надеюсь, но не верю. Те из нас, кто сумел попасть в струю, попытаются обеспечить хоть какой-то задел своим детям, а другие... А других большинство. Конечно, можно привыкнуть жить плохо, но это дурная привычка.

У меня на руках есть контракт с одной иностранной фирмой. Условия там довольно жесткие, и самое страшное, что в течение трех лет России мне не видать (собственно говоря, это единственное ограничение), а деньги очень приличные. Но это значит, что мне придется уехать из страны, которую я люблю, ради того, чтобы обеспечить себя материально. Три года я не увижу любимых родителей, друзей, которые мне дороги. Мне говорят: «Ты приедешь другим человеком!» Да, другим. Но к кому я приеду? В моем возрасте три года — огромный промежуток времени. Куда я приеду? На пепелище после путчей, в страну-Москву, в голодный дом или в шикарную жизнь? Почему невозможно найти хорошую работу здесь? Почему нашим людям за рубежом предлагают огромные деньги, а здесь они никому не нужны

(это я не про себя)? Сколько времени это будет продолжаться? Что могу сделать я? Вот такие вопросы мучают меня. На кого надеяться? На доброго дядю, который возьмет под свое крылышко, или смириться и получить в месяц столько, сколько платят в неделю подрабатывающему в свободное от уроков время американцу, с той лишь разницей, что у паренька эти деньги уходят на жевательную резинку и кока-колу, а нашему человеку надо прокормить семью, одеть детей, жену, да и мужчине одеться нелишнее? И пусть никто не удивляется, что на предприятиях работают в основном люди старшего возраста да пожилые.

Моя мама — отличный инженер-технолог с красным дипломом МВТУ им. Баумана получает сейчас 900 рр! А найдите хоть одного двадцатилетнего, который согласился бы вкалывать за такие «деньги». И выходит, нормально, что молодежь продает шмотки в комиссионных палатках, которых развелось как... ну, сами понимаете, как чего, а товара, между прочим, хорошего мало. Каждый нытается устроить свою жизнь независимо от других, по сторонам некогда оглядываться, и я думаю, что это пока единственный выход, который сможет вывести нас из нищеты, ведь благополучие народа зависит от благополучия каждого в отдельности. Но это опять же будущее, а нам отпущена всего одна жизнь и хочется жить не только ради своих детей, не видя больше ничего, но и пожить для себя, увидеть хоть что-то. Молодости свойствен максимализм, наше поколение не исключение.

А закончу я тем, чем начала.

Я бывала за границей и уверяю вас, что таких прекрасных людей, такой праздничной весны и таких обаятельных ребят и девушек больше нет нигде. Я очень хочу, чтобы все мы были счастливы в своей стране.

**АЛИСА,
Москва**

Статья «Наши за Дунаем» («Смена» № 11, 1991 г.) не могла оставить нас равнодушными к судьбе соотечественников в Румынии. Прочитав ее в поезде, мы, вернувшись в свой город с очередных гастролей, собрали книги, пластинки, новогодние сувениры и отправили в румынский город Тульчу.

Мы — участники тинейджерской кайф-группы «Оливер Твист», в прошлом воспитанники интерната. У нас есть определенная популярность среди подростков: мы записали в столице три магнитоальбома, много гастролируем, получаем десятки писем ежедневно, организовали свой фэн-клуб, газету, которая тоже называется «Оливер Твист». Получили приглашение работать от Москонцерта — все это перечисляем для того, чтобы вы могли убедиться: предложение, с которым мы вас познакомим ниже, не чистой воды блеф или заранее обреченная на неуспех попытка «взять не свой вес», а вполне реальное и посильное для нас дело.

А теперь о его сути. Мы хотели бы дать бесплатные концерты в русских селах и городах Румынии. Всю аппаратуру и подарки привезем сами, на автобусе. Да, ехать туда мы намерены отнюдь не с пустыми руками — полагаем, наши поклонники, услышав обращение помочь соотечественникам в Румынии книга-

ми, пластинками, учебниками, воспримут его как призыв к действию, а не просто в качестве «информации к размышлению». Мы разместили специальные обращения на афишах, устно призываем зрителей участвовать в акции, которую сами для себя назвали «Русские России — русским Румынии». Мы сможем изготовить майки с рекламой этой акции, обратиться в центральные средства массовой информации за поддержкой. Думаю, люди непременно откликнутся.

Конечно, кому-то эта затея может показаться несвоевременной: мол, у нас и самих в стране проблем невпроворот, а они тут ратуют за благотворительную помощь каким-то русским в Румынии, о которых мы прежде-то ни слухом ни духом... Но если начинать новое дело с оглядок на пессимистов, то уж лучше вообще ни за что не браться. О нашей акции дважды сообщали по радио России. Присоединиться к ней изъявила желание достаточно популярная московская группа «Старый примус» — ее руководитель Саша Бондарь, как выяснилось, по происхождению румын. Кому, как не ему, быть вместе с нами?

После нашего выступления по казужскому радио стали поступать письма, посылки с детскими книгами, учебниками, художественной и специальной методической литературой по русскому языку и литературе, пластинками, подарками.

Сообщаю наш адрес для писем и посылок: 248600, Калуга, ул. Ленина, 112. «Оливер Твист». На конвертах желательно делать пометку «Русские России — русским Румынии». Наш расчетный счет 467028 в ККК банке, корреспондентский счет

000161602 в РКЦ Центрального банка России в Калуге, МФО 132008.

И еще — мы написали об этом липованам — летом могли бы принять у себя в городе 10–20 детей сроком до двух недель. Естественно, все расходы берем на себя. Кстати, мы могли бы захватить их с собой в автобус, когда будем возвращаться из Румынии. А отсюда отправить поездом.

И последнее. Нам бы очень не хотелось, чтобы начатая нами акция превратилась для каких-нибудь делопутов в очередное средство собственного обогащения, чтобы на нем наживались люди, которым до судьбы липован равным счетом столько же дела, как до экологии Марса. Поэтому давайте постараемся держаться от таких «благотельей» подальше или, во всяком случае, не отдавать им на огульный откуп всю акцию.

ВЛАДИМИР МАРКИН,
Калуга

Я учительница, работала в колонии. Дневников не вела, о чем сожалею, но кое-что для себя записывала, потому что много видела и слышала, и все мои одиннадцать лет работы в зоне останутся в памяти навсегда. Поверьте, я благодарна судьбе, что она забросила меня туда, и я своими глазами увидела то, чего не видит большинство: через мое сердце прошли судьбы тысяч осужденных с навсегда покалеченной душой, с навсегда утерянной верой в добро и справедливость — убийцы и насильники, грабители и воры с малыми и большими сроками. И мне никогда не забыть, как я не могла правильно написать дату окончания срока заключенного — 2002 год (у меня писалось

192002). Насмотрелась и на штабных работников, офицеров, прапорщиков и других. Давно мучает меня мысль: а кто из них хуже? Кто кого перевоспитывает и в конце концов перевоспитает? Да, преступник есть преступник, и кара ему должна быть суровая — жизнь без воли на определенный срок. Но сколько же еще к этому прилагается! Беспредельное подавление личности, унижение человеческого достоинства, и если бы только со стороны своих же собратьев (от тюремно-лагерных законов не денешься никуда), но как же унижают, подавляют те, кто поставлен для благородной цели — перевоспитать, исправить! Я не поддерживаю тех, кто пишет об осужденных как о невинных мучениках, нет, я сама читала немало таких дел, от которых волосы шевелились. Есть среди них такие, которых уж ничем не исправить, но превращают их в бессловесных рабов, используя свое право власти, а то и в еще больших негодяев и подлецов — что разве не преступно? Наверное, только мы, учителя, видели в наших учениках не убийц и воров, а обыкновенных людей и никогда не унижали их человеческое достоинство. Не все были симпатичны, кто-то, естественно, вызывал антипатию и даже ненависть, но в классе были равны все.

Работа с осужденными — огромный труд души, и без этого труда там нечего делать. Нужно учиться специально, и в зону идут совершенно случайные люди, которые считают, что своей жестокостью и даже садизмом перевоспитают подопечных. Таких «воспитателей» я за годы своей рабо-

ты встретила предостаточно: неумных, абсолютно невежественных, жестоких, грубых. Иные никакого тона, кроме приказного, не признавали. И каково было твоему ученику стоять перед орущим штабистом, когда ты, учитель, идешь мимо! Если осужденный и не был жесток от природы, он станет жестоким. Но даже если он не будет жесток и бесчеловечен, психика его уже все равно нарушится. И уже никогда у него не очистится душа, даже если он устоял, не дал себя «опустить», хорошо работал и был на виду начальства. Но далеко не каждый может выстоять, сохранить себя. А если пытался сохранить свое человеческое достоинство, доказать начальнику свою правоту, он за это всегда жестоко расплачивался. Особенно это все проявлялось на советах воспитателей, где нагло и открыто, не стесняясь нас, начальники отрядов топили неудобного и поднимали шумного. И я была всегда на стороне «затопленных», так как видела эту вопиющую несправедливость, неоднократно возмущалась, но, к сожалению, наше мнение в расчет не принималось. Начальники отрядов чувствовали себя правыми во всем, а некоторые из них искренне недоумевали, как можно защищать этих «недоумков», этих «животных». И если с осужденными за все годы работы я почти никогда не конфликтовала, а были у нас взаимопонимание и взаимов уважение, то с теми, кто облечен погонами, властью и безнаказанностью, отношения были не самыми ровными. Некоторые инструкции, ограничения давно устарели, но рьяно выполняются служаками. Отнять, выбросить, разорвать, разбить что-

то у осужденного — основной метод «воспитания». При мне прапорщики в клочья разорвали шапки у двух осужденных — не положено такие носить, но у десятков других, шедших следом, не тронули. Много чего не положено, однако водка в зоне не переводилась никогда. Зато баян, гармонь, не говоря уж о гитаре, запретили, а потом подсчитывали, во сколько раз выросли криминальная обстановка. Нет, не надо им санатории устраивать, но стоит ли держать весь срок того, кто своим трудом, учебной, безупречным поведением доказывает, что стремится на волю, что ничего он больше противозаконного не сделает? Таких немного, но они есть. Однако и те, кто «пашет» не за страх, а за совесть, и те, кто в отрицательке верховодит, сидят одинаково. И падает постепенно моральный дух у осужденного, и вот он уже на работе халтурит, в школу ходить перестает, в бузотера превращается. А зачем вкалывать? Зачем хорошо учиться? Смысла нет...

Я твердо уверена: пока в зоне основным методом воспитания будет жестокость, ничего там не изменится — будет она по-прежнему обществом преступников.

В. Г. КАЙДА.
Пермь

Я много думаю о своей жизни, о жизни вообще и о том, как мы сейчас живем. Странно очень: как будто все кругом живое — и не живое.

У меня жизнь горькая — землетрясение 88-го года унесло родных — и с каждым днем становится все мрачнее. Правда, в трудную минуту на помощь приходит мой самый большой и верный друг — природа.

Меня радует солнце, становится теплее на душе, когда я слышу пение птиц, вижу зеленые деревья, перламутровые облака, небо, небо... Небо — моя стихия. Я часто во сне лечу, как птица, смотрю на мир с высоты — так он гораздо красивее. Говорят, красота спасет мир. Надеюсь, жду.

Думаю о том, как бы я могла полюбить кого-то, страдать, радоваться. Но пока не могу. Я еще не нашла свою судьбу, своего героя из сказки, да и не пытаюсь найти, зная, что его не существует. Я не верю в искренность чувств. Но душа хочет любить, и я умею мечтать, люблю платонической любовью своего будущего избранника.

Мне часто кажется, что это сон, и я боюсь проснуться, потому что там, во сне, гораздо счастливее жить, там нет зла!

Нечистую силу можно победить только добротой — это мне мама говорила, и я поклялась всегда делать людям добро: даже если человек проклинает меня, все равно я буду относиться к нему с любовью. Я испытала это много раз, но уже устала. Нет сил сопротивляться — не могу найти во мраке свечу, которая осветила бы мою дорогу. Но так устроен человек — все переносит, терпит и надеется. Да, надежда дает силу, вынуждает жить и ждать завтрашнего дня. Жду и я...

АСЯ МЕЛИКСЕЯН,
Ленинакан, Армения

Петербург в катастрофическом положении — разрушаются исторические памятники и величественные здания, а паломничество зарубежных туристов в наш город не ослабевает. Их приводит в восхищение Эр-

митаж, поражающий роскошью и великолепиям убранством, собранием творений гениев. Со Стрелки Васильевского острова они восторгаются открывающимся видом, поражаются молчаливой угрюмости Казанского собора и величественной панорамой города с высоты Исаакия. Вероятно, я несколько преувеличиваю, и иностранцы совсем не мимоходом взглянут на безобразных нищих в переходах, метро и обратят гораздо больше внимания на уличную грязь, помойки, обшарпанные заборы. Но ведь что-то тянет их к нам, заставляя, преодолевая назойливое приставание фарцовщиков и «девочек», не единожды возвращаться и опять бросать центы, песеты, шиллинги и пенсы на дно Невы. А мы привыкли и видим у Исаакия лишь облупившиеся стены, в Петропавловке — неутоженность, окурки и стаканчики из-под мороженого. Неужели лишь иностранцы способны до конца почувствовать всю красоту творений великих зодчих? Петербург прекрасен и жарким летом, и в заснеженный февральский вечер, и освещенный лучами только что проснувшегося весеннего солнышка, и дождливым октябрьским днем. А сколько чудес может совершить первый луч весеннего солнца, потянувшийся к Спасу на Крови, на котором вмиг загорелись, переливаясь, позолоченные купола, или лениво дотронувшийся до шпиля Адмиралтейства, на котором крошечный кораблик выныривает из белоснежных облаков, окунаясь в лазурное небо...

Хотелось мне написать письмо, пропитанное злым сарказмом, показать весь ужас происходящего в нашей жизни, нищету и разрушение, обшарпан-

ность памятников и безразличие властей. Но что-то не получается, слишком сильно хочется видеть в городе лишь светлое, хорошее, доброе. Мы возродим город назло всем — обывателям, равнодушному правительству, сатане, наконец! Если вы, взрослые, не хотите этого понять, то мы, молодые, приложим все силы, и наш город еще будет называться великим и красивейшим, а люди, живущие в нем, будут с гордостью произносить: «Мы — петербуржцы!»

**КАТЯ СИЛКИНА,
18 лет**

С тех пор, как в № 2—3 за этот год было опубликовано мое письмо, я получила более тысячи писем от заключенных. Я тогда пообещала оказать посильную помощь людям оступившимся. Писать о каких-то больших результатах не могу — их просто нет. Все благие намерения, которыми была переполнена моя душа, так и остались в основном нереализованными. Сначала, когда писем было немного, я вела довольно интенсивную переписку, но, как только обрушилась лавина писем, сразу возникло множество сложностей. Одна я просто не успевала отвечать. Потом подключилась одна очень хорошая девочка и с ней ее знакомые баптистки, врач-психотерапевт. Вот и все. Так что ответили мы пока не на все письма. Причем я вынуждена была часто ограничиваться коротеньким ответом. К тому же надо учесть, что в этом году мы буквально обнищали, и если раньше я могла купить книги, иконки, то сейчас не могу купить даже конвертов. Неделями питаюсь хлебом да чаем. Это я к тому,

чтобы честно признать: не могла реально ни единому человеку. Были письма с просьбами выслать кое-что из одежды или еды, сигареты (правда, таких немного), но я никому ничего не выслала. Вот какой позор на мою голову! Много вопросов о пересмотре дел. Я имела связь с группой юристов-добровольцев, занимавшихся этими делами, так сказать, в частном порядке, но, когда распался Верховный Совет СССР и прочие структуры, все заглохло. Заключенные молят меня нанять адвокатов, изыскать средства на оплату их труда, но где взять деньги?!

Я пою в церковном хоре и попыталась узнать, есть ли благотворительные фонды при Патриархии: выяснилось, что нет. К тому же настоятель храма, где я пою, не проявил никакого желания помочь. Только совсем недавно я нашла на след общества «Радонеж» и группы священнослужителей, помогающих заключенным. Конечно, постараюсь сотрудничать с ними. У девочек-баптисток, по моему, результаты значительно лучше. Они по крайней мере имеют возможность высылать литературу и даже продукты. А я религиозную литературу выслала, сколько могла, из своей личной библиотеки.

Единственное, что я сейчас делаю, — пишу заключенным слова утешения, высылаю крестики заказными письмами, подаю в храм записки о них и их родных, публикую объявления о знакомстве в газетах. Правда, и на переписку времени не хватает: работаю в трех местах, учусь в музыкальном училище, у меня дети, а объять необъятное невозможно, хотя и очень хочется. Не подумайте, что

я отрецивляюсь от взятого на себя труда. Я всей душой хочу помочь несчастным.

Перечитав, повторяю, более тысячи писем, узнав столько чудовищных покалеченных судеб, могу сказать вот что: я была абсолютно права, полагая, что подавляющее большинство томлящихся за решеткой вовсе не злодеи. Это нормальные, но очень несчастные люди. Кстати, хочу упрекнуть редакцию за то, что неточно была сформулирована моя мысль о том, что я испытываю ненависть к убийцам и насильникам. Я ненавижу не тех, кто по пьянке или, превышая меры самообороны, убил человека, я не прощаю именно садистов, которые намеренно убивают, испытывая при этом удовольствие. Мои корреспонденты частенько возмутились этой формулировкой, и я перед ними оправдывалась.

Думаю, что проблемы заключенных у нас столь громадные и многообразные, что их надо решать на государственном уровне, и немедленно. Миллионы наших сограждан побывали за решеткой. Многие по два-три, а то и по пять — семь раз! И почти все приходят к выводу: кто попал в зону однажды, непременно вернется туда. Государство должно в корне изменить эту страшную систему.

Прошу не обижаться на меня тех, кто еще не получил ответа. Я постараюсь привлечь к переписке как можно больше людей сострадающих.

ИРИНА КУЗНЕЦОВА,
Москва

ЛЕКАРСТВО- ВАШИ ПАЛЬЦЫ

ХАНС ЗВАЛЬД,
доктор медицины

В наш век постоянных стрессов, болезней и непредсказуемых травм лечение при помощи лекарств стало для многих людей просто не по карману — либерализация цен коснулась и медикаментов: стоимость многих из них выросла в 4—6 раз.

Посетив несколько раз за эту зиму московские аптеки и самолично убедившись, сколь разорительно стало медикаментозное лечение, мы вспомнили о рукописи известного немецкого профессора Ханса Звальда, посвященной древнему китайскому методу самолечения — акупрессуре — надавливанию пальцами. Зная, сколь сложным сегодня бывает для некоторых обращение к врачам, мы решили опубликовать эту рукопись — пусть акупрессура станет доступной всем постоянным читателям «Смены».

Акупрессура — надавливание пальцами

Триумфальное шествие акупунктуры (иглоукалывание) — китайского метода лечения с помощью золотых игл — незабываемо. Миллионами людей этот старый метод обезболивания, болеутоления применяется уже пять тысяч лет.

Там же, в Китае, зародился и новый метод лечения — акупрессура.

Акупрессура лечит посредством нажатия пальцами

Акупрессура является дальнейшим развитием акупунктуры. Она использует те же точки (и меридианы), в которые вводятся иглы при акупунктуре, однако акупрессура отвергает применение металла при лечении. Вместо игл

используются большой и указательный пальцы рук. Эффект одинаков. Нажатие пальцами на правильные точки освобождает от многих недугов и расстройств.

Акупрессура не только утоляет боль, но и сокращает время болезни, устраняет нарушения функциональной деятельности органов, ликвидирует органические последствия неврозов (тревоги, беспокойства, боязни) и напряжения (стрессового состояния).

Акупрессура — надавливание пальцами — снимает и лечит те болезни, которые вызваны недостаточностью нервной системы, а это в наше лихорадочное время каждая вторая болезнь.

Но прежде всего акупрессура является надежным, безопасным и действенным средством против боли без какого-либо побочного действия.

Успешные результаты применения акупрессуры порой граничат с чудесами, и это неудивительно, поскольку она основывается на тысячелетнем опыте акупунктуры — искусства иглоукалывания. Риск, возможный при иглоукалывании, здесь исключается. Акупрессура не причиняет боли, не вызывает кровотечения и исключает внесение в организм инфекций при надавливании пальцами.

Акупрессура проста, надежна и безболезненна

Вследствие своих неоспоримых преимуществ акупрессура — еще недавно в значительной степени неизвестный метод лечения — начала свое победоносное шествие по земному шару.

Китайские специалисты-эксперты акупрессуры между тем передали свои, основанные на многолетних опытах, знания американским и европейским врачам с пожеланием, чтобы данный способ лечения как метод «натуральной» народной медицины стал доступен всем, в том числе и неспециалистам в области медицины. Эту же цель преследует и настоящая статья.

Акупрессура как метод самолечения

В отличие от Европы, где право использования акупрессуры дано лишь специалистам-медикам, в Китае разрешено даже детям самостоятельно заниматься акупрессурой.

Что хорошо действует и помогает в Китае, в той же степени будет помогать и европейцам. Строение тела и нервной системы у китайцев в конце концов не отличается от строения тела и нервной системы у немцев, швейцарцев или русских.

В период длительной истории своего развития акупрессура претерпела некоторые преобразования. Остался лишь основной принцип метода, не изменяющийся уже около пяти тысяч лет. Развитие системы точек (путем выявления новых, определенных точек) и основных линий (меридианов) ускоряет ход лечения и выздоровления.

Каждый, кто будет выполнять легко запоминающиеся правила акупрессуры, сможет помочь сам себе.

Знания важнейших точек на теле и лечебные показания — это то, что должен знать больной.

Однако акупрессура не отвергает врачей и их испытанные методы лечения. Метод акупрессуры не помогает, так же как и метод акупунктуры, против рака и других тяжелых заболеваний организма.

И сегодня еще не совсем понятно и ясно, как действуют акупунктура

и акупрессура. Сами китайские ученые, которые занимаются изучением механизма влияния обоих методов лечения в специально созданных научно-исследовательских институтах, говорят: «Мы не знаем, почему акупрессура действует. Мы знаем только, что она действует и действенна». В этом-то все и дело».

Между тем специалистам-экспертам известно более 1030 точек — мест акупунктуры на теле человека, но и открытие специальных, новых точек до сих пор еще не завершено.

Наряду с основными линиями (меридианами) и давно известными, испытанными точками постоянно открываются новые, «специальные» точки, которые оказывают (при воздействии на них) положительный эффект при определенных расстройствах и нарушениях функциональной деятельности органов человека. Сюда можно отнести открытие новых «наркозных» точек, локализуемых воздействием на ушную раковину.

Никто, даже опытнейшие и знаменитые специалисты, не может одинаково хорошо знать все точки акупрессуры. Для неспециалистов, кто непродолжительное время занимается данным методом лечения, необходимо решить, и каждый должен это сделать, будет ли все-таки достаточным использование лишь важнейших точек, ведь не кто иной, как тот, кто хочет сам себе помочь, нуждается в знании всех точек.

Какие имеются виды точек

Места расположения точек акупунктуры и акупрессуры известны точно. Они расположены на 14 линиях (меридианах), которые давно уже исследованы. Эти меридианы имеют определенные наименования, как, например, «Большой сердечный» («Мастер сердца»), «Трехстепенной обогреватель» или «Меридиан-гувернер», и при этом всегда указываются три вида точек.

«Гармонизирующие точки» — лежат в начале и в конце линии (меридиана). При воздействии на них методом акупрессуры наблюдаются гармоничные отзвуки этого воздействия во всех органах, относящихся к данному меридиану.

— «Возбуждающая точка» — на каждой линии (меридиане) существует лишь одна такая точка. Ее акупрессура активизирует реакцию и работоспособность относящихся к данному меридиану органов.

— «Успокаивающая точка» — также существует лишь одна на каждой линии (меридиане). Подавляет, успокаивает, снимает нервное состояние. Ощущения при ее акупрессуре наиболее приятны.

Облегчение приносит усиленная акупрессура так называемых «сигнальных (тревожных) точек», которые китайцы называют «Му-точки». Каждый основной орган имеет свою сигнальную точку. Правильная, по всем правилам проведенная акупрессура этой точки способствует немедленному улучшению состояния человека (снижению недомогания) и в особенности уменьшению боли (болевого синдрома).

Наконец, в последние годы был открыт целый ряд так называемых «специальных точек», относящихся к строго определенным недугам (заболеваниям).

Лечебные показания акупрессуры

Кто хочет сам себе помочь, тому не обязательно знать и использовать всю систему меридианов и точек акупрессуры.

В настоящей статье совершенно сознательно не приводятся для использования пациентами все производные точки. Для достижения эффективности лечения достаточно знать, какая точка где расположена и продолжительность воздействия на нее. Акупрессура помогает в борьбе против «основных заболеваний современности». К ним не относятся больше такие заболевания, как оспа, чума, холера, инфекция которых почти побеждена. В настоящее время человек страдает от перевозбуждения, перенапряжения и стресса. Следствием того являются: истощение организма, подавленное состояние, сердечная недостаточность и недостаточность кровообращения, импотенция и холодность. Ошибочное возмущение бессознательных (вегетативных) нервов может, однако, привести к полнейшему изменению функционирования органов, то есть к инфаркту миокарда, атеросклерозу или язве желудка и т.д. Кроме того, сюда же относятся и более простые, но часто мучительные расстройства сна, головная и зубная боль.

Акупрессура является оружием, с помощью которого человечество защищается от всякого рода стрессов. Акупрессура восстанавливает равновесие нервной системы. Восстанавливается как бы природный баланс между напряжением и разрядкой, между работой и отдыхом, органы человека благодарны и восприимчивы к этому.

Какая точка к какому заболеванию относится

Каждая система органов человеческого организма имеет прочную связь с определенными точками акупрессуры. Такими же прочными являются и связи с нежелательными функциональными расстройствами организма (например, высоким кровяным давлением, одышкой или гриппозным состоянием).

На следующих страницах показаны изображения важнейших точек акупрессуры, влияние на которые, в зависимости от обстоятельств, способствует излечиванию часто встречающихся заболеваний.

Это может быть и «успокаивающая точка» (при расстройствах сна), и «возбуждающая точка» (при низком кровяном давлении), и «гармонизирующая точка» (при тревожном состоянии или общем неврозе), и «сигнальная точка» (при коликах) или «специальная точка» (при импотенции).

Как правильно найти точку акупрессуры?

Приведенные здесь фотографические изображения показывают точные места расположения точек только в том случае, когда анатомические сведения содержат лишь основные (общие) данные. Почти всегда бывает так, что искомая точка акупрессуры реагирует на сильное нажатие резким (четким) болевым сигналом (импульсом), выделяет ее на искомом участке тела.

Ввиду индивидуальности телосложения на практике точки акупрессуры не у каждого пациента расположены в точно указанном на схеме месте.

Отклонения места расположения точек могут быть в пределах одного сантиметра. Отклонения могут быть в различных вариантах, поэтому на иллюстрациях пунктиром обозначена величина этого отклонения, отражающая индивидуальные особенности.

Как воздействовать на точки акупрессуры?

Китайцы определяют степени воздействия на лечебные точки таким образом:

— При острых болях и при первичном лечении показано применение легкого кругового массажа точки, который производится кончиком указательного пальца. Продолжительность массажа — от одной до пяти минут.

— При хронических заболеваниях, в зависимости от общего состояния пациента, лучше и надежнее применять точечный массаж средней силы. Рекомендуется многократный массаж в течение дня. Продолжительность акупрессуры до тридцати секунд (в зависимости от обстоятельств).

— Сильная прессура производится главным образом с помощью большого пальца руки, однако в частных случаях возможны и другие варианты.

Когда искомая точка найдена на теле, кончиком указательного или большого пальца слегка прикасаются к кожному покрову, затем начинают производить круговые движения пальцем, сдвигающие кожу относительно костевой или мышечной ткани в ритме два оборота в секунду.

При этом следует обращать внимание на то, чтобы палец постоянно оставался на одной (необходимой) точке тела.

При симметричном воздействии на точки акупрессуры следует быть особо внимательным.

Когда не следует (противопоказано) применять акупрессуру

Это может быть лишь редкий случай. Акупрессура в своей элементарно упрощенной форме не может заменить необходимого медицинского лечения (например, операции аппендицита или гнойного аппендицита). Не может она применяться и как болеутоляющее дополнительное лечение, а также при оказании первой медицинской помощи.

Противопоказана акупрессура при:

— тяжелых, органических заболеваниях сердца и системы кровообращения;

— в период беременности;

— при сильном переутомлении.

При внезапном изменении здоровья пациента, его самочувствия акупрессуру следует сразу прекратить. Однако такие нежелательные побочные явления в практике встречаются крайне редко.

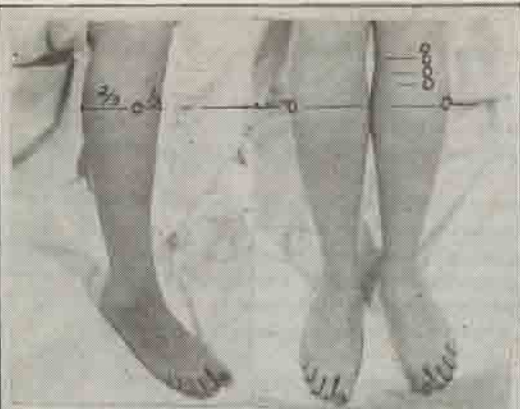
Делайте акупрессуру правильно!

Сядьте или ложитесь на спину. Расслабьтесь. Следите за тем, чтобы отсутствовали какие-либо раздражители (разговоры родных, телефонные и другие звонки и т.п.). На время отвлекитесь от всего. Кончик указательного пальца положите на необходимую точку тела (искомую точку акупрессуры). Легко надавив на кожу, начинайте одновременно производить круговые движения пальцем, следите за пальцем, чтобы он при движении не сходил с данной точки тела.

Продолжительность акупрессуры от полминуты до пяти минут.

Действие всегда наступает быстро и ощущается долгое время.

АКУПРЕССУРУ МОЖНО МНОГОКРАТНО ПОВТОРЯТЬ В ТЕЧЕНИЕ ДНЯ!

СПИРАЛЬ

(подавленное состояние),
общий невроз

Наименование:

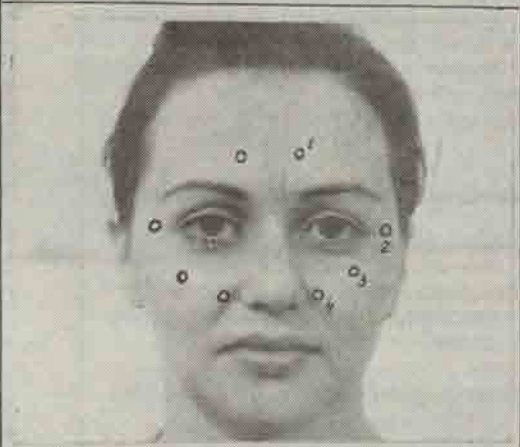
-Божественная точка равнодушия-

Свойства:

гармонизирующая точка

Воздействие:

проводится в сидячем состоянии указательными пальцами обеих рук синхронно. Акупрессура легкая до пяти минут.

НАСМОРК

Наименование точек:

1 — «ХИ — ШИ» — гармонизирующая

2 — «КУ — САН» — возбуждающая

3 — «ФУ — САН» — успокаивающая

4 — «НИ — ШИ» — специальная

Все точки симметричные

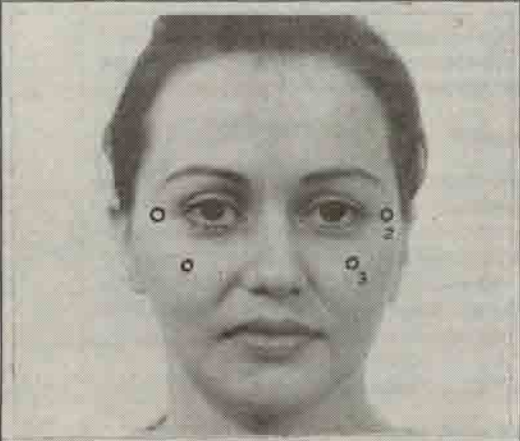
Воздействие:

акупрессура проводится в легкой форме кончиками указательных пальцев обеих рук синхронно с двух сторон. Акупрессура каждой пары точек длится одну минуту.

Последовательность проведения:

1—2—3—4.

Акупрессура помогает также как предупреждающее, профилактическое средство.

ГРИМ

Наименование точек:

2 — «КУ — САН»

3 — «ФУ — САН (ЛИ)»

Свойства:

2 — возбуждающая,

3 — успокаивающая

Воздействие:

акупрессура проводится в легкой форме кончиками указательных пальцев рук синхронно с двух сторон, массируют в течение одной минуты.

ЛЕТОЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

Используется также при женских расстройствах (вагинизм, спазмы влагалища)

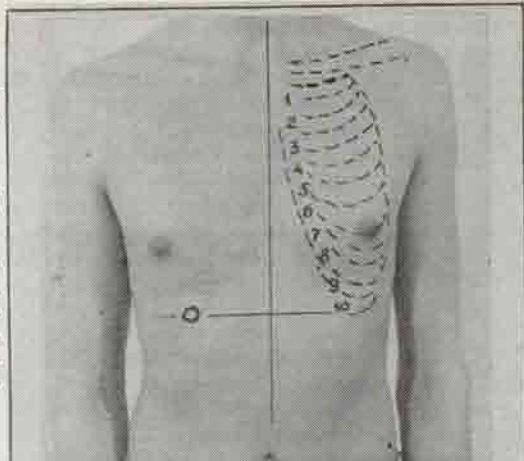
Применение точки -ТУ - ЛИ-

Свойства:

возбуждающая (симметричная) точка

Воздействие:

легкая акупрессура большими пальцами обеих рук. Акупрессура кратковременная, но многократная. При женских расстройствах продолжительность акупрессуры произвольная. Обязательно состояние покоя.

РАССТРОЙСТВА В ПЕРИОД МЕНСТРУАЦИИ

Наименование точки:

-Концепционная точка-

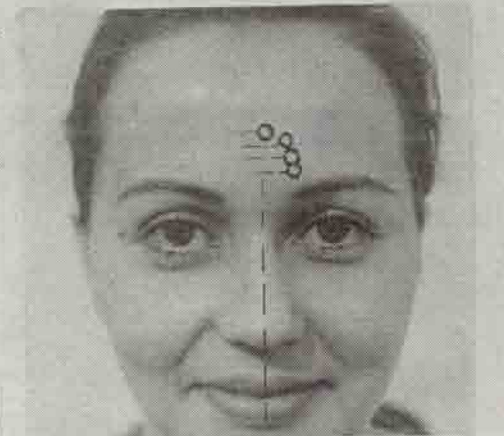
Свойства:

гармонизирующая точка

Воздействие:

легкая акупрессура, многократно повторяемая в течение «критических дней»

Продолжительность акупрессуры: до наступления улучшения состояния.

РАССТРОЙСТВО СНА

Наименование точки:

-ХА - У - САН-

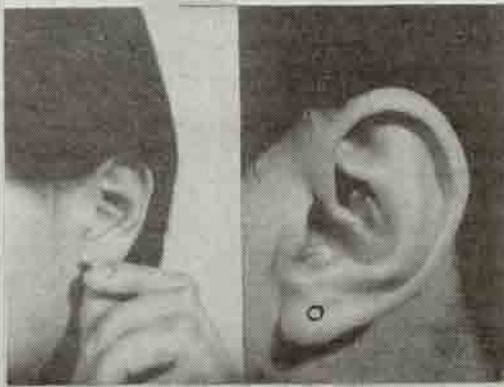
Свойства:

специальная (гармонизирующая) точка

Воздействие:

легкая акупрессура указательным пальцем в состоянии полного покоя.

Действие эффективнее (быстрее) с правой стороны, чем с левой.

**ВОЗРАСТНЫЕ
РАСТРОЙСТВА**
(переходный возраст)

Наименование точки:

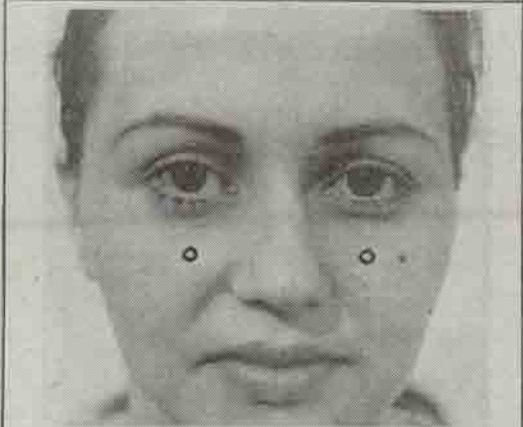
«ТА — НЕЙЛЬ» или
«ЙЕН — МАЙ»

Свойства:

гармонизирующая точка

Воздействие:

проводится легкая акупрессура кончиком указательного пальца по возможности по утрам, с соблюдением режима полного покоя.

**КАТАР ВЕРХНИХ
ДЫХАТЕЛЬНЫХ ПУТЕЙ**

Наименование:

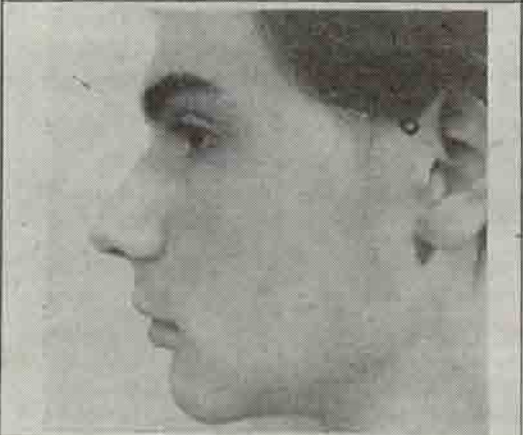
«СИ — БАЙ»

Свойства:

специальная (симметричная)
точка

Воздействие:

сесть спокойно, глаза закрыты. Акупрессура проводится с умеренным усилием указательными пальцами обеих рук (большие пальцы подпирают подбородок). Продолжительность акупрессуры — 64 круговых движения (8 раз по 8 круговых движений).

УШНАЯ БОЛЬ

Наименование точки:

«ЮНЬ — ЮА»

Свойства:

гармонизирующая точка

Воздействие:

легкая акупрессура. Проводится указательным пальцем. Действенна лишь в области пораженного уха.

Продолжительность:

до наступления улучшения.

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ (боли лобной части)

Наименование точки:

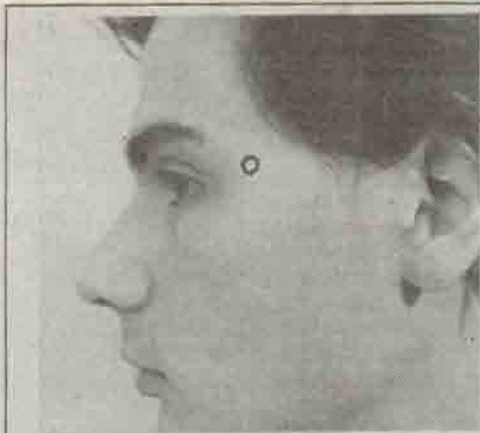
«ХСИ — САН»

Свойства:

успокаивающая (симметричная)
точка

Воздействие:

легкая акупрессура, обязательно синхронная с двух сторон, с помощью больших пальцев. Во время акупрессуры глаза должны быть закрыты.

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ (мигрень)

Наименование точки:

«ХО — ГУ»

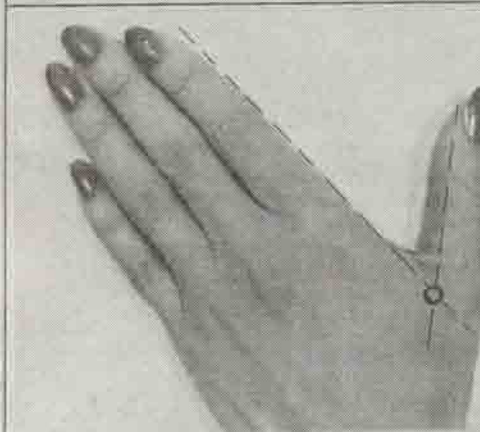
Свойства:

успокаивающая точка

Воздействие:

зажав точку между указательным и большим пальцами массирующей руки, проводят легкую, ритмичную акупрессуру (с помощью указательного пальца).

Продолжительность акупрессуры: до пяти минут.

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ (боли затылочной части)

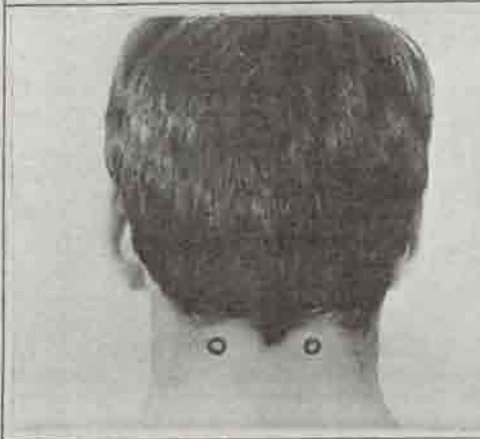
Наименование точки:

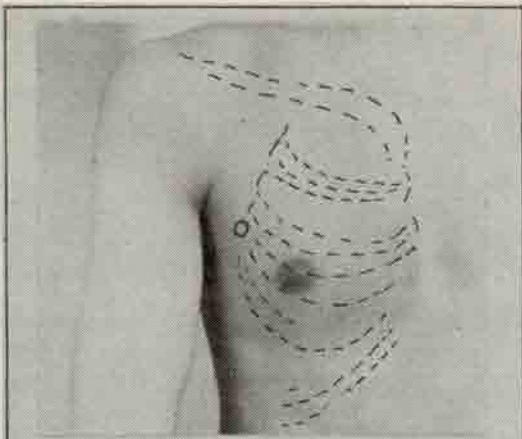
«ФЕН — ХИ»

Свойства:

специальная (симметричная
точка)

Воздействие: ритмичная и синхронная, обеими руками, сильная акупрессура. Акупрессура может проводиться как указательным, так и большим пальцами рук.

ГИПЕРТОНИЯ

(повышенное кровяное давление)

Наименование точки:

-ЮАНЬ — СИ-

Свойства:

гармонизирующая точка

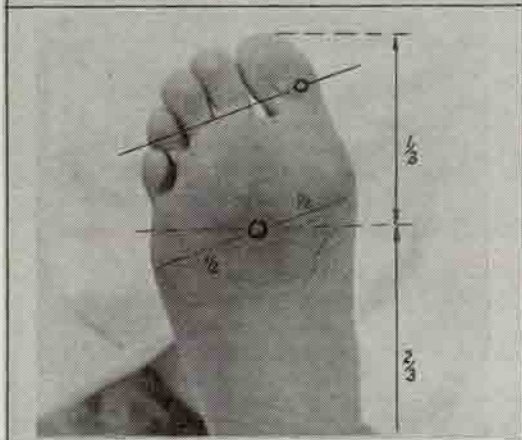
Воздействие:

легкая акупрессура с помощью указательного пальца.

Продолжительность

акупрессуры:

до пяти минут. Обязательный покой. При длительном применении следует делать недельный перерыв.

ДИСТОНИЯ

Наименование точки:

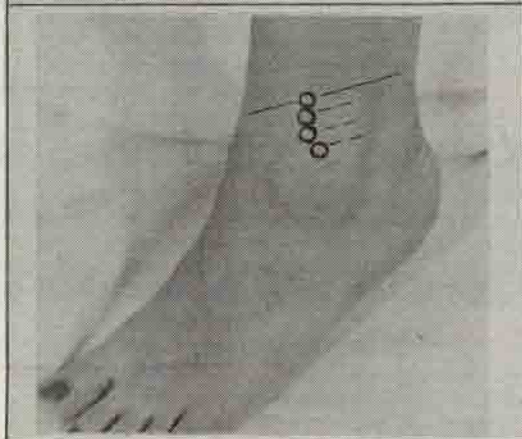
-ХА — АУ — ХА-

Свойства:

специальная точка

Воздействие:

обхватив рукой ступню, проводят акупрессуру большим пальцем со средним усилием. Акупрессуру следует проводить утром или вечером с длительными интервалами. Благоприятное действие оказывает проведение дополнительной акупрессуры как при «ЖАЖДЕ» — легкое покусывание передними зубами (резцами) кончика языка в ритме 20 секунд.

УСТАЛОСТЬ НОГ

(переемление после бега или длительной ходьбы)

Наименование точки:

-ПИ — ИН — САН-

Свойства:

возбуждающая точка

Воздействие:

акупрессура проводится со средним усилием с помощью указательного пальца, не обхватывая при этом голень массируемой ноги (уставшей ноги). При необходимости акупрессура повторяется.

НАРУШЕНИЕ КРОВООБРАЩЕНИЯ

(закупорка сосудов, слабый проток и т. д.)

Наименование точки:

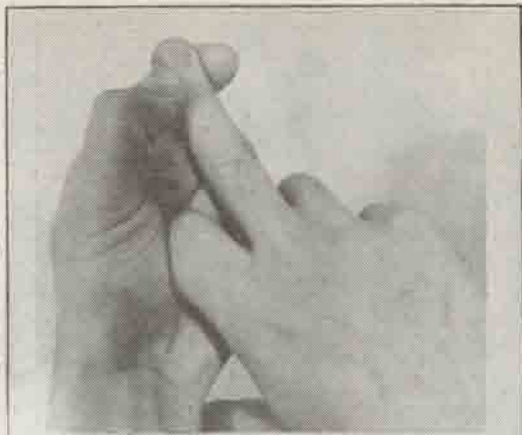
-ЭЛЬ — МЮ-

Свойства:

возбуждающая точка

Воздействие:

зажать средний палец одной руки между указательным и большим пальцами другой. Акупрессура проводится нажатием со средним усилием ногтем большого пальца в ритме биения сердца. Акупрессура проводится попеременно на обеих руках через минуту, меняя средние пальцы рук.

ИНТЕНСИВНОЕ КРОВООБРАЩЕНИЕ

применяется также при пониженном кровяном давлении (гипотонии)

Наименование точки:

-БУ — ТЕ-

Свойства:

возбуждающая точка

Воздействие:

интенсивная (до боли), но кратковременная акупрессура ногтем большого пальца мизинца противоположной руки. При пониженном давлении рекомендуется проводить акупрессуру по утрам в постели.

Состояние покоя обязательно.

ОСТРАЯ БОЛЬ

(зубная боль)

Наименование точки:

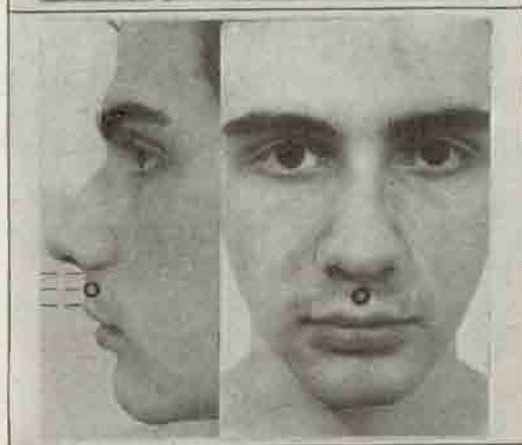
-ХО — БА-

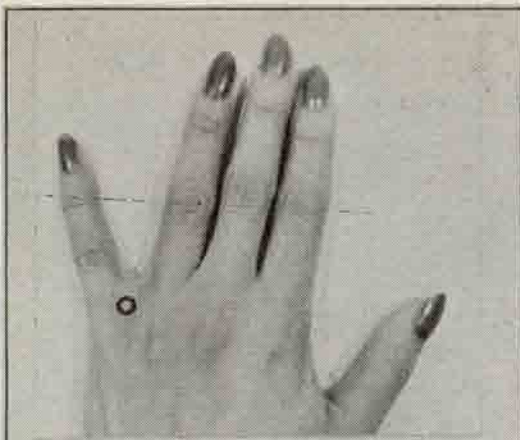
Свойства:

специальная точка

Воздействие:

сильная интенсивная акупрессура в ритме 10 секунд с помощью указательного пальца (ногтем указательного пальца).

БОЛИ РЕВМАТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Наименование точки:

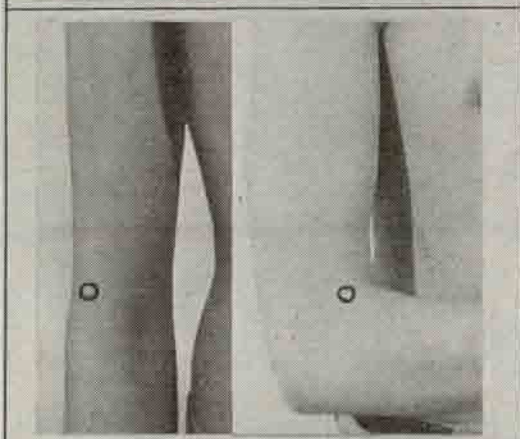
«Трехстепенной обогреватель»

Свойства:

успокаивающая точка

Воздействие:

легкая, но продолжительная акупрессура (до семи минут), с помощью указательного пальца. Акупрессура проводится попеременно на обеих руках. При хронических болях точка акупрессуры выбирается с больной стороны тела.

БОЛИ В СУСТАВАХ

Наименование точки:

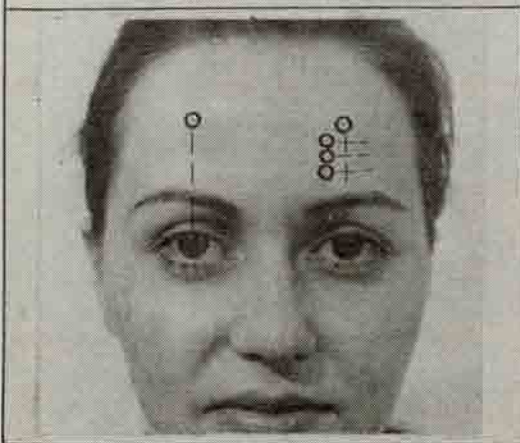
«ЮИнь — ХАЙ»

Свойства:

гармонизирующая точка

Воздействие:

акупрессура проводится указательным пальцем. При острых болях — только легкая акупрессура. При хронических заболеваниях — сильная, интенсивная акупрессура. Продолжительность — до наступления улучшения состояния.

БОЛИ ЖЕЛЧНОГО ПУЗЫРЯ (колики)

Наименование точки:

«ХУ — САН»

Свойства:

успокаивающая точка

Воздействие:

легкая акупрессура указательными пальцами обеих рук одновременно.

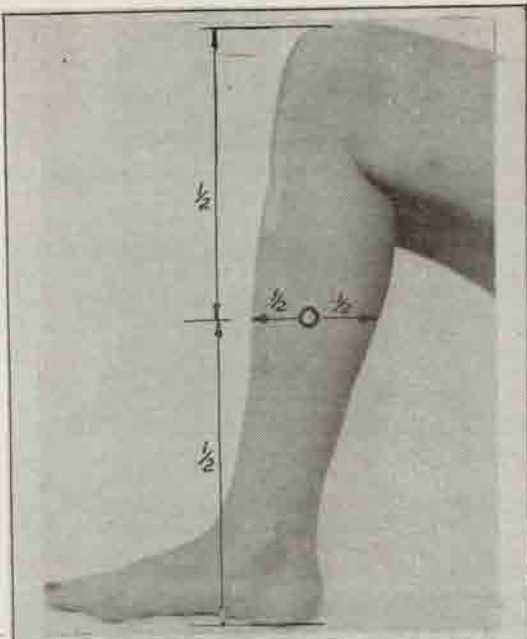
Продолжительность — до наступления улучшения состояния. Эффективно применение в качестве предупредительного средства.

ПОЛОВЫЕ РАСТРОЙСТВА (слабые эрекции) МУЖЧИНЫ

Наименование точки:
«ЛО — СИ — МУИ»

Свойства:
специальная точка

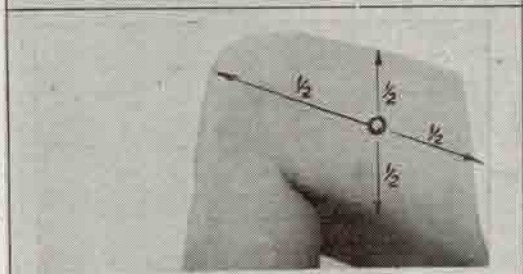
Воздействие:
легкая акупрессура указательным пальцем.
Желательно проведение акупрессуры партнером. Следует строго соблюдать требования покоя.

ПОЛОВЫЕ РАСТРОЙСТВА (импотенция мужчины, фригидность женщины)

Наименование точки:
«ЧЛИ — БЕ»

Воздействие:
проводится чередованием легкой и сильной (интенсивной) акупрессуры указательным пальцем. Желательно проведение акупрессуры партнером. Состояние покоя необходимо.

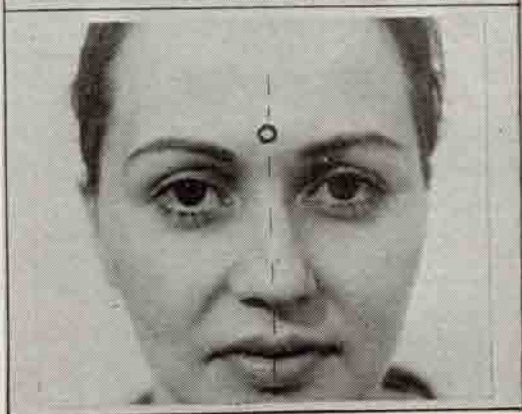

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Наименование точки:
«ЦЕНЬ — ЦЕЛЬ»

Свойства:
гармонизирующая точка

Воздействие:
сильная, интенсивная, но кратковременная акупрессура с помощью указательного пальца. При необходимости следует комбинировать с акупрессурой «ВУ — ТЕ» (при гипотонии), проводимой с помощью ногтя большого пальца интенсивным нажимом области ногтевого ложа мизинца противоположной руки.

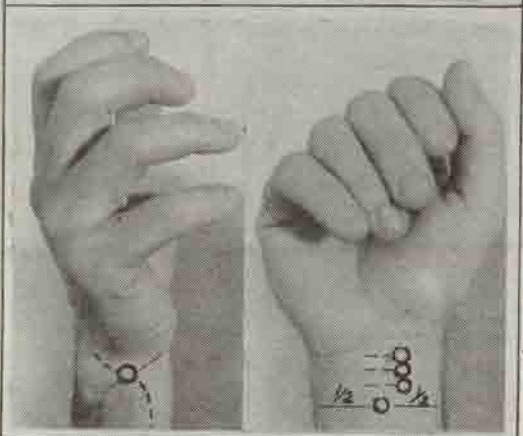
ПОМЛИВОСТЬ

Наименование точки:
«БРУ — МАЙ»

Свойства:
специальная точка

Воздействие:
легкая акупрессура с помощью указательного пальца.

Продолжительность — до трех минут. Действие оказывается быстро при акупрессуре с правой стороны, действие с левой стороны значительно дольше.

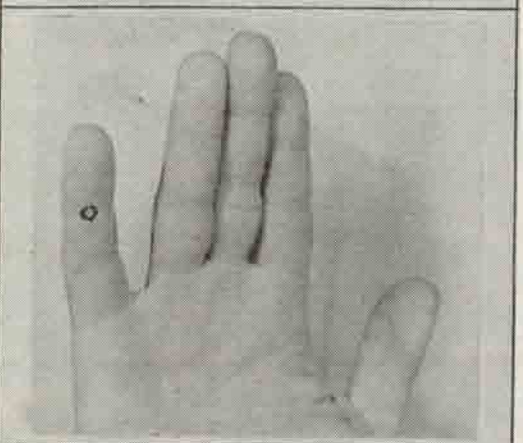

БОЛИ СЕРДЦА

Наименование точки:
«ХА — ТИ» — «ХА — ФУ — (ЛИ)»

Свойства:
успокаивающая точка

Воздействие:
акупрессура проводится большим пальцем, зажав слегка кисть указательным и большим пальцами массирующей руки. Акупрессура легкая, лучше всего в лежачем положении. Полный покой.

УСТАЛОСТЬ

Наименование точки:
«НЬЯ — САН»

Свойства:
возбуждающая (специальная) точка

Воздействие:
зажав мизинец правой руки между указательным и большим пальцами левой руки, кончиком большого пальца проводится, по возможности, сильная (допустимо сильная) акупрессура. Рекомендуется повторение.

ПОЯСНИЧНО-КРЕСТЦОВЫЙ РАДИКУЛИТ

Наименование точки:

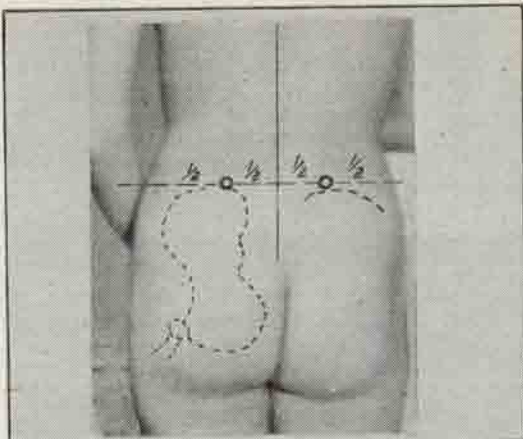
«ХА — ТЕ»

Свойства:

специальная точка

Воздействие:

проводится сильная акупрессура с помощью больших пальцев одновременно с двух сторон. Продолжительность до трех минут.

ШЕЙНЫЙ РАДИКУЛИТ

(прострел)

Наименование точки:

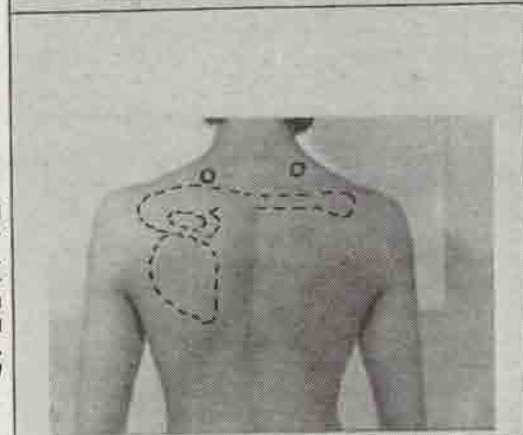
«ФАН — ЮАНЬ»

Свойства:

гармонизирующая точка

Воздействие:

положить указательные пальцы рук на точки, а большими пальцами зажать тело в этом месте. Акупрессура проводится указательными пальцами синхронно с обеих сторон. Вначале легкая акупрессура, затем усиливая. При необходимости акупрессуру повторить.

АСТМА

(одышка, кашель, отвыкание от курения)

Наименование точки:

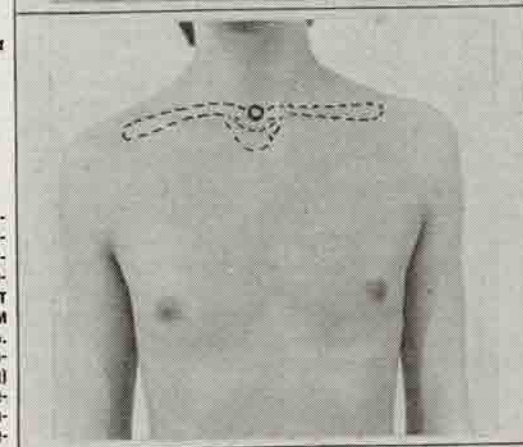
«ХАБА — ЭКС»

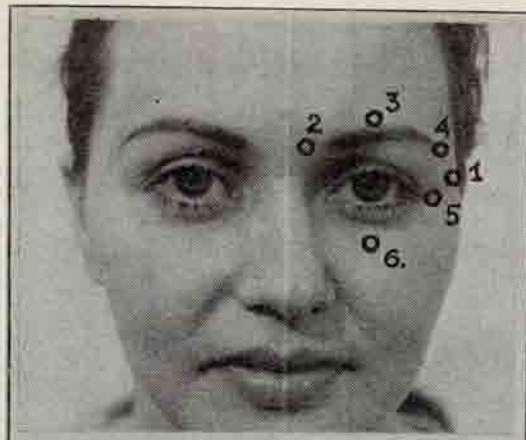
Свойства:

специальная точка

Воздействие:

акупрессура проводится указательным пальцем в легкой форме. Продолжительность — до одной минуты. Прессуру можно повторить в любое время. В случае отвыкания от курения акупрессура проводится при возникновении желания курить. В данном случае проводится кратковременная, но интенсивная (до боли) акупрессура. Желательно проведение также терапии как при гипотонии (пониженном кровяном давлении).

БОЛЕЗНИ ГЛАЗ

(рябь в глазах, дрожание век, боль глаз)

Наименование точки:

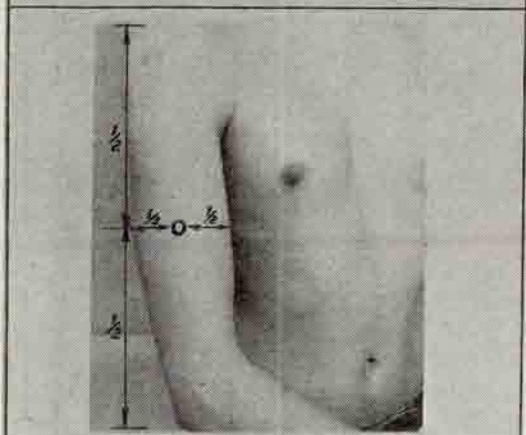
«ТАЙ — ЮАНЬ»

Свойства:

успокаивающая точка

Воздействие:

легкая акупрессура глазной впадины в последовательности, обозначенной цифрами. Во время акупрессуры глаза закрыты.

ПРИТУПЛЕНИЕ АППЕТИТА

Наименование точки:

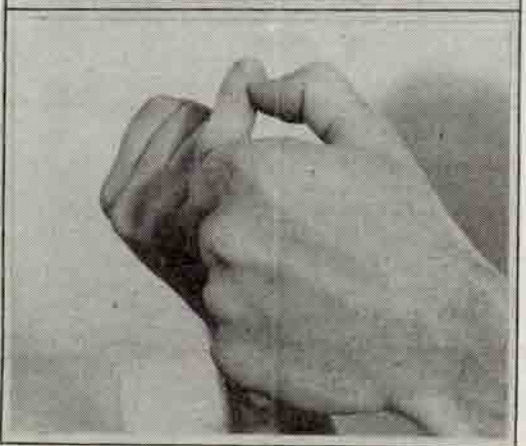
«Ю — ПЕ»

Свойства:

успокаивающая точка

Воздействие:

прессура применяется в виде легкого массажа при возникновении аппетита. Продолжительность — 30 секунд. Акупрессура проводится попеременно на обеих руках. Воздействие на точку притупляет аппетит и регулирует (стабилизирует) обмен веществ.

ВОЗБУЖДЕНИЕ АППЕТИТА

Наименование точки:

«АН — МИНЬ»

Свойства:

возбуждающая точка — стимулирует аппетит и обмен веществ.

Воздействие:

прессура, в зависимости от обстоятельств, применяется неоднократно в течение дня перед едой. Проводится ритмично по 20 секунд (средней силы) нажатием ногтя большого пальца попеременно на обеих руках (минцилах).

РАССТРОЙСТВА ЖЕЛУДКА

(желудочно-кишечные боли)

Наименование точек:

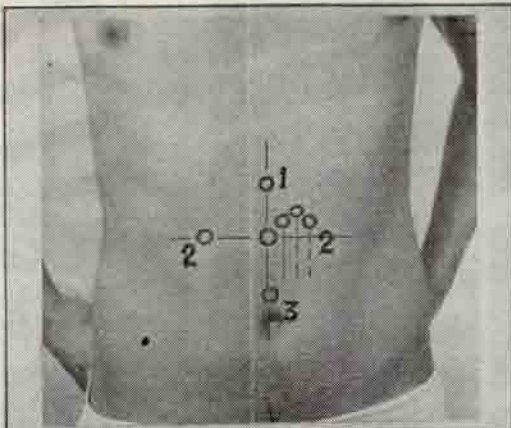
1. -ТУ — ШЕ— спазмы, колики
2. -ТУ — ШИ — (ЛИ)— понос
3. -ТУ — КСИ— запоры

Свойства:

гармонизирующие точки

Воздействие:

только легкая, но длительная (терпеливая) акупрессура. Желательно проведение акупрессуры, лежа на постели. Акупрессура проводится с помощью указательных пальцев. В случае акупрессуры точки -ТУ — ШИ — (ЛИ) — обязательная синхронность с обеих сторон.

БОЛИ В ГОРЛЕ

(воспаления и т. д.)

Наименование точки:

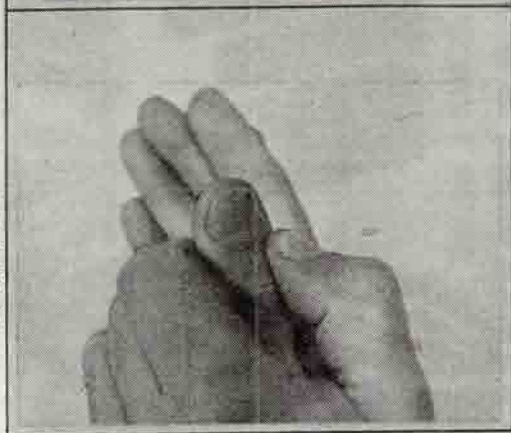
-КСИ — КХИН-

Свойства:

возбуждающая точка

Воздействие:

зажать большой палец руки между указательным и большим пальцами другой руки. Акупрессура проводится со средним усилием, преимущественно с помощью ногтя большого пальца, попеременно меняя руки. Продолжительность — только 10 секунд.

ЖАЖДА

Наименование точки:

-ЮАНЬ — ЦЗЕНЬ-

Свойства:

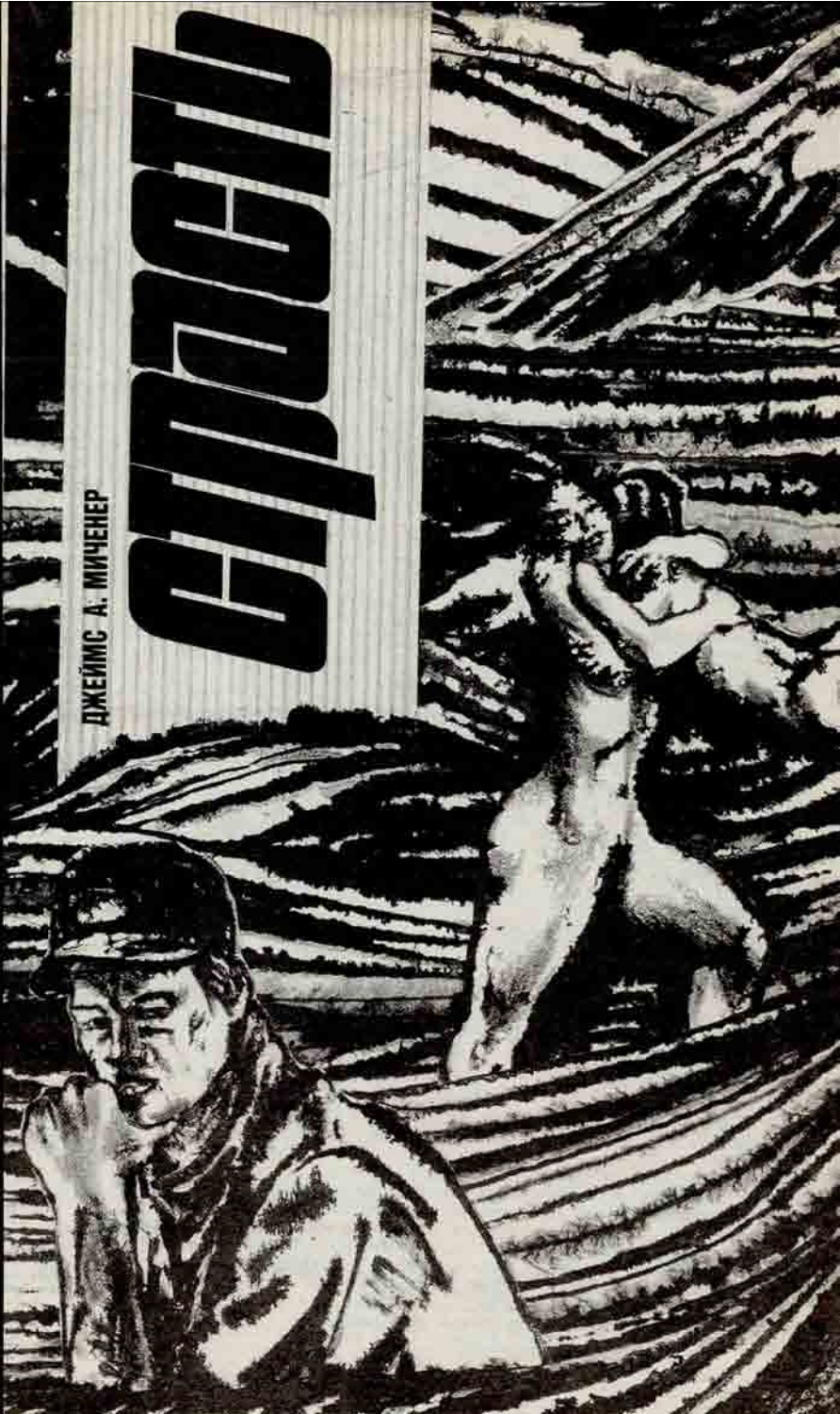
успокаивающая точка (единственная точка слизистой оболочки человеческого организма)

Воздействие:

акупрессура точки слизистой оболочки — ЮАНЬ — ЦЗЕНЬ — которая расположена на расстоянии примерно одного сантиметра от кончика языка, проводится в форме легкого покусывания языка (в данной точке) передними зубами (резцами) с ритмом 20×1 сек. Особенность точки состоит в том, что до сих пор в человеческом организме не удалось определить (локализовать) других точек слизистой оболочки. Поэтому точка ЮАНЬ ЦЗЕНЬ — расположена на центральной линии (меридиане) тела, является единственной Ни в области полости рта и гортани (глотки), ни на половых органах или кишечнике не существует зон акупунктуры и акупрессуры, как не проявляют точек акупрессуры и богатые нервами области (зоны повышенных болевых ощущений)

ДЖЕЙМС А. МИЧЕНЕР

БРАТСТВО

Рисуюнок АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Доктор Поль Беноуэй из Подразделения-8 по техобслуживанию и ремонту самолетов наземного базирования в конце концов оправился от последствий многодневного пребывания на спасательном плоту в океане. Вернувшись в часть, он попытался написать своей жене подробное письмо. Ему хотелось поведать ей о часах ожидания на плоту, молитвах вполголоса, смешанном чувстве глубокого волнения и отчаяния при виде восходящего каждое утро кроваво-красного солнца.

«На четвертый день, когда я снова увидел солнце, — писал он, — я почувствовал себя как ацтек, предназначенный в жертву и ожидающий восхода. Я знал, что, если солнце снова взойдет, надежда еще не потеряна и мир будет спасен. Но, подобно тому же ацтеку, я понимал, что с появлением пылающего огненного светила начнется моя собственная пытка».

Беноуэй остановился и прочитал написанное. Слова звучали фальшиво. Это были не его слова. Он никогда не говорил так со своей женой за все время их совместной жизни и даже в те дни, когда только ухаживал за ней. Он порвал вызвавший раздражение абзац.

«Некоторые люди, — размышлял он, — просто не способны говорить или писать таким слогом».

И постоянно преследовавший его в течение последних лет страх снова всплыл на поверхность.

«Неужели мне недостает страсти? Неужели моя любовь — чувство не того накала, что... — Он не находил подходящих слов и мысленно с трудом пытался подобрать их. — ...не того накала, что у страстно влюбленных?»

Скрепя сердце доктор Беноуэй вынужден был признать, что так и не испытал ту великую страсть, которая полыхала в литературных и драматических произведениях современной Америки. Он встретил Нэнси, свою жену, двенадцать лет тому назад. Она была красива и обручена с его старшим братом Робертом. Закончив медицинский колледж, Поль стал ухаживать за девушкой брата и женился на ней. Порой ночами он не находил себе места от угрызений совести: Роберт выглядел таким несчастным, но даже не пытался помешать ему.

Казалось бы, человек, умыкнувший невесту у своего брата, должен был знать, что такое страсть, однако это было не так. Просто Нэнси была милой и желанной девушкой, сохранившей эти качества и в замужестве. Но безумная, испепеляющая любовь так и не выпала на долю Поля Беноуэя.

Приходилось признать, что либо в нем самом, либо в его жене скрыт какой-то изъян. Он не был склонен к самоанализу, но страх, возникший теперь, когда он пытался сочинить страстное признание в любви, побудил задуматься над своей сексуальной жизнью. Совершенно беспристрастно он пришел к заключению, что абсолютно нормален. С этим вопросом было покончено. Он почти извинялся перед самим собой за то, что вообще поднял его.

«Не знаю, в чем тут дело», — признался себе Поль. Он сидел

в сборно-разборном бараке «Даллас», из которого открывался вид на Тихий океан. Был ранний вечер. Поль выключил свет. Продолжать писать не имело смысла. Он закончит письмо утром. Так или иначе, оно почти закончено, в случае необходимости можно будет отправить в том виде, как оно есть. По крайней мере он сообщил, что цел и не получил серьезных повреждений.

— Нэнси — милая женщина, — размышлял он в темноте. У коралловых рифов волны исполняли свою нескончаемую симфонию. — Отличная жена, любой мужчина позавидует. Красива. Любит своих детей. Поистине украшение жизни. И отнюдь не дурочка! Конечно, не бог весть что в интеллектуальном отношении, но... — Он хлопнул себя по колену. — Черт бы все побрал! Кто дал мне право разбирать по косточкам собственную жену? Если бы не эта проклятая война...

Вот в чем было дело! Если бы не вмешалась эта проклятая, подлая война, миллионы людей вроде Поля Беноуэя продолжали бы скрывать или глушить свои сомнения. Они не торопились бы признаться самим себе, что их любовь потерпела банкротство.

— Но моя любовь вовсе не потерпела банкротство! — громко закричал Поль. — Это... просто... — Он вскочил со стула. — Что на меня нашло? Какая к дьяволу связь между страстью и жизнью на этих скалах?

Его размышления были прерваны стуком в дверь.

— Разрешите войти? — спросил жизнерадостный голос. Поль взглядывался в темноту вечно бодрствующего океана.

— А-а, войдите! — пригласил он. Это был лейтенант Харибсон.

— Благодарю, Поль. Прелестная ночь, не правда ли?

— Да, настоящая тропическая ночь. Эти пальмы, освещенные луной, ну, прямо картинка с календаря, верно?

Харибсон был одет в летнюю куртку, бейсбольную кепку, на ногах — дорогие мокасины. Он еще сохранил густой темно-коричневый загар, полученный за время пребывания на спасательном плоту.

— Надеюсь, что вы не пошли в кино, — сказал он. — У меня к вам просьба, Поль.

— Чем могу помочь, Билл? — Доктору нравилось выручать Харибсона. Всем нравилось работать с лейтенантом.

— Вот в чем дело. — Удобно расположившись на стуле, молодой офицер слегка постукивал хорошо начищенным мокасином о стенку. — Старший цензор задал мне чертовски трудную задачу. — Он кинул на стол письмо. Оно еще не было заклеено, не было на нем и штампа военной цензуры. Внушительной толщины конверт.

— А какое отношение это имеет ко мне? — спросил Беноуэй.

— Это не совсем обычная проблема, связанная с цензурой, Поль, — несколько смущенно ответил Харибсон. — Дело гораздо сложнее, и вы — единственный человек, кто может нам помочь. Единственный офицер, — добавил он тихим, доверительным голосом, который даже на унтер-офицерский рядовой состав действовал неотразимо, заставляя их работать не жалея сил.

— Я польщен, Билл. Рассказывайте. — На лице доктора по-

явилось сугубо профессиональное, присущее лишь медикам, выражение.

— Рассказывать, собственно, нечего. Все вот здесь. — И Харибсон указал на письмо.

— Хотите, чтобы я прочел?

— Да, но, если можно, сделайте это, когда я уйду. — Билл поднялся, смущенно кашлянул и улыбнулся. — Просто прочитайте и скажите мне, должны ли мы принять какие-нибудь меры в отношении этого парня. — Харибсон поклонился и вышел. Его жизнерадостный голос донесся с тропинки, спускавшейся к берегу:

— Я погуляю здесь и вернусь через часок. Мне нужно знать ваше мнение.

Доктор Беноуэй взял в руки конверт и увидел, что под ним лежал другой. Поль подбежал к дверям.

— Билл, — позвал он, — вы оставили мне два письма!

Он услышал быстрые шаги. Харибсон вошел в барак и взглянул на второе письмо.

— Ну, конечно, — звонко рассмеялся он, — это мое письмо. Я принес его вам, чтобы вы поставили свою визу и штамп. Хотелось бы успеть с письмом на лодку, отходящую рано утром, и отправить его самолетом.

— К вашему возвращению я все сделаю, — заверил приятеля Поль.

Харибсон снова удалился, а Беноуэй приступил к чтению письма.

Конверт был грязный, а адрес написан неровным почерком. Автор письма — Тимоти Хьюит, механик-моторист третьего класса. Он был прикомандирован к части, в которой служил и сам доктор. Странно, что он никогда не слышал о Хьюите. Должно быть, тот здесь недавно. Письмо было адресовано жене Хьюита, а может быть, его матери: «Миссис Тимоти Хьюит, 3127, Проспект Бульвер, Эль Пасо, Техас».

Доктор Беноуэй вскрыл конверт и извлек оттуда шесть тоненьких листков, исписанных крупным, четким почерком.

Письмо начиналось словами: «Дорогая, любимая, великолепная и обожаемая Бинго!!!»

Доктор Беноуэй откашлялся. «Ну, вот тебе и страсть! — проворчал он, но ни в голосе его, ни в мыслях не было и тени насмешки. — Вот она — страсть. Как раз то, что я имел в виду».

«Единственная дорогая моя женушка как же я стосковался по тебе и как хочу чтобы ты была рядом со мною в моей маленькой грязной палатке как бы славно мы с тобой провели время и как мне хочется целовать тебя еще больше чем раньше мы бы всю ночь целовались с тобой и делали всякие другие вещи если ты понимаешь что я имею в виду а я пари держу что понимаешь (ха-ха) мы проснулись бы утром хохоча и все было бы прекрасно не правда ли моя любимая моя обожаемая жена а теперь когда я просыпаюсь утром я чувствую лишь пустоту в сердце и испытываю ее весь день даже когда ем эту ужасную бурду которой здесь кормят и называют питанием бойца для меня ты такая же какой я увидел тебя тем чудесным днем в Луисвилле четыре

года назад я вижу тебя так ясно будто ты рядом со мной и так это и будет до скончания века ты будешь в моих объятиях и если я иногда думаю что мне придется прожить без тебя еще один день то лучше уж мне помереть сейчас я сижу в своей палатке и как всегда думаю о тебе я в шортах и так как я сегодня постригся то все шорты у меня в волосах и это очень смешно ты бы посмеялась кабы была здесь но этой ночью я с тобой моя обожаемая любовь в которой вижу все хорошее доброе что только есть на свете я с тобой и мы собираемся идти спать ты говоришь давай Тим пора ложиться нам утром рано вставать а я смеюсь как всегда и говорю что знаю почему ты хочешь идти спать а ты смеешься и говоришь не нужно так говорить Тим и я хватаю тебя и валю на тахту и начинаю стягивать с тебя чулки а ты визжишь и извиваешься и говоришь выключи свет Тим что соседи подумают и я раздеваю тебя до конца и выключаю свет и мы с тобой одни в темноте но я хорошо вижу тебя потому что свет в нашу комнату из кухни Абрахамсонов и вот...»

Доктор Беноуэй вспотел. Далее в письме молодого Хьюита следовало интимное описание его жены, ее физических достоинств, того, как она вела себя во время сексуального акта, а также его собственных ощущений. Доктору Беноуэю еще не приходилось читать подобного письма. «Черт возьми, абсолютно клиническое описание!» — отметил он про себя и еще раз взглянул на последнюю страницу. Письмо заканчивалось поистине ошеломляющим шквалом слов и картин.

— Неудивительно, что цензоры не знают, как поступить! Я и сам не знаю». — Доктор аккуратно собрал листки и снова вложил их в конверт. Держа письмо в левой руке, он задумчиво постукивал ею по столу.

— Разрешите, — раздался из темноты веселый голос лейтенанта.

— Рад, что вы вернулись, — засмеялся доктор; он налил гостю и себе немного виски.

— Судя по вашему тону, вы прочитали письмо, — заметил Харибсон.

— Ничего себе письмецо. — Беноуэй передал конверт лейтенанту.

— Ну уж нет, — засмеялся Харибсон. — Это вы у нас доктор.

— Ума не приложу, что оно может означать, — ответил Беноуэй. — Я ведь не психолог.

— Понимаю, Поль, — голос Харибсона звучал вкрадчиво, — но поймите и вы нас. Могут ли у такого матроса возникнуть конфликты с другими членами экипажа? Как это у нас квалифицируется — поведение, мешающее отдыху личного состава, или что-то в этом роде? Может ли парень как-нибудь ночью сойти с катушек и в результате не только получить по физиономии, но и заработать что-нибудь посерьезнее? Ведь против него будут выдвинуты весьма неприятные обвинения.

— На этот вопрос я вам не отвечу, Билл. Вам лучше знать. Но любой молодой человек раз в жизни может написать такое письмо. У большинства девушек хватает ума сжечь его и никогда не напоминать о нем парню. Такие письма просто эки...

— Вы не понимаете, Поль, — перебил его Харибсон, — Хьюит пишет два-три письма каждую неделю. Иногда пять. И всегда об одном и том же!

Доктор Беноуэй присвистнул:

— Боже, что же это за человек, и где он берет силы?

— Это-то нас и тревожит. Каждый военный цензор — после того, как к нему попадает письмо Хьюита, — тут же бежит к старшему цензору. Тот утверждает, что по виду может сразу отличить человека, к которому впервые попало письмо Хьюита.

— А кто такой, этот Хьюит? Почему я не слышал о нем раньше?

— Он у нас недавно. Перевели сюда, пока мы загорали на плоту. Цензоры подождали, пока я немного приду в себя, а потом подкинули эту работенку. Думаю, так или иначе, с парнем придется разобраться.

— Я бы хотел взглянуть на него, Билл, — предложил Беноуэй.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас!

— Проводить его сюда или в ваш кабинет?

— Лучше сюда.

До армии Поль Беноуэй самых сложных пациентов принимал на дому. Больным при этом казалось, что доктор уделяет им особое внимание. Нэнси никогда не возражала.

И вот перед ним стоял Тимоти Хьюит, механик-моторист третьего класса, а его личное дело лежало на столе.

— Мне зайти позже? — вежливо осведомился Харибсон.

— Да, лейтенант Харибсон, — ответил как можно серьезнее Поль. — Зайдите позже.

— А вы можете вернуться к себе, когда доктор вас отпустит, — сказал Харибсон растерянному матросу. Его ободряющая улыбка успокоила молодого человека.

— Садитесь, Хьюит. Извините, я только просмотрю эти бумаги, — обратился к матросу доктор.

Молодой человек глубоко вздохнул и попытался расслабиться. Он не был напуган, но держался настороженно.

— Что случилось, сэр? Что я такого сделал?

— Хьюит!

— Да, сэр!

— Сядьте!

— Да, сэр!

— Ничего такого вы пока еще не сделали.

Молодой человек глубоко вздохнул и откинулся на спинку стула. Он явно ничего не понимал. Доктор Беноуэй изучал бумаги. Тимоти Хьюит. Среднего имени нет *. 1921 г. рождения. Родители ирландцы. Католик. Луисвилл, Кентукки. Гражданская профессия — пекарь. Женат. Детей не имеет. Начальную подготовку прошел в учебном лагере на Великих Озерах. Отказался проходить подготовку для работы пекарем. Первое место службы — военно-морская база в Сан-Диего, цех сборки

* Второе из двух имен, например, Джордж Бернард Шоу. (Здесь и далее прим. переводчика.)

и ремонта. Дисциплинарных нарушений не имеет. Зубы в порядке. Зрение 18/20 и 20/20. Шрамов на теле нет. Гениталии в норме. О венерических заболеваниях не сообщал. Вес 157 фунтов. Рост 5 футов 7 дюймов. Умственное развитие, согласно данным тестов, среднее. Особых замечаний нет».

Доктор Беноуэй на мгновение задумался. «Среднее, среднее, среднее,— пробормотал он.— А что такое среднее, хотел бы я знать?»

— Хьюит,— решительно произнес он. Молодой человек вскочил.— Можете сидеть.

«Так, значит, в этой оболочке таится такая страсть!» — пробормотал доктор Беноуэй.

— Что, сэр? — спросил матрос.

— Ничего, Хьюит. Просто я размышляю.— Беноуэй окинул молодого человека опытным взглядом командира. Хьюит был аккуратно подстрижен, возможно, в последнее время немного прибавил в весе. Форму он, как большинство ирландцев, носил щегольски и вообще выглядел как обычный нормальный матрос. Глаза ясные, лицо не носило никаких следов порока. Если парень и был психопатом, на внешности его это никак не отражалось.

— Я вызвал вас по поводу этого письма,— неожиданно произнес доктор,— вернее, всех ваших писем.

Хьюит протянул руку к конверту.

— Но ведь это мое письмо, сэр,— произнес он, и в голосе его прозвучали нотки протеста.

— Я знаю, Хьюит. Именно об этом я и хотел с вами потолковать.

— А что в нем такого? Это жене. Там нет ничего про корабли и про всякое такое.

— Никто этого и не говорит, Хьюит.

Матрос несколько успокоился. Он продолжал вертеть письмо в руках. Доктор Беноуэй что-то искал в бумагах. Вот оно. «Образование — десять классов, Луисвилл, Кентукки».

— Хьюит,— начал он. Молодой человек подался вперед, не зная, чего ему еще ожидать.— Хьюит,— повторил доктор,— вы ничего предосудительного в этом письме не видите?

Хьюит развернул письмо и поспешно просмотрел все листочки.

— Нет, сэр,— произнес он,— здесь ничего такого нет.

Доктор Беноуэй откинулся назад и глубоко вздохнул. Все это начинало сбивать его с толку.

— Взгляните-ка на страницу шесть, да, на последнюю страницу, Хьюит. Вы не находите здесь ничего странного? Я хочу сказать, на ваш взгляд, это что, обычное письмо?

— Ох, нет, сэр! — быстро ответил Хьюит.— Это жене моей письмо.

— Я понимаю, Хьюит, но...— Доктор Беноуэй кашлянул.— Язык, Хьюит. Он что, по-вашему, обычный?

Изучая листок, Хьюит слегка покраснел.

— Ну, сэр, ведь это для жены. Поэтому оно немножечко не такое; можно сказать, особое.

Доктор Беноуэй разглядывал озадаченного механика-мотори-

ста. Дурачит он его, что ли? Может, все это специально подстроено, чтобы посмеяться над ним самим? Нет, такие подозрения абсурдны и недостойны джентльмена. Он твердо решил разобраться в этом деле до конца.

— Хьюит, вам следует отдавать себе отчет в том, что подобные выражения и вещи, о которых вы пишете... ну...

— Но ведь это письмо жене, сэр. Для этого мы и поженились. Для этого люди и женятся. Чтобы говорить об этих самых вещах.

— А что по поводу этих писем говорит ваша жена, Хьюит? — вывалилось у Беноуэя.

— Бинго? Ничего не говорит. Нет, и ничего такого.

— А ее письма к вам? Они что, тоже такие? — Доктор Беноуэй указал на письмо, лежащее на столе.

Хьюит улыбнулся.

— Ну, не совсем такие, — сказал он любовно. — Да вот у меня одно как раз с собой. — Прежде чем доктор Беноуэй успел остановить его, он выхватил засаленный бумажник и протянул ему письмо. Оно было из Луисвилла и написано бисерным почерком южанки. — Можете прочитать, если хотите, — произнес Хьюит смущенно. — Ведь вы вроде как доктор.

Полю пришлось по вкусу этот явный комплимент. Он развернул письмо, прочел небольшой кусочек и внезапно взялся за последнюю страничку. Поль прочитал всего несколько фраз — письмо было написано довольно грамотно, — покраснел, будто с ним произошло что-то очень неприличное, и вернул хозяину. Хьюит принял письмо и любовно положил в ветхий бумажник.

— Вы с женой всегда пишете так друг другу?

— Можно сказать, да, сэр.

Беноуэй стиснул зубы и выругался про себя. «Ну ладно, сынок, ты сам попросился, теперь получай».

— Хьюит, — произнес он, — я не знаю, может, вы дурачите меня. Но вот что я хочу сказать. Во-первых, за такое письмо вас могут арестовать и посадить в тюрьму. Ваше письмо, а тем более то, что прислала ваша жена... для цивилизованных людей такое просто немислимо. Просто не принято. Вы бы хоть уважали друг друга. У себя в спальне так разговаривать вы можете, но, если покажете это письмо — любое из них — здесь, на флоте, пойдете под трибунал. Вот и подумайте. — Капитан-лейтенант сверкнул глазами на матроса.

— Но, сэр! — воскликнул Хьюит. — Это моя жена. Я ведь женат на ней. Это не обычное письмо. Оно — жене.

— Черт возьми, Хьюит! Что за игру вы тут со мной затеяли!

— Да нет же, сэр! Я не понимаю, об чем вы говорите!

Было очевидно, что Хьюит вовсе не разыгрывал оскорбленную добродетель, а совершенно искренне был опарашен гневной тирадой доктора.

Беноуэй покачал головой. Может, парень говорит правду? В конце концов письмо ведь реально существует. Он попытался еще раз:

— Скажите, Хьюит, зачем вы пишете такие письма?

— Да это просто письмо Бинго, доктор.

— Вы всегда писали так друг другу?

— Да нет, сэр. Видите ли, Бинго *... я ее так зову. Мы как-то вместе участвовали в этой игре и одновременно крикнули: «Бинго!» Так и познакомились. Мы тогда разделили первый приз в двадцать пять долларов. Так вот, вначале Бинго была жутко странной девушкой. Ее воспитали три сестры-старухи, с которыми она жила. Бинго даже поцеловать себя не давала. А когда мы поженились... Ну, вы вроде как доктор, но только все равно об этом говорить как-то неудобно. Словом, Бинго не больно хотела со мной спать, если можно так выразиться, и, простите за грубое слово, сэр, дела у нас шли паршиво. Однажды ночью я завелся и выложил ей, для чего на ней женился и зачем она вышла за меня. С тех пор все у нас пошло по-другому, как будто весь мир вокруг нас изменился. Ох, и смеялись мы тогда над этими занудами старухами! А потом, когда меня призвали, все оборвалось, я не знал, об чем писать, и наши письма стали похожи на тех занудливых старух. Но как-то вечером я писал письмо, и вдруг мне вспомнилось, как славно мы проводили время, особенно по средам, а была как раз среда, я и описал все, что чувствовал, и ни черта, простите меня, сэр, ни черта об этом не жалею.

Доктор Беноуэй взял со стола письмо, запечатал его, поставил свою визу на конверте и приложил к нему маленький, намазанный чернилами кружок цензорского штампа.

— Вот что я скажу вам, Хьюит,— произнес он.— Впредь сдавать письма на почту будете прямо здесь, договорились? Я уверен, что в них не будет никаких военных секретов. Иными словами, информации любого рода.

— Что вы, сэр, конечно, нет.

— Верю, Хьюит. Но на всякий случай, время от времени, я все-таки буду просматривать ваши письма. А теперь можете идти, Хьюит.

— Но, сэр...

— Да?

— Ведь вы сказали, что мою жену могут арестовать...

— Лишь в том случае, если вы покажете кому-нибудь ее письмо.

— Никогда, сэр! Ведь это от моей жены.

— Вот и хорошо. Доброй ночи, Хьюит.— Доктор протянул молодому человеку руку. Тот с жаром схватил ее, пожал и вышел из барака.

— Уф,— выдохнул доктор, тяжело опускаясь на стул. Его не отпускал страх, что вся эта сцена — непристойная шутка, спектакль, придуманный чьим-то дьявольским воображением. В то же время Хьюит производил впечатление человека, как раз способного написать такое письмо.

«Страсть,— размышлял доктор Беноуэй.— Вот уж поистине Господь отпускает ее людям неравными порциями».

С грустным видом Беноуэй взял свое собственное неоконченное письмо и стал перечитывать его.

* Вид азартной игры, напоминающей лото.

«Дорогая моя Нэнси: (Двоеточие имело весьма устрашающий вид, но доктор Беноуэй начинал так все свои письма. Уже давно он где-то вычитал, что «в начале письма двоеточие — всегда на месте. Оно придает посланию официальность и по характеру своему универсально, ибо пригодно для всех случаев жизни, особенно, если вы затрудняетесь в выборе наиболее подходящей формы обращения».)»

Беноуэй читал дальше: «Хочу сообщить тебе, что недавно попал в весьма серьезную переделку, но все закончилось благополучно, и я ничуть не пострадал. Детали этого маленького приключения я смогу рассказать тебе только при личной встрече. Сейчас же придется ограничиться лишь очень сжатым изложением событий, но цензура может «урезать» и это краткое описание».

Некоторое время тому назад я участвовал в обычном плановом полете над океаном. О целях этого полета ты, вероятно, догадаешься сама. Как порой случается, наш самолет попал в неприятную ситуацию, и мы вынуждены были опуститься на воду. Нам без особого труда удалось спустить спасательный плот, и вскоре мы были уже на нем.

Не очень приятно писать тебе об этом, но, к сожалению, наши запасы воды и провизии были не слишком велики. Мне доверили весьма важную миссию — распределять провизию и воду. Я сделал все, что мог, и, хотя люди жаловались на маленькие размеры порций, никто ни разу не упрекнул меня в несправедливости.

Представители военно-морского флота уже объявили, что мы дрейфовали в течение четырех дней. Некоторые из нас получили сильные солнечные ожоги. Никто не избежал простуд, но должен тебе сказать, что, когда я думаю о тех несчастных, которым пришлось провести в открытом океане двадцать или тридцать дней, я почитаю себя счастливымчиком, ведь нас спасли так быстро.

Вечером четвертого дня, после двенадцати часов под палящим солнцем без единой капли дождя, в сгущающихся сумерках мы увидели корабль, но нас с него не заметили. Наш командир сразу же вычислил, и мы взяли за весла. Мы гребли и молились. Судно шло мимо нас, и я думал, что сердце у меня разорвется, но в темноте — ибо стало совсем темно — маленькая собачонка на борту судна учуяла нас и залаяла. Конечно, мы ее не слышали, но, когда нас поднимали на борт, она все еще лаяла. Это была маленькая собачка, помесь вроде той, что держали Бакстеры, но мне она казалась едва ли не самым прелестным четвероногим созданием в мире.

Любимая, все время, пока я был на плоту, а затем на борту корабля, я думал о тебе. Было бы ужасно никогда больше тебя не увидеть. Однажды нам пришлось очень туго — плот зачерпнул воды. Я молился как безумный и в своих молитвах упоминал тебя. Я не хочу, Нэнси, чтобы ты волновалась. Сейчас я в полном порядке. Когда представляю, что пришлось пережить другим, мне немного стыдно, но, должен сознаться, я горжусь тем, что держался не хуже остальных. Лишь однажды я потерял присутствие духа. На четвертый день, когда снова увидел огромное солнце...

Далее шла та часть об ацтекской жертве, которая показалась ему фальшивой.

По сравнению с письмом Хьюита послание Поля было не бог весть что, и он сознавал это. Рассказывая о том, как он упоминал имя Нэнси в молитвах, Поль ни словом не обмолвился, что на самом-то деле молился не Богу, а Нэнси. В те минуты ее образ заслонил собой все, даже океан. Один из стрелков тогда спросил его:

— На что вы там смотрите, док?

И он ответил:

— На океан.

В те жуткие мгновения, когда судно уходило от них в темноту, а они не отрывали от него глаз, Поль думал не о своем одиночестве в океане, а лишь о том, что безмолвный корабль похож на Нэнси. Вот так же величаво и спокойно она выплывала из комнаты, и глаза всех присутствующих были прикованы к ней. Не написал он и о том, как умилился при виде маленькой лохматой собачонки — она так напомнила ему головку спящей Нэнси, с волосами, разметававшимися по подушке.

«Нет, — решил он, — разорву это письмо и напишу новое. Ведь все было не так, как я описал. Мои переживания были гораздо глубже. Господи, ведь ничего подобного я никогда в жизни не испытывал. Я расскажу Нэнси о том, что... и той роли, которую она сыграла в этом».

Он взял чистый лист, но при этом нечаянно перевернул незаклеенный конверт Билла Харибсона. Обычно, как и все офицеры, Поль лишь визировал почту, отсылаемую приятелями, но сегодня он почему-то лениво вертел письмо в руках. Он открыл конверт и взглянул на первую страницу. Взгляд его невольно задержался на обращении. «Моя Единственная Возлюбленная Линор!» — начиналось письмо. Автоматически, по привычке всех цензоров, Беноуэй бросил взгляд на конверт, чтобы проверить, адресован ли он жене Харибсона или одной из женщин, с которыми тот состоял в переписке. Письмо было адресовано миссис Билл Харибсон, 188 Лома Пойнт, Альбукерк, Нью-Мексико.

Поль Беноуэй долго изучал обращение — «моя Единственная Возлюбленная...». Именно так хотел бы он обратиться к своей Нэнси, ведь поистине она была его единственной, его возлюбленной. Никакой другой женщины на ее месте он и представить себе не мог. Но начать так письмо было для него немислимо, а уж произнести эти слова вслух его не заставила бы никакая сила. Между тем в письме Харибсона они были на месте.

Беноуэй механически прочитал первую страницу. Затем, сам того не желая и испытывая чувство неловкости, прочел все письмо, пульсирующее страстью.

«Моя Единственная Возлюбленная Линор!

Родная, я только что вернулся из путешествия едва ли не в «царство Аида» и вернулся, любя тебя еще сильнее, чем прежде. Мне нужно столько рассказать тебе, что я, право, не знаю, с чего начать. Я понимаю, что мой рассказ причинит тебе

боль, но, любимая, каким бы ужасным ни показалось тебе это испытание, знай, оно сблизило нас теснее, чем все прежние дни нашей счастливой жизни.

Мы выполняли весьма опасное задание в районе дислокации японцев. (Доктор Беноузэй слегка возмущился. Это был обычный полет в Нумеа за свежими овощами. Харибсон же отправился с ними, чтобы переспать с какой-нибудь француженкой в Луана Пори.) Вооружение нашей летающей лодки оставляло желать лучшего, но командир наш был человеком несгибаемой воли. Когда мы собирались в путь, я подумал, что, если нашей лодке придется вести бой с целой стайей стервятников, лучшего командира, чем Джо, нам не найти. И интуиция меня не подвела.

Мы летели на высоте трех тысяч футов в районе острова... (В этом месте Харибсон вырезал часть письма, желая создать впечатление, что тут поработали ножницы бдительного цензора.) Должен признаться, я почти задремал, как вдруг услышал крик стрелка: «Самолеты противника на семь часов!»*. Самолетов было два. То, что они летели на большой высоте, также давало им преимущество. Все в летающей лодке приготовились к бою, но, прежде чем я успел добраться до пушки, первые пули уже прошли обшивку нашего самолета. Один из стрелков был ранен в ногу.

К счастью, с нами был доктор. Ты помнишь, я писал тебе о докторе Беноузе? Так вот, он мгновенно оказал помощь раненому стрелку. Но японцы уже возвращались, и мы были бессильны остановить их. Пули вновь поразили наш неуклюжий самолет. Японцы совершили еще четыре захода, и, хотя наши стрелки делали все, что было в их силах, мы ни разу так и не зацепили «желтых дьяволов».

Во время шестого захода один из японцев вывел из строя оба наши мотора, и самолет круто пошел вниз. Японец потерял нас из виду, и это дало нам несколько драгоценных минут.

Мы падали в море, и в эти ужасные мгновения я думал только о тебе. Сердце мое бухало, как гигантский барабан — «Линор, Линор». В последний момент нашему великолепному пилоту удалось выровнять машину и посадить ее прямо на гребень волны. («Боже,— подумал Беноузэй,— мы преспокойно спланировали с высоты полутора тысяч футов. Слава Богу, на море был полный штиль, да и японцев нигде не было видно. Какой-то идиот механик забыл два больших куса наждака в масляном баке. Как уж он умудрился, не знаю».)

Едва мы опустились на воду, как проклятые японцы оказались тут как тут. На нас обрушился шквал огня. Раненый стрелок был убит, но тут на горизонте показались два американских истребителя. Японцы их тоже заметили и приготовились ретироваться. Начался упорный воздушный бой. Три самолета, охваченные пламенем, рухнули в океан. Последний американский истребитель, идя буквально на одном крыле, исчез в наступающих сумерках. Мы не знаем, добрался ли он до берега или нет, но, где бы этот парень сегодня ни находился, помолись за него,

* Метод целеуказания по условному часовому циферблату.

ведь этот герой спас нескольких беззащитных соотечественников.

Нас было восемь на этом плоту. Я не буду рассказывать тебе о наших невзгодах и страданиях. Если бы не железная воля командира и искусство доктора Беноуэя, немногие из нас смогли бы сегодня отправить письма любимым. Днем — пекло. Ночью — холод. Нас мучила лихорадка, у нас было мало еды и воды. За их распределение отвечал доктор Беноуэй, и...

Возлюбленная! Я расскажу тебе об этих пятнадцати днях, когда твои прохладные руки вновь обвоют меня, даря покой и забвение. Сейчас достаточно сказать, что мы были спасены. Главное, что на протяжении всех этих жутких дней и одиноких ночей ты была со мной. Твое лицо глядело на меня со звездного неба, а когда лучи палящего солнца падали на наш бедный плот, ты заслоняла меня от их беспощадной ярости. Я громко зывал к тебе, и когда надежда осеняла нас своими крыльями, ты была со мной. Однажды нас целый день сопровождала чайка, она надеялась получить крошки еды, но нам ее и самим не хватало. Ребята видели в этой птице добрую примету, а я видел лишь тебя. Ее нежная белизна была — ты. Ее постоянство — ты. Плавные взмахи ее крыльев — твоя восхитительная походка, а когда белоснежную птицу скрыли густые сумерки, мне показалось, будто это тайна нашей любви укрывает тебя самое. «Две коричневые птицы, — пробормотал Беноуэй, — никаких чаек не было и в помине».

Моя возлюбленная жена, если мне суждено прожить еще сто лет, ты никогда не будешь мне ближе, чем той ночью. Я понял тогда то, о чем раньше лишь смутно догадывался: самое дорогое, что у меня есть в этом мире, это ты.

Мое тело, сердце, моя бессмертная душа рвались к тебе, и, когда пришла помощь, спасение мне принесли не грубые мозолистые руки моряков, а твои родные нежные руки.

Быть может, когда я снова увижу тебя, то смогу рассказать все, но сегодня спи спокойно, родная, ибо любовь моя мчится к тебе на крыльях через просторы безбрежного океана.

Ты моя навеки, до тех пор, пока не перестанет биться мое сердце и время не прекратит для нас свой бег. Я люблю, люблю тебя, о моя родная!»

Полю Беноуэй вытер вспотевший лоб и прислушался к тяжело-му рокоту океана. Как и все офицеры их части, он знал, что у Билла Харибсона были серьезные неприятности из-за женщин. Он слышал о шальных выходках Билла в Луане Пори и о его романе с медсестрой-блондинкой. Но он понимал также и другое — Харибсон прикоснулся к самой трепетной и сокровенной тайне человеческого бытия, а многим, в том числе и ему, Полю, это не дано.

Как Харибсон пришел к постижению этой тайны? Каким ключом он отомкнул свое сердце, коль скоро теперь оно лежало открытым и он мог дарить его другим? Что пользы в законах морали, в отжившей мудрости, если они вяжут вас, как грубые путы, а вот другие не таят самого сокровенного и живут так, как сподобил жить человека сам Господь.

Доктор Беноуэй повторял слова нежности, написанные Биллом. Это были его слова. Они выражали его чувства! «Важно, что на протяжении всех этих жутких дней и одиноких ночей ты была со мной... плавные взмахи ее крыльев — твоя восхитительная походка... мое тело, сердце, моя бессмертная душа рвались к тебе...»

Внезапно он схватил свое неоконченное письмо. Его палец, заскользив по строчкам, быстро добрался до фразы: «Когда я представляю, что пришлось пережить другим, мне становится немножко стыдно, но должен сознаться — я горжусь тем, что держался не хуже остальных. Лишь однажды я потерял присутствие духа». Беноуэй зачеркнул последнюю фразу и взял чистый лист бумаги. Кому какое дело, что он потерял присутствие духа, когда ему в голову пришла мысль об ацтекской жертве богу солнца. Все это чертовски глупо в сравнении с тем, о чем писал в своем письме Билл Харибсон.

Опасливо оглянувшись по сторонам, как школьник, списывающий со шпаргалки, он положил перед собой письмо Билла и принялся быстро переписывать его.

«Возлюбленная, я расскажу тебе об этих днях, когда твои прохладные руки вновь обовьют меня, даря покой и забвение». С лихорадочной поспешностью, будто слова Билла наиболее точно отражали его собственные сокровенные чувства, он переписал две последние страницы письма Харибсона. Его перо быстро царапало бумагу. «Я люблю тебя, я люблю тебя, о моя родная!» Он бросил ручку и взглянул на последнюю строчку. В его письме она была явно не на месте. Никогда в жизни не произносил он ничего подобного. «О моя родная! (Преглупо звучит — Клементина, Клементина, о родная Клементина.) Ты ушла, ушла навеки, так прости ж меня, прости!»

Да нет, неплохо! Он вновь принялся напевать песенку, и его стал разбирать смех. Ему было удивительно легко и хорошо. Пританцовывая, он вложил письмо Билла Харибсона в конверт, запечатал его, поставил штамп. Все еще пританцовывая, он аккуратно разорвал последнюю часть своего собственного письма. Смеясь уже во весь голос, Поль подписал ту часть письма, которую сочинил до прихода Харибсона. Подписал так: «С любовью, Поль».

**Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА ЗУБКОВА.**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КОММЕРЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ПО ПРОБЛЕМАМ
МОЛОДЕЖИ

ПЕРЕСВЕТ ПЕРЕСВЕТ

ЗАОЧНЫЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ

Преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета, имеющие большой опыт работы с абитуриентами, ведут занятия, опираясь на анализ ошибок, допущенных на вступительных экзаменах в последние годы.

Предметы: литература, история, биология, химия, математика, физика, русский и иностранные языки.

Сплав личного опыта преподавателей и специальные разработки Лаборатории безотрывных форм обучения обеспечивают высокую эффективность курсов.

Набор на курсы проводится:

9-месячные — с 1 сентября

6-месячные — с 1 декабря

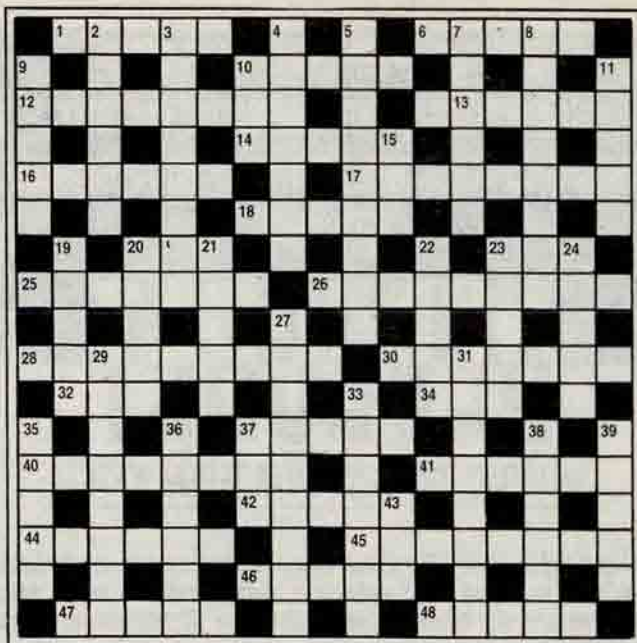
3-месячные — с 1 февраля

Для слушателей заочных курсов, приехавших поступать в СПбГУ с 16 июня, 1 июля и 4 августа, организуются краткосрочные обобщающие курсы. Заявки подавать методистам заочных курсов.

АДРЕС:

Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62,
Экономический факультет СПбГУ.
«Пересвет».

Телефоны: (812) 213-25-57; 218-94-64.

ЭРУДИТ По горизонтали:

1. Ткань, с которой А. Апухтин в поэме «Год в монастыре» сравнил убранство гигантской сосны. 6. «Поисковый инструмент» А. Пушкина как поэта, — по его признанию. 10. Священник, живущий (с апостольских времен) в строгом воздержании. 12. Компилятор, заимствующий целые фрагменты из разных источников. 13. Немецкий город, который его жители ласково называют «миллионендорф». 14. Эмират, где до 1971 года денежной единицей был риял. 16. Больница типа приюта для больных раком. Первая открыта в Англии в 1967 году. 17. Прежнее русское название декольте. 18. Сосуд, с которым при обряде причащения священник выходит из алтаря. 20. Злой демон, чьи следы ведут к «снежному человеку», в мифологии белуджей. 23. Город в «серебряной» стране. 25. Французский художник. До него, по словам Л. Гуртика, «никогда еще так не изображали ту атмосферу нежности, которой дышат любящие существа». 26. Маленький буревестник (еще его называют питоном). 28. «Лесное...» — выражение из рассказа Л. Тика «Белокурый Экберт», ставшее любимым у немецких романтиков. 30. Совокупность окраски птицы. 32. Крылатое животное на гербе Венеции. 34. Чувство, отличающее собаку и шлика. 37. Знаменитая французская книга XVI века, ставшая, по терминологии Фукидида, «достоянием на века», хотя сам автор в одной из последних глав говорит: «Я пишу свою книгу для немногих и на немногие годы». 40. Русский странник. Учился в школе для слепых в Москве. Английский изучал в Лондоне. В Токийском университете преподавал эсперанто. На основе русского фольклора писал

на японском языке сказки. Затем переехал в Китай, где Лу Синь перевел и издал их. 41. ... да и вон (требование удалиться). 42. Два квартета. 44. Посыльное судно при галерах в XIII — XVI веках. 45. Французский писатель, чья единственная книга восходит к Теофрасту и Мениппу. 46. Живая машина закона в романе В. Гюго. 47. Причина, по которой душа уходит в пятки. 48. Старинное название лебежки, лентяя.

По вертикали:

2. Горный лен. 3. «Знаменитый толстяк в Англии» (У. Фолкнер. «Особняк»). 4. Каждый из жителей США, которых специальные консультанты из Нью-Йорка прилетали обучать «правильно тратить деньги». 5. Спутница зла. 7. Каждый из двух оленей в книге К. Арсеньева «Дерсу Узала», сцепившихся рогами и погибших. 8. Поэт, ссылаемый в Сибирь, которому на похоронах Н. Добролюбова собрали по подписке около четырехсот рублей серебром. 9. Старуха в «Цветях запоздалых» А. Чехова, заявившая, «что у княгини есть товар, а у нее, старухи, купец». 10. Греческий бог, чьим волшебным шлемом воспользовался Персей, добывая голову Горгоны. 11. Католик по церковным догматам, но православный по церковным обрядам. 15. Импровизация кумыкского певца-сказителя. 19. «Первооткрыватель» Олимпийских игр. 20. Осип Евсевич в романе А. Герцена «Кто виноват?» как ходячая энциклопедия по канцелярским делам. 21. Бразильское «дерево слез». 22. Композитор, собравший около двух тысяч латышских народных песен. 23. Растение, давшее зерно для испытания андерсеновской принцессы на чистоту крови. 24. Народ, чье название русские в XVII веке переняли от эвнков. 27. Врач древности, говоривший: «Медик, не знающий астрологии, не специалист». 29. Получательница алиментов как юридическое лицо. 31. Автор справок. 33. Каждый участник «свадебного бунта» в Астрахани (1705 год) против петровских новшеств, вызванного слухом, что из Казани пришлют «немцев», «за которых отдадут замуж всех девиц». 35. Средоточие корабельного дела. 36. Человек глазеющий. 37. В поэме «Алхимик» А. К. Толстой устами героя говорит, что человек со всеми его чувствами, желаниями и помыслами «есть та же сила мирозданья! Не в пыльной келье мудреца я смысл ее найду глубокий — в живые погрузить сердца я должен мысленное...!». 38. Немецкий писатель романтического направления, которого С. Цвейг назвал «мастером умирания». 39. Пристань на реке, в бассейне которой действует Лагодехский заповедник. 43. Восточный музыкальный инструмент в виде двух чаш из тутового дерева.

279

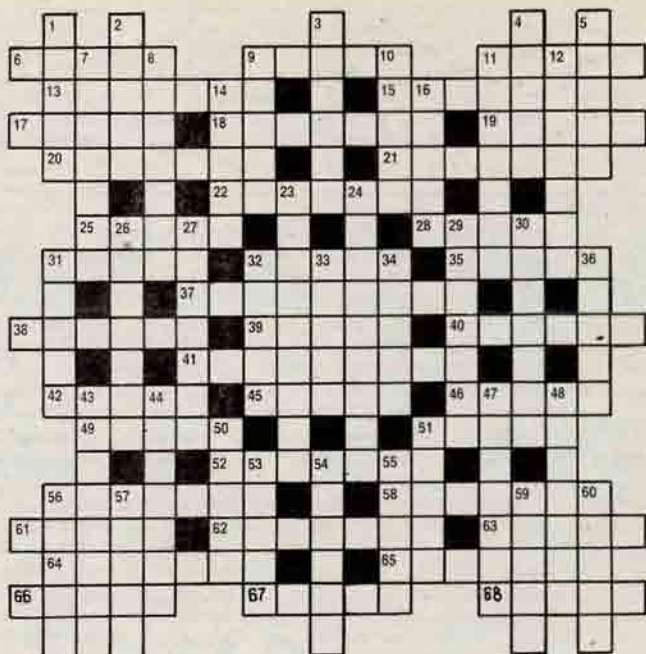
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

1. Соболь. 6. Мщение... 10. Серна. 11. Беринг. 12. Хлопок. 13. Дневник. 14. Кротон. 17. Рудаки. 18. Каноз. 19. Аргон. 24. Вдохновение. 25. Роден. 27. Майна. 28. Эстезиометр. 32. Фенек. 33. Черви. 37. ...орудие... 39. Цеолит. 40. Златник. 41. Чтение... 42. Булава. 43. Авгий. 44. Ятаган. 45. Юрмала (курорт).

По вертикали:

1. Собака. 2. Барток. 3. Лондон. 4. Весна. 5. Университет. 7. Щелкун. 8. Наплав. 9. Евклид. 12. Хирон. 15. «Тарханты». 16. ...носок. 20. Одран. 21. Перспектива. 22. Сормово. 23. Нефть. 26. Живец. 29. Шееле. 30. Гончая. 31. Мурина. 32. Физика. 34. Ренуар. 35. «Илиада». 36. ...отрада... 38. Мидия.

КРОССВОРД
Составил
Л. Бирюк,
Поти,
Грузия

По горизонтали:

6. Город в Германии. 9. Игра в обручи. 11. Римский поэт, автор поэмы в десяти книгах о войне Цезаря с Помпеем. 13. Водопроводный мастер в «Золотом тельенке» И. Ильфа и Е. Петрова. 15. Инструмент, необходимый альпинисту. 17. «Вместе с бедностью дал мне батюшка лишь один... — силу крепкую» (А. Кольцов. «Раздумье селянина»). 18. Музыкальное произведение траурного характера. 19. Цветок. Чтобы дольше стоял в воде, срез присыпают золой, солью или квасцами. 20. Руда серебристо-белого металла. 21. Титул Рошфора в «Трех мушкетерах» А. Дюма. 22. Русская ручная пища. 25. Ревностный приверженец учения, идеи. 28. Русский физик, создатель гальванопластики. 31. Высокая ограда. 32. Шведский геофизик и океанограф, создатель теории дрейфовых течений. 35. Царские... — главный вход в алтарь. 37. Советский мастер художественного текстиля. 38. Набор бронзовых гонгов в Индонезии. 39. Восточный безворсовый ковер. 40. Хребет на Северном Кавказе. 41. Прибор для измерения скорости газов в трубах, каналах. 42. Историческая провинция Франции. 45. Марка велосипеда, на котором катался Л. Толстой. 46. Разведывательный и посыльный корабль русского флота. 49. Любимое Ф. Тютчевым явление природы. 51. Наука о должном в системе И. Канта. 52. Американский писатель. 56. Индийское религиозно-философское учение. 58. Болван, глупец. 61. Феодалная вотчина в средневековой Англии. 62. Род верев. 63. Ореховое дерево, из которого долго делали клюшки для гольфа. 64. Форма средневекового двухголосного пения. 65. Город, упоминаемый в «Песне о Каховке». 66. Льяной хвост стального

коня (загадка). 67. Вещество для умягчения воды. 68. Воложка, гирло, полый, речиче, стародонье (общее название).

По вертикали:

1. Обалдуй с точки зрения Моргача (И. Тургенев. «Певцы»). 2. Друг, приятель на Кавказе. 3. Гимнастический снаряд. 4. Совет в Монголии. 5. Французский писатель, сделавший крылатым выражение «Аппетит приходит во время еды». 7. Государство франков — королевство, государство Аббасидов — ... 8. Атрибут дома моды и ателье. 9. Помещение в греческом театре для переодевания актеров. 10. Автор повести «Зависть». 11. Радар. 12. Цирковой трюк. 14. Первая профессия поэта И. Богдановича. 16. Мели, ..., твоя неделя (о болтуне). 23. Советская балерина. 24. Прибор для определения площади. 26. Чингачгук как представитель союза индейских племен. 27. Пристанционный склад. 29. Равносторонний прямоугольник. 30. Кустарник, чьи листья жуют в Абхазии, что, по поверью, способствует долголетию. 31. Башня, колонна. 32. Остекленный выступ, проходящий через несколько этажей. 33. Тюрколог, открывший и издавший совместно с В. Радловым текст «Сутры золотого блеска». 34. Знак регистрации. 36. Французский ученый, установивший связь полярных сияний с магнитными бурями. 43. Взрывчатое вещество, применяемое в шахтах. 44. Помощница, участница в деле (по В. Далю). 47. Советский эстрадный артист. 48. Название Сергиева-Посада до недавнего времени. 50. Французский физик, создатель масс-спектрографа. 51. Бельгийский художник, автор картины «Русская музыка». 53. Река в Индии. 54. Эстонский живописец. 55. Минерал в виде зерна, шарика. 56. Полулегендарный вождь новгородцев. 57. Предмет для игры в шахматы. 59. Овощ. 60. Тип легкового автомобиля.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

5. Шаванн. 8. Буклет. 11. Роза. 12. Слон. 13. Залом. 15. Терса. 16. Скриб. 18. Дарио. 19. Браслав. 22. Остин. 23. Факсимиле. 24. Канал. 26. Семинол. 29. Питон. 32. Велюр. 35. Бодун. 36. Перст. 37. Нора. 38. Коти. 39. Милорд. 40. Ханака.

По вертикали:

1. Карась. 2. Зазор. 3. Эклер. 4. Цензор. 6. Волк. 7. Намиб. 9. Устав. 10. Лори. 14. Гостиница. 17. Броккен. 18. Данилов. 20. Ассам. 21. Лиман. 25. Япония (Кавабата). 26. Сонар. 27. Лепка. 28. Ерсика. 30. Идол. 31. Турок. 33. Леоне. 34. Юрта.

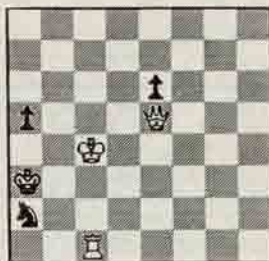
Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

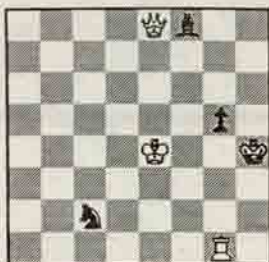
Наконец, судя по нашей читательской почте, любители шахмат, оповещенные о нашем конкурсе составления задач-миниатюр, активно включились в творческий процесс. Некоторые составители присылают свои композиции буквально десятками. Естественно, все присланные композиции попасть на страницы журнала не могут, публикуются только лучшие, но все они будут рассмотрены жюри на равных правах. В сегодняшней подборке удалось равноценно представить все жанры ортодоксальной шахматной задачи.

37. В. ПОПОВ
Самара

Мат в 2 хода

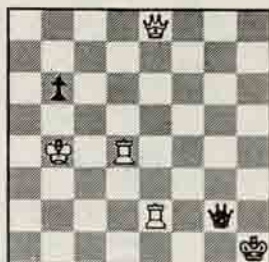
38. А. ПОСТНИКОВ
Харьков

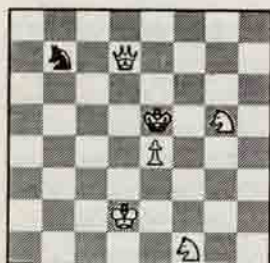
Мат в 2 хода

39. А. СЕЛИВАНОВ

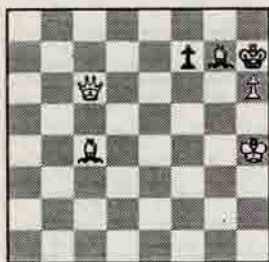
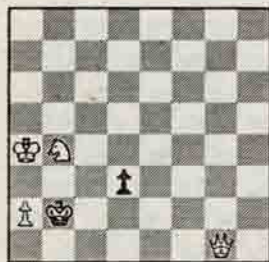
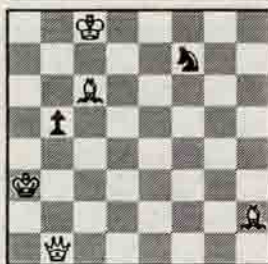
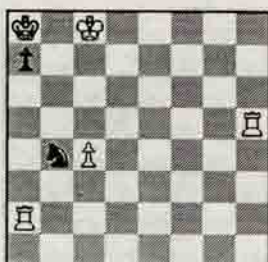
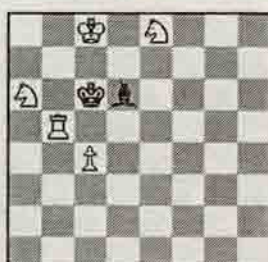
г. Краснотурьинск Екатеринбургской обл.

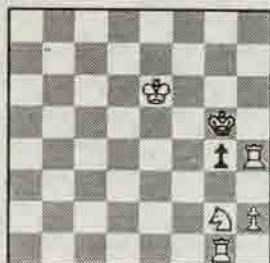
Мат в 2 хода
Близнец: б) Kph1-g1

40. М. МАРАНДЮК*г. Новоселица Черновицкой обл.***Мат в 2 хода**

Близнецы: б) Крd2—h6, в) Кf1—a6

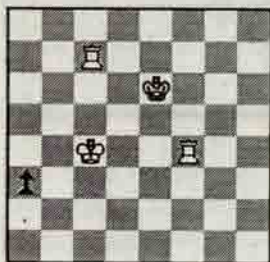
41. В. АЛЕКСАНДРОВ*Иваново***Мат в 2 хода****42. АН. КУЗНЕЦОВ***г. Реутов Московской обл.***Мат в 3 хода****43. Е. ФОМИЧЕВ***Нижний Новгород***Мат в 3 хода****44. Л. ГРОЛЬМАН***Казань***Мат в 3 хода****45. С. ЦЫРУЛИК***д. Озераны Гродненской обл.***Мат в 3 хода**

46. Ю. БАГРЕЦОВ
г. Ухта

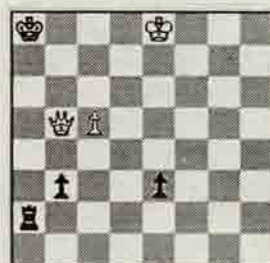
Мат в 3 хода

47. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

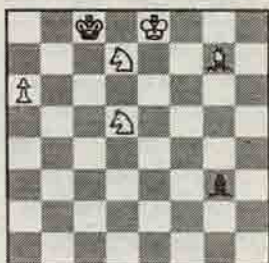
Мат в 4 хода

48. С. ТКАЧЕНКО
с. Приазовское Запорожской обл.

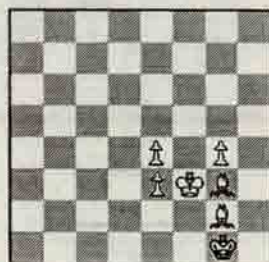
Мат в 4 хода

49. М. МАРАНДЮК
г. Новоселица Черновицкой обл.

Мат в 4 хода

50. В. АНТИПОВ
г. Боровичи

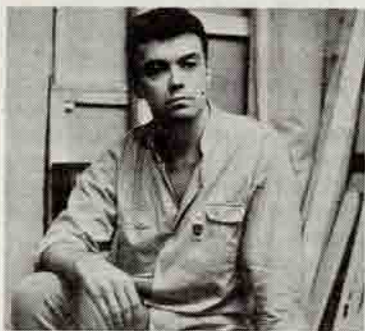
Мат в 6 ходов
Близнец: б) п.g4-e2

51. Л. БРАУДЕ
Екатеринбург

Мат в 10 ходов

АДВОКАТ

285

Вадим Мещанинов не принадлежит к тем «авангардистам по профессии», для которых неучастие в официальных структурах Союза художников — вопрос престижа. Быть может, стилевое и социальное самоутверждение нынешнего поколения — предание прошедшего времени. Оно мыслит себя не ниспровергателем, а искателем мостов с прошлым и не придает особого значения эпатажу, выпячиванию своего творческого «я» на

фоне руин прежних систем, или же дешевым коммерческим трюкам. Все это надоело. Избалованную московскую публику подобное уже не прельщает. Равно как сделалось необязательным ежесезонное выдумывание и приклеивание к полотнам высокоумудрого «изма».

Когда молодой живописец не пытается выдавливать из себя нечто сверхоригинальное и невиданное, а мыслит свободно и просто — то результат впечатляющ. Можно было бы порассуждать о присущей неоавангарду склонности брать из прошлого знакомые методы и перемешивать их в парадоксально-неожиданной форме. Это у Мещанинова есть. Но разложение на подобные составные части мало что расскажет о своеобразном видении мира художника. Разве что раскроет специфику его творческой лаборатории.

А для Вадима, учившегося на музейной классике, славные имена корифеев означают еще и последовательное становление собственного творчества. Он рассказывал, например, что очень методично писал свои композиции в духе кубизма, затем абстракционизма, а далее — сюрреализма в стиле Хуана Миро и Макса Эрнста, создавая в этих манерах пробные холсты. Когда рука и глаз привыкали, наступала пора следующего этапа, который откладывался в образной памяти какими-то важными черточками, приемами подхода к отображению видимого. В результате появился мастер, профессионально владеющий практически всеми известными авангардистскими системами.

В работах Мещанинова мы сталкиваемся с изображением мыслящего, мятущегося и остро переживающего человека. Этому подчинены и сюжет, и даже интригующая мизансцена с множеством сложно взаимодействующих фигур

(недаром Вадим симпатизирует классикам многофигурных полотен — Веласкесу, Тьеполо, Сурикову, Брюллову, Веронезе...). И острый, доходящий до гротеска психологизм состояний, даже отчетливо выраженная мимика лиц, зачастую искаженных гримасами бурных страстей — жадности и героического преодоления, скорби и благостного покоя — как закономерного итога примирения с миром. И высокий накал философской мысли, рассуждений о бытии и пороке, о сострадании и алчности.

У Вадима практически нет того, что присуще «искусству для искусства» — наслаждения цветовыми переливами, нюансами «вкусных» созвучий тонов: содержательное наполнение перевешивает. Рука живописца уверенно проводит контуры, «вписывает» мощные и энергичные фигуры в фоновое окружение. Все пронизано гибкими квадратами и прямоугольниками. Все нестабильно, переменчиво.

Аллегория у Вадима одинаково прозрачна и зашифрована. Куда несутся, спотыкаясь и давя друг друга, перемальвая кости, герои его картин, оторвавшиеся от своего дома и естественных корней? Быть может, на микельанджеловский Страшный суд? Или в преисподнюю Блейка?.. Не в этом ли смысл происходящего в истории нашей страны?..

Вадим Мещанинов тонко уловил, осознал для себя, что мы воистину обречены на «вечный ренессанс» противостояния Добра и Зла. Художник вбирает в себя все неординарное и неоднозначное в бытии. Вот почему что ни сезон, то очередная творческая удача. Импульса поиска «нового в прошедшем» хватит, судя по всему, надолго. Впрочем, поживем — увидим...

«СМЕНА»-93

это — произведения лучших мастеров классического детектива, мистической прозы и фантастики,

это — встреча с неутомимым Львом Туровым в новом романе Николая Леонова,

это — романы Роберта Блоха «ПСИХОПАТ» (2-я часть), Френсиса Вильсона «ЗАСТАВА», Трегори Макдональда «ФЛЕТЧ», С. Пола Рида «НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ» и другие.

СП-1

Министерство связи СССР
„Союзпечать“

АБОНЕМЕНТ на	70820
«СМЕНА»	журнал (индекс издания)
Количество комплектов	I

на 1993 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

ПВ	место	ли- тер	на журнал	70820	(индекс издания)

«СМЕНА»

Стои- мость	подписки пере- адресовки	руб. руб.	коп. коп.	Количество комплек- тов	I
----------------	--------------------------------	--------------	--------------	-------------------------------	---

на 1993 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

уда (почтовый индекс) (адрес)

ому (фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-93

Это 39 рублей за один номер, 117 рублей — за три. Полугодовая подписка — 234 рубля. Принимается она без ограничений всеми отделениями связи, но, если Вы хотите получать журнал с января, постарайтесь оформить подписку до 30 сентября.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

ВАДИМ МЕЩЕРЯКОВ. «Агония». Триптих.

«Мужской разговор». Диптих.

«Христос и сыновья».

«Геометрия жизни». Триптих.

(Читайте стр. 285.)

ИНДЕКС 70820.

АЛЕКСЕЙ ГЛЫЗИН

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ: